1M
3-17

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ РККА
УПРАВЛЕНИЕ по ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

ПОДГОТОВКА РОССИИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОТНОШЕНИИ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. П. ПАВЛОВИЧА

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 58

ИЗДАНИЕ
ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ УПРАВЛЕНИЯ
ДЕЛАМИ НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР
1926

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
М 58738/8

ВОЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
УПРАВЛ. ДЕЛАМИ НАРКОМВОЕНМОР И РВС СССР
Пл. Урицк., 10. Ленинградский
Гублит № 19267
Тираж 3.000-25.
Заказ № 640.

Государственным Центральным Музеем Революции СССР
Библиотека

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Большая работа т. А. М. Зайончковского, являющаяся естественным развитием труда того же автора: „Подготовка России к мировой войне. Планы войны", появляется как нельзя кстати и представляет большую ценность. Тем не менее мы считаем необходимым указать на некоторые основные недостатки работы т. А. М. Зайончковского.

Труд А. М. Зайончковского посвящен изложению важнейших событий внешней политики России и других европейских государств за период, главным образом, с 1871 г. по 1914 г., приведших к мировой войне.

Автор не пытается дать марксистское освещение описываемым им событиям. Он не объясняет тех или других важнейших фактов внешней политики экономическими причинами, ролью финансового капитала, борьбой за рынки, за источники сырья и т. д. Правда, автор посвящает некоторые страницы своего труда беглой характеристике промышленного развития в тех или других государствах Европы, но все эти страницы не связаны с остальными частями работы и, так сказать, висят в воздухе. Наоборот, как только речь заходит о движущих пружинах внешней политики той или другой страны в определенную эпоху, автор выдвигает на первое место, в качестве главного фактора, личности королей, царей и т. д., как руководителей политики своей страны. Автор убежден, что различие русской внешней политики в эпоху Николая I и политики России в эпоху Николая II объясняется различием характера этих царей: Николай I был-де человеком властным, Николай II—слабохарактерным, поддававшимся всяким влияниям, и потому-де внешняя политика при Николае II „трудно поддается точной формулировке". Само собой разумеется, что объяснение различных колебаний внешней политики царизма в эпоху Николая II характером самого царя не выдерживает критики. Во всяком случае неверно, будто внешняя политика при Николае II трудно поддается точной формулировке. Интересующийся читатель найдет ясное и выпуклое освещение внешней политики царизма в эпоху Николая II в замечательных работах т. М. Н. Покровского, точно формулирующих характер этой политики.

Русская внешняя политика в эпоху царизма последней эпохи представляла собой как бы равнодействующую двух направлений: ближне-восточного—с одной стороны, и дальне-восточного—с другой. Резкий уклон царской политики в ту или другую сторону, шатания между обоими направлениями обусловливались, конечно, менее всего характером того или другого царя. [1] В современной Англии борются во внешней политике сторонники ориентации на Европу со сторонниками азиатской и заокеанской политики, с защитниками программы политического и экономического ухода Англии из Европы и концентрации всех усилий на создании самодовлеющего хозяйства Британской империи. [2] Само собой разумеется, что и здесь нечего искать объяснений уклона английской политики в ту или другую сторону в характере того или другого английского короля.

Насколько автор предлагаемой вниманию читателя книги преувеличивает роль, скажем, Николая II в направлении внешней политики России видно из следующего абзаца:

„И такие уступки в пользу России были вполне своевременны, так как англо-русское соглашение далеко еще не пустило в России глубокие корни даже в сердце Николая II. По мелкому вопросу о возобновлении контракта с английской компанией на телеграфное сообщение Одесса—Константинополь он положил, например, резолюцию, не характеризующую его дружественных чувств к англичанам. „Я не согласен на оставление телеграфного сношения между Россией и Турцией в руках английской компании“, такова была эта резолюция“.

Неужели автор в самом деле воображает, что Николай II дни и ночи сидел за своим письменным столом и только то и делал, что читал доклады о положении государства? Просто подсунули ему бумагу и надписали резолюцию, к которой он приложил свою подпись.

Не странно ли, когда автор характеризует Франца-Иосифа, как „старого и испытанного“ дипломата. О кретинизме Франца-Иосифа даже в дипломатических кругах циркулировали анекдоты, которые неудобно передавать. Ведь, старого, выжившего из ума, „императора“ даже в уборную водил его „верный“ камердинер, иначе обожаемый монарх „мог наделать там“ целую революцию. Впрочем, это иногда случалось с ним и не в уборной. Где же ему было в 1909 г. писать лично те письма Николаю II, о которых говорит автор!

---

[1] О двух тенденциях внешней политики царизма см. нашу работу: „Русско-японская война“, третье издание, дополненное вступительною статьею „Русский империализм и русско-японская война“ изд. „Красная Звезда“ 1925 года.

[2] См. нашу книгу „Советская Россия и капиталистическая Англия“, изд. „Прометей“, Москва, 1925 г.

Равным образом автор имеет совершенно неправильное представление о личностях Вильгельма II и Эдуарда VII. Я уже отметил однажды (см. предисловие к книге Бисмарка „Вильгельм II"), что „культ императора Вильгельма, как в высокой степени даровитого и умного человека, великого государственного деятеля, был до войны распространен не только в Германии, но отчасти даже в некоторых кругах французской, английской и американской буржуазии. Вообще республиканская пресса Франции, Швейцарии, С. Штатов в самом почтительном тоне писала об Эдуарде VII, Вильгельме II, и изображала их как выдающихся людей и по уму и по силе характера. Воспоминания Бисмарка ясно показывают, что Вильгельм II был в моральном и умственном отношении совершенно ничтожной личностью, по своему удельному весу немногим выше стоящей, чем Николай II, Франц-Иосиф и другие царственные кретины".

В вышедших в 1922 г. воспоминаниях самого Вильгельма II, написанных, конечно, не им самим, а специально нанятым для этого дела человеком, низложенный император, выпустивший эту книгу под своим собственным именем (Kaiser Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1898 гг.), доказывает, что в целом ряде актов, приписываемых ему, он совершенно неповинен, так как он лишь подписывал бумаги, которые давали ему его министры. Оказывается, что в посылке депеши Крюгеру, сильно испортившей англо-германские отношения, повинен не он, император, а канцлер Гогенлоэ и статс-секретарь по иностранным делам маршал фон-Биберштейн. Царственный кретин не знал, что ему делать, так как адмирал Гольман протестовал против отправки этой телеграммы, указывая на все опасные последствия такого шага, но Гогенлоэ и Биберштейн чуть ли не насильно заставили императора подписать телеграмму, чтобы дать удовлетворение возбужденному против Англии настроению буржуазных кругов Германии. И поездку в Танжер Вильгельм II, по его объяснению, совершил против своей воли, не зная, кого ему слушаться, и уступая лишь требованию канцлера Бюлова. Что касается пресловутой беседы Вильгельма II с генералом Стюартом Вортлеем в 1908 г., беседы, вызвавшей целую бурю в немецкой прессе и даже в рейхстаге,—то эта беседа была составлена в немецком министерстве иностранных дел (что впрочем было давно хорошо известно более или менее осведомленным лицам).

Помимо совершенно неправильного освещения роли царей, императоров и т. д. во внешней политике своих стран, у автора встречаются и многие неправильности в характеристике политики той или другой великой державы в том или другом вопросе. Так автор дает следующую совершенно

неправильную характеристику англо-русских расхождений в персидской политике:

„Что касается до событий в самой Персии, затрагивавших наиболее жизненные интересы России и Англии, то между обеими державами происходила сильная борьба в применении средств для успокоения этого взбаломученного междоусобной борьбой муравейника. Англия стояла за полное невмешательство во внутренние дела Персии с целью позволить существующей анархии продолжаться до тех пор, пока более сильный элемент не пробьется к свету. России же, благодаря соседству с провинциями, наиболее охваченными беспорядками, такой взгляд казался опасным, а анархия угрожала крупным материальным интересам, которые были связаны с Персией. Поэтому она стояла за установление в ней сильной власти, а для обеспечения интересов своих подданных усиливала внутри Персии консульскую стражу до излишних иногда размеров. Это различие во взглядах приводило к большим трениям с великобританским правительством, которые удавалось, однако, благодаря обоюдному желанию, ликвидировать".

Уже в 1715 г. царский посланник в Испагани, тогдашней резиденции шаха,—Артемий Волынский (впоследствии знаменитый кабинет-министр), которому Петр Великий поручил заключить с Персией торговый договор, доносил государю:

„Думаю, что сия корона к последнему разорению приходит, если не обновится другим шахом, не только от неприятелей, но от своих оборониться не могут, и уже мало места осталось, где бы не было бунта... Хотя настоящая война наша (шведская) нам и возбраняла бы, однако, как здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не только целою армией, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно, к чему удобнее нынешнего времени не будет, ибо если вперед сие государство обновится другим шахом, то может быть и порядок другой будет".

Царская дипломатия в своей политике по отношению к соседней нам стране строго следовала принципам, завещанным еще Артемием Волынским, ибо только благодаря постоянной поддержке персидской анархии и внутренних осложнений в стране царя-царей России удалось шаг за шагом овладеть Дербентом, низовьями Куры, Талышом, Гиляном, ханствами: Карабахским, Ганжинским, Шекинским, Ширванским, Эриванским, Нахичеванским и т. д., с перспективой приобрести Азербайджан, если не всю „Тегеранскую губернию". Царская политика в Персии после 1907 г. (разгром персидского меджилиса казачьей бригадой Ляхова в 1908 г., поддержка русским правительством персидского разбойника Рахим-хана, мятеж, организованный русским офицером Дараб-

Мирзой против конституции и т. д.), окончательно разочаровала тех наивных оптимистов в Персии, которые полагали, что англо-русское сближение будет иметь благодетельное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России и, в частности, на судьбы многострадальной Персии. Действительно, было время, когда Англия выступала в роли „друга" Персии, в роли энергичного защитника персидского народа и персидской конституции. То было время, когда существовала и обострялась англо-русская распря, и когда действительно Великобритания и Россия в процессе развития своих оборонительных и наступательных сил и расширения своих территориальных границ быстро приближались к роковому конфликту, казавшемуся столь же неустранимым, как неустранимо столкновение двух поездов, мчащихся по одной линии, но в противоположном направлении. Так как главным буфером между Россией, с железной стихийной силой неудержимо шедшей вперед в своем поступательном движении по направлению к Персидскому заливу и индийским границам, и Англией, форсированным маршем двигавшейся на север, как будто для того, чтобы дать скорее бой своему противнику и притом в пункте, по возможности наиболее отдаленном от Индостана, была Персия,—не трудно понять, какова должна была быть политика английской дипломатии по отношению к стране „Льва и Солнца". Так как русское политическое, экономическое и военное влияние в Тегеране было очень сильно, благодаря тяготению реакционного шаха к царскому правительству, поддерживавшему старый персидский режим силой казачьей бригады, обученной и руководимой русскими офицерами,—Англия, чтобы подорвать влияние России в Персии, вступает как бы в тайный союз с персидским народом, пользуется пробуждающимся в стране конституционным движением и, оказывая энергичную поддержку населению, борющемуся за свободу, в необычайной мере подымает свой престиж в северной Персии и этим самым создает себе в 10-миллионном персидском народе союзника в борьбе против агрессивной политики царской России в Средней Азии. Но дружба английской дипломатии с персидским освободительным движением длится не долго. Англия поддерживала конституционное движение в северных областях Персии, пока нужно было оказывать противодействие русскому влиянию при дворе шаха, но в то же время Англия всеми силами подавляла освободительное движение в южных провинциях, прилегающих к индийской границе, оказывала в этих областях всяческую поддержку персидским сатрапам, боровшимся против освободительных идей. Рост революционного движения среди 300-миллионного населения Индии не в меньшей мере, чем страх перед Германией, толкнул Англию к сбли-

жению с Россией. Именно опасение, что торжество революции во всей Персии даст сильный толчок революционному брожению в Индии, заставило английскую дипломатию круто изменить свой курс по отношению к освободительному движению в Персии.

В работе А. М. Зайончковского имеются и существенные пробелы. Автор пишет о Франкфуртском парламенте 1848 г., о революциях 1848 г. и т. п. и не упоминает о таких крупных фактах новейшего времени, как испано-американская война 1899 г. и англо-бурская 1899—1901 г.г., имевших громадное влияние на всю мировую политику вообще и на политику России—в частности. Испано-американская война 1898 г., война за обладание Кубой и Филиппинами, за Панамский канал и позиции на Тихом океане, необычайно усилив американское влияние на Дальнем Востоке, побудила царскую дипломатию дать более энергичный размах русскому продвижению к берегам Тихого океана. В 1898 г. началась испано-американская война, закончившаяся полным разгромом Испании и созданием американской базы в китайских водах (Филиппины), а уже в 1899 г. Россия начинает строить маньчжурскую дорогу, сыгравшую такую роль в обострении японско-русских отношений и в войне царской России с Японией, за спиной которой стояла Америка и Англия.

Англо-бурская война 1899—1901 г., закончившаяся разгромом бурских республик, повела к необычайному усилению Англии в южной части Африки и во всей восточной половине ее.

Это нарушение равновесия на черном континенте, с одной стороны, усилило немецкий натиск на Африку, с другой—толкнуло Францию к решительным действиям в северо-западной части Африки, именно в Марокко. О том влиянии, какое марокккская политика Франции имела на всю европейскую политику, нечего много распространяться.

Отмечая недостатки труда А. М. Зайончковского, мы не думаем отрицать громадное значение подобных работ. При богатстве европейской литературы, имеющей тысячи работ, в том числе многотомные труды, посвященные описанию событий внешней политики за период, предшествовавший мировой войне, мы нищенски бедны в этом отношении. Труд А. М Зайончковского представляет первую у нас в СССР попытку дать в одной книге последовательное изложение по архивным документам важнейших фактов в международной политике от 1815 г. до мировой войны, и в этом громадная ценность работы. Мы уверены, что эта книга, написанная по заданию Управления по исследованию и использованию опыта войн Штаба РККА, вызовет широкий интерес и выдержит не одно издание. Она вызовет много лестных отзывов и критических рецензий, подчеркивающих ошибки и пробелы автора, но книга сделает свое дело и явится ценным вкладом в нашу бедную литературу.

Мих. Павлович.

ОТ АВТОРА.

Прошло десять лет после начала мировой войны, но мы не можем похвастаться обилием документальной литературы по участию России в этой войне. Мы имеем описание оперативной работы русских армий в виде общих стратегических очерков, имеем монографию по выработке военных планов России в предвидении войны, часть материалов по взаимным отношениям России и Франции за 1911—1914 года и несколько отдельных эпизодов, касающихся международных сношений России, помещенных в периодических журналах.

Даже общих очерков, на подобие выше приведенных оперативных обозрений, которые рассматривали бы деятельность России в отношении международном, экономическом и внутренне-политическом, у нас не имеется. Таким образом, у нас в печати нет даже тех отдельных элементов, которые могли бы служить составными частями для будущей истории войны.

Автор настоящего труда поставил себе целью посильно восполнить существующий недочет в нашей исторической литературе и, вслед за составленным им описанием подготовки России к мировой войне в чисто военном отношении, предлагает вниманию читателя свой очерк: „Подготовка России к мировой войне в международном отношении".

Дав весьма сжатую характеристику внешней политики России от Венского конгресса до начала франко-русского союза, автор в дальнейшем ставит себе целью нарисовать общую картину подготовки России к войне в международном отношении исключительно по архивным материалам быв. министерства иностранных дел.

Отправная данная в труде автора заключается в желании выявить тот внешний политический багаж, с которым Россия вступила в величайший мировой кризис. Он заставляет в своем труде говорить самих действующих лиц той эпохи, взяв на себя задачу только соответствующей группировки фактов и кратких личных выводов. Такая программа работы, выявляющая точки зрения и взгляды деятелей описываемой эпохи, делает естественным отсутствие у автора марксистского подхода, в котором законно упрекает его М. П. Павлович.

В тексте труда имеются всюду ссылки на все использованные документы II Отд. Государственного Архива, при чем, ввиду особенного способа ведения дел в бывш. министерстве иностранных дел, автор лишен возможности указать при каждой ссылке на документ—дело, в котором он хранится.

Наиболее интересные документы помещены в приложении.

Автор приносит сердечную благодарность М. П. Павловичу, взявшему на себя труд просмотреть и снабдить особым предисловием его работу.

А. Зайончковский.

Март 1925 года.
Москва.

ВВЕДЕНИЕ.

Связь политики со стратегией. Политика и командование. Цель настоящего исследования.

Связь политики со стратегией.

Лейт-мотивом молодой армии Союза Советских Республик за последние годы был лозунг о тесной связи между политикой и стратегией.

Победы, одержанные Красной армией на всех фронтах гражданской войны, безусловно, должны обратить на себя внимание виновников этих побед, которые не могли не видеть источника их не только в таланте красных командиров и в доблести войск, но и в широком и искусном использовании политического элемента наряду с военными операциями.

Однако, лозунг связи политики со стратегией не есть что-либо новое, выдвинутое исключительно за последнее десятилетие. Напротив, он так же стар, как все военное искусство, параллельно с которым он только эволюционировал, и при новом резком сдвиге колеса истории политический камертон зазвучал более грозно, потребовав громкого вмешательства в оркестр войны тех инструментов, которые до того времени лишь только слабо подыгрывали.

Гражданская война выдвинула на первый план тот вопрос, который до последнего времени мало координировался в военном и политическом мире, а именно—связь в совместной работе вооруженной силы страны и ее политических органов, постановку политической подготовки страны, как одного из элементов ее военной мощи, и, наконец, углубление политики в ту область, до которой в прежние времена она спускалась мало и не всегда охотно. Я говорю о политической подготовке народных масс у себя и у возможных противников.

Фактически этот последний вопрос не является новым. Умелая и планомерная подготовка народных масс Пруссии в предвидении войны с Наполеоном I входила определенной оперативной данной в работу прусского генерального штаба во время кампании 1812 года. Политическая, первоначально весьма трусливая, подготовка русофильского течения в Болгарии началась за много десятилетий до освободительной в отношении Болгарии войны. Но это были случаи эпизоди-

ческого характера, а нормально политика до мировой войны не углублялась так далеко для совместной работы со стратегией. Она в общем не спускалась дальше работы дипломатических канцелярий в сфере внешне-политических сношений, и только конец мировой и последовавшие вслед за ней войны Советской России углубили политический элемент, снизили его до толщи армии, вывели политику из тайников дипломатических в народную массу и ввели ее во всю работу вооруженной силы страны с таким большим удельным весом, что сделали не только вполне законным, но и необходимым вышеприведенный лозунг Красной армии о тесной связи между военным делом и политикой.

Как бы политика ни эволюционировала в своем влиянии на войну, за ней осталась одна, неизменно ее сопровождавшая, особенность;—это ее непостоянство и переменчивость, почему и приходится политические комбинации в учете подготовки и ведения войны брать с известным коэффициентом вероятности. Взаимоотношения России, Франции, Англии и Японии за последние десять лет перед мировой войной, поведение Италии, Румынии и Болгарии во время самой войны и, наконец, отношение Второго Интернационала к разгорающейся борьбе классов в настоящее время служат лучшим тому доказательством. Политический элемент в действительности является данной весьма непостоянной, данной торгового характера, требующей известного инстинкта и подвижности комбинаций. Определение Клаузевица, что война подходит по существу своему ближе всего к торговле, имеет самое близкое отношение к политической ее стороне.

Политика и командование.

Политическая подготовка страны входит одной из многочисленных отправных данных для определения ее военного могущества и является одной из составных частей фундамента, на котором военное командование базирует составление плана войны.

Момент объявления войны, самое ведение ее, своевременное заключение мира и первый период по окончании войны, т.-е. при использовании ее результатов, так соприкасают деятельность политических руководителей и военного командования, что их отделить друг от друга нельзя. Взаимная связь, совместная работа и точно определенные рамки деятельности обоих органов—вот те плоскости, в которых должно итти проведение в жизнь данного лозунга о связи политики со стратегией.

Однако, вопрос о совместной работе политика и командира проходили до последних времен совсем не гладко, и военоначальники сильно противились излишнему просачиванию политического элемента в их работу на войне.

„О вы, политики! Вы плохие знатоки человечества,— писал Блюхер во время Венского конгресса. — Ваш Венский

конгресс похож на ярмарку в мелком городке, на которую каждый тащит свою скотину, чтобы ее продать или променять".

Мольтке спустя полстолетия также отрицательно отнесся к влиянию политики на войну.

„Итак,—писал он,—политика не отделима, к сожалению, от стратегии. Она пользуется войной для достижения своих целей и имеет решающее влияние на начало войны и ее конец, при чем оставляет за собой право во все время войны повысить свои требования или довольствоваться меньшим успехом".

Вот два мнения, относящиеся к началу и к концу девятнадцатого столетия, которые выявляют истинное отношение воина и политика того времени. И судьба, как бы нарочно, связала их неразрывными цепями.

Но со времен Блюхера и Мольтке положение сильно изменилось, в особенности в настоящее время. Политика не хочет занимать то место, которое отводили ей прежние стратеги, и расширяет круг своего влияния не только в пределах использования и помощи военным операциям, но и в виде участия в них.

Такому сдвигу политики и присвоению ею себе функций участия в военных операциях способствует реальный сдвиг в социально-экономических отношениях, который ознаменовал собою конец мировой войны. Лозунг классовой борьбы ставит влияние политики на стратегию в иную плоскость; он распространяет это влияние даже на тактику.

Из дела, касающегося исключительно дипломатических канцелярий и главного командования, политика проникает во всю толщу армии и является обязательной данной в работе каждого командира. Из только „внешней" она в смысле военном перешла в значительной степени и во „внутреннюю"; она в широком размере привлекает к делу войны все отрасли управления страной и подготовляет ее в смысле приобщения не только к подготовке к войне, но и к ведению ее.

По самому характеру борьбы классов, по внетерриториальности классовых войн, политика больше, чем когда-либо, будет вмешиваться в постановку целей не только войне в целом, но и частным операциям. Она вольется даже в исполнение самых операций и заставит с ней считаться.

Задача и право военного искусства по отношению к политике заключаются, по словам Клаузевица, главным образом, в том, чтобы устранить требования, противоречащие духу войны, и ошибки в применении механических средств, являющихся результатом неопытного с ними обращения.

Формула Клаузевица верно характеризует отношение между стратегией и политикой даже для настоящего времени, но придает ему пассивный характер. Она страхует военное искус-

ство от неумелого влияния политики, но не касается активной стороны дела, т.-е. использования политики для лучшего выполнения чисто военной задачи.

Мольтке считал, что стратегия должна способствовать успеху политики, имея в виду цель этой последней, но оставаясь, по возможности, независимой в своих оперативных действиях, так как для хода войны оперативные соображения являются, главным образом, руководящими, а политические только в размере, не требующем ничего недопустимого с военной точки зрения. Полководец, по словам Мольтке, никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, а должен ставить на первый план успех на войне.

Против того удельного веса, который устанавливали для политического элемента Клаузевиц и Мольтке, возражать нельзя, но приходится несколько расширить сферу политического влияния на оперативную часть ведения войны. Политика настоящего времени не может уподобиться Пилату, умывающему руки, когда загремели орудия. Ее роль в будущем не ограничивается только подготовкой хорошей политической ситуации перед войной и в разные ее периоды; она не только чередуется со стратегией в последовательном использовании достижения каждого из этих периодов, но при настоящем положении социально-экономических отношений политика втечение всей войны идет рука об руку со стратегией, всюду ей сопутствуя.

При таком влиянии политики на стратегию, этой последней приходится с особой осторожностью найти ту разумную равнодействующую, которая помешала бы военным операциям вылиться в политиканствующую стратегию и позволяла бы применить Клаузевицовское устранение требований, противоречащих духу войны.

Цель настоящего исследования.

Вот это-то углубление политики в работу военноначальника во все периоды его боевой деятельности как при подготовке к войне, так и во время ее ведения делает необходимым расширить каждое военно-историческое исследование разбором соответствующей работы и в политическом отношении.

В данном случае обзор военной подготовки России к мировой войне был бы не полным, если бы ему не сопутствовал и обзор политической ее подготовки.

Такую задачу автор и ставит себе в виде необходимого дополнения к его труду „Подготовка России к мировой войне. Планы войны".

Правда, политическая подготовка вылилась в данном случае в узкую форму внешне-политических сношений, совершенно не затрогивая той широкой подготовки народных масс к проводимой политической идее, что положено в основу

в настоящее время. Такими рамками ограничится и настоящее исследование.

Политическая, как и военная подготовка страны к войне, пускает корни далеко в глубь истории, почему и исследование ее должно быть основано на историческом подходе, который и принят в настоящей работе.

Для полноты картины и правильного выявления всех положений интересующего нас периода приходится бросать общий взгляд на весь длительный этап внешне-политических отношений, втечение которого они, как и вся история народов, эволюционировали без выдвижения путем революционной пертурбации мирового значения новых доктрин своего развития. Началом такой эпохи, законченной мировой войной, справедливо считать Венский конгресс 1815 года, столь неудачно склеивший Европу после пертурбаций великой французской революции.

Последний период политической подготовки к войне так же, как это было сделано и при исследовании военной подготовки, излагается автором исключительно по архивным материалам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1815—1871 годы.

Венский конгресс. Периоды 1815—1830, 1830—1851 и 1851—1871 годов

„В политике быть честным—значит быть искусным. Мелкими тонкостями и надувательствами порою достигаются кратковременные выгоды, но за них потом расплачиваются слишком дорого и чересчур поздно замечают, что были обмануты сами". Бисмарк в 1873 году.

Венский конгресс.

Великая французская революция 1789 года начала собой тот последний длительный этап политико-экономической жизни народов, который непрерывно и последовательно развивался и подвел Европу к неизбежной мировой войне 1914—1918 годов. Этой войной оканчивается исторический этап девятнадцатого столетия, а великая русская революция с ее чисто классовым характером, совместно с коренной пертурбацией политико-экономических отношений, которые повлекла за собой война, и тем тупиком, которому пришли все великие державы вследствие их империалистической политики, начинает собой новый этап мировой истории.

Втечение всего девятнадцатого столетия политическая жизнь Европы шла без особых потрясений, чисто эволюционным путем; ряд бывших местных революций имел частный характер, не нарушая в общем, а только ускоряя, рост тех политико-экономических форм, которые фатально стремились к краху 1918 года.

Девятнадцатое столетие началось в политической жизни Европы Венским конгрессом и кончилось мировой войной, хотя окончательная группировка держав выкристаллизовалась только в последние десять лет перед войной, но на ту группировку несомненное влияние оказали и те политические комбинации, которые в Европе складывались течение всего девятнадцатого столетия.

Венский конгресс задался целью восстановить, по возможности, те границы государств, которые существовали до

великой французской революции и наполеоновских войн. Но провести этот принцип в полном объеме не удалось. Державы-победительницы перекроили карту Европы, имея в виду обезвредить в будущем Францию и вознаградить себя за понесенные труды в зависимости от своей дипломатической ловкости. При этой перекройке карты совершенно не считались с интересами мелких национальностей, и вопрос был поставлен исключительно в плоскость числа душ и количества квадратных километров территории, приходящихся каждая из великих держав. Следствием такого деления было присоединение Бельгии к Голландии, объединение большей части Польши в руках России, присоединение части областей с итальянским и русским населением к Австрии и раздробление Германии на 36 отдельных государств.

Такая неестественная переделка карты Европы не осталась без последствий. Она вызвала к жизни борьбу на фоне национального движения, особенно сильного среди национальностей, попавших под чужеземное иго (Италия, Бельгия, Венгрия, Греция, Польша).

Но Венский конгресс не ограничился только физическим уничтожением последствий революции: актом Священного Союза державы-победительницы как бы взяли на себя нравственное обязательство поддерживать друг друга в борьбе против попыток новых революционных деяний.

Этот акт, принадлежащий перу мистически настроенного императора Александра I, был составлен в исключительно религиозных тонах.[1]

В введении к нему указывалась непоколебимая решимость руководствоваться в делах управления и в политических отношениях исключительно заповедями священного писания. Статья 1 говорила о братском единении, об обоюдной помощи монархов друг другу и об управлении подданными как детьми, в духе того же братства. Статья 2 распространяла принципы предыдущей статьи на народы, которые призывались к тому же братству и единению, как это установлено в отношении монархов, и, наконец, статья 3 призывала желающих присоединиться к союзу трех монархов (Россия, Австрия и Пруссия).

Невинный по своей форме союз фактически сыграл в жизни Европы большую и неблагодарную роль. Объединив, на подобие современной нам Лиги наций, три наиболее мощные европейские державы - победительницы, решившие отстаивать консервативные начала, он, вдохновляемый таким выдающимся государственным деятелем, как Меттерних, тормозил в течение нескольких десятков лет поступательное движение политической жизни Европы.

---

[1] Подписан в Париже 14 (26) сентября 1815 года.

Следы его, как увидим ниже, давали себя знать и после распадения Священного Союза и даже в преддверии мировой войны. Когда пути России, Австрии и Германии уже разошлись, то в переписке их, враждовавших друг с другом, государей принцип охранения монархических начал и борьбы с революционным движением часто играл первенствующую роль.

Другое, может быть, совершенно неожиданное последствие Священного Союза состояло в том, что Александр I, инициатор этого Союза, был заподозрен в желании использовать его для борьбы с турками, как с нацией нехристианской и не входящей в союз, с целью овладения Константинополем. [1]

1815—1830 годы.

Но как монархические самодержавные государства ни старались стереть с лица земли следы французской революции, им это не удалось. Переворот, произведенный ею в сознании человеческих масс, был так велик, что ход развития не мог быть задержан исключительно полицейскими мерами Священного Союза. Идеи равенства, свободы и братства широкой волной хлынули далеко за пределы Франции и потребовали усиленной работы членов Священного Союза, чтобы задержать их дальнейшее развитие. Студенческое движение в Германии в 1817 г., революционные движения в Италии 1820 г. и в Испании 1820—1822 гг., а также подавление декабрьского восстания в Петербурге в 1825 г. дали легкую победу консервативным началам, но новая французская революция 1830 г. пробила уже солидную брешь в рядах Священного Союза и дала новый толчок политико-экономическому развитию Европы.

В рассматриваемый период как бы подготовлялись новые группировки, испытывались их силы, и вырабатывались новые формы и линия дальнейшей борьбы.

С 1815 года экономическая жизнь начала развиваться на началах свободы труда, торговли и промышленной конкуренции, и экономическое развитие Европы пошло быстрыми шагами. Железные дороги, пароходы, паровые машины, электричество, развитие промышленности, банковского дела и рост капитала характеризовали этот период и повели к росту и силе нового буржуазного или, вернее, капиталистического класса.

Начинается борьба этого класса за политическую власть с земледельческо-дворянской кастой и кончается полной победой буржуазии во Франции в 1830 г. и в Англии в 1832 г.

Сообразно с ходом этой борьбы менялся и характер правительственной власти. Во Франции в 1830 г. власть всецело перешла в руки буржуазии, а в Англии она была двумя годами позднее разделена между дворянством и буржуазией с резким преобладанием последней. Только в России, Австрии

---

[1] Мартенс. Трактаты, том IV, стр. 3.

и Пруссии продолжал сохраняться самодержавный режим, опиравшийся главным образом на дворянство и старавшийся побороть возникавшие движения.

Рядом с борьбой буржуазии с дворянством в этот период началась и борьба рабочих против буржуазии, но борьба пока разрозненная.

В этот же начальный период наметились уже и взаимоотношения великих держав друг к другу и к России.

Англия, более других постоянная в линии своего поведения, определенно следовала основной доктрине—не связывать себя заблаговременными соглашениями и не допускать чрезмерного могущества на европейском материке одной из держав. Особое внимание ее поэтому в то время должна была привлекать Россия и отношения этой последней к Турции.

Разгоревшееся с 1821 г. восстание в Греции разделило членов Священного Союза на две группы, при чем во главе одной стала Россия, считавшая необходимым поддержать греков, а во главе другой—Австрия, требовавшая, во имя поддержания принципа Священного Союза, удушения „греческих крамольников". [1] Англия, первоначально присоединившаяся к России в пользу греков, встала в сильную против нее оппозицию во время начавшейся на фоне греческого вопроса в 1828 году русско-турецкой войны.

„Англия—доносил гр. Поццо-ди-Борго вновь воцарившемуся императору Николаю I [2], — обратилась в державу, которая соперничает с Россией и ее ревнует, так как последняя сделалась на европейском материке господствующей. От соперничества и зависти к неприязненным действиям только один шаг, если обстоятельства и интересы находятся в конфликте".

Характеристика отношений Англии к России, сделанная таким выдающимся дипломатом, каким был Поццо-ди-Борго, оставалась неизменной в течение всего XIX ст., в особенности если употребленное в донесении Николаю I слово „зависть" заменить более подходящим словом „подозрительность". Подозрительность эта в то время могла иметь место только по вопросу о поведении России в отношении Турции, что имело известный raison d'être в категорическом отказе России подвергать свою восточную политику общему соглашению с другими державами под предлогом, что Оттоманская империя не была упомянута ни в одном союзном акте, а также и в акте Священного Союза. [3]

Наиболее сильные разногласия с самого же начала обнаружились между Австрией и Россией как во взглядах на

---

[1] Мартенс. Трактаты, том IV, стр. 305.
[2] 21 января (2 февраля) 1826 г. Мартенс. Трактаты, том XV, стр. 49.
[3] Гр. Нессельроде—гр. Поццо-ди-Борго в Париже 9 мая 1826 года.

основы политической системы Европы, так, в частности и в отношении Балканского полуострова и Турции.

Создатели и вдохновители Священного Союза смотрели на него с разных точек зрения. Александр I, судя по крайней мере по всем документальным данным, старался и на практике видеть в нем „братский и христианский союз"; граф же Меттерних смотрел на него, как на средство привести Европу в порядок и защитить ее от всех революционных движений, что требовало вмешательства во внутренние дела разных стран. Францию он считал очагом революционного движения, и поэтому желал держать французский народ в „состоянии малолетства". Ввиду „колоссального" могущества и влияния России на дела Европы, он старался изолировать ее от держав (Франция, Испания и мелкие страны), с интересами которых ей трудно было притти в столкновение. Всю же Европу Меттерних считал „весьма больной" и подлежащей тому процессу лечения, „который практикуется в домах умалишенных".[1]

Поццо-ди-Борго в своем меморандуме от 19/31 декабря 1818 г.[2] указывает на „три призрака", которые преследуют венский двор: воспоминание о своих неудачных войнах против Франции, боязнь видеть турок отброшенными в Азию и страх при мысли, что Польша находится под конституционным управлением. „Не будучи в состоянии,—говорил Поццо,—или не умея быть сильною в самой себе, Австрия ищет поддержки в политических интригах, направленных всей своей мощью против России и отчасти против Франции, которую Меттерних старался держать не на правах полноправного члена европейского ареопага, а в положении опекаемой".

Девяносто лет спустя император Франц-Иосиф в своем письме к Николаю II от 7 декабря 1908 года[3] так характеризовал отношения того времени между Россией и Австрией:

„Bientôt après mon accession j'ai dû reconnaître á l'encontre de mes sympathies personelles que les destinées de la Russie et de ma monarchie n'étaient pas faites pour être réglées par la politique d'une alliance ostensible; les conditions géographiques et nationales des deux Empires étant trop différentes pour leur permettre à la longue de marcher côte-à-côte à la poursuite d'un même but défini. J'ai reconnu et tes ancêtres avec moi, que la divergence des aspirations de nos peuples nous imposait une vigilance constante et qu'il fallait en corriger les effets par les liens solides de l'amitié et de la confiance entre nos maisons".[4]

---

[1] Его письмо к Нессельроде от 16 мая 1818 года.

[2] Мартенс. Трактаты, том IV, стр. 149.

[3] II отд. Государ. Архива, секр. дела министра.

[4] „Вскоре после моего восшествия на престол (в 1848 году) я должен был признать в противность моим личным симпатиям, что судьбы России и моей монархии не предназначены для того, чтобы быть урегулированы

Насколько анализ престарелого воспитанного иезуитами австрийского монарха был глубже суждения Поццо-ди-Борго!

Русский посланник при венском дворе граф Головкин в своих суждениях ближе подходил к взгляду Франца-Иосифа. Он еще в 1821 году не разделял мнения русского правительства о возможности искреннего союза между Россией и Австрией в Восточном вопросе. „Австрию,—писал он,—отделяет от России как различие в интересах и взглядах, так и направление всей обоюдной их политики по отношению к Турции". [1]

Задачи русской политики по отношению к Австрии сформулированы Поццо-ди-Борго в следующих словах: [2] „Делать добро вместе с нею; не делать ей ничего дурного, но и не позволять ей так же поступать относительно нас".

С своей стороны, Головкин выражал девиз австрийской политики на Востоке двумя словами—бездействие и выжидание.

Таковы были первоначальные отношения России и Австрии, когда вместо мистически настроенного Александра I на русский престол вступил твердый волей Николай I.

К тому времени уже в достаточной степени выяснилось различие в принципах и во взглядах обеих империй, при чем камнем преткновения в обоюдных сношениях явился жизненный для обеих стран вопрос Ближнего Востока. Щадить щепетильность и подозрительность Австрии в делах Балканского полуострова стало лейт-мотивом русской политики; выжидать, тормозить и грозить—таково было поведение Австрии в отношении Восточного вопроса впредь до начала XX ст., когда, чувствуя за собой поддержку мощной Германии, она перешла к агрессивной политике на Балканах.

Вступивший в 1825 г. на русский престол император Николай I придал более решительный тон своим отношениям с Турцией, объявив державам, что он признает особенное, отличное от прочих, положение России в отношении Оттоманской империи. [3] Этот принцип политики Николая I прошел красной нитью через все его царствование и, внушая недоверие остальным державам к искренности его намерений по отношению к Турции, был одной из основных причин Крымской войны.

политикой открытого союза; географические и национальные условия обеих империй весьма различны для того, чтобы им долго итти бок-о-бок для достижения конечной цели. Твои предшественники и я признали, что различие в стремлении наших народов возлагает на нас постоянную бдительность, и что обстоятельства приходится исправлять тесными узами дружбы и доверия между нами".

[1] Граф Головкин—гр. Нессельроде 12 (24) ноября 1821 года.

[2] Меморандум 19 (31) декабря 1818 года.

[3] Циркуляр 17 марта 1826 года.

Другим принципом было желание итти в Восточном вопросе в полном согласии с Англией и Австрией. И если в отношении первой из этих держав ему временно удалось достигнуть положительных результатов (мартовское соглашение 1826 г.), то в отношении Австрии дело обстояло значительно хуже.

Здесь было необходимо победить страх венского кабинета к предполагаемым агрессивным намерениям России против Турции, и в смысле успокоения Австрии император Николай пошел очень далеко. Он дал австрийскому императору положительное обещание, что если этот последний будет когда-либо нуждаться в посторонней помощи, то смело может рассчитывать на его содействие.[1] К несчастью для России, императору Николаю пришлось сдержать данное им в 1827 году слово—в 1849 г. при подавлении русской вооруженной силой венгерского мятежа против австрийской короны.

В отношении Турции Николай I энергично восставал[2] против мнения, что он желает разрушения Оттоманской империи, долженствовавшего повести, по его словам, к громадным замешательствам, окончательный исход которых совершенно нельзя предвидеть. Нашим послам было приказано не вступать ни в какие рассуждения насчет возможного раздела Турецкой империи и даже не принимать участия в обсуждениях его, если вопрос этот будет поднят в Вене или в Лондоне.

Вступая в войну с Турцией в 1828 году, император Николай I, ввиду опасения венского кабинета за целость и существование Оттоманской империи, торжественно объявил австрийскому посланнику, что он совершенно не желает этой катастрофы. „Впрочем,—закончил государь,—так как эта катастрофа все-таки может случиться, благодаря безрассудному поведению самих турок, то желательно было бы знать идеи венского двора на этот счет". Посол поспешил объявить, что его правительство не имеет никакого готового плана разделения Турции и не желает никаких территориальных приращений, на что Николай I повторил, что он также желает только восстановления заключенных между Россией и Турцией трактатов.[3]

Я привожу этот разговор, так как он весьма характерен для всей эпохи царствования Николая I и так как он периодически повторялся втечение тридцати лет при всяких осложнениях с Турцией.

Существует мнение, будто Николай I настойчиво стремился к завладению Константинополем.

---

[1] Депеша Татищеву 10 января 1827 года в Вену.
[2] То же, 17 марта 1827 года.
[3] Мартенс. Трактаты, т. IV, стр. 374.

Автор настоящего труда имел возможность еще до мировой войны ознакомиться со всей секретной перепиской Николая I и нигде не нашел намека на желание его овладеть Константинополем, хотя бы уже потому, что он ясно сознавал, какую мировую катастрофу вызовет подобная попытка.

Мысли Николая направлялись в другую сторону—иметь слабую, но послушную ему, Турцию и этим парировать удушающее русскую торговлю значение Константинопольских проливов. Николай I со страхом смотрел на весьма вероятное падение власти турок в Европе и на ту катастрофу, которая будет сопряжена с делением турецкого наследства. Желание упорядочить ее заблаговременным соглашением о судьбе проливов и Балканского полуострова с наиболее заинтересованными странами, Англией и Австрией, заставляло его в критические для Турции минуты возбуждать подобные приведенному выше разговоры о предположениях на случай падения владычества оттоманов. Отсюда, наряду с настойчивым желанием Николая не допускать вмешательства европейского концерта в его сношения с Турцией, и появилась легенда о конечной цели русской политики того времени—о желании овладеть Константинополем. Впрочем, в той или иной форме, но вопрос шел о том, чтобы фактическое главенство в проливах принадлежало России.

Закончу приведенную характеристику завязавшегося узла австро-русских отношений следующей пророческой для событий 1908 года фразой Поццо-ди-Борго в его докладе от 23 января/2 февраля 1826 г.: „С Австрией Россия соединена узами неразрывной дружбы, хотя с этой державой русская дипломатия всегда должна быть осмотрительной. Слепо верить в дружбу венского двора не следует".

Франция играла за этот период незначительную роль на арене европейской дипломатии. Она находилась в положении нашалившего ребенка, и Австрия энергично добивалась исключения ее из концерта великих держав. Французы с особой боязнью и щепетильностью относились к возможности полной политической изолированности их страны. Французский министр Вильель доказывал в 1826 г. русскому послу, что такие обстоятельства толкают „Францию на путь революционной державы, которая вынуждена искать опоры в плохо скрытых страстях континентальной Европы". [1]

Благожелательность и заступничество России, проявляемые с 1814 года, и отсутствие между этими двумя странами каких-либо спорных вопросов и соприкасающихся интересов обратили симпатии французского народа в сторону России и заставили французское правительство искать с ней сближения.

---

[1] Мартенс. Трактаты, том XV, стр. 53.

„Я знаю всю политическую важность интимных отношений между Францией и Россией и буду их поддерживать с величайшей заботливостью", говорил в сентябре 1827 г. Карл X русскому послу,[1] и в следующем году король в трудную минуту не изменил своему слову. Когда в 1828 г. разрыв России с Турцией готов был вызвать войну Англии и Австрии против нас, Карл X дал русскому послу самым решительным тоном следующее обязательство[2]: „Alors l'empereur me trouvera ami sincère et allié fidèle. Nous aurons besoin d'intéresser la Prusse dans notre système; elle sera d'un grand poids dans la balance et la France se trouverait infiniment soulagée, si elle n'avait pas à la combattre".[3]

И, действительно, впродолжение последовавшей войны России с Турцией, по донесению нашего посла, все французские либералы и вообще весь французский народ, за исключением роялистов, были на стороне России. Поццо ди Борго находил это чувство искренним и национальным и считал, что „ввиду очевидного и доказанного опытом стремления Франции, как нации, соединиться с Россией, мудрая политика требовала озаботиться, как в настоящее время, так и в будущем, закрепить это настроение".[4]

Наконец, разрозненная Германия и в частности Пруссия за истекший период никакой политической роли не играли, при чем эта последняя держава находилась в самых дружественных отношениях с Россией.

1830—1851 годы.

Следующий период начался французской революцией 1830 г. и закончился реакцией, которая наступила после нового революционного движения 1848 г., охватившего почти все страны Западной Европы.

В политико-экономическом отношении он характеризуется продолжающимся ростом промышленности, торговли и развитием банковских операций, что еще более усиливает значение буржуазии, которая приобретает новые политические права и подчиняет конституционному правлению Австрию и Пруссию. Но параллельно с этим усиливается и рабочее движение, которое постепенно сорганизовывается и вырабатывает программу своих требований.

Германия начинает реально выявлять свою жизненную силу, и вопрос об ее объединении делает большой шаг вперед. Россия, под впечатлением восстания декабристов и потом Польши, принимает под твердой рукой Николая I

---

[1] Донесение Поццо-ди-Борго от 1 (13) октября 1827 года.

[2] Донесения Поццо-ди-Борго от 24 апреля (6 мая) 1828 года.

[3] „Тогда государь найдет во мне искреннего и верного союзника. Мы должны заинтересовать в нашей системе Пруссию; она придаст большой вес, а Франция будет значительно облегчена, если не будет вынуждена с ней сражаться".

[4] Мартенс. Трактаты, том XV, стр. 89.

сугубо реакционное направление, бросая этим как бы вызов всей либеральной Европе.

Международные осложнения сгруппировались вокруг больного места Европы—Турции, и свелись к дипломатической борьбе за влияние в Константинополе, имеющей целью со стороны России удержать свое обособленное положение в отношении турецкого правительства и со стороны западных держав—ввести Восточный вопрос в русло деятельности европейского концерта. Лейт-мотивом внешней политики России за этот период было поддержание нерушимости Священного Союза трех монархов, который при весьма большом единомыслии Николая I с Меттернихом совершенно утратил свой мистический характер и стал на страже консервативного порядка в Европе; другая ее забота заключалась в достижении соглашения с Англией, которого, несмотря на личную поездку государя в 1844 г. в Англию, ему добиться не удалось.

Трехдневная французская революция 1830 г. свергла династию Бурбонов, но сохранила монархию, возведя на престол герцога Орлеанского. Этот, казалось бы, исключительно внутренний для Франции вопрос имел очень серьезные последствия и нарушил развивавшуюся связь между этой страной и Россией, отодвинув ее слишком на полстолетия и резко изменив характер политических отношений в Европе. В глазах Николая избранием Орлеанского принца на престол был нарушен принцип легитимизма, и король Филипп являлся уже монархом „не милостью божьею", а „волей народной". Русский государь, продолжая с прежней симпатией относиться к французскому народу, не признавал избранного им короля себе равным и игнорировал его.

Июльская революция произвела большое волнение во всей Европе. Она нанесла сильный удар Священному Союзу, так как впервые победила его и тем ускорила ход эволюционного, а отчасти и революционного, движения во всей Европе. Вслед за ней последовали восстания в Бельгии, которая отделилась от Голландии, и в Польше, которая после длительной борьбы лишилась своей конституции.

В самой Франции время июльской монархии было временем полного политического господства крупной финансовой, торговой и промышленной буржуазии, а парижская биржа стала самым могущественным образом влиять на внешнюю и внутреннюю политику страны.

Такое засилие буржуазии вызывало среди многих классов населения неудовольствие и желание изменить политическую систему. Под влиянием подобного настроения во Франции впервые образовалась к сороковым годам социалистическая партия с популярным учителем и вдохновителем Луи Бланом во главе.

При создавшемся положении и внутренних неудовольствиях достаточно было малейшего повода для новой революции, которая и восстановила в феврале 1848 г. во Франции Вторую Республику.

Однако, новая республика вновь ничего не дала рабочим, а, напротив, повела к увеличению безработицы и к усилению на 45% налогов, благодаря чему Национальное Учредительное Собрание, поддержанное мелкими собственниками-крестьянами, дало в мае 1848 г. огромное большинство умеренных республиканцев и даже монархистов.

Рабочие ответили на выборы июньским восстанием, кровопролитно подавленным в четыре дня ген. Кавеньяком. Все это очистило путь для диктатуры, так как рабочие отвернулись после июньской бойни от республики; диктатором явился Людовик-Наполеон Бонапарт, который принял в ноябре 1852 г. титул Наполеона III, императора французов.

В Англии французская революция 1830 г. отразилась принятием в 1832 г. нового закона, согласно которому вся политическая власть также оказалась в руках буржуазии (палата общин) и только отчасти в руках аристократии (палата лордов). Следствием этой однобокой реформы, ничего не давшей рабочим, для которых установленный ценз был очень велик, в Англии развивается в 1838—1848 гг. чартистское движение рабочих, требовавших всеобщей и тайной подачи голосов и вообще радикального преобразования всего политического строя. Впрочем, скоро это движение ослабло и приобрело, утратив свой политический радикальный характер, экономический оттенок.

Отличительной чертой австрийской монархии после Венского конгресса было сочетание самых разнообразных народностей, которые не имели друг с другом ничего общего ни по экономическим интересам, ни по происхождению, языку и культуре. Некоторые из них успели экономически довольно крепко спаяться друг с другом, другие же держались только внешним принуждением.

Брожение национального характера было особенно заметно в итальянских провинциях Австрии и в Венгрии. Национальное движение в Польше было также налицо, но оно сдерживалось суровым режимом Паскевича в русской ее части.

При таких условиях в Вене разыгралась 13 марта 1848 г., вслед за революцией в Париже, своя революция, сопровождавшаяся национальным движением в Ломбардии, Венеции и Венгрии, которые провозгласили свою независимость. В Австрии образовалось конституционное правление.

В Германии введенная Наполеоном континентальная система сильно способствовала развитию промышленности и вместе с тем буржуазного класса, который стремился к получению политических прав и к объединению Германии.

Положение рабочего класса в ней было хуже, чем в Англии. Коммунистический манифест Маркса и Энгельса 1847 г. положил прочное начало германскому социалистическому движению с подчеркнутым указанием на роль классовой борьбы.

1848 год был также отмечен революционным движением во многих местах Германии и в частности в Берлине, которое привело и в Пруссии к установлению конституции.

Почти в то же время революционным путем собрались во Франкфурте-на-Майне представители германского народа, в большинстве состоявшие из буржуазии. Это собрание, известное под именем „Франкфуртского парламента", поставило себе единственной целью объединить Германию и выработать для нее конституцию.

Парламент склонился в конце концов к такому плану объединенной Германии: Все существовавшие отдельные государства должны сохранить своих государей и парламенты для внутренних дел, но все они должны быть частями Германской империи при сохранении своей внутренней самостоятельности. Императорская корона была предложена королю прусскому Фридриху-Вильгельму IV, который отказался, не желая принять корону из рук революционеров. [1]

Что касается до жизни России за этот период, то она была совершенно чужда тех течений, которые волновали Западную Европу. Декабрьское восстание было продуктом работы людей аристократически-землевладельческого класса, и после своей неудачи, не имея фундамента в толще народной, оно не оставило следов в жизни страны, а только, совместно с польским восстанием и бунтом в военных поселениях, укрепило Николая I во взятом им твердом направлении реакционной политики.

Отсутствие рабочего класса исключало возможность развития рабочего движения. Борьбу с правительством скорее

---

[1] До чего у этого монарха, полумистика, полупоэта, сантиментального и полоумного, была велика ненависть ко всякому освободительному движению, показывает следующий факт, рассказанный в 1907 г. германским канцлером князем Бюловым русскому министру иностранных дел Извольскому со слов императора Вильгельма II:

Перед своей кончиной король Фридрих-Вильгельм IV составил нечто вроде политического завещания, в котором указывал своим преемникам на необходимость воспользоваться первым благоприятным случаем, чтобы отменить конституцию, дарованную им Пруссии под напором революционного движения 1848 г. С документом этим при вступлении на престол последовательно знакомились Вильгельм I, Фридрих и, наконец, Вильгельм II. Но этот последний уничтожил оригинальное завещание, объяснив причину такого поступка следующими словами: „Себя я знаю и уверен, что не последую указанию короля Фридриха, но за преемников моих я поручиться не могу, а потому считаю себя обязанным предотвратить возможность решения, которое я считал бы пагубным для Пруссии". (Доклад Извольского Николаю II от 31 июля 1907 г. II отд. Гос. Архива. Секр. дела министра).

можно было ожидать со стороны крестьян, закабаленных крепостным правом, но полное их невежество, неорганизованность и суровый режим николаевского царствованйя обращали эту борьбу исключительно в самосуд над помещиками. Зачаточное же состояние промышленности и торговли не дало возможности образоваться влиятельному буржуазному классу.

Общественная жизнь была стеснена до последнего предела, и передовая интеллигенция была принуждена направить свою умственную работу почти исключительно на академические споры западников и славянофилов.

Так жила и дремала сдерживаемая тяжелой рукой реакции Россия по соседству с бурлящей и ищущей новых политико-экономических путей Западной Европой. А между тем наполеоновские войны близко приобщили Россию к политической жизни всей Европы и дали в ее руки дирижерскую палочку, которая вместе с российским престолом перешла к Николаю I.

Твердый поклонник абсолютизма и легитимизма, свято веровавший в божественное происхождение монархической власти, глава по наследству Священного Союза, Николай считал себя призванным охранять в Европе исповедуемые им начала. Его советы, угрозы, нравственная, а иногда и реальная помощь, всегда были к услугам соседей для подавления „гидры революции". В наступившей после революционного движения 1848 г. реакции русский император играл первую роль. А реакция нагрянула очень быстро.

Уже с осени 1848 г. в Австрии и в Германии стало замечаться ослабление революционного натиска и начала крепнуть власть. Буржуазия и крестьянские массы, добившись своих целей, стремились примириться с правительственной властью, которая этим воспользовалась, чтобы, справившись с рабочими, взять обратно большую часть конституционных уступок.

Реакция так же, как и революция, пришла из Парижа.

Вслед за Кавеньяком в Париже, Австрия подавила восстание в Ломбардии и Венеции и обратилась против Венгрии. Однако, демократически настроенная мелкая буржуазия и рабочие Вены сделали попытку воспрепятствовать отправке войск против венгров. В октябре 1849 г. они временно захватили Вену, но вскоре порядок здесь был восстановлен жестокими мерами. Отложившуюся же Венгрию вернул под власть Австрии вооруженной рукой Николай I.

Наиболее жестока была реакция в итальянских государствах. В Берлине же все обошлось мирным порядком. Национальное Собрание было распущено королем, конституция была изменена в самом реакционном духе, а в 1849 г. прусскими войсками был разогнан и Франкфуртский парламент.

Международные отношения в рассматриваемый период почти исключительно сводились к дипломатической борьбе

между отдельными государствами и к образованию тех политических комбинаций, которые послужили прологом к разгоревшейся в пятидесятых годах Восточной войне. Мир в широком масштабе в Европе не нарушался. [1] Поход французов на Алжир, восстание египетского паши Мехмеда-Али против турок и восстание поляков против России так же, как и подавление венгерского восстания в 1849 г., не вызвали столкновений между великими европейскими державами, но дали много материала для соответствующих политических группировок.

Центральное место в международных отношениях занимал Восточный вопрос и борьба за влияние держав в Турции.

Закончившаяся Адрианопольским миром 1829 г. победоносная для России война с Турцией, веденная при явно враждебном против России настроении Австрии и Англии и дружественном отношении со стороны Франции и Пруссии, упрочила преобладающее влияние России на Востоке. Это должно было усилить противодействие ее политике со стороны прочих держав. Дипломатическая борьба за влияние в Турции приняла решительный характер на почве египетского вопроса.

В этой грядущей политической борьбе группировка сторон существенно изменилась, благодаря той же французской революции 1830 г.

Ни революция ни перемена правительства не заставили Францию отказаться от мысли о близком единении с Россией, сознание необходимости которого еще более увеличивалось боязнью ее остаться совершенно изолированной. Но взгляд императора Николая резко изменился. Он не желал нового монарха, избранного народной волей, признать равным себе. Дело едва не дошло до войны, в которой, по словам Поццо-ди-Борго, [2] мы работали бы на пользу наших врагов, так как уничтожали бы державу, в сохранении которой мы были так заинтересованы. [3] При таких условиях Франции не оставалось ничего другого, как броситься в объятия Англии, что она и не замедлила сделать. С 1832—1833 гг. соглашение между Англией и Францией следует считать фактом свершившимся.

С другой стороны, и венский кабинет пришел после Адрианопольского мира к сознанию необходимости изменить свою политику в отношении России, считая, что сближением с петербургским кабинетом он в состоянии будет скорее достигнуть на Востоке своих целей. Кроме того, Россия и

---

[1] См. А. М. Зайончковский. „Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой", т. I, гл. III, VI и VII.

[2] Мартенс. Трактаты, т. XV, стр. 102.

[3] Интересно сопоставить различие взглядов России и Англии на необходимость сохранения сильной Франции. Посол Англии считал, что „немного междоусобной войны во Франции было бы желательно". (Там же, стр. 103).

Австрия были соединены общностью интересов в отношении поддержания внутреннего порядка и сохранения мира в Европе.

Такое сближение закончилось подписанием в 1833 г. Мюнхенгрецкого договора, основанного на установившемся между двумя империями одинаковом взгляде на судьбу Турции. Идея его заключалась в сохранении Оттоманской империи до последней возможности. Если же, несмотря на это, Турция все-таки развалится, то не допускать восстановления на ее развалинах государства, опасного для Австрии и России. В этом случае следовало отдать предпочтение учреждению независимых государств: Молдавии, Валахии, Сербии, Боснии, Болгарии и Албании. Судьба Константинополя не была намечена, но Австрия решила не допускать, чтобы „государь, который получит берега Босфора и сделает Константинополь своей столицей, принял титул императора".

Таким образом, среди великих европейских держав образовалось два лагеря: с одной стороны—Англия и Франция, а с другой—Австрия, Пруссия и Россия.

При подобных обстоятельствах разрослось восстание Мехмеда-Али против султана, которое приняло такие размеры, что могло грозить существованию самой Турции.

Россия отклонила предложение западных держав о совместном вмешательстве в распрю султана с его вассалом и, оказавши султану непосредственную помощь, заключила с ним в 1833 г. Ункиар-Искелесский договор, реально утверждавший преобладающее влияние России на Востоке.

Суть этого договора заключалась в оказании, в видах взаимного спокойствия и безопасности, обоюдной существенной помощи, при чем Россия обязывалась предоставить в распоряжение Порты, если бы обстоятельства побудили последнюю искать посторонней помощи, свои морские и сухопутные силы, какие будут признаны необходимыми. С своей стороны, Порта обязывалась закрыть проливы для всех иностранных военных судов.

Смысл Ункиар-Искелесского договора, по словам вице-канцлера графа Нессельроде, заключался в том, что „мы получили законное основание для вооруженного вмешательства в турецкие дела".

Радостное настроение петербургского кабинета по случаю заключения Ункиар-Искелесского и Мюнхенгрецкого договоров фактически не имело под собой почвы. Англия и Франция стали напрягать все усилия, чтобы вернуть утраченное на берегах Босфора влияние, а Австрия и не думала отрекаться от преследования своих собственных целей.

На берегах Босфора началась вновь борьба за влияние, но на этот раз при худших для России условиях, так как состязаться с морскими державами в Турции на почве тор-

говли и экономического влияния нам представлялось невозможным. Порта могла искать русского покровительства и защиты в минуту непосредственной военной опасности, но в обыкновенное время, когда дело касалось исключительно экономических интересов, наша дружба не имела для турок особого значения. Поэтому, естественно, что, по мере умиротворения Турции, русское влияние в Константинополе падало, и в 1840 г. обстановка настолько изменилась, что Россия не считала возможным поднять вопроса о возобновлении Ункиар-Искелесского договора, кратковременное существование которого только увеличивало недоверие Европы к истинным намерениям России в отношении Турции.

И Англия, в лице лорда Пальмерстона, и Австрия, в лице Меттерниха, были одинаково убеждены, что единственным средством для разрешения Восточного вопроса может служить установление общеевропейского покровительства над Турцией и подвластными ей народами, а единственной мерой для этого было „включение Ункиар-Искелесского договора в какой-либо общий договор такого же рода".

На помощь пришло новое восстание Мехмеда-Али, при чем султан не обратился уже к единоличной помощи России. Петербургский кабинет пошел на сближение с Англией, и 3 (15) июля 1840 г. была подписана конвенция между Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Турцией, которая фактически передала Восточный вопрос в руки европейского концерта, пока без Франции, но сохранила в силе закрытие Черного моря от входа в него иностранных военных судов.

Одной из причин уступчивости Николая I в этом вопросе было влечение его к Англии, этой „vieille amie et alliée" (этому старому другу и союзнице), которую он предполагал приобщить к сплоченной группе консервативных государств Европы. Впрочем, выгода сердечного соглашения между Англией и Россией сознавалась и руководителями внешней политики обеих стран. „Как только Россия и Англия придут к соглашению,—говорил Пальмерстон,—то мир в Азии будет обеспечен". Нессельроде же был того мнения, что между Россией и Англией не существует никаких недоразумений, кроме простых предубеждений.

Через год к этой конвенции присоединилась и Франция, при чем статья 4 конвенции, устанавливавшая закрытие проливов, была дополнена фразой, изменяющей сущность договора не в пользу России: „пока Порта находится в мире", которую по непонятной причине русские дипломаты не оценили по достоинству.

Конвенция 1841 г. фактически являлась полным дипломатическим поражением России, передавая ее споры с Турцией на решение европейского ареопага. Восточная война 1854 г. замерцала на горизонте уже в 1841 г.

Для освещения отношения к Франции со стороны России и Англии интересно отметить следующий факт.

Франция была очень обижена, что конвенция 1840 г. состоялась без нее, и дело грозило разрывом. Лорд Пальмерстон предлагал России защищать конвенцию против Франции даже вооруженной рукой. На докладе об этом император Николай написал 9 (21) августа 1840 г. целую программу: [1]

„Я ни минуты не задумаюсь присоединиться к декларации, которую надлежит сделать Франции, в виде последствий только что заключенного трактата. Но нужно сочинить эту декларацию так, чтобы она была действительна только на время существования Оттоманской империи. Я не могу связать себе руки на будущее время, может быть, довольно близкое, когда больше не будет государства с таким именем, ибо тогда начнется новая эра, пройти которую будет очень трудно, если не будут действовать с той и другой стороны добросовестно. Я за себя отвечаю, ибо я никогда не буду действовать против моей совести. Пусть другие скажут то же самое.

„И так как это очень печальное обстоятельство сделалось в настоящее время возможным и даже весьма вероятным, то нужно думать о будущем самым серьезным и глубоким образом и обменяться мнениями, когда мы увидимся. Не о чем другом идет речь, а о вопросе: если Турция умрет, то что поставить на ее место? Желают ли независимого христианского государства или же полюбовного разделения, не исключая Франции? Я склоняюсь в пользу последнего решения, и мне кажется, что наследство у покойного будет достаточно велико для удовлетворения всех, если оставить Константинополь всем, т.-е. никому.

„Стража на Босфоре наша; на Дарданеллах—Англии и Австрии.

„Вот мои идеи. Только не выводите отсюда заключения, что я этого желаю; нет, напротив, я молю бога избавить нас от этого нового несчастья, но решился не позволить застать себя врасплох, если б дело сделалось неизбежным".

События 1848 г. вновь поставили на очередь вопрос о сближении нашем с Францией. „Наиболее явные опасности,—писал Нессельроде в своем отчете за этот год, [2]—приходили к нам не столько от Франции, как от наиболее враждебной демократии Вены, Берлина и Польши. Для того, чтобы нам обороняться на севере от объединенной Германии, нужен на юге противовес, который мог находиться только во Франции. Будь Франция республиканская или

---

[1] Мартенс. Трактаты, том XV, стр. 179.
[2] Мартенс. Трактаты, том XV, стр. 239.

БИБЛИОТЕКА КРАСНЫЙ ПРОФЕССУР

монархическая, она будет силою вещей играть роль в европейском равновесии".

Личные симпатии Николая I к решительному характеру нового президента французской республики принца Людовика-Наполеона могли бы содействовать тесному сближению России с Францией, если бы при провозглашении им империи не было нарушено постановление Венского конгресса, на защиту которого вновь решительно стал Николай I.

Остается упомянуть еще о взаимных отношениях России и Пруссии.

Отличительную черту их составляли теснейшие узы дружбы, а потом и родства между монархами, нелюбовь к России либеральных и большей части военных кругов прусского общества, отсутствие сталкивающихся политических интересов и, наконец, совершенно противоположные интересы экономические и торговые. Эти последние, благодаря естественному стремлению Пруссии захватить в свои руки торговлю с Россией и желанию русского правительства охранять развивающуюся в стране промышленность, приводили к постоянным распрям, которые оказывали весьма часто влияние и на дипломатические отношения между обоими государствами.

Положение прусских государей того времени было весьма трудное. С одной стороны, на них давил Николай, связанный с ними узами дружбы и родства, а с другой—необходимо было удовлетворить требования либеральной части общества, шедшие весьма часто вразрез с желанием Петербурга. И несмотря на такую трудную обстановку, неизменные дружеские отношения существовали между обеими странами. Они были несколько нарушены только заступничеством России за Данию в 1849 г. и Ольмюцким договором 1850 г., в котором государь решительно стал на сторону Австрии против попытки прусского короля объединить вокруг себя Германию с исключением Австрии из союза.

1851—1871 годы. Если предшествовавший период был отмечен сильными внутренними политико-экономическими потрясениями, то центр тяжести следующего периода переносится к международным осложнениям и знаменуется целым рядом войн, в результате которых Европа приняла вид, долженствовавший в конце концов привести ее к группировке, предшествовавшей мировой войне.

Влияние России на политическую жизнь Европы падает; оно переходит к императору французов Наполеону III, но и этот последний сходит со сцены, уступая место объединенной Германской империи под главенством прусского короля.

Подписанная Россией в 1841 г. конвенция с остальными державами о Турции и недоверие Европы к политике Николая I в Восточном вопросе предопределили участь будущего единоборства России с Турцией. Оно должно было обратиться

в европейский конфликт, что действительно и случилось при первом решительном выступлении России с целью заставить Турцию исполнять заключенные ею трактаты.

Начавшееся в 1853 г. на этой почве между обеими странами вооруженное столкновение не замедлило в 1854 г. превратиться в войну России почти со всей Европой. Англия, Франция, Турция и Сардиния открыто выступили против нее, а Австрия приняла еще более опасное, чем открытый разрыв, положение, сосредоточив все свои силы на русских тылах с целью вступить в войну тогда, когда для нее не будет никакого риска в поражении ее русской армией. Только одна Пруссия с своим колеблющимся нейтралитетом позволила России избежать полного экономического и военного окружения.

Смерть Николая I и уничтожение русского Черноморского флота сделали дальнейшую борьбу бесцельной, и в 1856 г. она закончилась Парижским конгрессом, который сильно ухудшил положение России на ее южной границе, а также в делах Ближнего Востока и временно отодвинул Россию на задний план.

Парижский трактат вплоть до мировой войны не был окончательно отменен, а только изменен последующими договорами, почему будет уместным напомнить его главные основания.

Мирный договор имел целью, кроме восстановления и заключения мира, также и обеспечение целости и независимости Оттоманской империи взаимным ручательством держав. Статьей 7 Порта вводилась в состав европейских держав с коллективной гарантией ее независимости и целости. Статья 8 обязывала передавать все возникающие между Турцией и какой-либо державой споры до разрешения их силой оружия на посредничество держав, подписавших трактат. Статьей 9 Турция обязывалась улучшить положение христиан, но это обязательство не давало права державам вмешиваться в ее внутренние дела. Статья 10 подтверждала закрытие проливов для военных судов в то время, когда Турция не будет находиться в войне. Статьи 11—14 говорили о нейтрализации Черного моря и о запрещении держать в нем военный флот, арсеналы и проч. Статьи 15—19 определяли, что пароходство по Дунаю и его устьям впредь подчиняется международному европейскому праву, и статьей 20 изменялась русская граница в Бессарабии, между прочим, „для лучшего обеспечения свободы судоходства по Дунаю".

Парижский трактат являлся для России наиболее унизительным актом за последние два столетия. Он не только лишал ее плодов длительных побед над Турцией, но и ограничивал ее державные права запрещением принимать меры обороны на Черном море. Этим определялись дальнейшие

отношения России к ее двум наиболее злостным противникам—Англии и Австрии, при чем русское общественное мнение делало разницу и между этими двумя врагами, и если в Англии оно видело врага открытого, то в Австрии—врага двуличного.

Совершенно иначе дело обстояло с Францией. Война эта, спровоцированная в значительной степени Людовиком-Наполеоном, отнюдь не должна была, с точки зрения французского правительства, содействовать чрезмерному усилению Англии и Австрии. При содействии Наполеона III война была закончена, при чем Парижский конгресс представлял собой резкую картину дипломатической борьбы Франции и России против Англии и Австрии.

Наполеон не ограничился этим. Он не только старался сблизиться с Россией, но и поднял вопрос о заключении союза между Россией, Францией и Англией. „Мое убеждение,—сказал он русскому представителю,—заключается в том, что для твердого охранения великих интересов Европы необходим союз между Францией, Россией и Англией. Если эти три державы согласятся между собою, то, я думаю, что они в состоянии миролюбиво разрешить все вопросы, которые могут представиться".[1]

Интересно отметить, что почти в то же время Бисмарк говорил нашему представителю во Франкфурте, что союз между Россией, Пруссией и Францией является его истинным политическим идеалом, о котором он давно мечтал, и единственной комбинацией, которая могла бы удовлетворить всем политическим потребностям трех государств.[2]

Таким образом, две комбинации, которые впоследствии волновали Европу в период, предшествовавший мировой войне, возникли за 60 лет до последней. Но в то время обе они заглохли. Будущий император Вильгельм назвал мысль Бисмарка идеей школьника, а мысль Наполеона III столкнулась с недоверием к нему и с той обоюдной враждой Англии и России, которая устраняла возможность в этот момент политики соглашения.

Вообще царская Россия временно отошла после Крымской войны от активного участия в международной политике, посвятив себя внутренней работе. Во внешних делах ее руководящим принципом, по словам князя Горчакова, была политика воздержания.

Результаты Крымской войны выдвинули в Европе на первое место Наполеона III. Последнему было необходимо укрепить свою династию, для чего он избрал путь блеска внешней

---

[1] В разговоре с Брунновым 11 (23) мая 1856 г. Мартенс. Трактаты, том XV, стр. 295.

[2] В разговоре с Глинкой 27 июля (8 августа) 1854 г. Мартенс. Трактаты, том VIII, стр. 444.

политики. Он выдвинул, как форму социально-экономической борьбы, национальные движения, что является самой яркой чертой эпохи Второй империи.

Наполеон ясно намекал русским представителям на свое желание стереть следы Венского конгресса и переделать карту Европы, но в чем в действительности заключались его планы,—никому не было известно, и это волновало политические круги. Об этих планах можно было только догадываться. Впрочем, русский посол, граф Киселев, правильно предсказал, что первый удар постигнет Австрию, которая потеряет свои итальянские провинции, а вслед за этим Наполеон обратит внимание на Польшу.

Русское правительство решило, со своей стороны, отказаться от политических принципов, которыми оно руководствовалось при Николае I, порвать со всеми традициями Священного Союза и основать свое международное положение на осуществлении реальных интересов. Союз с Францией был положен в основу будущих политических комбинаций, и Киселеву было предписано поддерживать с Наполеоном самые лучшие отношения ввиду естественной симпатии, существующей между русским и французским народами. Если Наполеон пожелает привести в исполнение свои планы относительно Италии, то пусть это делает; если он захочет напасть на Австрию, Россия ему мешать не будет. Если же он пожелает восстановить старую границу Рейна, то пусть знает, что Россия не оставит Пруссию. Вообще, ему были развязаны руки всюду, кроме Востока.

Таковы были основы внешней политики, на которых Александр II решил начать дело возрождения России. [1]

Первые пятнадцать лет правления Наполеона отличались редким успехом как во внешней, так и во внутренней политике. Вслед за удачной Крымской войной, в 1859 году последовала удачная война с Австрией за объединение Италии, после чего только Венеция и Рим оставались еще вне пределов Итальянского государства.

Эти успехи дали возможность Наполеону управлять страной почти самодержавно, совершенно не замечая растущей оппозиции. Но с 1866 года начинается для него ряд дипломатических неудач, сопровождаемых внутри страны кризисом промышленности, застоем в торговле и оживлением оппозиции. Для укрепления своего положения Наполеон ищет внешнего успеха, поддается провокации Бисмарка и объявляет войну Пруссии, которая привела к крушению второй империи.

Рост французских успехов и влияние Франции на жизнь Европы серьезно встревожил германское общественное мнение, напоминая, что пока Германия не объединена, она легко

---

[1] Мартенс, Трактаты, том XV, стр. 296—306.

может сделаться жертвой иностранного нашествия. Австрия, лишенная на этот раз поддержки России, должна была уступить дело объединения Германии Пруссии.

В Германии боролось две партии: „велико-немецкая“, желавшая видеть в объединенной Германии и Австрию, и „мало-немецкая“—без Австрии; во главе этой последней стал Бисмарк.

Бисмарк сознавал, что при существовавших условиях Германия могла быть объединена только путем внешних войн, „кровью и железом“, как он выражался. По этому пути Пруссия пошла и закончила, после поражения Дании в 1864 и Австрии в 1866 годах, Франко-Прусской войной 1870—1871 годов, которая привела к провозглашению 18 января 1871 года в Версале Германской империи с Пруссией во главе и с совершенным вытеснением из нее Австрии.

Во внутренней жизни государств этот период отмечается ослаблением борьбы между буржуазией и побежденным дворянством и оживлением в шестидесятых годах рабочего движения.

Агитация Лассаля в Германии, создание в 1864 году в Лондоне первого Интернационала, появление в 1867 году первого тома „Капитала“ Маркса, все это углубляло классовое самосознание рабочих и развивало всемирную их солидарность в борьбе против капитала и за завоевание политической власти.

В России произошла отмена крепостного права, а либеральные начала царствования Александра II приобщили передовые элементы и нашей страны к разрешению вопросов, волновавших тогда социалистов Европы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

(1871—1890 гг.).

Образование Германской империи. Союз трех императоров. Русско-турецкая война и Берлинский конгресс. Последствия Берлинского конгресса. Последний этап Союза трех императоров. Франко-германские отношения до 1890 года. Связь русской политики со стратегией. Политико-экономическое состояние Европы. Заключение.

Образование Германской империи.

Франко-прусская война неожиданно кончилась для Европы большими последствиями. Она выявила совершенно прогнивший во Франции строй второй империи, быстро и легко скинула его и заменила третьей республикой, в корне подорвав в этой стране увлечение монархическим принципом.[1] Она впервые вызвала в Париже захват власти в свои руки доведенными до отчаяния рабочими, и в нем с 18 марта по 28 мая 1871 г. царила коммуна, жестоко подавленная правительственными войсками. И, наконец, она привела к объединению разрозненных немецких государств в мощную Германскую империю.

Это последнее событие совершенно изменило общий контур политических комбинаций Европы. Внутри ее образовался сильный центр, который своим давлением на фланги мог быть регулятором мирного процветания нашей части света; но он же таил в себе возможность и агрессивной политики в Европе.

Трудно было предвидеть, по какому пути пойдет этот центр—использует ли он присущую немецкому народу культурность, трудоспособность, дисциплину и организованность для мирного развития своего выгодного в Европе положения, или же увлечется неожиданным успехом для развития агрессивных стремлений.

Самая Германская конституция,[2] выдвигавшая на особый пьедестал прусский королевский дом, а следовательно,

---

[1] По Франкфуртскому миру 10 мая 1871 года Франция уступила Германии Эльзас и большую часть Лотарингии, обязалась уплатить 5 миллиардов франков контрибуции, и в отношении внешней торговли обе державы давали друг другу права наиболее благоприятствуемой стороны,—условие, более выгодное для Германии с ее развитой промышленностью.

[2] Всего в Германскую империю входило 25 государств. Во главе стояли император (король прусский), Союзный Совет из 58 членов всех государств и Рейхстаг из 397 членов, избираемых каждые пять лет всеобщей подачей

и Пруссию, и способ проведения в жизнь идеи германского объединения давали основание предполагать, что будущая судьба этой империи далеко не миролюбивого характера.

Родившаяся при помощи „железа и крови", обязанная своим объединением в большей степени победам армии, в особенности прусской, самая победоносность этой армии, которая хорошо узнала цену побед и поражений и, наконец, главенство наиболее воинственной и консервативной Пруссии,— все это предвещало определенный, но далеко не мирный характер как самой Германской империи, так и ее военной касты.

Нет сомнения, что в успехах прусского оружия сыграла не малую роль и русская помощь. В 1866 году Россия дала Пруссии полную возможность разбить Австрию и в 1870 году такую же возможность разгромить Францию.

В этом ее поведении трудно видеть только месть Францу-Иосифу и Наполеону за Крымскую войну. Здесь были замешаны и более сложные причины.

Ставка на Наполеона, сделанная петербургским кабинетом в 1856 году, окончательно рушилась после польского мятежа 1863 года. Россия осталась совершенно изолированной в европейской политике, если не считать менее других по отношению к ней скомпрометированной во время Восточного кризиса Пруссии. России оставалось базировать свою дальнейшую политику на союзе с Пруссией, а для этого Пруссия должна быть сильна, что можно было достигнуть, поставив ее во главе объединенной Германской империи. [1]

Союз трех императоров.

Франко-Прусская война дала России уничтожение нейтрализации Черного моря, что ей позволяло вновь строить на нем флот, и союз с новой Германской империей. „Пруссия,—говорил Бисмарк русскому канцлеру Горчакову в мае 1873 года в Петербурге, [2]—никогда не забудет оказанных ей во время последней войны Россией услуг, и единственным средством для нее проявить свою благодарность является предоставле-

---

голосов. Законы проходили через Рейхстаг и Союзный Совет. Императору принадлежала вся полнота исполнительной власти. Канцлер и министры были ответственны только перед ним. Он был главою армии и полным руководителем внешней политики.

Рейхстаг состоял из следующих партий: консерваторы (защищавшие интересы дворян-землевладельцев), национал-либералы (крупная промышленность), свободомыслящие, центр и католическая партия (торгово-финансовая, капиталистическая, часть средней и мелкой буржуазии и часть католического крестьянства) и социал-демократы (рабочий класс).

[1] Красный Архив, т. I. Русско-германские отношения с предисловием М. Покровского.

[1] Доклад Горчакова Александру II 25 мая 1873 года. Красный Архив, т. I.

ние в распоряжение России всего того влияния, каким Пруссия обладает на Востоке". Месяцем раньше он же говорил Стремоухову:[1] „У нас нет политических интересов на Востоке; нам необходимо только защищать там наших соотечественников и покровительствовать развитию немецкой торговли. Влияние, которое мы можем там иметь, должно быть предоставлено к услугам той державы, чье доброе расположение нам дорого и нужно. Не чувство, а политический расчет говорит нам, что такой державой является Россия, которая одна только может быть нам существенно полезною, и дружба которой для нас существенно необходима".

Эти обе выдержки из сладких речей „железного канцлера" особенно знаменательны, как политическое завещание, которое руководило германской политикой и в период переживаемых Европой кризисов в начале двадцатого столетия. Толкание России первоначально на Ближний, а потом и на Дальний Восток, держание сначала ее, а потом Австрии в политическом и экономическом повиновении подачкой на Балканском полуострове—такова была основа германской политики вплоть до 1914 года.

В данном случае „доброе расположение" именно России было дорого Германии Бисмарка, также оставшейся одинокой в Европе, так как молодой и не сплотившейся еще Германской империи было опасно пока опираться на Австрию, благодаря сильному удельному весу ее в католических немецких странах.

Результатом переговоров Бисмарка в Петербурге явилась военная конвенция, подписанная между Россией и Германией 24 апреля (6 мая) 1873 года и заключенная с целью „упрочить господствующий ныне в Европе мир и удалить возможность войны, которая могла бы его нарушить". Согласно этой конвенции при нападении какой-либо европейской державы на одну из договаривающихся сторон, другая поддерживает ее в кратчайший срок 200 тыс. человек. О прекращении договора стороны предупреждают друг друга за два года.

Соглашение, исключительно полезное для Германии, которая имела основания опасаться и Франции и Австрии, а может быть, и намечала уже удар, нанесенный Франции в 1875 году.

Но параллельно переговорам с Германией Россия внимательно относилась и к предложениям австрийского посла Андраши о заключении австро-русского договора.

Здесь также замечается характерная особенность и последовательность в сношениях между Австрией и Россией за почти семидесятилетнее царствование Франца-Иосифа, с которыми мы будем встречаться и в дальнейших событиях.

---

[1] Доклад Стремоухова канцлеру Горчакову 18 апреля 1873 года.

Каждый австрийский экономический или территориальный захват на Балканах вел за собой усиленную попытку Австрии обеспечить этот захват сближением с Россией, которая неизменно сопровождалась личным влиянием Франца-Иосифа на царя, во имя сохранения монархического принципа и борьбы первоначально с революцией, а в позднейшее время с социализмом [1].

Так и в данном случае. Через месяц после заключения тайной конвенции с Пруссией, к которой Бисмарк не хотел приобщить Австрию, была 25 мая (6 июня) 1873 года заключена такая же тайная конвенция между Россией и Австрией.

Согласно этой конвенции оба государства решили не доводить дело при частных разногласиях до разрыва, а кончать его путем переговоров во имя высших принятых ими принципов. Если же нападение третьей державы грозило нарушить европейский мир, то обе стороны, „не ища и не заключая новых союзов", сговариваются между собою относительно образа действий, которого им следует держаться сообща. На случай военных действий должна быть заключена особая конвенция.

Через полгода (23 октября) к этой конвенции принужден был присоединиться и германский император, чем вновь был на время склеен Союз трех императоров, который давал Германии свободу действий против Франции и предоставлял Балканы обоюдному соглашению России и Австрии.

Русско-Турецкая война и Берлинский конгресс.

Ближайшими последствиями вновь заключенного союза была попытка Бисмарка раздавить Францию в 1875 году и русско-турецкая война 1877—1878 годов.

В первом случае союз с Германией не помешал Александру II, поддержанному Англией, отвести от Франции новый удар. В самую решительную минуту кризиса он заявил французскому послу ген. Фло: „Интересы наших обеих стран совпадают, и, если, во что я отказываюсь верить, вам будет когда-нибудь грозить серьезная опасность, вы будете быстро спасены и спасены нами". После этого Россией совместно с Англией были приняты меры для прекращения кризиса.

Война России с Турцией, вызванная восстанием на Балканах христианских народностей против турецкого режима и обеспеченная предварительным соглашением России с Австрией, началась в 1877 г.

Ей предшествовали секретная конвенция между венским и петербургским кабинетами, заключенная в Будапеште 15 января 1877 года, и Рейхштадтское тайное соглашение 11 февраля того же года.

---

[1] См. письма Франца-Иосифа как в моем труде: „Восточная война 1853—1856 г. г.", так и вошедшие в настоящую работу.

Согласно первой из них устанавливался, в случае войны России с Турцией, доброжелательный нейтралитет со стороны Австрии, при чем последняя обязывалась путем дипломатического воздействия парализовать попытки вмешательства или коллективного посредничества других держав. За это Австрия оставляла за собой право выбора времени и способа занятия своими войсками Боснии и Герцеговины и добилась от России обязательства не распространять военные операции на Боснию, Герцоговину, Сербию и Черногорию.

Наиболее интереса представляет Рейхштадтское соглашение, предусматривающее случай победы России над Турцией.[1] Смысл конвенции заключался в предотвращении возможности столкновения обоюдных интересов договаривающихся сторон и в желании сговориться относительно последствий войны, чтобы заранее определить территориальные изменения, которые могли явиться результатом войны или распадения Оттоманской империи. Статья 1-я этой конвенции устраняла возможность такой значительной аннексии, которая могла бы нарушить мир и равновесие Европы. Поэтому было решено ограничить аннексии в пользу Австрии Боснией и Герцоговиной, за исключением части, находившейся между Сербией и Черногорией, а в пользу России частью Бессарабии, оторженной в 1856 году. Статья 2-я обязывала оказывать друг другу дипломатическую поддержку, в случае передачи вопроса о территориальных изменениях Турции на коллективное обсуждение великих держав. Статьей 3-й исключалась возможность образования на развалинах Турции большого сплошного славянского или иного государства. Напротив, Болгария, Албания и часть Румелии могли бы стать независимыми государствами; Фессалия, часть Эпира и остров Крит могли бы быть аннексированы Грецией, а Константинополь с прилегающей территорией мог бы стать вольным городом.

Это соглашение знаменательно во многих отношениях.

Оно указывает на ту базу, которая легла в основу дальнейшей политики и взаимоотношений между Россией и Австрией в балканских делах. Оно делало положение Австрии на Балканах гораздо выгоднее положения России не только потому, что русские победы передавали в пользу Австрии целую большую провинцию, но и потому, что оставляли для нее открытым дальнейшее движение к южному морю, тогда как вопрос о проливах разрешался для России в выгодную сторону только в экономическом, но не в военном отношении. Оно переносило борьбу на Балканах при образовании там небольших самостоятельных государств скорее в плоскость политических влияний, а не реальной силы, и, наконец, оно показывает, как далеко была принуждена Россия отойти за

---

[1] Красный Архив, том I. Русско-германские отношения.

пятьдесят лет от принципов своей восточной политики времен Ункиар-Искелесского договора.

Война с Турцией кончилась для России более успешно, чем могла ожидать Австрия. Вступление русских войск в Константинополь было задержано только угрозой вооруженного вмешательства со стороны Англии и Австрии. Предписанный победительницей Турции выгодный для балканских славян Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор вызвал возражение и по настоянию Бисмарка, заявившего, что Восточный вопрос имеет европейское значение, последний был передан в Берлин на коллективное обсуждение всех великих держав.[1]

Берлинский конгресс лег в основу всех дальнейших дипломатических переговоров по Балканскому полуострову, а потому необходимо напомнить те статьи его, которые фигурировали в позднейших балканских кризисах.

Цель конгресса была мотивирована желанием разрешить, в смысле европейского строя, согласно постановления Парижского трактата 30 марта 1856 года, вопросы, возбужденные на Востоке событиями последних лет, войной и Сан-Стефанским договором.

Статья 1-я устанавливала образование самоуправляющегося Болгарского княжества, остававшегося под властью султана и платящего ему дань.

Статьи 2—12 определяли границы Болгарии, сильно сокращенные по сравнению с Сан-Стефанским договором и разрезавшие болгар на три части, а также ее устройство.

Статьи 13—22 касались образования Восточной Румелии, оставляемой под непосредственной властью султана на условиях административной автономии и под управлением генерал-губернатора христианина, а также устройства ее при содействии особой европейской комиссии.

Статья 23-я определяла положение острова Крита и введение в нем органического устава 1868 года.

Статья 25-я устанавливала занятие и управление Австрией Боснии и Герцоговины и право ее содержать гарнизоны в Новобазарском санджаке.

Статьи 26—33 устанавливали независимость Черногории и ее границы, в частности статья 29-я определяла условия присоединения к Черногории Антивари, при чем Черногория лишалась права иметь военный флот, все ее воды объявлялись закрытыми для военных судов всех наций, прибрежные укрепления срывались, а полицейский надзор по Черногорскому побережью производился Австрией.

---

[1] Теория, диаметрально противоположная той, которую Германия поддерживала в 1914 году, когда отстаивала единоличное право Австрии решать свою тяжбу с Сербией.

Статьи 34 — 42 определяли устройство Сербии, которая признавалась независимой, но народ которой также разрезался на несколько частей. Сербия принимала на себя особенно выгодное для Австрии обязательство Турции в отношении торговли и железнодорожного строительства.

Статьи 43 — 51 касались Румынии, которая признавалась независимой, но должна была уступить России отторгнутую от этой последней по Парижскому договору часть Бессарабии.

Статьи 52—57 касались пароходства по Дунаю.

Остальные статьи 58—64 касались уступок территории Турцией России на Кавказе, реформ, которые Турция должна была ввести в отношении христиан, Афона и сохранения во всем остальном постановлений Парижского трактата и Лондонского договора в отношении Черного моря.[1]

Берлинский трактат должен был произвести в России впечатление грома, разразившегося с ясного неба. Он его и произвел.

Если всматриваться в этот договор, то можно притти к заключению, что Австрия, а не Россия, вела победоносную войну с Турцией и получила наибольшие на Балканском полуострове прерогативы, уделив крохи от них России.

В то время, как Берлинский трактат распространял влияние Австрии в сторону Средиземного моря, сербская и болгарская народности дробились на три части, а Македония передавалась под власть султана. Постановления конгресса совершенно не считались с желанием населения; они подготовили, таким образом, неизбежные конфликты между славянами и турками, между славянами и Австрией и сгруппировали на маленьком клочке земли громадное количество взрывчатых веществ.

Последствия подобного трактата были весьма серьезны для России.

Доминирующее влияние Австрии в западной половине полуострова не подлежало в будущем сомнению, при чем буквою трактата она не была ограничена в своем дальнейшем продвижении на юг. Между тем выход России через проливы был закрыт.

Экономическое давление Австрии на Сербию и Черногорию было санкционировано.

Сохранение влияния России в восточной части Балканского полуострова переходило исключительно в область работы русской дипломатии, поставленной, благодаря надругательству Берлинского конгресса над насущными интересами болгар, в крайне невыгодное положение, и русское общественное мнение, до крайности взвинченное популярной войной и победами, реагировало наиболее страстно на унижаю-

---

[1] Мартенс. Трактаты, том IV, стр. 639—675.

щий Россию Берлинский трактат. Гнев его обратился и на русское правительство и на германского канцлера, который в своей роли „честного маклера“ сыграл двойную игру в пользу Австрии, забыв свои сладкие речи 1873 года.

Обвинение русским общественным мнением Бисмарка в двойной игре вызвало с его стороны целый ряд оправданий в разговорах с русскими государственными деятелями того времени, [1] оправданий, которые при всем желании не позволят читателю всецело стать на его сторону. Да это и вполне понятно. Свое влияние на Востоке Бисмарк, как указано выше, „предоставлял в распоряжение той державы, чье расположение ему было дорого и нужно“. Мощный окрик России в 1875 году, запретивший Германии добить безоружную Францию, не мог быть забыт Бисмарком. С тех пор для него стало „дорогим“ доброе расположение Австрии, что и проявилось в полном объеме на Берлинском конгрессе, где интересы Австрии были выдвинуты на первый план.

Известный теоретик международного права профессор Мартенс дает такую характеристику перемены отношений Германии к России после Берлинского конгресса в своей переписке с Николаем II в 1909 году: [2]

„Причиной перемены политической системы Германии является стихийное стремление германского народа расширять во что бы то ни стало поле своей промышленной деятельности, захватывать новые рынки и заселять чужие земли. Это стихийное Drang nach Osten, под давлением которого князь Бисмарк создал на Балканском полуострове из Австрии плотину против России... С этой точки зрения действия князя Бисмарка до и после Берлинского конгресса представляются только исполнением глубоко задуманного плана, заключающегося в постепенном и систематическом вытеснении России с Ближнего Востока вообще и из Турции в особенности. Только на Дальний Восток должна отныне Россия, по заветам германской политики, направить свою культурную работу. Созданный князем Бисмарком Тройственный Союз должен был служить базой этой политики мирных завоеваний, и Австрия должна была играть роль послушного застрельщика“.

Самым лучшим средством борьбы России с Австрией Мартенс считал поддержание всеми средствами родственной связи с ее славянскими народностями, так как России выпала историческая роль служить магнитом, притягивающим к себе славянские народности Турции и Австро-Венгрии. [3]

---

[1] Красный Архив, том I. Русско-германские отношения.

[2] В письме от 25 марта 1909 года. II Отд. Гос. Арх. Секр. отд. Папка 1909 года.

[3] В письме от 6 января 1909 года. Там же.

Последствия Берлинского конгресса. Последний этап Союза трех императоров.

Изложенные события вновь поставили перед русским правительством жгучий вопрос о создании политических комбинаций, так как оно опять оказалось в Европе изолированным.

„Тройственный Союз осужден,—доносил по этому поводу Сабуров канцлеру Горчакову 13 августа 1879 года под впечатлением длительных бесед с Бисмарком в Киссингене. Это соглашение, начавшееся с франко-германской войны, оказалось для нас более обильным разочарованиями, нежели результатами („Увы, это слишком верно“, — пометил Александр II)... Мы живем не накануне, а по окончании войны, которая повела к возрождению новых политических комбинаций, имеющих осуществиться, если наша дипломатия не будет осторожна. Происходит заметное сближение между кабинетами великих держав, за исключением нашего“.

Поэтому задачей русского правительства было, по мнению докладчика, помешать такой кристаллизации, что невозможно, пока мы остаемся одинокими. К кому же броситься России— к Франции или к Германии, и Сабуров становится всецело на сторону Германии, так как „наша дружба может быть нужна Франции только в целях реванша“. В то время, в последние годы царствования Александра II, Сабуров был далеко не один в высших кругах Петербурга, и идея восстановления союза с Германией, а, следовательно, и с Австрией временно восторжествовала.

С своей стороны, и Бисмарк полагал, что в истории нет другого примера существования двух великих пограничных государств, столь солидарных в своих сложных интересах. „Наша ставка, — продолжал он, [1] — есть сохранение Эльзас-Лотарингии. Если бы вы нам обеспечили обладание этой провинцией, я был бы готов следовать за вами durch dick und dünn [2] и посвятить все силы Германии на служение вашим интересам на Востоке“.

Но Бисмарк, красноречиво и многообильно оправдываясь перед Россией в своем поведении на Берлинском конгрессе, в то же время вел тайные переговоры с Австрией. Бисмарк признавался, что страдает „кошмаром коалиций“. [3] По его мнению, великие державы того времени были похожи на путешественников, незнакомых друг с другом и случайно очутившихся в одном вагоне. Они наблюдают друг за другом, и, когда один из них сует руку в карман, то сосед готовит свой револьвер, чтобы иметь возможность выстрелить первым.

---

[1] В разговоре с Сабуровым в Киссингене в июле 1879 г.

[2] „В огонь и воду“. Весь доклад написан по-французски. Мною выдержки помещаются в русском переводе.

[3] Рапорт князя Орлова Александру II от 19 сентября (1 октября) 1879 года о своих разговорах с Бисмарком во Франкфурте-на-Майне. II Отд. Гос. Арх.

Очевидно, что под влиянием этого „кошмара коалиций" Бисмарк, далеко не уверенный в том, что ему удастся убедить Россию не препятствовать новому разгрому Франции, немедленно после приведенных выше его разговоров с Сабуровым и Орловым в Киссингене и Франкфурте, отправился в Гаштейн, где и подписал таинственный договор с Австрией.

Князь Орлов, под впечатлением разговоров с Бисмарком, доносил государю,[1] что договор этот состоит во взаимном обязательстве обеих держав не принимать участия против нас ни в каких мерах устрашения в том случае, если бы произошел разлад между нами и державами, подписавшими Берлинский трактат.

Но храбрый в боях Орлов[2] был в данном случае наивно обманут Бисмарком. Договор этот, имея, впрочем, оборонительный характер, был исключительно направлен против России. По 1-й статье обе державы обещались помогать друг другу всеми своими силами, в случае нападения России на одну из них. 2-я статья гарантировала благожелательный нейтралитет, в случае войны одной из договаривающихся держав против третьей, за исключением России. Договор этот стал нам известен много позднее, а именно в 1886—1887 годах.[3]

При таких условиях только изолированностью России и тяжелым ее внутренним состоянием можно объяснить подписание ею 18 июня 1881 года нового договора о Союзе трех императоров.[4]

Статья 1-я этого договора обеспечивала благожелательный нейтралитет каждой из договаривающихся держав при войне ее с четвертой державой, при чем в отношении Турции требовалось для этого заключение между союзниками предварительного соглашения касательно результатов войны.

Статья 2-я обязывала Россию уважать интересы Австро-Венгрии, вытекающие из того нового положения, которое ей обеспечивалось Берлинским трактатом. Интересы России оберегались этой статьей только туманной фразой о взаимном обязательстве считаться с интересами договаривающихся

---

[1] В вышеприведенном рапорте Александру II.

[2] В 1854 году во время осады Силистрии Орлов, тогда еще молодой офицер, был одним из организаторов безумного по дерзости и смелости налета открытой силой на крепость, во время которого он лишился глаза от неприятельской пули.

[3] В петербургских сферах того времени усиленно рассказывали о том, что Александру III в 1886 году был тайным образом доставлен текст этого договора, и о бурной сцене, которую вынес Бисмарк от царя, уличившего его в двойной игре при проезде через Берлин. Этот рассказ отчасти подтверждается и Бисмарком, который 2/14 мая 1887 г. свидетельствовал о том, что австро-германский договор против России известен Александру III.

[4] В 1882 году к союзу Германии и Австрии впервые присоединилась и Италия.

сторон на Балканском полуострове и о ненарушении status quo в Европейской Турции иначе, как по взаимному соглашению.

Статья 3-я подтверждала закрытие Константинопольских проливов, но санкционировала меры политического воздействия на Турцию в случае нарушения ею условий закрытия проливов в пользу какой-либо державы.

Добавочная секретная конвенция определяла право Австрии на анексию Боснии и Герцоговины в любой момент, сохраняла прежнее положение Новобазарского санджака, обеспечивала Восточную Румынию от оккупации турок и допускала возможность соединения Болгарии с Восточной Румелией в пределах границ Берлинского трактата.

И в этом новом договоре, как видно, обеспечение интересов Австрии доминировало над защитой русских интересов. Это была уже агония Союза трех императоров, подтверждением чему могут служить и меры по нашей подготовке к войне, впервые предпринятые в это время на западной границе.[1]

В 1884 году изложенный договор с некоторыми мелкими изменениями был продлен еще на три года.

Между тем политическая опека Россией Болгарии привела к самым отрицательным результатам. Опекаемые не только отшатнулись от своей опекунши, но и заняли по отношению к ней открыто враждебное положение. Влияние Австрии, доминирующее уже в Сербии, начало быстрыми шагами распространяться и на Болгарию. Отношения между Австрией и Россией все более обострялись, и при таких условиях Александр III не пожелал возобновлять Союза трех императоров, но не хотел резко разрывать и с Германией, несмотря на обнаружившуюся уже двойственную игру Бисмарка.

Следствием такого положения было заключение в 1887 году последнего договора между Россией и Германской империей.[2]

Как самый договор, так и предварительные переговоры не лишены интереса.[3]

Во время собеседований в апреле-мае 1887 года между русским послом в Берлине графом Шуваловым и Бисмарком борьба шла в двух плоскостях. Россия, приступая к заключению договора, хотела обеспечить себя от агрессивных поползновений Австрии на Балканах и самой иметь большую свободу действий; Германия хотела обеспечить свой тыл при борьбе с Францией. Наиболее трудно было положение

---

[1] См. А. Зайончковский: Подготовка России к мировой войне. Планы войны. Москва. 1926 г.

[2] Соглашение в Биорке в 1905 году фактически света не увидело.

[3] Красный архив, том I. Русско-германские отношения.

Бисмарка, связанного тайным договором с Австрией против России. В данном случае железный канцлер не оказался победителем на дипломатическом поприще, так как Александр III вышел уже из-под гипноза дружественных чувств родственной династии Гогенцоллернов.

Царская дипломатия предпочла вместо Тройственного Союза соглашение с Германией.

Бисмарку напомнили его обещание не нападать на Францию, и при таких условиях союз должен был: а) обеспечить Германию нейтралитетом России от французского нападения, в случае войны реванша; б) обеспечить мир, устраняя столкновения интересов на Балканском полуострове и в) охранять statu quo, установленные Берлинским трактатом.

В свою очередь, Россия хотела этим союзом: а) застраховать себя от грозящих ей европейских коалиций, так как почти все державы обнаружили по отношению к России высокую степень недоброжелательности, и достичь этого обеспечения при помощи искреннего и прочного союза с Германией; б) воспрепятствовать изменению территориально statu quo на Балканах и настоять на признании законности исключительного влияния России в Болгарии и в) обеспечить неприкосновенность проливов.

Во время переговоров Бисмарк вновь начал манить Россию в Константинополь [1], повторяя, что Германия будет очень рада, если Россия там утвердится и получит в свои руки ключ от своего дома. „Германия не будет возражать,—говорил он,— если вы сделаетесь хозяевами проливов, овладеете Босфором и даже Константинополем; но такой статье не место в основном документе—об этом надо уговориться отдельно".

Наиболее трудным для Германии был вопрос о сочетании этого нового договора с ее обязательствами в отношении Австрии, с которыми Бисмарку и пришлось ознакомить Шувалова. Он требовал, чтобы обязательства Германии не касались случая войны нашей с Австрией. В свою очередь, и Россия потребовала исключения случая нападения Германии на Францию, так как она не могла „допустить смертельного удара как той, так и другой стороне, а Франция, как морская держава, необходима нам при грядущих осложнениях".

В результате договор, подписанный 18 июня 1887 года, вылился в такую форму:

Статья 1-я касалась благожелательного нейтралитета, но „это обязательство не относилось к войне против Австрии или Франции в случае нападения на них одной из договаривающихся сторон".

---

[1] Доклад Шувалова от 29 апреля (11 мая) 1887 года.

Статьей 2-й Германия признавала права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове, и особенно законность ее преобладающего и решительного влияния в Болгарии и Восточной Румелии. Оба кабинета обязывались без предварительного уговора не допускать никаких изменений в территориальном statu quo на Балканах и противодействовать всякой могущей быть без их согласия попытки к этому.

Статья 3-я повторяла редакцию прежних договоров о закрытии проливов.

Договор заключался на три года и должен был храниться в полной тайне.

К нему были приложены и две дополнительные статьи: 1) Германия обязалась оказать России содействие для восстановления в Болгарии правильного и законного правительства и 2) в случае, если Россия оказалась бы вынужденной принять на себя защиту входа в Черное море в целях ограждения своих интересов, Германия обязуется соблюдать благожелательный нейтралитет и „оказать дипломатическую и моральную поддержку тем мерам, которые его величество признает необходимым принять для сохранения ключа к своей империи".

Оригинальность этого договора заключается в том, что Россия хотела развязать себе руки в отношении Австрии, поведение которой за последний год стало к ней особенно враждебным, а Германия—в отношении Франции. Но этим-то обоим случаям договор и не удовлетворял. Оставалась только одна чисто академического характера статья о проливах, которая в руках Бисмарка всегда делалась компрометирующим Россию документом.

Не имеющий сам по себе никакого значения договор с его неестественным характером не мог быть жизненным, и уже два года спустя Александр III его разорвал своим нашумевшим на весь мир тостом за князя Черногорского, „единственного союзника России".

Эта последняя опять оставалась одинокой, но на Западе уже возгоралась заря новых политических комбинаций.

Во Франции под знаменем генерала Буланже поднималась волна патриотизма, национализма и реванша. Взоры французов вновь обратились к России, и на этот раз почва для франко-русского союза оказалась подготовленной.

Франко-германские отношения до 1890 года.

Франция в рассматриваемую мною эпоху быстро оправлялась от перенесенного ею разгрома и не принимала деятельного участия в делах европейского континента. Отношения ее к России базировались после 1875 года на уверенности, что эта последняя не допустит нового разгрома Франции. Обе страны в своих предположениях насчет войны с Германией рассчи-

тывали на обоюдную друг другу помощь и далее этого не шли.

Но отношения Бисмарка к Франции приняли после Берлинского конгресса характер попыток к сближению и, скажу, к заигрыванию с ней. Было ли это, с одновременным заигрыванием с Россией, желанием привести к старому его идеалу—образования мощного континентального союза,[1] или же желание заставить Францию забыть аннексию Эльзаса и Лотарингии, или же, наконец, старание разделить Европу, внушить в державах недоверие друг к другу, чтобы избежать образования сильной против Германии коалиции,—сказать трудно. В „честной" политике Бисмарка и поныне невозможно разобраться.[2]

В 1879 году он старался поссорить Францию с Италией, намекая на возможность овладения Тунисом; в 1884 году он предложил заключение франко-германского союза с целью уничтожения морского могущества Англии, но в действительности, по словам Жюля Ферри, „желая сыграть скверную игру с Англией, не разоблачая себя". В 1885 году французский посол в Берлине так характеризовал политику Бисмарка: „Усыпить наши воспоминания, отвратить наши взоры от прошлого к неизвестному будущему с тем, чтобы Франция, принимая участие в военной и политической гегемонии Пруссии, вошла бы в орбиту германского влияния—такова программа, которую князь Бисмарк предложил нашему вниманию. Отречься от рейнского вопроса—вот что он мне часто повторял; я помогу вам тогда осуществить все другие задачи, которые вы пожелаете". Но Франция в лице Фрейсине, выражая готовность согласованно работать с Германией по всем вопросам, которые касаются поддержания всеобщего мира в Европе и в которых интересы обеих держав не являются противоречивыми, отказывалась протянуть немцам руку мира ценою забвения отторженных от нее провинций.

В 1887 году Бисмарк перешел от заигрывания к угрозам, и 1 января этого года французский посол в Берлине доносил о своих предположениях, что Германия делает приготовления к войне и подготовляет общественное мнение ко всяким возможностям... „Здесь желают быть готовыми к борьбе с Россией и с нами, если мы уклонимся от соглашения с Германией", кончал он.

Я затронул взаимные отношения в период, предшествовавший франко-русскому соглашению, центральных фигур в предстоявшей политической игре, и совсем не коснулся Англии. Да и не мудрено. Эта морская держава серьезно

---

[1] См. выше.

[2] Документы, приводимые Пуанкаре в его „Происхождение мировой войны" в русском издании.

вмешивалась в дела Европы только в исключительных случаях, грозивших большими пертурбациями на материке, которые могли бы дать серьезное преимущество одной из держав. Не допустить образования в Европе доминирующего над другими по своему могуществу государства и не связывать себя преждевременными соглашениями—этому основному принципу международной политики Англия придерживалась и в рассмотренный период. Россия и Франция только оправлялись после перенесенных войн, а Германия еще не дошла до той степени своего развития, которое было бы опасно для Англии.

Впрочем, в особом положении в отношении этой последней державы находилась Россия. Поведение Англии во время Крымской и последней Русско-Турецкой войн, соприкосновение интересов обоих государств на всем протяжении азиатского материка, возможная угроза со стороны русских Индии и, наконец, убеждение в агрессивных намерениях русского правительства поставили Англию в то враждебное по отношению к России положение, которое, с своей стороны, вызвало сильнейшее озлобление к ней России. В 1885 году чуть было не возгорелась война между Россией и Англией из-за частного инцидента между русскими и афганскими войсками (побоище афганцев на Кушке).

Таково было международное положение Европы в период, предшествовавший франко-русскому соглашению.

Связь русской политики со стратегией.

До Берлинского конгресса русское военное министерство мало обращало внимания на подготовку к войне на своей западной границе. Общая идея обороны, предложенная в 1873 году Милютиным, оставалась только на бумаге.

Но с 1880 года мы уже встречаемся с периодической подробной разработкой планов войны против Германии и Австрии. За десятилетний период до франко-русского соглашения было разработано четыре варианта планов предполагаемого развертывания на западной границе.

В основу этих вариантов было положено два основания: 1) наша отсталость в быстроте мобилизации и сосредоточения, а также численное превосходство австро-германских сил над русскими и 2) необходимость удержать в своих руках Привислинский и, в особенности, правобережный район с обеспечением переправы на левый берег реки.

Первоначальный проект носил строго оборонительный характер с сосредоточением главных сил в центре наших западных пределов, но уже с 1883 года мы решили придать нашим первоначальным действиям активный характер. Однако, не имея возможности предупредить сосредоточение всех сил своих врагов, первоначальное наступление было решено вести против одного из них, обороняясь против другого.

Во всех проектах этого периода наступление предполагалось вести против Австрии, реального политического врага России, и первоначальную оборону против Германии. [1]

Одновременно с этим велась подготовка для войны с Турцией на Азиатском театре, и в Одессе все было подготовлено для дессантной операции на Босфор.

Политико-экономическое состояние Европы. [2]

Вновь образовавшаяся Германская империя постепенно заняла в Европе первенствующее место, а ее политическое и экономическое положение заметно усиливалось каждое десятилетие, заставляя все державы считаться с этим фактором.

Быстро развивающийся рост торгово-промышленного капитала вызывал во всех великих державах потребность в новых колониальных приобретениях и в завоевании новых рынков сырья и сбыта. При этом торгово-промышленное колониальное соперничество великих держав обострялось с каждым годом, а быстрый рост капиталистических сил грозил обратить мирную дипломатическую борьбу в вооруженное столкновение.

Два обстоятельства наиболее обостряли экономическое положение в Европе:

1) Все ценные для эксплоатации колониальные территории были уже поделены и завоеваны великими державами, и в будущем вопрос сводился к отнятию их друг у друга.

В наиболее худшем в этом отношении положении оказалась молодая Германская империя, вышедшая на арену мировой борьбы уже тогда, когда другие державы стали в колониальной политике на прочную почву.

Но и в Европе оставались еще к этому времени неразрешенные экономические проблемы, которые, впрочем, исключительно сосредоточились в юго-восточном ее углу, на Балканском полуострове.

2) На мировой арене появился новый конкурент в лице Американских Соединенных Штатов, которые, сохраняя в отношении себя принцип доктрины Монрое, не желали в будущем ограничить свои интересы исключительно американским материком.

Вследствие приведенных причин экономическая борьба между европейскими державами стала к концу девятнадцатого столетия сильно обостряться, а раньше установленные перегородки начали, благодаря выходу на мировую арену Германии, быстро падать.

В вопросах внутренней политической жизни этого времени следует отметить соединение дворянства и буржуазии

---

[1] А. Зайончковский. „Подготовка России к мировой войне. Планы войны".

[2] Тарле. „Европа от Венского конгресса до Версальского мира".

в один мощный класс капиталистов в противовес также сильно объединившемуся в классовом самосознании пролетариату.

Рабочее движение в Западной Европе вступило за этот период в новый фазис. Рабочий класс возрос численно, усилился в организационном отношении и окреп в классовом самосознании, почему с ним начали серьезно считаться в парламентской жизни.

Но как в недрах самого рабочего класса, так и в социалистическом движении вообще за это время произошло известное расслоение. Одна группа выдвинула на первый план чисто экономическую, профессиональную борьбу, мало интересуясь подготовкой к низвержению капиталистического строя революционным путем; другие же крепко держались за революционную традицию социализма и считали своей главной задачей подготовку к социальному перевороту. В области внешней политики первая группа придерживалась колеблющейся позиции, а другая, радикально настроенная, стояла за активную борьбу против войны, за саботаж ее и даже за восстание в этом случае против своего правительства. Обе группы боролись между собою на международных социалистических конгрессах, но им не удалось переубедить друг друга. Второй Интернационал, возникший в 1889 году в Париже, так и встретил войну 1914 года, не имея твердой и обязательной для своих членов программы действий.

Переходя к рассмотрению отдельных государств, прежде всего приходится остановиться на Германии, жизнь которой за этот период отмечается огромным, неслыханно быстрым экономическим усилением, в особенности, в отношении крупной индустрии и торгового развития. Это вело, в свою очередь, к быстрому переселению населения в города, но при умелом сочетании и развитии сельского хозяйства, что по-прежнему составляло одну из главных отраслей внутренней экономической жизни страны. В 1900 годах соотношение между городским и сельским населением выражалось, примерно: 54% городского и 46% сельского.

Другая особенность Германии заключалась в большом росте и избытке населения. От 41 миллиона жителей в 1871 году оно возросло к 1914 году до 67 миллионов.

При таких условиях для немцев необходимо было найти избыток территории, сырья и рынков в то время, когда более старые державы размежевали мир уже между собою. Они могли найти их или в широкой колониальной политике, или же у своих ближайших соседей, но Европа уже настолько стабилизировалась, что подобное приращение могло быть только результатом европейской войны и, в особенности, войны с Россией, с ее обширной территорией и полунемецким и полупольским на западной границе населением. Гер-

манская империя и жила вплоть до мировой войны под лозунгами „Drang nach Osten“ и „Deutschland über alles“.

К колониальной политике Германия подходила постепенно и осторожно. Первое время существования империи опытный кормчий политического корабля Бисмарк старался упрочить немецкое положение в недрах самой Европы и боялся выходить на мировую арену, чтобы не подвергать молодую, не устоявшуюся еще, империю риску внешних ссор и войн. Только в восьмидесятых годах Германия приобрела несколько колоний в Африке (Камерун, Юго-Западную и Восточную Африку) и некоторые острова у берегов Австралии и Новой Гвинеи, но эти приобретения были достигнуты самым миролюбивым образом.

Колониальная политика Германии особенно разрослась после отставки Бисмарка. Был провозглашен новый лозунг коммерческой смелости германцев, и немецкий коммерсант стал быстро проникать как в девственные, так и культивированные уже другими странами земли всех материков и морей. За немецким коммерсантом неизбежно поднималось, по выражению Пуанкаре, императорское знамя и неразрывно связанные с ним сильная армия, а впоследствии и сильный флот, развитие которого шло под последним, брошенным императорской Германией лозунгом—„наше будущее на водах“.

Что касается до взаимных отношений России и Германии, то, несмотря на близкое соседство их, трудно было найти между ними предмета политических споров и, если верить профессору Гетш [1], то в 1898 году Николай II определил их взаимное отношение следующей фразой: „Если бы в восьмидесятых или в начале девяностых годов возникла для Германии война на два фронта, то было б трудно указать, в чем заключалась реальная вражда между Россией и Германией, и какие практические цели Россия могла преследовать подобной войной против Германии...“ Сознание, что в действительности у России и Германии не существует никаких поводов к разногласию по политическим и территориальным вопросам привело к тому, что, несмотря на временное охлаждение взаимных политических отношений, между ними дело не доходило до вооруженного конфликта.

Но если в политическом смысле между Россией и Германией не было оснований к соседским раздорам, то положение было диаметрально противоположно в отношении торговых интересов. Земледельческая Россия хотела защитить цену своего сырья и хлеба, а также свою возрастающую промышленность, что шло вразрез с интересами высоко-промышленной, но с большим удельным весом земледельческого класса, Германии.

---

[1] „Deutschland und Russland“ von Professor Dr. Otto Hoetzsch, 1914.

Результатом такого экономического состояния обеих стран были постоянные трудности договориться друг с другом на поприще торговли при весьма легком соглашении по соседским политическим вопросам. Достаточно указать на тот факт, что первый торговый договор между Россией и Германией был заключен только в 1894 году. Второй договор на условиях очень тяжелых для России [1] был заключен во время Японской войны, и срок ему истекал в 1917 году. Россия, сильно оправившаяся перед мировой войной в экономическом и военном отношениях, не могла при новом договоре согласиться на то бремя, которое она несла, благодаря договору 1904 года, и обе державы готовились к серьезной борьбе на почве будущего торгового договора.

А между тем обоюдные торговые сношения обоих государств за последние 10—15 лет перед войной сильно росли. Ввоз России в Германию возрос за десять лет почти на 100% (в 1903 году 841 милл. марок и в 1912 году 1.563 милл.), вывоз Германии в Россию, примерно, увеличился в таком же размере (в 1903 году 413 милл. марок и в 1912 году 762 милл.). В 1912 году германская торговля с Россией исчислялась в 2,2 миллиарда марок, а русская торговля с Германией в 2,1 миллиарда марок, что составляло, примерно, $^1/_9$ общей мировой торговли Германии и почти половину русской. В 1912 году Германия поглотила 31,7% всего русского вывоза, а ее ввоз в Россию составлял 50% русского импорта. Вообще же Германия занимала в русской внешней торговле (ввоз и вывоз) первое место, а Россия в германской привозной торговле первое, а в экспортной пятое место.[2]

Преобладавшее первоначально понятие о разделении труда между народными хозяйствами обеих стран (Россия снабжает Германию зерновыми продуктами и сельско-хозяйственными рабочими, а Германия поставляет ей за это произведения обрабатывающей промышленности) признавалось очень узким и не могущим полностью выразить совокупность взаимных интересов.

Но участие в капиталистическом развитии России старались принять и другие страны, соперницы в этом отношении Германии. При этом, в то время, как немцы заботились, главным образом, о коммерческих сделках, торговле, транспортных и комиссионных делах, англичане, французы и бельгийцы отдавали преимущество использованию ископаемой и обрабатывающей промышленности в самой стране.

В свою очередь, русская экономическая политика неуклонно стремилась к сохранению за иностранным капиталом его „служебной“ роли, так как она, безусловно, желала разви-

---

[1] По этому договору германская промышленность получила широкий простор в России, а русское сырье ввозилось в Германию с немалыми трудностями.

[2] „Deutschland und Russland“ von pr. Dr. Otto Hoetzsch, 1914.

тия собственной промышленности с сохранением для нее открытым своего собственного внутреннего рынка, и поэтому опасалась, чтобы чужой капитал не стал где-либо чересчур влиятельным.

При всех этих условиях вопрос о заключении нового торгового договора между Россией и Германией входил в ту плоскость взаимной борьбы жизненных экономических интересов, которые требовали напряжения всех сил обеих стран, не исключая и их военной мощи. К этой экономической борьбе готовились оба государства, при чем Россия представляла собой совершенно иную величину в капиталистическом отношении, чем это было в начале девятисотых годов.

Нельзя отрицать, что в печальном Сераевском инциденте 1914 года в большой доле сыграл свою роль и тот русско-германский торговый договор, который должен был увидеть свет в 1917 году. Теория Бисмарка о совместимости политической дружбы между двумя странами с их противоречием в экономических вопросах, пожалуй, была бы в данном случае опровергнута.

Совершенно на иной почве развивалось англо-германское экономическое соперничество, которое началось за последние двадцать лет прошлого столетия. Здесь не сталкивались, как это мы видели в отношении России, интересы промышленной и земледельческих стран, и борьба шла целиком в области конкуренции двух государств с широко развитой индустрией и торговлей.

Чем больше развивалась германская промышленность, ее торговые организации и чем больше вырастал флот, тем больше германские товары вытесняли английские на старых рынках сбыта и не ввиду лучшего качества немецких товаров, а благодаря большому торговому искусству германских коммерсантов и дешевизне немецких фабрикатов. Германские товары начали так успешно соперничать с английскими даже на внутреннем великобританском рынке, что в Англии были принуждены принять меры к стеснению германского ввоза. В особенности же сказывалось германское экономическое влияние во всех турецких владениях, в странах Балканского полуострова и в Персии.

В области внутренней политической жизни Германии следует отметить борьбу Вильгельма II с социал-демократами, которая вела только к усилению и сплоченности этой партии, и, с другой стороны, борьбу между интересами землевладельцев и промышленников. Первые требовали закрытия немецкой границы для русского хлеба и сельско-хозяйственных продуктов, а промышленники, напротив,—заключения с Россией торгового договора, который способствовал бы как удешевлению жизни в Германии, так и открытию русского рынка для немецкой промышленности.

В Англии внутренняя политика во второй половине девятнадцатого столетия отличалась характером постоянного приспособления к потребностям развивающейся социально-политической жизни, и к началу двадцатого столетия Англия считалась на ряду с Германией одной из самых передовых стран в деле рабочего законодательства.

Но в английской внутренней политике существовал вопрос, не поддававшийся мирному разрешению, а именно ирландский.

Главная и основная причина вражды между двумя островами была чисто экономическая и состояла в захвате англичанами всей земли и всего экономического могущества Ирландии. Аграрная реформа в ней, облегчившая местное население, произошла только в 1903 году, т.-е. когда английская политика начала стремиться к сглаживанию всех острых внутренних вопросов под влиянием нависших на внешнем горизонте туч.

Политическая жизнь Франции шла на основах конституции Третьей Республики. Законодательная власть в ней принадлежала Палате депутатов и Сенату. Первая избиралась каждые пять лет всеобщей подачей голосов всех совершеннолетних граждан мужского пола, не ограниченных по суду. Сенат же состоял из делегатов, избираемых органами местного самоуправления департаментов. Раз в семь лет Палата и Сенат собирались вместе на конгресс для выбора президента Республики.

Законы и бюджет проходили через Палату и Сенат и входили в силу после подписания их президентом. Этот последний назначал председателя совета министров, который сам уже составлял кабинет.

По установившейся практике совет министров был ответственен только перед Палатой и, пока пользовался ее доверием, обладал полнотой исполнительной власти.

Огромное большинство населения во Франции состояло из крестьян, которые в своей массе являлись мелкими собственниками.

Французская буржуазия выкристаллизовалась, в отличие от английской и германской, в крупных финансовых и банковских заправил, а не представителей промышленного капитализма. Причину такого уклонения следует искать в сравнительно слабом развитии крупной промышленности и в любви французских собственников класть свои сбережения во внутренние и внешние займы, количество которых к 1914 году доходило до цифры 40 миллиардов франков. Финансовый и торговый капитал являлся, таким образом, во Франции огромной силой, в которой нуждалось и правительство и иностранцы для помещения своих займов.

Естественно, что в стране с мало развитой промышленностью рабочий класс не мог сравняться по своему значению с английским, и только сосредоточение большого процента рабочих в Париже придавало ему известную силу. Но зато французские рабочие хранили прочные революционные традиции, идущие от 1848 года и, в особенности, от парижской коммуны.

Долгое время рабочих разделяли различные социалистические движения, и только в начале нашего века там удалось создать „Объединенную социалистическую партию", от которой в последнее время отделились коммунисты, принявшие программу Третьего Интернационала. В последние перед войной годы во Франции очень усилилось революционно-синдикалистское течение, которое видело победу в „прямых действиях", а не в парламентской борьбе.

Остается сказать несколько слов о России. Она попрежнему жила своей обособленной и несколько отсталой от всего цивилизованного мира жизнью. До 1906 года в ней непоколебимо сохранялся самодержавный строй, который только в этом году, под давлением революционного движения, был нарушен весьма ограниченной конституцией, игравшей некоторую роль в законодательстве и в бюджете.

Состоявшая на 90% из земледельческого населения с общинной основой владения землей, с недовольством крестьянства сосредоточением большей части земель в руках династии, крупного дворянства и монастырей, Россия должна была сделаться объектом революционного движения именно на почве разрешения аграрного вопроса. Под лозунгом отчуждения земель или полного их отобрания, под видом разных черных переделов и происходили в России революционные вспышки девятнадцатого века, отличавшиеся специфическим характером террора и жестокими расправами озлобленных крестьян с помещиками и их имениями.

Царствование Николая II, или, вернее, правление его министра финансов Витте, дало другое направление экономической жизни России. Оно характеризовалось приливом в страну иностранных капиталов и сильным развитием промышленности, следствием чего явился и рост рабочего класса. Начал нарождаться тот рабочий пролетариат, который рано или поздно должен был сыграть в жизни России свою роль и с которым правительству приходилось считаться.

Нельзя не отдать царскому правительству справедливости, что оно считалось с рабочим движением, хотя и очень неудачно, желая взять его в свои руки (Зубатовщина); правительство это начало даже некоторую борьбу с промышленным классом путем законодательства для защиты рабочих интересов. Но, с другой стороны, среди рабочих не в малой

мере, под влиянием жестоких правительственных репрессий, начали распространяться и социалистические учения. Революция 1905 года показала уже известную силу и сплоченность рабочего класса, которые продолжали развиваться „нелегально“ и в реакционные годы, последовавшие за революцией 1905 года.

Заключение. Приведенный краткий обзор главных этапов международных сношений России с начала и до конца девятнадцатого столетия рисует неутешительную картину работы русской дипломатии.

Получив в наследство от предшествовавшей эпохи Россию, победительницу в большой европейской войне (1812 г.) и игравшую первую скрипку в концерте великих держав, царской дипломатии легко было определенно поставить себе ясные для начинающейся эпохи политические задачи и средства для их выполнения. Ей предстояло стать дипломатией русской или европейской, для чего в создавшемся мировом положении имелись определенные данные. Она выбрала для себя последнюю роль, став во главе своего рода Лиги Наций того времени (Священный Союз) и с такой же неблагодарной задачей повернуть колесо истории назад, защищать отживший строй и бороться силою штыка с новыми идеями. И в выполнении этой задачи она, естественно, потерпела полное поражение. Первоначально 1830, а потом 1848 г.г. указали всю несбытность поставленной себе Россией мировой задачи. В 1854 году она оказалась изолированной и ненавидимой.

Поставив в основание своей политики Союз трех императоров, царская Россия свято держалась этого союза, хотя 1854 и 1877—1879 года ясно указывали ей на всю нежизненность коалиции, которая в годы кризисов становилась к ней во враждебное положение, и в результате Россия в 1854, 1879 и 1887 годах оставалась совершенно одинокой среди европейских держав.

Царская Россия уделяла особое внимание вопросу о Босфоре, этому ключу от ее дома, по меткому выражению Бисмарка, столь необходимому ей в экономическом отношении. Но и здесь политика ее была неопределенна, неестественна, а потому и подозрительна и потерпела полное крушение. Передав ключ от своего дома в руки враждебного ей европейского концерта, она своей неумелой и неискренней работой укрепила на Балканах положение Австрии, открыла ей путь к Адриатическому морю и своими договорами 1881 и 1884 годов даже обязалась охранять на Балканах привилегированное положение своей конкурентки.

Русская дипломатия плохо оценила роль Пруссии во время кризиса 1854—1856 годов, роль бедной родственницы - приживальщицы, которая не шла в своей помощи дальше плак-

сивых причитаний, сохранивши тем не менее себе любовь и благодарность царской России.[1]

Царская дипломатия изменила свой взгляд на поддержку Австрии в борьбе с Пруссией за главенство в Германском Союзе и тем невольно направила все внимание Австрии на Балканы.

В желании создать себе в Европе верного союзника русская дипломатия облегчила объединение Германии под главенством Пруссии и вместо союзника нашла врага, ведшего с ней втечение двадцати лет двойную игру.

Сознание жизненной необходимости франко-русского сближения проходит яркой чертой в событиях всего XIX столетия, но культивируется русской дипломатией только эпизодически.

Царская дипломатия думала, что ведет Европу за собой, а фактически Россия шла за Европой туда, куда последняя вела ее, и это особенно выявилось во всех перипетиях Восточного вопроса.

За все столетие царская дипломатия не выполнила ни одной из поставленных себе задач, не решила удачно ни одного „чисто русского" вопроса и к 1890 году оставила Россию в незавидном уединении перед грозными экономическими проблемами будущего, но в обстановке, неизмеримо худшей, чем та, которая была передана предшествовавшим поколением при падении первой французской империи.

Царской дипломатии вновь приходилось начинать сначала.

---

[1] Роль Пруссии в 1854 году отлично выявляется в интересных документах, опубликованных М. Покровским в статье „Русско-германские отношения", помещенной в т. I Красного Архива, и в документах, приложенных к моему труду: Восточная война 1854—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ФРАНКО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ (1890—1901 гг.).

Первый этап франко-русского соглашения. Общий очерк международных отношений Европы в конце девятнадцатого столетия. Франко-русские соглашения 1890—1901 годов. Связь стратегии с политикой. Заключение.

Первый этап франко-русского соглашения.

Восьмидесятые годы, в течение которых произошли первоначальное охлаждение, а потом и разрыв союзных соглашений между тремя императорами, совпали с весьма сложной и трудной для России обстановкой на Балканском полуострове.

Берлинский трактат как бы санкционировал распространение русского влияния на Болгарию и Восточную Румелию, а между тем взбудораженная, неудовлетворенная результатами Берлинского конгресса, болгарская нация не только обратила весь свой гнев на Россию и быстро вышла из-под влияния своей покровительницы, но и стала во враждебное к ней отношение при неоспоримом закулисном воздействии на болгар со стороны Вены, поддержанной Берлином.

За время болгарской смуты только Франция работала рука-об-руку с Россией, и отношения между этими двумя странами становились все более и более тесными, делая сближение между ними до некоторой степени автоматическим.

С другой стороны, в 1888 году произошло и в Германии событие первостепенной важности. На престол вступил тридцатилетний Вильгельм II, неуравновешенный характер которого и присущая ему жажда деятельности заставляли предвидеть возможность перехода Германии от осторожной и планомерной политики Бисмарка к политике, более соответствовавшей характеру молодого императора. В 1890 году Вильгельм расстался с Бисмарком, решив лично направлять внешнюю политику страны, и Европа почувствовала себя на вулкане.

Характер Александра III не был из тех, который не оценил бы достойно личность Вильгельма II, а опыт прежних между ними сношений не оставлял сомнений в переменчивой натуре молодого германского государя. [1] Визиты Вильгельма

---

[1] Об этих сношениях см. „Четыре письма принца Вильгельма Прусского к Александру III“, помещенные в томе II Красного Архива.

в Россию в 1888 и в 1890 годах не упрочили к нему доверия в Петербурге, тем более, что это совпало с демонстративным возобновлением Тройственного Союза под громким названием „Лиги Мира".

Россия и Франция одновременно почувствовали острую необходимость выйти из изолированного положения, и события невольно тянули их друг к другу, при чем наибольшая экспансивность в этом отношении была проявлена со стороны французов. Вообще весь первый период франко-русского соглашения, вплоть до Японской войны, должен быть отмечен, как прошедший под знаком особой инициативности со стороны французского правительства, которое как бы тянуло за собой Россию.

Да это и вполне понятно. Самодержавной России вообще было трудно или, вернее, непривычно связать свою судьбу с республиканской Францией, но, кроме того, были и более важные сомнения. Республиканский строй, с парламентской борьбой партий, с сильным влиянием в них пассифистских и социалистических течений, внушал опасения относительно преходящего характера соглашения и ненадежности его. Поэтому первые шаги сближения и первоначальное официальное соглашение подвигалось с трудом и с большими затруднениями со стороны России.

Петербургский кабинет пугало в деле сближения с Францией еще то обстоятельство, что Германия, узнавши о переговорах, могла поспешить войной и наброситься всеми своими силами на Россию. Поэтому в ведении переговоров соблюдалась особая осторожность, и о заключенном соглашении сохранялась самая строжайшая тайна, доходившая до того, что Николай II не знал о нем до своего вступления на престол; военный же министр Ванновский, пользовавшийся полным доверием Александра III, узнал о соглашении только через год при составлении военной конвенции. Кроме того, французскому представителю ген. Буадеффру было объявлено лично Александром III, что с той минуты, когда кто-нибудь узнает о состоявшемся соглашении, он будет считать его разорванным. И, действительно, во время царствования Александра III о сближении Франции с Россией догадывался весь мир, но, какие оно приняло реальные формы, никто не знал. [1]

Лето 1890 года следует отметить, как первую стадию переговоров. Великий князь Николай Николаевич старший, командовавший армией в Турецкую войну, был в Париже подробно ознакомлен председателем совета министров Фрей-

---

[1] Отдел о соглашении России с Францией составлен исключительно по документам II Отдела Государ. Архива, хранящихся в папке „Франко-Русское соглашение".

сине с организацией французской армии и, по словам Пуанкаре, привез в Россию „уверенность, что мирная Франция не является боязливой, слабой и безоружной страной“.[1] Осенью ген. Буадеффр посетил маневры в Красном Селе, при чем случайно или нарочно, но этот визит совпал с пребыванием на маневрах и Вильгельма II.

Втечение следующей зимы переговоры приняли реальную форму, и со стороны Франции был представлен следующий первоначальный проект политического соглашения, состоявший из двух пунктов:

I) „Nécessité pour les deux cabinets de consacrer l'entente cordiale qui les unit. en déclarant qu'ils se concerteront sur toute question qui pourrait mettre en cause la paix de l'Europe.

II) „Pour le cas où la paix serait effectivement menacée par l'initiation de l'une des Puissances liées par la Triple Alliance, les deux gouvernements pourraient juger en même temps nécessaire d'arrêter par avance les mesures dont la réalisation de cette éventualité imposerait l'adoption immédiate et simultanée aux deux parties“.[2]

Эта формула была несколько изменена Россией и после довольно длительных переговоров, в которых большую энергию и торопливость проявлял французский министр иностранных дел Рибо и такую же медлительность и осторожность русский министр Гирс, оба правительства согласились на такой форме соглашения:

I) „Afin de définir et de consacrer l'entente cordiale qui les unit et désireux de contribuer d'un commun accord au maintien de la paix qui forme l'objet de leurs voeux les plus sincères, les deux gouvernements déclarent qu'ils se concerteraient sur toute question de nature à mettre la paix générale en cause.

II) Pour le cas où cette paix serait effectivement en danger et spécialement pour celui où l'une des deux parties serait menacée d'une agression, les deux parties conviennent de s'entendre sur les mesures dont la realisation de cette éventualité imposerait l'adoption immédiate et simultanée aux deux gouvernements“.[3]

Это первое соглашение между Россией и Францией было документально оформлено в августе 1891 года письмами, переданными французским и русским послами в Петербурге

---

[1] Р. Пуанкаре. „Происхождение мировой войны“, русск. перев., стр. 67.

[2] I) „Необходимость скрепить сердечное соглашение, которое соединяет оба кабинета, заявлением, что они будут входить в соглашение по всем вопросам, которые могут подвергнуть опасности европейский мир.

II) На случай, если миру в действительности будет угрожать одна из держав Тройственного Союза, оба правительства признают необходимым выработать предварительно те меры, которые они обязаны принять непосредственно и одновременно, в случае наличия такой угрозы“.

[3] I) „В целях довести до конца и закрепить сердечное соглашение, которое соединяет обе державы, и желая способствовать согласованными

и Париже тем правительствам, при которых они были аккредитованы. Такая форма передачи без санкции верховной власти признавалась петербургским кабинетом наиболее, в видах сохранения тайны, приемлемой.

Таким образом, военной конвенции предшествовало соглашение, которое должно было лишь в будущем вылиться в определенную реальную форму взаимного содействия оружием.

Несмотря на категорические указания Гирса французскому правительству, что Александр III решительно ведет свою политику к поддержанию мира, обмен приведенным соглашением вызвал живую радость во Франции, что и выразилось в просьбе Рибо выразить Александру III „la reconnaissance de la France entière, unie dans un seul et même sentiment unanime de dévouement pour l'empereur et pour la Russie". [1]

Французское правительство торопилось перейти от политического соглашения на реальную почву военной конвенции, но встретилось с осторожностью Гирса, который рекомендовал этот вопрос обдумать и подойти к нему не торопясь, так как соглашение, оформленное военными специалистами, не могло долго оставаться в тайне. „Пока, конечно, достаточно настоящего нашего соглашения с Францией",—написал на этом докладе Александр III.—„Собственно специальный военный вопрос настолько важен, что, конечно, до личного свидания с вами и Ванновским я ничего сказать не могу".

Но парижский кабинет был настойчив в своих желаниях скорее заключить военную конвенцию, которая была для него необходима в видах парламентской борьбы, а может быть, и в целях агрессивных, как это можно судить из частного письма Рибо к Гирсу. [2] Настойчив был и Гирс в своем желании оттянуть заключение конвенции из боязни, чтобы Германия, узнав о ней, не обрушилась всеми силами на Россию.

24 февраля 1892 года французский посол в Петербурге граф Монтебелло представил Гирсу мотивированную записку, излагавшую взгляд парижского кабинета на суть и объемы военной конвенции. [3]

действиями поддержке мира, что составляет предмет их искреннейших желаний, оба правительства заявляют, что они будут входить в соглашение по всем вопросам, которые касаются сохранения всеобщего мира.

II) На случай, если этот мир будет действительно в опасности и, в особенности, если одной из сторон будет угрожать нападение, обе державы должны согласиться о мерах, приведение в исполнение которых в этом случае должно быть осуществлено немедленно и одновременно обоими правительствами".

[1] „Благодарность всей Франции, объединенной одним общим чувством преданности к императору и к России".

[2] От 31 октября 1891 года. Р. Пуанкаре „Происхождение мировой войны".

[3] II Отд. Гос. Архива. Картон: „Франко-Русский союз. 1892 г.".

По словам автора, записка эта имела в виду исключительно оборонительную войну, вызванную нападением Тройственного Союза на одну из договаривающихся сторон или на обе сразу.

В основание соглашения должен быть положен принцип взаимности, т.-е. если одна из сторон будет атакована, то другая немедленно приходит на помощь всеми находящимися в ее распоряжении военными силами.

Первое условие выполнения этого принципа состоит в том, что Россия и Франция, чтобы не испортить успеха общей кампании, обязаны принять необходимые военные меры тотчас же, как опасность станет известной. Мобилизация должна начаться в обеих странах одновременно и вестись без перерыва тотчас же после начала мобилизации армий Тройственного Союза. В этом случае быстрота более, чем когда-либо, является главным условием того, чтобы Франция или Россия не были втечение нескольких дней жертвой отдельного нападения соединенных сил противной стороны, что позволило бы ей иметь с самого начала решительный успех или же произвести неблагоприятное впечатление на нейтральные страны.

Но это одновременное начало действий далеко недостаточно для того, чтобы достигнуть счастливых результатов. Силы Франции и России почти равны соединенным армиям Германии, Австрии, Италии и Румынии, так как, если в численном отношении небольшой перевес находится на стороне Франции и России, то быстрота сосредоточения составляет преимущество Тройственного Союза. Только при основательном объединении средств борьбы для достижения общей цели Франция и Россия могут рассчитывать получить превосходство над их противниками.

Французское правительство придерживается того мнения, что главным условием в такой борьбе будет преследование цели уничтожения всеми имеющимися силами главного противника; поражение остальных последует за этим неизбежно. Таким противником является Германия, победив которую франко-русские войска легко расправятся с Австрией и с Италией.

Исходя из этого заключения, французский генеральный штаб все отдает на борьбу против Германии, и, если Россия будет атакована Тройственным Союзом, то Франция $^5/_6$ своих перволинейных войск, т.-е. 1.300.000 чел. направит против германцев. С этими силами она так решительно атакует немцев, что они в состоянии будут оставить на востоке против России только незначительную часть своих сил.

Нет сомнения,—продолжает автор записки,—что положение России в отношении Австрии не может быть сравниваемо с положением Франции по отношению к Италии, и России

необходимо разбить австрийцев, чтобы поддержать свой престиж перед славянами и Румынией. Но тем не менее, исходя из принципа взаимности, надо предполагать, что Россия оставит для разгрома Австрии только необходимые силы, а с остальными предпримет насколько возможно энергичные действия против Германии.

Не подобает одному французскому генеральному штабу,—говорит далее записка,—определять численность войск, предназначаемых для действия против Австрии; но тем не менее ясно, что для того, чтобы бороться с успехом против главного врага, Германии, Россия так же, как и Франция, должна сосредоточить против нее силы, значительно превосходные, не только, чтобы возместить недостаток в опоздании сосредоточения и недостаток действий на двух очень удаленных друг от друга театрах, но чтобы иметь такое численное превосходство, которое давало бы надежду на успех. Эту силу французы определяли примерно в 700—800 тыс. чел., что составляло большую половину всех вооруженных сил, выставляемых Россией в то время.

Совокупные действия русско-французских армий такой численности будут достаточно моцны, чтобы одержать верх над германской армией, но необходимо, чтобы они были сосредоточены с громадной быстротой на германской границе и немедленно вошли бы в соприкосновение с немецкими войсками. Это единственное средство помешать врагу использовать его рельсовую сеть и сначала разбить Францию, а потом Россию [1].

Таковы были первоначальные предложения французского правительства о совместных военных действиях, предложения, направленные исключительно для скорейшего поражения германской армии и, главное, для обеспечения Франции от единоборства с немецкими войсками. Право России одновременно действовать и против Австрии признавалось им законным, но в размерах направления против австрийцев только строго необходимого количества войск, чтобы все остальные сосредоточить против Германии. При этом, по французским расчетам, приходилось свыше 50% русских сил, направленными на германский фронт, и несколько менее 50% на австрийский. Нельзя не видеть в этом предложении французского штаба решения однобокого, при котором с интересами русской армии считались мало, раздробив ее поровну между двумя противниками и двумя задачами.

На французские предложения последовал доклад генерала Обручева, [2] начальника русского главного штаба, Александру III. Записка Обручева представляет высокий интерес

---

[1] Подлинная записка помещена в приложении № 1.
[2] II Отд. Гос. Архива. Папка: „Франко-Русский союз 1892 г.“.

и, в особенности, интересен его взгляд на действия дипломатии и стратегии в период, когда вопросы войны и мира балансируют на острие ножа. Если бы взгляды Обручева были известны или учтены нашими дипломатами и стратегами 1914 года, и они сознательно понимали бы, что значит мобилизация массовых армий, то при искреннем желании сохранения мира, они сумели бы отнестись с полной серьезностью к этому акту, который, по правильному выражению Обручева, обозначает собой войну.

Интерес записки Обручева заставляет меня процитировать ее почти в полном виде.

При заключении конвенции автор записки считал необходимым иметь в виду следующие обстоятельства:

1) Вооружения европейских государств доведены до крайней степени, а мобилизационная их готовность измеряется уже не неделями, а днями и часами. Весь успех борьбы рассчитывается на скорейшем выставлении возможно большей массы войск и на упреждении противника в действии. При таких условиях приступ к мобилизации не может в настоящее время считаться как бы мирным еще действием, а, напротив, это самый решительный акт войны.

Отсюда тот вывод, что, при неизбежности наступления войны, мобилизация противных сторон должна происходить, по возможности, одновременно и, если возможно, то в один и тот же час, так как сторона, которая промедлит хоть сутки, может горько за то поплатиться. Слово же „мобилизация“ должно в настоящее время обозначать и открытие военных действий.

Невозможность промедления в фактическом открытии войны указывает, что в минуту объявления мобилизации не может быть допускаемо никаких дипломатических колебаний. Все решения дипломатии должны быть установлены заранее с вполне ясным определением военно-политической стороны борьбы.

2) Чтобы в минуту мобилизации дипломатия могла точно определить, с кем именно она начинает войну, необходимо принять в соображение следующее:

При доведенном до крайности военном напряжении Европы трудно допустить, чтобы начавшаяся на континенте война могла ограничиться только изолированной борьбой между какими-либо двумя государствами. Державы, первоначально остающиеся в стороне, сделаются ранее или позднее участниками столкновения—одна открытой силой, другая политическим своим влиянием. Во всяком случае столкновение закончится общим конгрессом, и на этом конгрессе та сторона будет иметь наибольший вес, которая в данную минуту будет представлять наибольшую силу.

Нашей дипломатии менее, чем всякой другой, возможно рассчитывать на изолированность столкновения России с одной

Германией, Австрией или Турцией. Берлинский конгресс был достаточным в этом отношении для нас уроком и научил, кого нам следует считать опаснейшим врагом—того ли, кто непосредственно с нами сталкивается, или того, кто выжидает нашего ослабления, чтобы почти предписывать условия мира.

Поэтому, хотя в договоре, которым связаны между собой державы Тройственного Союза, и есть оговорка, допускающая возможность самостоятельного отдельного той или другой державы действия на свой страх и снимающая в этом случае с прочих договаривающихся сторон ответственность за последствия начала войны, тем не менее нам не следует принимать этой оговорки в серьезный расчет. Сущность Тройственного Союза по отношению к России останется всегда неизменной, а оговорка даст только удобный для наших соседей способ маскировать действительный объем их соглашения и порождать с нашей стороны колебания и сомнения в минуту самого разрыва.

В начале каждой европейской войны для дипломатии всегда является великим соблазном по возможности ее локализировать и ограничить ее действия. Но, при настоящем вооруженном и возбужденном состоянии континентальной Европы, России к подобному локализированию войны следует относиться с особенным недоверием, так как оно может слишком усилить выгодные шансы не только сомнительных, не открывшихся еще наших врагов, но и колеблющихся союзников.

Далее Обручев переходит к существу предложений французского правительства.

Оно настаивает не на союзном договоре, а на военной конвенции, которая определяла бы одновременность и согласованный заранее способ действий обеих армий. Выгода подобного акта заключается в том, что мобилизация может быть объявлена президентом республики помимо палат, не теряя времени на парламентские прения, которым придется иметь дело уже с совершившимся фактом. Такая постановка вопроса была бы выгодна и для нас, так как этим соглашение ограждалось от препирательства партий. Одновременность мобилизации Обручев признавал, наравне с французами, необходимым условием, но подробно останавливался на определении повода для такой общей союзной мобилизации.

Французы, пишет Обручев, считают своим непосредственным врагом почти исключительно Германию; Италии они придают только второстепенное значение, а к Австрии питают даже некоторые симпатии, продолжая видеть в ней исторического антагониста Германии. Поэтому французы желали бы, если возможно, заключить с нами конвенцию исключительно на случай войны с Германией. В известной мере это условие обоюдно выгодно, но оно значительно более выгодно для

Франции, чем для нас. Заручившись гарантией против самого опасного для нас врага, Франция могла бы, в случае войны России с Австрией, возникшей хотя бы по приказу Германии, оставаться безучастной и выжидать событий, что могло бы иметь для нас гибельные последствия. При чрезвычайном миролюбии массы французского народа и искусстве германской дипломатии, способной обещанием некоторых уступок хоть временно удержать Францию от разрыва, мы были бы предоставлены собственным силам, и, конечно, должны были бы тогда бороться не только с Австрией, но и с большей частью сил Германии, а, может быть, и с другими ее союзниками.

Нам крайне невыгодно появиться на военной арене одним. Наша изолированность всегда будет действовать слишком ободряющим образом на всех наших противников. Насколько грозные соединенные силы России и Франции могут многих сдерживать от участия в конфликте, настолько же легко может разрастись коалиция против одной России, вынужденной отбиваться на все стороны.

Поэтому едва ли нам удобно заключать конвенцию исключительно на случай войны с Германией. Перед нами стоит тесно сплоченный в военном отношении Тройственный Союз. Мы никоим образом не можем себе представить отдельных против нас действий Австрии или Германии; следовательно, и в конвенции нам необходимо обусловить одновременную мобилизацию армий Франции и России случаем нападения на них не Германии, а какой бы то ни было державы Тройственного Союза, безусловно считая их солидарными и нераздельными.

С дипломатической точки зрения может, конечно, подвергнуться критике обязательство России начать войну в случае столкновения Италии с Францией, но только этим обязательством можно уравновесить налагаемое на Францию обязательство мобилизоваться и начать войну в случае нападения на нас хотя бы одной Австрии.

Только это условие устраняет всякие экивоки, обеспечивает нас во всех случаях неколеблющимся союзником и ограничивает сферу возможной против нас коалиции.

Вопрос о согласовании военных действий договаривающихся сторон может быть решен весьма различно.

Так, державы Тройственного Союза, насколько известно, взаимно обязались предоставлением в распоряжение друг друга в определенных случаях определенного числа корпусов. При наиболее, например, вероятном возникновении войны между Австрией и Россией ко всем силам Австрии должны присоединиться две вспомогательные германские армии (6—7 корпусов) и два корпуса итальянские. Подобно этому и при заключении Россией конвенции с Францией может явиться предложение определить взаимное их участие в борьбе

известным числом корпусов. Кажется, однако, что подобное определение будет для нас делом неподходящим.

Если мы будем вызваны на войну, мы не можем ее вести иначе, как всеми нашими силами против обоих соседей. Иной войны, кроме самой решительной, которая уже надолго определила бы относительное политическое положение европейских держав и особенно России и немцев, нельзя и мыслить при готовности к борьбе целых вооруженных народов.

Начиная же войну по всей западной границе, мы не можем связывать себя условием направить столько-то корпусов или сот тысяч войска собственно против Германии и столько-то против Австрии. Мы должны сохранить за собой полную свободу распределять свои войска так, чтобы нанести решительный удар армиям Тройственного Союза. Может быть, для достижения этой цели нам прежде всего придется направить главные силы против Германии, как опаснейшего и сильнейшего противника, но, может быть, представится еще более выгодным сокрушить как можно скорее Австрию, чтобы затем легче справиться с изолированной Германией.

Нам безусловно надо сохранить за собой свободу действий, а потому в вопросе о совместных с Францией операциях будет, кажется, наилучшим ограничиться только общим обязательством в случае нападения одной из держав Тройственного Союза на Францию, тотчас же мобилизовать свою армию и начать военные действия против ближайших к нам держав этого союза—Германии и Австрии, требуя и с французской стороны соответственного же обязательства.

Такова исчерпывающая, поучительная, пророческая в отношении событий 1908 и 1914 годов военно-политическая записка Обручева, которая ставила франко-русское соглашение на реальную почву равенства и обоюдной помощи. Обручев отказывался от какого бы то ни было союзного плана войны, где одна сторона работает в пользу другой, и оставлял свободу операций каждой из них. Он освещал, таким образом, весьма интересный вопрос связи политики и стратегии во избежание разнобоя между ними, но в данном случае разнобой все-таки вышел.

Александр III приказал отправить записку Обручева Гирсу, желая знать мнение этого последнего по политической ее части [1].

Но Гирс нашел политические соображения Обручева опасными. „Предлагаемые меры,—писал он Ванновскому,— [2] поставили бы нас в весьма невыгодное положение, связав вместе с тем свободу решения государя императора в серьезном вопросе о войне. Ведь речь идет уже не о мобилизации

---

[1] Письмо Ванновского Гирсу 5 мая 1892 года.
[2] В письме от 13 мая 1892 года.

в том смысле, как ее понимают французы, говоря о сосредоточении войск в 14-дневный срок, а о немедленном нападении на двух самых сильных противников при малейшем признаке мобилизации итальянцев на французской границе. Подобное обязательство с нашей стороны во всяком случае было бы несвоевременно и крайне нам невыгодно в политическом отношении". Александр III присоединился к своему министру и „вполне одобрил" все изложенное им военному министру.[1]

Дело, казалось бы, вновь откладывалось в дальний ящик, но в июле опять в Красное Село прибыл ген. Буадеффр, и проект военной конвенции был все-таки составлен, но Обручеву пришлось во многом отказаться от изложенных в известной нам уже его записке мыслей.

Первоначальный проект французского генерального штаба, указав в введении о случае строгой оборонительной войны, вызванной атакой Тройственным Союзом России или Франции, вводил в конвенцию следующие обязательства:

1) Dans le cas où les forces de la Triple Alliance ou seulement de l'Allemagne viendraient à se mobiliser, la France et la Russie, à la première annonce de l'évenement et sans qu'il soit besoin d'un concert préalable, mobiliseront immédiatement et simultanement la totalité de leurs forces et les porteront le plus près possible de leurs frontières.

2) Si la France ou la Russie sont attaquées effectivement par les forces de la Triple Alliance (ou seulement de l'Allemagne) les deux Puissances dirigeront contre l'Allemagne la totalité des forces qui ne sont pas rigoureusement indispensables sur d'autres points. Ces forces s'engageront à fond et en toute diligence de manière à ce que l'Allemagne ait à lutter à la fois à l'Est et à l'Ouest.

1) В том случае, если силы Тройственного Союза или одной Германии начнут мобилизоваться, Франция и Россия, при первом известии об этом событии и без предварительных соглашений, немедленно и одновременно мобилизуют все свои силы и пододвигают их возможно ближе к границам.

2) Если Франция или Россия будут в действительности атакованы Тройственным Союзом (или только Германией), обе державы направляют против Германии все свои силы, кроме того количества, которое строго необходимо для оставления на других пунктах.

Эти силы переходят в решительное и наиболее быстрое наступление, чтобы заставить Германию одновременно драться на Западе и на Востоке.

---

[1] Надпись Александра III на докладе Гирса 4 июня 1892 года.

3) Dans l'hypothèse la plus défavorable, c'est à dire dans l'hypothèse où toutes les forces de la Triple-Alliance entreraient en action, la France estime que le chiffre des forces de campagne qu'elle pourra opposer à l'Allemagne sera de 1.300.000 hommes et que ces forces seront concentrées à la frontière le 14 jour à partir de l'ordre de mobilisation.

Dans la même hypothèse la Russie estime que le chiffre des forces de campagne qu'elle pourra opposer à l'Allemagne sera de 800.000 hommes et que ces forces seront concentrées à la frontière le „ " jour à partir de l'ordre de mobilisation; des forces sensiblement égales devront être opposées à l'Autriche.

4) La France et la Russie ne concluront pas la paix séparément avec la Triple-Alliance. Quel que soit le resultat des événements de la guérre, chacune des deux Puissances défendra les intérêts de l'autre comme les siens propres lors du reglement definitif.

3) В наиболее неблагоприятном случае, когда примут участие все силы Тройственного Союза, Франция предполагает выставить против Германии 1.300.000 чел. действующих войск, и эти силы будут сосредоточены на границе на 14 день мобилизации.

В том же случае Россия предполагает выставить против Германии 800.000 человек действующих войск, и эти силы сосредоточатся на границе на „ " день мобилизации; Австрии должны быть противопоставлены строго равные (ей) силы.

4) Франция и Россия не заключат с Тройственным Союзом отдельного мира. Каковы бы ни были результаты войны, каждая из договаривающихся держав будет при заключении окончательного договора защищать интересы другой державы, как свои собственные.

5-й параграф обязывал начальников штабов обеих армий периодически сговариваться о технических деталях, а 6-й устанавливал продолжительность конвенции, равную длительности Тройственного Союза.[1]

Этот первоначальный проект французского генерального штаба отличался несомненными специфическими чертами.

В политическом отношении он выделял Германию в обособленное положение, направляя франко-русскую конвенцию преимущественно против нее. Но так как у Германии с Россией не было никаких политических счетов, кроме их взаимных отношений к Австрии, то не было сомнения, что одна

[1] II Отдел Гос. Арх. Отд. мин. ин. дел. Картон. „Русско-Французский Союз 1892 г.".

Германия войны с Россией не начнет. Между тем конвенция совершенно не обеспечивала Россию от более вероятного случая первоначального нападения против нее Австрии. Таким образом, это условие делало конвенцию исключительно выгодной для Франции.

Вторая особенность заключалась в том, что договаривавшиеся стороны обязывались не только не заключать сепаратного мира, но и защищать во время мирного договора интересы союзницы, как свои собственные. Правда, это обязательство было обоюдным, и интересы Франции нигде не сталкивались с русскими, но подобное обязательство все-таки могло быть чревато последствиями при тех аппетитах союзной с нами державы, которые сильно нарушали бы политико-экономическое равновесие Европы. Версальский же мир дал нам понятие об этих аппетитах.

В военном отношении французский проект не грешил против принципов военного искусства, но не учитывал в отношении России того обстоятельства совместной войны, когда каждая из держав должна считаться и с особыми политическими и экономическими условиями своей страны. Поэтому-то Обручев и настаивал в своей записке на предоставлении полной оперативной свободы каждому из союзников.

После ряда обоюдных уступок, приехавший в Петербург ген. Буадеффр договорился с ген. Обручевым, и 17 августа 1892 года была подписана следующая военная конвенция между Францией и Россией: [1]

Франция и Россия, одушевленные одним желанием сохранить мир и не имея другой цели, кроме подготовки мероприятий, необходимых для оборонительной войны, могущей быть вызванной нападением сил Тройственного Союза, договорились о нижеследующем:

1) Если Франция будет атакована Германией или Италией, поддержанной Германией, Россия нападает на Германию всеми находящимися в ее распоряжении силами.

Если Россия будет атакована Германией или Австрией, поддержанной Германией, Франция употребит все находящиеся в ее распоряжении силы для борьбы с Германией.

2) В случае мобилизации сил Тройственного Союза или одной из входящих в его состав держав, Франция и Россия, при первом известии об этом событии и без предварительного о том соглашения, немедленно и одновременно мобилизуют все свои силы и сосредоточат их возможно ближе к своим границам.

3) Силы, долженствующие быть выставленными против Германии, составляют со стороны Франции 1.300.000 человек, а со стороны России—от 700.000 до 800.000 чел.

---

[1] Подлин. француз. текст конвенции помещен в приложении № 2.

Силы эти будут введены в действие полностью и возможно скорее, чтобы Германия была принуждена бороться одновременно на востоке и на западе.

4) Генеральные штабы обеих стран будут сговариваться во всякое время для подготовки и облегчения приведения в исполнение изложенных выше мер. Они будут сообщать друг другу еще в мирное время все имеющиеся у них и получаемые впредь сведения о войсках Тройственного Союза.

5) Франция и Россия не заключат сепаратного мира.

6) Срок настоящей конвенции будет тот же, что и Тройственного Союза.

7) Все вышеприведенные постановления будут храниться в строгой тайне.[1]

В этой конвенции были в достаточной степени соблюдены интересы России, и достигнута равномерность обязательств обеих союзниц. Мы были обеспечены от наиболее невыгодного для нас случая нападения одной Австрии, вслед за которой только выступит Германия, в обмен на невероятный при существовавшей политической обстановке случай нападения Италии на Францию. Мы обязывались выставить против Германии для наступательных операций 700—800 тысяч и в остальном в ведении операций были совершенно свободны. Мы не связывали себя политическими обязательствами далекого будущего, совершенно неизвестного по существу.

Но проект был вновь отправлен на просмотр Гирсу и после длительных его переговоров с Обручевым конвенция была в принципе утверждена в виде проекта, которым должны были обменяться оба военные министра с указанием, что конвенция принципиально одобрена верховной властью. Более всего беспокоила Гирса необходимость сохранения строгой тайны. На этом месте доклада Александр III написал: „Это тоже я ему (Буадеффру) говорил и прибавил, что, если наше соглашение огласится, я не буду считать его действительным. Boideffre обещал в точности передать все это в Париже".[2]

Кроме того, Гирса беспокоило, чтобы в конвенцию не были включены с нашей стороны обязательства принять какие-либо положительные и определенные меры, которыми была бы затронута свобода решения государя в вопросе о войне. „Смею думать,—кончал он свой доклад,—что принимать преждевременные обязательства, не вызываемые в настоящую минуту политическими условиями, было бы крайне опасно, тем более, что неизвестно, при каких обстоятельствах разразится война".[3]

---

[1] По переводу министерства иностранных дел.
[2] Доклад Гирса от 7 августа 1892 года. II Отд. Гос. Арх.
[3] Доклад Гирса от 1 августа 1892 года. Там же.

Обмен письмами между французским и русским военными министрами состоялся в августе 1892 года, но конвенция оставалась все-таки проектом, так как Гирс все откладывал детальное с ней ознакомление.

Такое положение не удовлетворяло французов, и Рибо в длинном и частном письме к Гирсу [1] выражал желание, чтобы проект скорее обратился в конвенцию. Мотивами такой торопливости служили новый германский закон об усилении армии, направленный против Франции и России, и боязнь перемены во Франции министерства, парламентских прений и огласки. Александр III положил на письме Рибо 9 ноября следующую пометку: „Не понимаю, что они хотят еще? Кажется, могли бы теперь успокоиться".

Фактически утверждение конвенции задерживалось упрямством Гирса, который целый год не давал своего подробного о ней заключения, пока Александр III вторично не потребовал его летом 1893 года.

Во время этих переговоров французское правительство пожелало внести в конвенцию некоторые изменения, касающиеся в главной своей части мобилизации на случай нападения Италии или Австрии. Французам, видимо, не нравилось включение в конвенцию необходимости их мобилизации при нападении одной Австрии на Россию.

Они находили, что в этом случае положение будет не столь опасно, и оба правительства будут иметь время сговориться об общих мерах; Германию же необходимо рассматривать, как душу союза, и это единственная держава, которая может одновременно атаковать Россию и Францию. Наконец, объявление общей мобилизации против Австрии или Италии придаст союзникам в глазах Европы вид нападающей стороны. [2]

Впрочем, французы, чтобы не затягивать соглашения, вскоре отказались от своих поправок, а Гирс удосужился, наконец, в подробностях ознакомиться с проектом конвенции, и в декабре старого стиля последовал обмен письмами между Гирсом, с одной стороны, и французским послом в Петербурге—с другой, что и утвердило, наконец, военную конвенцию. [3]

Après avoir éxaminé d'ordre suprême le projet de convention militaire élaboré par les états-majors russe et francais en août 1892 et en avoir soumis mon appréciation à l'empereur, je me fais un devoir d'informer votre excellence, que le texte de cet arrangement, tel qu'il a été approuvé en principe par sa majésté

---

[1] От 31 октября 1892 года. II Отд. Гос. Арх.
[2] Письмо Буадеффра 26 августа 1892 года. Там же.
[3] Гирс—гр. Монтебелло 15 (27) декабря 1893 года и гр. Монтебелло—Гирсу 23 декабря (4 января) 1893/4 года.

et signé par messieurs l'aide de camp général Obroutchew et le général de division Boisdeffre peut être consideré comme ayant été définitivement adopté dans sa forme actuelle. Les deux états-majors auront ainsi la faculté de se concerter en tout temps et de se communiquer réciproquemens tous les renseignements qui pourraient leur être utiles.[1]

Конвенция была, таким образом, заключена с победой русской точки зрения, но на это потребовалось полтора года, благодаря умышленной или неумышленной затяжке со стороны Гирса, несмотря на уступчивость и торопливость французского правительства.

Разумеется, франко-русское сближение и поездки Буадеффра в Петербург не могли остаться секретом для Европы, но тайна договора, согласно воли Александра III, была так сохранена, что Николай II, вступив в 1894 году на престол, ничего не знал о существовании между обоими государствами военной конвенции. В письмах от 11 и 28 ноября того же года на имя президента республики Казимира Перье он подтвердил в скрытой форме ненарушимость обязательств своего отца.[2]

С тех пор и до 1899 года франко-русское соглашение не имело никакого движения.

Общий очерк международных отношений Европы в конце XIX столетия.

А между тем в политико-экономической жизни Европы набиралось все более и более горючего материала, который находился еще в брожении для того, чтобы взрыв последовал скоро, но неизбежность этого взрыва в будущем становилась неотвратимой.

Европейские государства не выкристаллизовались еще в прочные коалиции, мировой капитал не слился еще в мощные организмы, экономические распри не дошли еще до того предела, когда они могут быть разрешены только силою оружия, и, таким образом, конец девятнадцатого века вернее всего можно охарактеризовать, как период подготовительный к мировой катастрофе, непосредственно с ней связанный.

Политические интересы постепенно уступили первое место экономическим, которые во всю свою ширь разрастались не в Европе, а в Азии и в Африке, притягивая туда все внимание европейских держав. Только Балканы, с развивающимся

---

[1] Изучив по высочайшему повелению проект военной конвенции, выработанной русским и французским генеральными штабами в августе 1892 года и представив мои соображения императору, я считаю долгом сообщить в-му пр-ству, что текст этого соглашения в том виде, как он был в принципе одобрен его величеством и подписан генерал-адъютантом Обручевым и дивизионным генералом Буадеффром, может рассматриваться, как окончательно принятый в его настоящей форме. Оба генеральных штаба будут иметь, таким образом, возможность периодически сговариваться и обоюдно обмениваться полезными сведениями.

[2] II. Отд. Гос. Арх.

на этом полуострове национальным движением, и прилегающие к ним моря Адриатическое, Эгейское и Черное с соединяющими их проливами и с глубоко жизненными экономическими интересами многих держав, связанных с этим узлом мировых путей, представляли собой в Европе источник международных споров.

Этот же период совпадает и с переменой на политической арене главных деятелей. В Германии сошел со сцены осторожный Бисмарк, а энергия Вильгельма II развернулась в полном объеме, постоянно смущая Европу и не позволяя ее международным сношениям вылиться в более мирную форму, благодаря способности Вильгельма обострять всякое международное событие и раздувать факел раздора там, где его можно было бы погасить. В России в 1894 году на престол вступил Николай II, что совпало с наибольшей активностью и неустойчивостью петербургского кабинета в международной политике. Во Франции на политической арене выдвинулась личность Пуанкаре, а в Англии личность Эдуарда VII, т.-е. все те лица, которых мы встречаем на главных ролях мировой войны и времени ближайшей к ней подготовки.

Внешняя политика Франции, обеспеченная в Европе соглашением с Россией, приняла особо экспансивный характер в смысле расширения своих владений в Африке, в чем французское правительство встречало самую энергичную поддержку со стороны финансовых и политических кругов. В этом своем поступательном движении французы сталкивались в долине Нила и в Марокко, на крайнем северо-западе Африки, с интересами Англии. Такое положение, естественно, приводило обе эти державы к натянутым и даже враждебным друг к другу отношениям, что в 1898 году едва не привело к войне из-за пустячного инцидента с занятием Фашоды, как бы обозначавшего собой проникновение французов в долину Нила.

Сношения Франции с Россией за это время ограничивались только финансовыми операциями и обменами визитами государя и президента, как свидетельством стойкости соглашения между обеими странами. Впрочем, в 1897 году, во время приезда Феликса Фора в Петербург франко-русское соглашение было заменено союзом, о чем государь и поведал в своем застольном тосте, перестав хранить тайну оформленного сближения между этими двумя странами. [1]

Политику Англии за это время правильнее всего было бы характеризовать политикой удержания и развития своего выдающегося экономического положения совместно с традиционной заботой о недопущении чрезмерного роста какой-нибудь европейской державы.

---

[1] Витте. „Воспоминания", т. I, стр. 103.

За эти годы Англия находилась в особо натянутых отношениях с Францией из-за ее захватов в Африке, и с Россией, благодаря сталкивающимся с нею интересам в Средней Азии и боязни за Индию. Такое отношение Великобритании успокаивало Германию в смысле франко-русского соглашения; она рассчитывала, что, в случае войны, Англия станет на ее сторону.

В деятельности великобританской политики за этот период следует отметить ее наступательные планы в Малой Азии и в Южной Африке.

В первой они выразились в предложении поделить Турцию на сферы влияния.[1] В 1895 году с таким предложением англичане обратились к Вильгельму II, в 1898 году они одновременно вели переговоры с берлинским и петербургским кабинетами, при чем в Малой Азии предлагали такую схему раздела: к северу от Багдада русские и к югу англичане. Далее следовал новый ряд переговоров с Германией; так как Россия, проявлявшая активность на Памирах и в направлении Персидского залива, рассматривалась в Лондоне, как самый опасный конкурент.

В Южной Африке прокладывалась англичанами грандиозная транс-африканская железная дорога, которая совместно с великим сибирским путем, багдадской и не видавшей света транс-персидской дорогами, определяла собой те грандиозных размеров экономические рамки, в которых протекал политический процесс в последние десятилетия перед мировой войной. Эта постройка транс-африканской железной дороги создала почву для англо-бурской войны 1899—1902 годов.

Последние годы прошлого столетия переменили отношение Англии и к Германии, политика которой заставила англичан смотреть на нее не только, как на экономического конкурента, но и как на прямую политическую опасность, как на врага, который усиливает свое судостроение и выступает соперником Англии в морской гегемонии.

Некоторое время англичане рассчитывали парировать опасность союзом с Германией против России и Франции, но, когда это не удалось, то вошедший на престол Эдуард VII (1901 г.) круто повернул английскую политику на сближение с Францией.

Наиболее сложной за этот период была политика молодого германского императора, который в принципе придерживался программы Бисмарка, но, не отличаясь присущей этому последнему осторожностью и планомерностью, внес в нее более смелый размах и большую долю сумбура.

В Европе он хотел не только обеспечить доминирующее положение Германской империи, но, искренне или не искренне,

---

[1] Е. Адамов. „Раздел Азиатской Турции", стр. 31.

веря в старого „немецкого бога“ и гениальность германской нации, он неразрывно с немецкими догматами „Drang nach Osten“ и „Deutschland über Alles“, несомненно, связывал и мечты о гегемонии над Европой. В других странах света в основании немецкой политики лежало желание поставить Германию в экономическом положении на то место, которое соответствовало бы быстро развивавшемуся экономическому и торговому росту страны. Этими отправными точками и определяется германская политика как в европейском, так и в мировом масштабах.

Вильгельму, как и Бисмарку, не улыбалось сближение России с Францией, а потому вплоть до 1914 года он попеременно старался разрушить это соглашение или объединить его под своим главенством.

В 1894 году он предлагал общий план действий Германии и Франции против Англии на почве африканского status quo; в 1896 году он еще шире ставит свое предложение ограничить „неумеренный аппетит Англии“, которая не должна больше рассчитывать на франко-германский антагонизм, а в 1899 году призывал даже всю Европу объединиться, имея Францию и Германию во главе, против Англии и Америки. В 1895 году германский канцлер пытался объединить Россию и Францию с Германией для вмешательства в дальневосточные дела с целью лишить Японию части плодов ее победы над Китаем;[1] в 1900 году не без влияния Вильгельма европейские державы объединяются, под главенством германского генерала, в Пекине для карательной экспедиции, а в 1903 году он объявляет русскому послу, что Германия готова к сближению с Францией при обязательном условии, чтобы договоры не подлежали пересмотру.[2]

Эти попытки сближения чередовались с серией угроз и старания расстроить франко-русское соглашение. Я не буду приводить фактической стороны, с которой мы встретимся в последующие периоды, и если касаюсь здесь этого вопроса, то только желая отметить програмный характер такого поведения Германии.

В частности в отношениях с Россией характерного за этот период было мало. Оба молодые монарха приглядывались друг к другу, совершенно не питая обоюдных дружественных чувств; игра влияний Вильгельма на Николая началась позднее и первоначально вылилась в толкании России на дальневосточную авантюру.

Центром германской политики того времени был Тройственный Союз, поведение которого в последнее десятилетие

---

[1] И, действительно, Россия, Франция и Германия объединились в вопросе о предъявлении Японии ультиматума после Симоносекского мира (Извольский. Воспоминания, стр. 32).

[2] Пуанкаре. „Происхождение мировой войны“, стр. 42—77.

прошлого века давало возможность миролюбивого сотрудничества соседних держав, так как он не распространялся на восточно-балканские дела.[1]

Наиболее враждебный характер в конце этого периода приобрела германская политика в отношении Англии и отчасти Америки.

В 1897 году Вильгельм в бытность в Петербурге определенно поднял вопрос об экономическом воздействии на Америку,[2] но здесь встретил решительное несочувствие этому проекту. В 1898 году он новой судостроительной программой бросил вызов Англии и подкрепил этот вызов своим демонстративным поведением во время англо-бурской войны, чем окончательно заставил Англию искать сближения с Францией, а потом и с Россией. Вильгельм сам натолкнул Эдуарда VII на политику окружения Германии и помог довести ее до успешного конца.

В экономическом отношении Германия усилила свою активную работу в Африке и, в особенности, в Азии. Здесь внимание Вильгельма было обращено на Турцию. Путешествие его в 1898 году в Константинополь, Сирию и Палестину кончилось не только усилением немецкого влияния в Турции, но и более реальным результатом, а именно получением в 1899 году концессии на дорогу от Конии до Багдада.

Это событие не только способствовало проникновению Германии в недра Малой Азии, но и распространению ее железнодорожного строительства к Персидскому заливу и Кавказу, запутывая здесь до крайности экономический узел русских, английских и германских интересов.

Перемена царствования в Россиии не дала возможности за это время окончательно выявиться ее политической физиономии.

В наследство от предшествовавшего периода Николай II получил франко-русское соглашение и неразрешенный балканский вопрос, а также вечный вопрос о проливах. Экономические интересы привлекали внимание России к Малой Азии, а в последние годы столетия завязался и клубок дальневосточной политики.

О франко-русских отношениях мы уже говорили; соглашение было заменено союзом, сила его перед внешним миром демонстрировалась пышными свиданиями глав обеих стран, а внутренняя прочность—достигнутым политическим равновесием Европы и финансовым сближением. Этот период франко-русских отношений правильнее всего будет назвать

---

[1] Доклад Извольского Николаю II от 19 октября 1908 г. II Отдел Гос. Арх. Секр. дела минист. иностран. дел.

[2] Витте. „Воспоминания", том I, стр. 99.

периодом обоюдной страховки. Тесное объединение их во всех вопросах мировой политики только зарождалось.

На Балканах Россия потерпела серьезное дипломатическое поражение, и с избранием князем Болгарским Фердинанда Кобургского, австро-германское влияние там получило доминирующее значение.

Ответный визит престарелого австрийского императора Франца-Иосифа Николаю II в 1897 году повел к сближению между обоими монархами, которое повело к заключению между ними соглашения на десять лет по балканским делам. Николай II относился к договору с Австрией с особой сердечностью, как к своему первому самостоятельному политическому акту. Он в своей переписке с Францем-Иосифом называл его „соглашением, которое было нашим общим и личным делом", и считал естественным продолжением бывших договоров, видя в миролюбивом разрешении балканского вопроса единственный способ с ним покончить. [1]

Содержание переговоров между старым воспитанником иезуитов и испытанным в дипломатических боях Францом-Иосифом и малоопытным Николаем II для истории осталось неизвестным, но о нем можно догадываться. Мотивы Франца-Иосифа в его сношениях с русскими государями за пятьдесят лет царствования были очень однообразны.

Австрия недавно одержала на Балканах дипломатическую победу, вытеснив влияние России в Болгарии, посадив там на престол своего ставленника и подчинив своей окончательной власти сербского короля Милана. По заведенному Францем-Иосифом порядку после этого надлежало соглашением с Россией обеспечить достигнутые результаты, а средством для этого выбиралась угроза революционным движением и необходимость солидарными действиями поддержать устои консервативных начал.

Выражая свое соболезнование по случаю смерти Александра III, Франц-Иосиф писал воцарившемуся Николаю II: [2]

„Arrivés à la fin du siècle nous voyons de nouveau le monde tourmenté comme il y a cent ans par cet esprit de haine et de révolte qui menace d'ebranler toutes les bases religieuses et sociales et toute autorité gouvérnementale... C'est aux souverains des anciennes monarchies qu'incombe surtout le devoir de resserer les liens dynastiques et d'établir cette solidarité si nécessaire pour endiguer le flot montant de l'anarchisme et des idées socialistes". [3]

---

[1] Письма Николая II к Францу-Иосифу от 17 декабря 1908 года и 9 января 1909 года. II Отд. Гос. Арх. Секр. дела мин. иностран. дел.

[2] От 12 ноября 1894 года. Госуд. Архив.

[3] В конце века мы вновь видим мир, как и сто лет тому назад, смущенным духом ненависти и возмущения, который грозит поколебать религиозные и социальные основы и правящую власть... На государей старых монархий,

Два года спустя он же поучал молодого русского царя. [1]

„Dans la lutte contre les éléments subversifs et anarchiques ennemis de toute société tu defens ce principe de l'ordre monarchique qui nous unit dans une étroite solidarité". [2]

От Николая I и до Николая II испытанное австрийским монархом средство действовало без промаха, как оно подействовало и в 1897 году.

Подтверждением такого взгляда служит весьма интересная беседа с Францом-Иосифом русского министра иностранных дел графа Муравьева осенью 1898 года при его поездке заграницу, [3] которая должна была отразить суть переговоров, бывших год тому назад между обоими монархами. [4]

Резюме длинного полуторачасового разговора Франца-Иосифа с русским министром иностранных дел сводилось к получению от России подтверждения ее соглашения по четырем пунктам балканской политики.

Первый пункт состоял в согласии на сохранение территориального status quo на Балканском полуострове, что с своей стороны подтвердил и Муравьев.

Второй пункт касался независимости балканских государств и отказа от вмешательства в их внутреннюю политику.

Хотя в данном случае вопрос сводился к отказу России от предоставленного ей Берлинским трактатом исключительного влияния в Болгарии и Восточной Румелии, но Муравьев оказался солидарным с Австрией и в этом вопросе.

Третий пункт требовал полного уважения и ненарушимости приобретенных Австро-Венгрией в силу Берлинского трактата прав в Боснии и Герцоговине, при чем указывалось, что вопрос этот вообще не подлежит и не может подлежать обсуждению.

Муравьев ответил, что взгляды России на положение Боснии и Герцоговины обусловлены Берлинским трактатом. Наконец, четвертый пункт заключался в необходимости по взаимному соглашению затруднять и подавлять всякую агитацию,

---

в особенности, должится долг скрепить династические узы и восстановить солидарность, столь необходимую, чтобы поставить барьер надвигающейся волне анархизма и социалистических идей.

[1] От 30 октября 1906 года. II Отд. Гос. Арх.

[2] В борьбе против разрушительных и анархических элементов, враждебных всему обществу, ты защищаешь принцип монархизма, который нас объединяет в тесной солидарности.

[3] С легкой руки Муравьева все последующие министры иностранных дел, кроме графа Ламздорфа, совершали ежегодные осенние турнэ по резиденциям правительств западно-европейских государств, о которых они давали свои отчеты Николаю II. Особенно часто злоупотребляли такими поездками Извольский и Сазонов. Личные свидания руководителей иностранной политики вещь бесспорно полезная, но чреватая подчинением воли слабейшего сильнейшему. Не этим ли можно объяснить излишнее подчинение русской предвоенной политики воле Франции и Англии?

[4] Доклад Муравьева Николаю II 19 октября 1898 г. Там же.

направленную против вышеприведенных принципов. В то время Франца-Иосифа наиболее беспокоило поведение Черногорского правительства и особенно радовало подчинение австрийской указке короля сербского Милана Обреновича, правительство которого признавалось собеседником Муравьева единственным приятным для Австрии.

Соглашение 1898 года закрепило мир на Балканах на десять лет, пока Австрия не подготовилась к новому скачку вперед.

Но, если по всему европейскому фронту последние годы царствования Александра III и первые Николая II отличались миролюбивыми тенденциями, то в вопросе о Константинопольских проливах Россия, хотя и связанная по рукам и ногам, придерживалась своего традиционного правила быть всегда готовой.

Мы уже знаем, что судьба проливов и Турции стала европейским вопросом, и навряд ли государственных деятелей России можно упрекать в том, что они продолжали еще считать возможным разрешить его путем единоборства с Турцией. Но навряд ли можно кого-либо из них также упрекать в том, что они совершенно изъяли из возможных русских достижений благоприятное разрешение вопроса об экономических путях в открытое южное море и о политическом обеспечении безопасности черноморских границ России.

Россия времен Александра III мирилась с оставлением проливов в руках слабой Турции, пока политическая обстановка не выдвинет радикального разрешения этого вопроса, но она не могла допустить перехода их в чужие более твердые руки. Возможность быстрого захвата проливов со стороны Средиземного моря, рост поступательного движения на юг Австро-Венгрии и политическая бурлящая жизнь упоенных молодой свободой балканских народностей, все это, совместно с развалом Турции, делало возможным неожиданную катастрофу в Константинополе.

Вполне естественно при таких условиях желание России быть готовой сказать и свое веское слово при наступлении подобной катастрофы, а это слово при обстановке того времени могло быть только словом вооруженной защиты своих интересов.

Проблема овладения константинопольскими проливами допускала для России два решения. Во-первых, обеспечение торговых путей, ведущих из Черного моря к Средиземному, по которым происходил наш вывоз на сумму около полумиллиарда рублей в год, и, во-вторых, достижение широких империалистических задач возможностью выхода в любое время сильного русского Черноморского флота в Средиземное море.

Естественно, что только первая цель имела действительно громадное экономическое значение для России, так

как каждое закрытие проливов наносило серьезный удар экономической жизни страны. Для достижения этой цели не требовался захват Россией обоих проливов, а только одного Босфора, так как экономическая потребность этим вполне достигалась, и на помехи, оказываемые нам в Дарданеллах, мы могли ответить репрессиями на Босфоре.

К такому решению вопроса и подходил Александр III, к нему он и готовился. Более широкие империалистические задачи на проливах ставила себе уже позднейшая политика Николая II [1].

Подготовка к защите интересов царской России на Босфоре заключалась в царствование Александра III в постройке Черноморского флота и в заготовлении средств для быстрой десантной операции из Одессы и Севастополя. Конечная цель такой операции состояла в занятии и удержании в своих руках выхода из Босфора в Черное море и обеспечении, таким образом, при всяких обстоятельствах южной границы империи. Царская дипломатия сознавала, что после выполнения такой задачи вопрос о Босфоре и проливах переходил в плоскость общеевропейского дела.

Фактическим подтверждением высказанной выше мысли, что вплоть до Японской войны Россия в своей политике относительно проливов придерживалась исключительной цели занятия выхода из Босфора в Черное море, служат размеры тех военных средств, которые для этого собирались и достигли наибольшего развития перед Японской войной.

К экспедиции в Босфор тайно готовились в течение всего царствования Александра III.

Быстрое усиление Черноморского флота и транспортных средств дало возможность подготовку к этой экспедиции довести к 1903 году до весьма внушительных размеров, но исключительно пригодных только для занятия Босфора.

В состав экспедиционного отряда входило, кроме флота, $4^1/_2$ дивизии пехоты и $1^1/_4$ дивизии кавалерии, общей численностью 94.000 человек, мобилизуемых в 6 дней, при головном эшелоне в 31 тыс. человек. На 9 день мобилизации войска эти сосредоточивались в черноморских портах, а к концу 11 дня они могли уже начать высадку у Босфора.

Вслед за ними к 14 дню мобилизовались еще 78 тыс. и, таким образом, 170 тыс. могли быть собраны к Босфору к концу 19 дня мобилизации. [2]

Такие силы обеспечивали внезапный захват устья Босфора, позволяли с трудом удерживать в своих руках вход в Черное море, но о дальнейшем развитии наступления

---

[1] Весьма интересный материал дает в этом отношении записка русского морского агента в Константинополе в декабре 1913 г., к которой мы обратимся еще позднее. Госуд. Арх. Секр. дела мин. иностр. дел. Карт. 1913 г.

[2] Военно-ученый архив, д. № 131461.

с такими силами на Константинополь и далее к Дарданеллам, разумеется, нельзя было и думать.

Втечение восьмидесятых и девяностых годов неоднократно возникала мысль, в связи с турецкими и болгарскими делами, о необходимости предпринять экспедицию на Босфор, но все это ограничивалось только разговорами и поверкой нашей готовности. В 1895—97 годах положение, однако, сильно обострилось.

В связи с армянским погромом и ожиданием анархии в Константинополе великие державы пришли к решению в критическую минуту анархии или в предупреждение ее ввести в проливы флоты западных держав со стороны Средиземного моря и русский в Босфор из Черного моря. Но от этого плана пришлось в 1895 году отказаться по недостатку транспортных средств и несовершенству сухопутной мобилизации.[1] В 1897 году операция на Босфор также стала вопросом дня. Все было подготовлено для совместного с западными державами вмешательства в турецкие дела и, одновременно с движением европейских военных эскадр из Средиземного моря к Константинополю, „нам надлежало обеспечить нашу безопасность на Черном море посредством занятия десантным отрядом Верхнего Босфора".[2] Однако, и эта операция была отменена.

В последние годы прошлого века наша колониальная политика вообще несколько оживилась и пошла по двум направлениям—в Малую Азию и Дальний Восток.

Тяжелое положение, в котором оказалась Англия благодаря бурской войне, учитывалось ее соперниками и со стороны России был предпринят ряд последовательных попыток проникнуть в южную часть Месопотамии. С этой целью в Тегеране были начаты переговоры о передаче в русские руки Бендер-Абасса и возбуждено ходатайство о концессии на постройку железной дороги от Тегерана к побережью Персидского залива.[3]

Одновременно с этим России пришлось реагировать и на постройку германцами Багдадской железной дороги, которая могла подойти своими разветвлениями к нашей кавказской границе и ухудшить наше стратегическое положение. Ввиду этого по требованию русского правительства в марте 1900 года было заключено с Турцией соглашение, согласно которому ее право железнодорожного строительства в полосе, непосредственно примыкавшей к кавказской границе, было ограничено, и в этой полосе железные дороги могли строиться

---

[1] Доклад мин. иностр. дел Сазонова—Николаю II 23 ноября 1913 г. II Отд. Гос. Архива. Сек. дела мин. нн. дел. Карон. 1913 г.

[2] Письмо Воен. мин.—мин-ру ин. дел. 14 января 1897 г. № 10, Красн. Архив т. I, стр. 153.

[3] Э. Адамов. „Раздел Азиатской Турции".

только Россией и Турцией, а не иностранными капиталистами.

Толчком развития активной деятельности на Дальнем Востоке послужила победоносная война Японии против Китая и ограничение европейскими державами плодов японских побед. Другим толчком было проведение Великого Сибирского пути через китайскую территорию, что вовлекало нас в экономическом отношении в интересы Северной Манчжурии.

В 1897 году Вильгельм во время катанья по Петергофскому парку с Николаем II вырвал у последнего обещание не препятствовать Германии в занятии китайского порта Киао-Чао и настаивал, чтобы Россия последовала этому примеру, завладев Ляодунским полуостровом.

Доклад Николаю II министра иностранных дел графа Муравьева, что англичане решили предупредить нас в этом деле, заставило государя спешно занять Порт-Артур. [1]

Россия получила, таким образом, новый узел соприкосновения ее экономических интересов с другими державами. Война или мир зависели в ближайших перспективах от дальнейшего направления русской политики—осторожного или авантюристического. Царская Россия, как увидим ниже, избрала последнее.

Франко-русские соглашения 1899—1901 годов.

После первоначального франко-русского соглашения в отношениях между обоими союзниками наступило затишье, которое было вновь нарушено в 1899 году.

Летом этого года Петербург посетил министр иностранных дел французской республики Делькассе, имея, между прочим, целью письменно возобновить союзный договор 1891 года и военную конвенцию 1893 года, ввиду того, что эти документы были подписаны лицами, уже сошедшими со сцены. Если при Александре III все вопросы внешней политики решались его властной волей, то при Николае II началась эпоха влияний, и весьма важные вопросы проходили под давлением той или иной группы, близкой в данное время к государю.

Так, очевидно, было и при приезде Делькассе в Петербург, где образовалась известная группа против возобновления франко-русского союза. Об этом можно судить по весьма длинному и страстному письму военного министра Куропаткина к министру иностранных дел графу Ламздорфу [2]

Автор письма умолял своего коллегу не отпускать Делькассе с пустыми руками.

---

[1] Витте. „Воспоминания", том I, стр. 101. А. П. Извольский. „Воспоминания" (русск. изд.), стр. 86—89.

[2] От 24 июля 1899 года. II Отдел Гос. Арх. Секр. дел мин. ин. дел. Картон: Франко-Русский союз 1899 г.

„Мы этим,—писал Куропаткин,—сыграем в руку Германии и той партии во Франции, которая ищет сближения с Германией. Мы не имеем права отвергнуть предложение Делькассе... Для нас вопрос жизненный рассчитывать или не рассчитывать на 16 французских корпусов... Я говорил по этому вопросу с С. Ю. Витте, [1] и он вполне разделяет мои мнения и мои опасения. По его мнению, вопрос этот столь важен, столь может быть чреват серьезными последствиями, что вполне заслуживает быть обсужденным в особом совещании у государя императора.

„Соглашение японо-китайское на крайнем Востоке, деятельность Германии в Азиатской Турции, непрекращающиеся вооружения Англии — все это, особенно ввиду стремлений Германии к сближению с Францией, обязывает нас не пренебрегать возможностью дать серьезные доказательства во Франции, что мы дорожим ее союзом..."

Франко-русский союз был возобновлен обменом писем между графом Ламздорфом и Дельказсе 27—28 июля (8—9 августа) 1899 года, суть которых сводилась к следующему: [2]

„Императорское российское и французское правительства подтверждают, в своей всегдашней заботе о поддержании европейского мира и равновесия, дипломатическое соглашение, формулированное в письме Гирса от 9(21) августа 1891 года, барона Моренгейма (от 15—27 августа) 1891 года в ответном письме Рибо от того же числа.

„Они решили, что проект военной конвенции, который служит дополнением к политическому соглашению и который подтвержден письмами Гирса от 15(27) декабря 1893 года и графа Монтебелло от 23 декабря (4 января) 1893—4 года, останется в действии до тех пор, пока будет действовать дипломатическое соглашение, заключенное для охранения общих и длительных интересов обеих стран. [3]

Письма оканчивались обязательством хранить с обеих сторон строгую тайну.

В следующем 1900 году состоялось в Петербурге 10 июня (2 июля) первое после совещаний Обручева и Буадеффра совещание начальников штабов Сахарова и Деланн (Delanne), которое существенно изменило основную идею Обручева в отношении обеспечения России французской помощью, в случае первоначального выступления против России одной Австрии.

Как известно, по настоянию Обручева в конвенцию было включено условие мобилизации без предварительного согла-

---

[1] Министр финансов.
[2] II Отд. Гос. Арх.
[3] Перевод с французского.

шения не только против всего Тройственного Союза, но и против мобилизующихся отдельных держав его.

Новые начальники штабов, оставив ненарушимым вопрос о мобилизации Франции и России без предварительного соглашения, в случае мобилизации всего Тройственного Союза или Германии, нашли неудобным распространять это правило на Австрию и Италию. [1] В 1908 году, во время кризиса из-за аннексии Боснии и Герцоговины, русское правительство из-за этого изменения не могло быть уверенным во французской помощи.

В остальном главное внимание совещания было посвящено обсуждению предстоящих планов действий, [2] но в конвенцию, по предложению французов, было включено и новое обязательство, вызванное весьма натянутыми отношениями после Фашоды между Францией и Англией. В конвенцию решено было включить и случай обоюдной помощи, если бы оба правительства решили оказать таковую друг другу, в предположении войны с Англией. При этом было решено, в случае нападения на Францию одной Англии, России сосредоточить на Афганской границе 300—350 тыс. человек и наступать на Индию; в случае же объявления Англией войны России, французы сосредоточивают 100—150 тыс. чел. у Ла-Манша и угрожают Англии дессантом.

В политическом отношении совещание 1900 года также представляет известный интерес.

На нем рассматривался вопрос применения конвенции в том случае, если Германия пожелает расширить свои владения на счет Австрии после ожидаемой кончины престарелого Франца-Иосифа.

Через несколько месяцев, в феврале 1901 года, в Петербурге вновь собрались на совещание Сахаров и новый начальник французского генерального штаба ген. Пендзек.

Этому совещанию предшествовала оригинальная переписка между Ламздорфом и Куропаткиным, показывающая, как строго старались в России оберечь тайну подробностей союзной конвенции.

Письмом 4 февраля [3] Ламздорф сообщал Куропаткину, что немцы очень следят за поездкой Пендзека в Петербург, и Вильгельм приказал своему послу выяснить, в чем дело. „Следует думать,—писал Ламздорф,—что при нынешнем политическом положении и при проявлении впечатлительным и постоянно увлекающимся императором Вильгельмом стре-

---

[1] § 4 главы I соглашения. II Отд. Гос. Арх. Секр. дел мин. Картон и т. д. „Франко-Русский Союз. 1900 г."

[2] Специально военные вопросы соглашения изложены в моей работе „Подготовка России к мировой войне. Планы войны", почему здесь не повторяются.

[3] II Отд. Гос. Арх. Папка 1901 г.

мления заручиться поддержкой других держав, ввиду предполагаемой им невозможности установить вполне дружественные отношения с Россией, — всякое неосторожное [1] и слишком открытое обнаружение наших соглашений с Францией по военным вопросам было бы не безопасно".

Принимая же во внимание частую смену министерств во Франции, Ламздорф предполагал, ссылаясь на взгляд Александра III, „не связывать Россию никакими формальными соглашениями и довольствоваться теми прекрасными, но не компрометирующими нас документально отношениями, которые ныне существуют между Россией и Францией".

Не представляя собою ничего нового в военном отношении, совещание это интересно сделанным впервые предложением французского представителя притти России на помощь при сооружении ею стратегических железных дорог для ускорения сосредоточения войск на германской границе. [2]

Французы хотели, чтобы конференции начальников штабов скреплялись министрами иностранных дел, что постановлениям их давало характер политических актов, но Ламздорф отклонил это предложение под предлогом стеснения этим технических суждений начальников штабов. [3]

После этого совещания последовал перерыв в них до 1906 года.

Протоколом 1901 года кончается первый период военных соглашений между Францией и Россией.

Этот период отличается особой активностью со стороны французов и осторожностью со стороны русских.

Конвенция, построенная Обручевым на широких началах равноправности и обеспечения русских интересов, с основательным предвидением возможного будущего, была Сахаровым изменена в худшую сторону сосредоточением союзных обязательств только на случае мобилизации всего Тройственного Союза или одной Германии.

Впервые подымается вопрос о денежном содействии со стороны Франции специальным военным нуждам России, что в будущем должно было невольно повести и к оперативной зависимости русских войск от французов.

Связь стратегии с политикой.

Заключение франко-русской военной конвенции оказало незначительное влияние на наши предположения о войне на западной границе.

Да это и вполне понятно по двум причинам.

Во главе оперативной работы втечение большей части рассматриваемого периода находился ген. Обручев, который стоял за самостоятельные военные операции союзных армий,

---

[1] Курсив подлинника.

[2] II Отд. Гос. Арх. Папка 1901 года.

[3] Письмо Делькассе от 16 мая 1901 г. и Ламздорфа от 15 (28) мая того же года. Там же.

отрицая совместный союзный план войны. Во-вторых, в основе русских оперативных планов в девяностых годах лежало сосредоточение наших армий в Привислинском районе, что им давало возможность действовать и против австрийцев и против германцев. Наконец, при всяких комбинациях мы все равно оставляли значительное число войск и против немцев.

Но во всех планах того времени устанавливалось нанесение первоначального удара австрийцам, и только М. И. Драгомиров выступил около 1900 года с требованием согласовать наши операции с французами и развернуть русские силы с целью направления главного удара против германцев.

Активный характер за исследуемый период нашей окраинной политики (Турция, Персия, Дальний Восток) не вызвал соответствующего усиления русской военной мощи, чтобы поддержать дипломатические шаги. Только в отношении Турции принимались некоторые меры в смысле подготовки десантного отряда, но и тот оказался неготовым, когда в 1895 году в нем выявилась надобность.

Зачаток империалистических планов на Дальнем Востоке вызвал в военном отношении пока только принятие паллиативных мер, в виде перевода туда из Европейской России бригады пехоты.

Заключение. Девяностые года прошлого столетия дали новое направление русской политике.

Заключением франко-русского союза, дополненного военной конвенцией, Россия окончательно порвала со своей традиционной политикой девятнадцатого столетия, базировавшейся на союзе с двумя соседними центральными державами; она вышла и из своего изолированного состояния. Европа раскололась на два враждебных лагеря, и это неминуемо должно было привести ко всеобщему столкновению.

Франко-русский союз положил первоначальный фундамент той кристаллизации держав, с которой они встретили мировую войну; он восстановил политическое равновесие Европы, нарушенное образованием Тройственного Союза, и уничтожил его доминирующее влияние.

Перемена царствования в России привела на этот раз к бо́льшей перемене во внешней политике, чем это было в предшествовавшие царствования. Не только молодость последнего императора, но и некоторые черты его характера были тому причиной.

В то время, как Николай I все царствование имел только одного министра иностранных дел Нессельроде, Александр II—Горчакова, Александр III—Гирса, Николай II только за шесть лет своего царствования имел четырех министров: Гирса, Лобанова-Ростовского, Муравьева и Ламздорфа, кроме, так сказать, приватных министров, вроде Безобразова, Балашова, Ухтомского и К⁰.

И русская политика с воцарением Николая II сразу приняла активный характер на Ближнем и Дальнем Востоке при соглашательском ее направлении в Европе в духе Союза трех императоров (соглашение с Францем-Иосифом в 1897 и 1898 годах).

Едва не состоявшаяся экспедиция в Босфор, наступательные тенденции в Персии, железнодорожная в Азиатской Турции и захватническая на Дальнем Востоке—такова была первоначальная внешняя политика царствования Николая II с характерным тяготением на Восток, но политика разбрасывающаяся, без определенного плана и без соответствия реальных сил с поставленными себе задачами.

Дипломаты, очевидно, совершенно не задавались вопросом, соответствует ли вооруженная сила Россия тому, чтобы поддержать их наступательную политику на всех фронтах азиатского материка, политику, которая должна была повести к серьезным нарушениям интересов, в первую очередь, Англии, Турции и Японии. А, между тем, силы России, даже для борьбы на западной границе, были до того относительно малы, что она медленно подвигалась там от идеи обороны к наступательной войне.

Обращаясь в частности к характеру военной конвенции с Францией, следует отметить, что первый этап союзных сношений протекал при очень выгодных для России условиях. Французы торопились с конвенцией и шли на всевозможные уступки. Все затруднение заключалось в том, что Франция имела своим врагом, с которым она должна была обязательно столкнуться, Германию и направляла конвенцию на страховку от этого врага; Россия же должна была обязательно столкнуться с Австрией, поддержанной Германией.

Обручеву с его выдающимся государственным умом было по силам охватить вопрос широко и в политическом и в военном отношениях и, вопреки противодействию Гирса и заминке французов, ему удалось конвенцией 1892 года обеспечить поддержку Францией России, в случае нападения на нее Австрии, поддержанной Германией. Он пророчески предвидел то, что смущало Европу и, в особенности, Россию в 1908, 1912 и окончательно смутило в 1914 годах. От такого „diplomate de carrière“, каким был Гирс, все это ускользнуло.

Но уже ближайший заместитель Обручева, Сахаров, отказался в 1900 году в пользу французов от той равноценности союза для обеих сторон, которой с трудом добился Обручев.

Протокол совещания начальников штабов в 1901 году вводит новую, но чреватую последствиями, данную в военную конвенцию, в виде предложения французского представителя денежной помощи при постройке стратегических железных дорог. Это послужило первым звеном в той финансовой цепи, которая заметно сковала свободу операций русской армии в мировую войну.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГОДЫ ПЕРЕЛОМА (1900—1906 гг.).

Европейская политика в начале XX столетия. Русско-японская война. Влияние русско-японской войны на политику европейских держав. Колебания русской политики во время войны с Японией. Участие России в общеевропейской политике. Совещание начальников французского и русского штабов и влияние англо-французского соглашения. Заключение.

Европейская политика в начале XX столетия.

Политическая жизнь Европы в первые годы двадцатого столетия сконцентрировалась на борьбе за новую политико-экономическую группировку держав.

В наследие от прошлого века осталась уравновешенная военными соглашениями Тройственного и франко-русского союзов Европа, имея обособленно стоявшую Англию, которая могла своим весом дать в последнюю минуту преимущество той или другой из враждовавших между собой группировок.

Англия чувствовала, что подходит время, когда даже ей, благодаря сильному сдвигу экономических мировых проблем, трудно будет в будущем сохранить в неприкосновенности принцип ее политического одиночества. И, действительно, в последнее десятилетие прошлого века она постепенно отходила от своего уединенного положения и первоначально более склонялась на сторону Тройственного Союза, находясь в очень натянутых отношениях с Россией и Францией.

Но конец столетия (усиление немцами военного флота и бурская война) показали английскому правительству, что ему предстоит в будущем борьба с Германией не на жизнь, а на смерть, и что при таких условиях продолжать оставаться в блестящем одиночестве невозможно.

Англичане со свойственной им решительностью, не колеблясь, перешли к новому политическому принципу, приписываемому инициативе Эдуарда VII, принципу окружения Германии, для чего было необходимо достигнуть англо-франко-русского соглашения. К этой работе лондонский кабинет и приступил со всей присущей ему энергией.

Но Германия, в свою очередь, не могла допустить столь опасного для себя политического окружения и начала при-

лагать все усилия, чтобы разрушить соглашение между тремя державами, а если возможно, то и объединить континентальные государства против Англии и Америки.

Однако, планомерной работе европейских держав в отмеченных выше направлениях неожиданно помешала русско-японская война, почему с нее мы и начнем наше исследование.

Русско-японская война.

Причин войны России с Японией было много, и, при принятой обоими правительствами широкой империалистической политике, вооруженное столкновение между ними делалось неизбежным. Но столкновение, столь преждевременное, каким оно оказалось в действительности, являлось прямым следствием исключительной политики русских правящих сфер.

Извольский в своих Воспоминаниях [1] отводит целые страницы упрекам Вильгельму II, что это он втянул Россию в дальне-восточную авантюру. Сомнения нет. Неудачный Тайлеран двадцатого века приложил и сюда свою руку смутьяна, но этим ничуть не уменьшается отрицательный характер поведения русского правительства.

Германия, Франция и Россия вырвали из рук Японии плоды ее побед над Китаем. Германия и Россия заняли китайские территории Киао-Чао и Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, который являлся естественным вознаграждением за победы и должен был перейти в руки Японии. Раздражение японцев и китайцев против русских являлось вполне понятным.

Проведение Сибирской железной дороги по Северной Маньчжурии и необходимость довести ее до Порт-Артура переносили наши экономические интересы в Маньчжурию, где приходилось или полюбовно разделить сферу влияния с японцами или пойти с ними на открытый разрыв. Был избран последний путь и в данном случае не по вине официального русского правительства. [2]

Дальне-восточная политика была Николаем II изъята из рук официального правительства и передана в руки безответственной кучки близких Николаю людей, во главе с Безобразовым, которая увлекла государя идеей завоевания Маньчжурии путем весьма сложных и туманных коммерческих операций вызывающего в отношении японцев характера.

Безобразов стал на это время диктатором Дальнего Востока, обратил министров в исполнителей своих распоряжений, расстроил возможное с Японией соглашение при при-

---

[1] А. П. Извольский. „Воспоминания".

[2] Впрочем, один из официальных министров, а именно министр внутренних дел Плеве сочувственно относился к воинственной политике, так как ему для поддержания внутреннего порядка в стране была желательна „небольшая победоносная война".

езде с этой целью в Петербург маркиза Ито и довел дело до войны.[1]

Война с Японией, которой предшествовали за год сильные аграрные беспорядки в центральных губерниях империи, бесславно началась в начале 1904 г. неожиданным и успешным налетом на русский флот в Порт-Артуре японских миноносцев и кончилась после Мукденского погрома и поражения при Цусиме Портсмутским миром в то время, когда Россия сосредоточила на Сипингайских позициях летом 1905 г. более многочисленную, чем была у японцев, армию.

Неудача могущественной России в борьбе с небольшой Японией является следствием весьма многих и сложных причин.

Полная бессмысленность этой войны, а потому и непопулярность ее, в особенности после того, когда широкое общество узнало, кому оно обязано войной. Мобилизация, последовавшая в то время, когда способы подавления аграрных беспорядков еще не были забыты, при этом мобилизация самая неудачная когда в одном уезде брали 42-летних мужчин,

---

[1] В скором времени в Красном Архиве должна появиться серия писем к Николаю II от Безобразова и его ближайших сотрудников, Балашова и Абазы, хранящихся в Центральном Архиве. Лица эти своими письмами сами себе выносят исторический приговор. Автор приводит здесь выдержки из двух писем, наиболее интересных для его исследования.

Егермейстер Балашов в письме от 12 марта 1902 г. из Порт-Артура дает государю советы по общей политической программе России. „Кончаю,—пишет он,—выражением глубокой уверенности, что более удобного времени не было, да вряд ли и будет, для разрешения разом всех вопросов, интересующих нас на Дальнем Востоке. Нам очень пора покончить с ними теперь же, дабы мы могли обратить должное внимание на действия Англии в Персии и Германии в Малой Азии, принимающие для нас все более и более опасные размеры и характер. Между тем заботы наши в здешних краях препятствуют нам приняться за разрешение главной нашей задачи, завещанной самой историей—на Черном море и в проливах, и нельзя не видеть, что благоприятное ее разрешение становится с каждым годом труднее. Но так как последнее составляет для России самый главный вопрос тысячелетней ее политики, от которой она ни в коем случае не может окончательно отказаться, то спрашивается, какой нам расчет откладывать такую неминуемую работу с тем, чтобы впоследствии ее было труднее, а, быть может, и совершенно невозможно исполнить.

„Наши противники понимают это отлично, и нет сомнения, что все настоящее движение на Дальнем Востоке, начиная от японской (с Китаем) войны, затем занятие Киао-Чао и кончая последней китайской смутой, было рассчитано и направлено главным образом на отвлечение нас от этого рокового вопроса на Ближнем Востоке.

„Не будь Россия занята теперь на этой окраине, руки были бы у нее развязаны и, благодаря войне англичан с бурами, ей удалось бы, вероятно, уже в настоящее время удалить их от границ Персии и Памира и, пожалуй, еще выгнать и из Египта. Мы видим каждый день, как с ними легко справляются не только Германия и Америка, но и самые их колонии; одни мы, несмотря на союз с Францией (которой, кстати сказать, Англия тоже немало досаждала в последнее время), ничего не делаем, чтобы обить ей когти, которыми она так часто и так больно нас язвила и впредь будет язвить, пока мы не решимся, наконец, обезопасить себя от нее раз навсегда. Мы имеем

а в соседнем оставляли дома 22-летних. Армия, которая в отношении обучения почти не сдвинулась с принципов турецкой войны, но в отношении дисциплины и расшатанности командного состава стояла гораздо ниже, чем прежде, и, наконец, колониальный характер войны, отделенной от метрополии десятью тысячами километров с одной, весьма слабой пропускной способности, линией железной дороги.

Современные критики этой войны главные причины русских неудач видели в неподходящей личности главнокомандующего Куропаткина и в плохой стойкости войск. Это были два муссированные виновника, за которыми скрывались настоящие виновники во образе большинства совершенно непригодных к своей роли лиц высшего военного командования.

Война России с Японией кончилась Портсмутским мирным договором, который пресек империалистические планы ее на Дальнем-Востоке, подорвал мировой престиж России, сильно расшатал ее военное могущество и ускорил наплыв революционной волны.

еще сейчас к этому полную возможность, если теперь же повернем круто дело в Китае и утвердимся в нем крепко, пока она еще занята в Южной Африке (потом будет поздно), и, так как развязка там близится к концу, ваше величество изволите сами рассудить, что нам надо и торопиться..."

Приходится только удивляться, что при негласных министрах с таким пониманием и аппетитом Россия выдержала за это время только две войны и две революции.

Статс-Секретарь Безобразов затрагивал в письме от 23 мая 1903 г. к Николаю II вопросы финансовые и стратегические. Он искал денег на свою авантюру, министр финансов Витте ему их не давал. Безобразов пытался их найти.

„.. При этом,—писал он,—министр финансов упомянул, что, по всем вероятиям, из намеченных к осуществлению на нашей западной границей военных обзаведений найдутся таковые, которые уступят в своей целесообразности тем мероприятиям, которые имеются так серьезно в виду на Дальнем Востоке и должны удовлетворить широкой постановке задачи государственных интересов.

Министр финансов здесь, как пример, назвал новую проектируемую стратегическую дорогу, идущую вдоль реки Нарева и Бобра, на которую ассигновано около 22 милл. руб. Военное значение этой дороги очень спорное среди специалистов, а наглядная сторона дела много говорит против нее.

Во всяком случае, едва ли может быть сомнение, что мы вообще и во всех отношениях будем сильнее, если вместо Нарево - Бобровской жел. дор. будем располагать большой живой силой на западе и тем больше еще, если эту живую силу перенесли бы на Дальний Восток, где у нас теперь находится Ахиллесова пята нашей государственной защиты".

Стоит ли анализировать эту окружавшую Николая II атмосферу давления на его внешнюю политику? Но что она влияла на него не только в смысле политики, но и в смысле стратегии, в этом сомнения быть не может. Именно в это время он, вопреки своему обыкновению, стал настойчиво требовать от военного министра Куропаткина перемены стратегического развертывания с отнесением его на линию Вильно—Минск—Ровно, что к тому же так не соответствовало духу франко-русской военной конвенции. (См. мою „Подготовка России к мировой войне в военном отношении").

Приведенных двух выдержек достаточно, чтобы для читателя совершенно выявилась обстановка начала русско-японской войны.

1905 год начался и кончился революционным движением, охватившим всю страну, перенесшим впервые центр тяжести с аграрных беспорядков на планомерную и стройную работу русского пролетариата. В конце года власть уже сильно колебалась между монархом и советом рабочих депутатов. Своевременные уступки царя и верность престолу большей части армии сорвали революцию, но дали России очень неполную конституцию, а сплотившемуся пролетариату первый боевой и организационный опыт.

Вслед за подавлением революции и при помощи удачно заключаемых во Франции займов русское правительство старалось уменьшить данные под влиянием успеха революционного движения полуконституционные формы, и весь последующий до мировой войны период отмечен сугубо-реакционной его деятельностью.

В экономическом отношении период между обеими войнами отмечается приливом в Россию капиталов, развитием промышленности и коренной ломкой крестьянского землевладения, постепенным переходом от общинного хозяйства к хуторной системе. Россия, которой предсказывали в 1904 г. банкротство, втечение последующих десяти лет сделала неожиданный для всех и значительный в экономическом отношении шаг вперед. [1]

Влияние русско-японской войны на политику европейских держав.

Русско-японская война существенно изменяла соотношение группировок держав в Европе, в особенности по мере того, как выявлялся затяжной характер ее, требовавший подвоза больших сил из России. Это очень ослабляло русско-французский блок и усиливало Тройственный Союз. Франция оставалась одна перед его лицом.

Хотя политика окружения Германии, предпринятая Англией, стала получать осуществление еще до войны, но после ее начала сближение Великобритании с Францией пошло, ввиду нарушенного не в пользу этой последней равновесия, более быстрым темпом, и 8 апреля 1904 г. между этими двумя державами было подписано соглашение относительно Египта и Марокко, по которому Франция отказывалась от всяких претензий на Египет, взамен чего Англия обязалась не мешать французам утвердиться в Марокко, куда они давно стремились проникнуть, но не могли этого сделать из-за сопротивления англичан.

Одновременно сближением с Францией Англия делала попытки сближения и с Россией. По странной случайности они совпали с началом войны и с союзным договором, заключенным перед этим между Англией и Японией.

---

[1]) „Deutschland und Russland“ von Professor Dr. Otto Hoetzsch. 1914.

Несмотря на такое оригинальное положение, русское правительство не отклонило протянутой ему руки и только начавшаяся война с Японией не благоприятствовала ведению соглашательских переговоров с Англией. Петербургский кабинет просил только, чтобы англичане ясно формулировали справедливые (équiables) условия, на которых они хотели бы установить соглашение, и предупреждал, что таковое будет им заключено возможно полное и по всем интересующим вопросам тотчас после заключения мира, если поведение английского правительства во время войны будет соответствовать тем уверениям, которые оно нам давало в последнее время. [1]

Но вслед за этим отношения Англии с Россией на фоне русско-японской войны начали быстро портиться, и к осени 1904 г., после потопления в Северном море русской эскадрой нескольких английских рыбачьих лодок, принятых ею за японские миноносцы, едва не дошли до открытого разрыва.

Таким образом, получился какой-то заколдованный круг. Россия, ведя войну с Японией, находилась в союзе с Францией, которая, в свою очередь, заключила соглашение с Англией, находившейся в союзе с Японией, и богато снабжала эту последнюю артиллерией и другими предметами боевого снаряжения.

Особенно интересно отношение России к такой оригинальной комбинации.

В период переговоров Англии с Францией петербургский кабинет был об этом уведомлен, и Ламздорф считал данные по этому поводу объяснения из Парижа вполне удовлетворительными, предписав русскому там послу не делать из-за переговоров Франции с Англией шума (alarme), а, напротив, отнестись к соглашению очень доброжелательно и даже присоединиться в известной степени к нему, чтобы использовать это присоединение, как моральное впечатление. [2]

Но осенью, когда был возможен открытый разрыв между Англией и Россией, вопрос невольно стал в иную плоскость, и миролюбивый Ламздорф опасался предлагать парижскому кабинету категорический вопрос о том, что сделает Франция, в случае разрыва России с Англией, чтобы не подвергать парижский кабинет сильному испытанию и не открывать перед другими державами истинный характер франко-русского союза. Впрочем, ему казалось, что, в случае такого разрыва, французы будут иметь все преимущества присоединиться к нам.[3]

Особенно снисходительно к Франции относился русский посол в Париже, который, тотчас же вслед за расстрелом

---

[1] Гр. Ламздорф—гр. Бенкендорфу в Лондон 15 апреля 1904 г. II Отд. Гос. Арх. Секр. отд. Картон: Архив Нелидова.

[2] Гр. Ламздорф—Нелидову в Париж 18 (31) марта 1904 г. Там же.

[3] Ламздорф—Нелидову 28 октября 1904 г. Там же.

манифестаций рабочих в Петербурге 9(22) января 1905 года, поспешил успокоить Ламздорфа, что смуты в России делают необходимым сближение Франции с Англией, так как, „ввиду неизбежного отвлечения России от деятельного участия в европейских делах, для Франции весьма важно не остаться уединенной и иметь возможность, в случае международных осложнений, рассчитывать на поддержку Великобритании". [1]

Одновременно с треволнениями, вызванными англо-французским соглашением, получились тревожные сведения и из Мюнхена. Русский посол доносил, [2] что во время свидания в Киле Эдуарда VII и Вильгельма II, туда был приглашен известный французский депутат барон д'Этурнель-Констан, ревностный сторонник всеобщего мира, который имел ежедневные длительные беседы с Вильгельмом.

Результатом этих свиданий, сведения о которых проникли через Этурнеля в прессу, была большая агитационная кампания в печати в пользу англо-франко-германского сближения и расширенная деятельность только что образовавшейся „Deutsch-Französische Liga".

Такова была обстановка в отношении франко-русского союза, когда Вильгельм II начал свою планомерную работу по объединению России, Франции и Германии в одну политическую группу или по разложению франко-русского союза, если первая комбинация не удастся.

Колебания русской политики во время войны с Японией между Францией и Германией.

Только что нарисованная картина дает представление о взаимном отношении держав и о том положении, в каком очутилась Россия, когда увидала, что Франция была принуждена занять позицию, совершенно не дававшую петербургскому кабинету уверенности в том, что он может при всех обстоятельствах опереться на своего французского союзника.

Вильгельм не замедлил при таком положении поторопиться представить смущенному всем происшедшим Николаю II иную, старую, традиционную и рыцарскую дружбу прежнего типа, дружбу двух монархов, идущих в несчастьи на помощь один другому. [3]

Самый пристрастный историк не мог бы упрекнуть германского императора, что он не оказал большой помощи России во время ее неудачной войны. Он не напал на Францию, он сделал невозможным для Австрии продвижение на Балканском полуострове, он с риском нарушения нейтрали-

---

[1] Нелидов—Ламздорфу 13 (26) января 1905 г. II Отд. Гос. Арх. дела мин. ин. дел Картон: Париж 1905 г.

[2] Вестман—гр. Ламздорфу 24 августа (6 сентября) 1904 г., №№ 12 и 13. Там же. Секр. Отд. Архива Нелидова.

[3] Переписка между обоими императорами, помещенная в журналах „Былое", № 2 (июль, 1917 г.) и „Красный Архив", т. V (1924 г.).

тета снабжал углем русскую эскадру и, наконец, позволил нам оголить западную границу от войск и отправить их в Маньчжурию. Все его поведение с достаточной ясностью суммируется следующим докладом и своего рода программой, преподанной Ламздорфом Николаю II от 15 октября 1904 г.: [1]

„Смею думать,—писал Ламздорф,—что сочувствие, выраженное императором германским и отвечающее образу действий, которого до сих пор придерживалась Германия, вполне заслуживает выражения признательности. Тесные традиционные дружеские отношения между двумя соседними империями, очевидно, могут быть лучшим отпором заносчивости и беззастенчивости англичан. Эта солидарность имеет особое значение при угрожающих ныне общему миру осложнениях".

Но, кроме благодарности Ламздорфа, Вильгельм таким своим отношением, а главное, частой личной перепиской на фоне оказываемых сочувствия и помощи открыл дорогу в замкнутое покуда для него сердце Николая и временно мог начать давить в желаемом направлении на его слабую натуру.

Впрочем, кроме такого морального выигрыша, Германия получила за свое благожелательное поведение и большую материальную выгоду в виде разорительного для России и весьма выгодного для Германии торгового договора.

Короче говоря, почва была приготовлена со всех сторон, чтобы проводить в жизнь одну из двух программ Бисмарка, о которых мы говорили в предшествовавших главах — или союз Германии с Францией и Россией, или разрыв союза России с Францией. Эта работа заняла у германского императора свыше года, но положительных результатов не дала. И Вильгельм очень упорно, но не особенно тонко, проводил параллельно обе программы, пользуясь для этого обильной перепиской с Николаем. [2]

В ожидании протеста Англии против снабжения Германией русских судов углем он между прочим телеграфировал своему корреспонденту: [3] „Этой новой опасности могут смело смотреть в глаза Россия и Германия вместе, напомнив вашей союзнице Франции об обязательствах, принятых на себя Двойственным Союзом, о „casus foederis". Не подлежит сомнению, что Франция, получив такое приглашение, попытается уклониться от исполнения долга в отношении союзницы. [4] Но хотя Делькассе [5] и „ярый" англофил, он на-

---

[1] II отд. Гос. Архива. Секр. отд. Папка: Договор в Биорке.

[2] Помещена в № 2 (24) август 1917 г. журнала „Былое".

[3] 14 (27) октября 1904 г. из „Neues Palais".

[4] В издании Госархива (стр. 69—70) эта фраза переведена в том смысле, что Франция не может уклониться от исполнения своих обязанностей. Английского текста писем еще нет.

[5] Французский министр иностранных дел.

столько умен, чтобы понять, что английский флот совершенно не в силах спасти Парижа. Таким образом, создается мощная комбинация трех сильнейших континентальных держав..."

Нельзя отказать автору телеграммы в умении бросить в сжатых телеграфных словах и семя подозрения к Франции, и соблазнительную картину мощного континентального союза с таким испытанным другом во главе, как Вильгельм.

И брошенное семя пало на благодарную почву. „Действительно,—через день отвечал Николай II, [1]—пора этому положить конец. Единственный путь, как вы говорите, в объединении Германии, России и Франции с целью уничтожения англо-японской дерзости и нахальства. Если бы вы были любезны наметить основные черты подобного договора и сообщить их мне. Как только он будет нами принят, Франция должна присоединиться к своему союзнику. Эта комбинация часто приходила мне на ум; она даст миру мир и спокойствие". [2]

И проект нового союзного договора на другой же день полетел с особым фельдъегерем из Берлина в Царское Село. [3]

Договор предназначался для того, чтобы локализировать насколько возможно русско-японскую войну и состоял из трех статей:

Ст. 1. В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности, обе союзницы также будут действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя, согласно условиям договора франко-русского союза.

Ст. 2. Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Ст. 3. Обязательство помогать друг другу остается в силе и в том случае, если бы действия одной из двух высоких договаривающихся сторон, совершенные во время войны, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали бы после войны со стороны третьей державы протест по поводу яко бы нарушения прав нейтральных. [4]

---

[1] От 16 (29) октября 1904 г. из Царского Села.

[2] Эту последнюю фразу следует понимать в определенном смысле. По свидетельству современников той эпохи, Николай II отвечал подобной фразой всегда, когда ему нравилась чужая мысль, не желая подать вид, что он идет на поводу у собеседника, а что он поступает согласно своей собственной воли. (А. А. Поливанов. Мемуары и дневник).

[3] Телеграмма Вильгельма Николаю 17 (30) октября 1904 г.

[4] „Красный Архив", т. V. Русско-германский договор 1905 г.

Однако, проект не встретил полного сочувствия в Царском Селе, [1] и спустя только почти месяц император Николай ответил Вильгельму, [2] что он полагает благоразумным прежде подписания договора предварительно ознакомить с ним французов. „Пока он не подписан, — мотивировал автор,—в тексте можно произвести маленькие изменения, тогда как, если бы он был принят нами обоими, то это имело бы вид, что мы пытаемся насильно навязать его Франции... Поэтому я спрашиваю вашего согласия на ознакомление французского правительства с этим проектом". [3]

Такой оборот дела Вильгельма совершенно не устраивал и он высказал свои чувства в длиннейшей телеграмме.

„Я твердо убежден,—писал он,—что абсолютно опасно осведомлять Францию, пока мы оба не подписали договора; это произвело бы действие, совершенно противоположное нашим обоюдным желаниям. Только полная уверенность, что мы оба связаны договором о взаимной помощи, может побудить французов к оказанию давления на Англию, чтобы она оставалась спокойной и сохраняла мир... Мое особенное желание состояло в том, чтобы поддержать и укрепить угрожаемое мировое равновесие именно при помощи соглашения между Россией, Германией и Францией. Это возможно только, если наше соглашение заранее станет фактом, и если мы совершенно единодушны. Предварительное осведомление Франции поведет к катастрофе. Если бы вы тем не менее не признали возможным заключить договор без предварительного согласия Франции, то было бы гораздо благоразумнее совершенно от него отказаться..."

На этом собственно зимние переговоры между обоими императорами были прерваны и возобновились только летом 1905 года, во время обычного плавания Николая II в финских шхерах. Вильгельм находился в это время также в обычной прогулке в шведских водах и предложил государю свой визит. После быстрого обмена телеграммами император германский приказал по секрету от всех путешествовавших с ним направить свою яхту к Биорке, в водах которого стояла на якоре и яхта государя. 10 (23) июля 1905 года свидание состоялось.

Вильгельм любил такие эффекты.

Вместе с этим началось последнее действие в переговорах о континентальном союзе— попытка личного воздействия на слабого волей царя.

11 (24) июля 1905 года в Биорке между русским и германским императорами был подписан следующий договор:

---

[1] „Читая его, я рассмеялся",—написал Николай II Ламздорфу, препровождая ему 20 октября присланный из Берлина проект договора.

[2] Телеграммой из Царского Села 10 (23) ноября 1904 г.

[3] От 13 (26) ноября 1904 г. из „Moscnen b. Kujau".

„Leurs majestés de toutes les Russies et d'Allemagne, afin d'assurer le maintien de la paix en Europe, ont arrêté les articles suivants d'un traité d'Alliance defensif:

Art. I. En cas où l'un des deux empires serait attaqué par une puissance européenne son allié l'aidera en Europe de toutes ses forces de terre et de mer.

Art. II. Les hautes parties contractantes s'engagent à ne conclure de paix séparée avec aucun adversaire commun.

Art. III. Le présent traité entrera en vigueur aussitôt que la paix entre la Russie et le Japon sera conclue, et restera valide tant qu'il ne sera pas denoncé une année à l'avance.

Art. IV. L'empereur de toutes les Russies, après l'entrée en vigueur de ce traité, fera les démarches necessaires pour initier la France à cet accord et l'engager à s'y associer comme allié". [1]

Подписание договора было сопряжено с особой тайной. Русский экземпляр был переписан рукою вел. кн. Михаила Александровича. Для того, чтобы контрасигновать руку государя, был приглашен присутствовавший на яхте министр Бирилев, который подписывал документ, закрытый рукою государя (с германской стороны была скрепа Чиршского).

По возвращении в Петербург Николай II никому не сказал о подписанном документе и только 30 августа, вновь уезжая из столицы, он передал документ Ламздорфу и сообщил выше приведенные подробности. [2]

А между тем уже через день после подписания договора известие о свидании двух императоров произвело ошеломляющее впечатление в России и большую тревогу в Париже, несмотря на предшествовавшие систематические нападки части тамошней прессы на франко-русский союз, от которого она советывала поскорее избавиться. [3]

Ламздорфу, самому незнавшему, в чем дело, пришлось успокаивать и Париж и русское общественное мнение.

---

[1] Их величества императоры всероссийский и германский установили в целях обеспечения мира в Европе нижеследующие статьи оборонительного союза:

Ст. I. Если одна из двух империй подвергнется нападению какой-либо европейской державы, союзница ее окажет ей в Европе содействие всеми сухопутными и морскими силами.

Ст. II. Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельного мира ни с кем из общих противников.

Ст. III. Настоящий договор войдет в силу тотчас после заключения мира между Россией и Японией и будет действителен, пока не будет заявлено об его расторжении за год вперед.

Ст. IV. Император всероссийский предпримет после вступления в силу этого договора необходимые шаги к тому, чтобы ознакомить Францию с договором и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы".

[2] Собственноручная записка гр. Ламздорфа вечером 30 августа 1905 г. II Отд. Гос. Арх. Секр. отдел. Папка: „Биорке".

[3] Телеграммы Ламздорфа послам 13 (26) июля 1905 года, №№ 374, 375 и 376. Там же.

Туманно объясняя состоявшееся свидание родственными чувствами монархов и пользою, принесенною им в деле миролюбивого разрешения между Германией и Францией спора о Марокко, Ламздорф уверял французское правительство, что „свидание в Биорке ни в чем не могло изменить отношения России к союзной державе", но,—продолжал русский министр, „при нынешних политических обстоятельствах Россия, по возможности, должна сохранять дружеские отношения со всеми державами, которые, невзирая на затруднительность ее положения на Дальнем Востоке, стремятся, видимо, наперерыв к сближению с ней". В заключение своей депеши Ламздорф указывал русскому послу в Париже тщательно следить за развитием устанавливающихся за последнее время более дружественных отношений между кабинетом республики и германским правительством. [1]

Читатель по достоинству оценит всю оригинальность этой телеграммы и пожалеет Ламздорфа, который, преподнося проект ее на утверждение Николаю II и упрекая французов в сближении с немцами, не знал, что у государя в столе находился подписанный с Германией и отчасти направленный против Франции договор.

Ознакомившись 30 августа с текстом договора, Ламздорф на другой же день [2] письменно доложил государю, что если этот договор, первая статья которого по сравнению с франко-русским договором является аномалией, станет известен в Париже, „то, по всей вероятности, будет достигнута давнишняя цель германской политики окончательно расторгнуть русско-французское соглашение и настолько обострить наши отношения с Англией, чтобы совершенно изолировать Россию, исключительно связав ее с Германией. В Берлине при нынешних обстоятельствах (спор из-за Марокко), конечно, могут ожидать столкновения с Англией и с Францией, но России, в сущности, не угрожает никакое нападение со стороны какой-либо „европейской" державы. В случае же осложнений вне пределов Европы, Германия нисколько не обязывается поддерживать Россию".

В конце своего доклада Ламздорф просил разрешения не входить ни в какие сношения с Францией по поводу договора в Биорке, пока Витте не закончит в Париже переговоров по финансовым вопросам.

Вслед за этим Ламздорфу предстояли две неблагодарные задачи: осторожно зондировать парижский кабинет об его склонности присоединиться к договору в Биорке [3] и доказывать государю о несовместимости этого договора с франко-

---

[1] II Отд. Гос. Арх.
[2] Доклад от 31 августа (13 сентября) 1905 г. Там же.
[3] Ламздорф—Нелидову 1 (14) сентября 1905 г. Там же. Папка: „Биорке".

русским союзом. Но из Парижа были получены сведения неблагоприятные, [1] и Ламздорф докладывал, что при таких обстоятельствах „явилось бы крайне неблаговидное противоречие между обязательствами, принятыми императорским правительством“ в 1890 году по отношению к Франции и в 1905 году по отношению к Германии. [2]

Но государь еще не сдавался, и Ламздорф должен был уведомить нашего посла в Париже, [3] что Николай II „trouve que nous devons quand même tenter de gagner le gouvernement français á l'idée d'une alliance defensive avec la Russie et l'Allemagne“. От себя же он прибавлял, что с 1891 года политическая обстановка совершенно изменилась, и Тройственный Союз, столь враждебный нам прежде, в настоящее время обратился исключительно в историческое воспоминание.

Однако, через несколько дней Николай II написал все-таки письмо Вильгельму в духе доклада Ламздорфа. [4]

„Важнее всего,—писал в нем государь,—привлечь Францию в наш оборонительный союз и создать континентальную лигу, согласно ст. IV Биоркского договора.

„Но, если бы Франция отказалась присоединиться к нам, то не только отпала бы статья IV, но в корне изменился бы и весь смысл статьи I, так как обстоятельства, о которых она говорит в настоящей редакции, касаются других европейских держав, в том числе и Франции—союзницы России...

„Во время твоего пребывания в Биорке, я не имел при себе подписанных моим отцом документов, которые ясно определяют принципы нашего союза с ней и, конечно, исключают все, что могло бы привести к столкновению с ней.

„При попытке выяснить, возможно ли побудить французское правительство присоединиться к нашему соглашению, на первых же шагах обнаружилось, что это является трудной задачей, и что потребуется много времени для того, чтобы привести его к этому по его доброй воле. Иначе можно толкнуть Францию в объятия противника, и она может не сохранить предложений в тайне. Поэтому я полагаю, что Биоркский договор не должен быть проводим в жизнь до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему отнесется Франция.

„В случае, если она абсолютно откажется присоединиться к нашим государствам, необходимо будет изменить редакцию

---

[1] Письма Нелидова к Ламздорфу 8 (21) сентября и 22 сентября (5 октября) 1905 года. II Отд. Гос. Арх. Арх. Нелидова.

[2] Доклады 12 и 22 сентября 1905 года. Там же. Папка: „Биорке“.

[3] Письмо от 23 сентября 1905 года. Там же. Перевод: „Находит, что мы тем не менее должны стараться привести французское правительство к идее оборонительного союза с Россией и Германией“.

[4] Без даты, но, судя по письму Ламздорфа Нелидову от 26 сентября (9 октября) 1905 года, оно было написано около 25 сентября русского стиля. Там же.

ст. I и IV так, чтобы они вполне соответствовали обязательствам России по отношению к Франции с момента возникновения Тройственного Союза в 1890 году".

Трудно не видеть в этом письме вежливого отказа царя от обязательств, данных им в Биорке, Вильгельм их и увидал, но не хотел бросать дела, столь благополучно начатого, не доведя его до конца и не испытав всех средств. Ответ его на только что цитированное письмо Николая II весьма характерен. В нем в открытую высказался весь Вильгельм, потерявший необходимое нравственное равновесие, вскрывший истинные причины душевных излияний, которыми он щедро наделял своего кузена во время японской войны, и напомнивший Вильгельма, потрясавшего девять лет спустя собранными в руке письмами Николая II с балкона своего Шлосса перед иступленными в воинственном экстазе берлинскими буржуа и призывавшего в свидетели старого „немецкого бога".

„Исполнение договора,—телеграфировал Вильгельм, [1] — не противоречит, как мы согласились в Биорке, франко-русскому союзу, конечно, при условии, что последний не направлен прямо против моего государства.

„С другой стороны, обязательства России по отношению к Франции могут иметь значение лишь постольку, поскольку она заслуживает своим поведением их выполнения. Твоя союзница явно оставила тебя без поддержки в продолжение всей войны, тогда как Германия всячески помогала тебе, насколько это было возможно без нарушения нейтралитета. Это налагает на Россию нравственные обязательства и по отношению к нам—do ut des. Между тем Франция, хотя и состоит с тобой в союзе, вошла, однако, в соглашение с Англией и была готова напасть с помощью Англии на Германию в мирное время, пока я делал все, что мог, для тебя и твоей страны, ее союзницы. Это—эксперимент, от повторения которого, смею надеяться, ты оградишь меня! Я вполне с тобой согласен, что потребуется время, усилие и терпение для того, чтобы заставить Францию присоединиться к нам, но в будущем разумные люди сумеют заставить себя слушать и окажут влияние!"

Далее Вильгельм переходил в мистицизм, упоминая о боге, который слышал обеты обоих монархов, почему „договор этот можно хорошо провести в жизнь", предлагал, в случае безусловного отказа Франции; согласиться на все изменения в договоре, которые пожелает сделать Россия, жаловался на германофобское и англофильское настроение русской прессы и кончал патетической фразой: „Что подписано, то подписано. И бог был нам свидетелем. Буду ждать твоих предложений".

---

[1] От 29 сентября (12 октября) Красный Архив. Том V, стр. 37.

Царь вновь заколебался, и, отсылая Ламздорфу телеграмму Вильгельма, приказал ему „составить проект статьи для дополнения Биоркского соглашения для того, чтобы соглашение это не противоречило франко-русской военной конвенции“.[1]

А между тем письма посла Нелидова из Парижа рисовали государю безнадежную картину в отношении возможности привлечь Францию к соглашению с Германией.

В Париже все ясно видели, что действия немцев имели в виду запугать и сбить с толку Францию, отдалить ее от Англии и, втянув в орбиту германской политики, удалить от России, союз с которой, направленный исключительно против Германии, стал бы после этого бесполезен. По словам Делькассе, ни один министр во Франции не посмел бы предложить какой-либо комбинации, которая связывала бы Францию с Германией. Настолько велико было недоверие к восточному соседу и его императору, что такой министр был бы немедленно свергнут.

Кроме того, Нелидов обращал внимание своего правительства, что мы подготовляли во Франции колоссальную финансовую операцию, в успехе которой, несмотря на все выгоды для французского капитала, оказывала большое значение и политическая дружба.[2]

С своей стороны председатель совета министров Рувье откровенно сообщил Нелидову на намек этого последнего о желательности сближения Франции с Германией, что нация не потерпела бы большей близости с ней, что союз с немцами невозможен, и что правительство обязано считаться с чувствами страны.[3]

При таких условиях Ламздорфу приходилось составлять необходимое дополнение к Биоркскому договору, которое могло иметь только единственный практический смысл полного его аннулирования.

Свою работу министр иностранных дел представил в виде доклада Николаю II, составлявшего, по принятому обычаю как бы материал для ответного письма самого государя.

Указав, что Японская война кончилась неожиданно скоро, и что таким образом Россия не имела времени подготовить Францию к такому решительному акту, как Биоркский договор, Ламздорф откровенно высказывал, что при еще более натянувшихся между обеими нациями отношениях Франция еще менее склонна присоединиться к континентальному союзу. Россия же не имеет причин покинуть свою союзницу.

---

[1] Собственноручная записка Николая II 1 (14) октября 1905 г. II Отд. Гос. Арх. Секр. отд. Папка: „Биорке“.

[2] В письме от 2 (15) октября 1905 года.

[3] В письме от 5 (18) октября 1905 года.

Без Франции могущественное соглашение трех континентальных держав обращается в слабое соглашение двух держав, которые окажутся изолированными от других, и подобное соглашение невольно будет способствовать образованию враждебной им коалиции.

После нескольких софизмов Ламздорф приводит читателя к заключению, что остается одно средство,—это, оставив договор подписанным, присоединить к его 4-й статье абзац, согласно которому „статья I договора, впредь до присоединения к нему Франции, не может иметь никакого применения, в случае войны с этой последней", и что „взаимные обязательства, связывающие Россию с Францией, сохранят свою силу вплоть до установления тройственного согласия". [1]

Доклад графа Ламздорфа две недели ждал решения Николая II, и только 14 (27) октября он мог с облегченным сердцем сообщить Нелидову: [2] „император дал, наконец, себе отчет, и я умолил его величество определенно заявить императору Вильгельму в письме, впрочем, весьма дружественном, что Россия сохранит нерушимыми взаимные обязательства, связывающие ее с Францией, ей дружественной и союзной, пока последняя не пожелает добровольно примкнуть к двум империям, как третий член их соглашения".

Письмо, написанное по всем данным в духе доклада Ламздорфа, [3] было доставлено Вильгельму в Потсдам 13 (26) ноября 1905 года. [4]

Но этим дело еще не кончилось. Финальным аккордом годовой погони Вильгельма II за возвращением блудного сына, России, в лоно союза трех императоров было его ответное письмо, в котором не обошлось и без грубой клеветы.

„Канцлер,—писал между прочим Вильгельм, [5]—которому я читал выдержки из твоего письма, сказал мне, что наше чисто оборонительное соглашение ни в каком случае не может быть в противоречии с французским договором, заключенным твоим отцом. Если бы это было так, то тогда Россия обязана была бы поддержать Францию даже в случае и наступательной [6] с ее стороны войны против Гер-

---

[1] Доклад Ламздорфа Николаю II от 2 (15) октября 1905 г. II Отд. Гос. Арх. Секр. отд. Папка: „Биорке".

[2] Там же. Архив Нелидова.

[3] Письма Николая II от 10 (23) ноября в архивах не имеется, да и не могло иметься; его можно найти только в архиве Вильгельма. По существовавшему обычаю материал для кабинетного письма составлялся министром иностранных дел и в особых случаях письмо писалось собственной рукой государя. Нет никакого сомнения в том, что материалом для интересующего нас письма Николая II послужил приведенный нами доклад Ламздорфа.

[4] Телеграмма гр. Остен-Сакена из Берлина гр. Ламздорфу 13 (26) ноября 1905 года. Там же Папка: „Биорке".

[5] От 28 ноября 1905 г. По редакции Красного Архива. Т. V, ст. 46.

[6] Курсив подлинника.

мании. Но подобный случай—Россия, поддерживающая Францию в ее наступательной политике против нас, казался нам до сих пор не стоющим даже и минутного обсуждения. Ведь твой дорогой отец часто говорил мне, что он всегда будет противиться какой бы то ни было наступательной войне; притом он находился со мной в очень дружеских и близких отношениях. Например, в 1891 году, [1] во время маневров у Нарвы, он откровенно высказал мне свое отвращение к французскому республиканскому строю, высказывался за восстановление монархии в Париже и просил помочь ему в этом. [2] Если твое французское соглашение чисто оборонительное, тогда нет никакого соответствия между ними, одно другого не исключает, и никаких дальнейших заявлений не требуется.

„С другой стороны, я понимаю, что для тебя было бы удобнее не заявлять публично о союзе со мной в тот момент, когда международные революционеры широко распространяют по всему миру гнусную ложь, будто я стараюсь оказать на тебя влияние в пользу реакции".

„Наш союз с Францией оборонительный",—успокоил Николай II своего беспокойного друга.

Биоркский договор, потерявший в измененной Россией редакции для Вильгельма всю свою соль, был принят Германией в таком виде и затем обоими правительствами сложен в архив.

Если бы нас отделяло от описанных событий целое столетие, как отделяет от эпохи Александра I, а архивы порастерялись бы еще более, чем теперь, то Николаю II в инциденте с Биоркским договором легко было бы заслужить славу тонкого политика на подобие его прадеда. Использовав благожелательный нейтралитет Германии во время войны в размерах, иногда превышающих даже допустимое, государь, как могло казаться, очень ловко манил германского императора перспективой столь желанного им союза и в конце концов преподнес ему неимеющий никакого значения лист бумаги, не скомпрометировав в то же время ведомую в Париже „колоссальную" финансовую операцию.

Успех такого маневра должны признать и мы, современники описываемой эпохи; только картина всей работы представляется нам в иных, более мрачных и будничных тонах.

Гораздо более интересны последствия описанного инцидента.

„Свидание в Биорке,—пишет русский посол в Берлине, [4] — создало, несомненно, очень серьезное положение, которое

---

[1] Вильгельм был на Нарвских маневрах в 1890 году.

[2] Автор, современник той эпохи и близко соприкасавшийся с описываемой средой, считает это за инсинуацию низкого пошиба.

[3] Красный Архив. Т. V, стр. 48.

[4] Графу Ламздорфу от 17 (30) ноября 1905 г. Там же.

требовало, ввиду привычки императора Вильгельма закусывать удила, крайней с нашей стороны осмотрительности".

И, действительно, навряд ли Вильгельм мог когда-нибудь забыть и простить понесенное им дипломатическое поражение. При таких условиях Россия должна была совершенно оторваться от Германии и теснее сомкнуться с Францией, а через нее и с Англией. Иначе ей грозило или полное порабощение Германией или полная изоляция. Траги-комический случай в Биорке послужил крепким фундаментом для будущей Тройственной Антанты.

Германия еще теснее сближается с Австрией, предоставляя ей полную свободу на Балканах и слепо поддерживая там каждый ее шаг. В 1907 году кончилось заключенное между Россией и Австрией соглашение 1897 года, и с этого времени политика Австрии на Балканах приняла самый агрессивный характер, держала Европу в напряженном состоянии вплоть до 1914 года и привела к общей катастрофе.

Германия отплачивает и Франции, создавая ей массу инцидентов в Марокко и неоднократно ставя мир Европы на острие ножа. Она старается восстановить нарушенное политическое равновесие, подчиняя своему влиянию Турцию и подвергая своим бурливым поведением Европу постоянному риску общего кровопролития.

Участие России в общеевропейской политике.

Окончание войны с Японией, произведенное выгодное на Европу впечатление от всей обстановки заключения Портсмутского мира, безусловно легальное по отношению к Франции поведение петербургского кабинета в инциденте с Биоркским договором, дарование конституции и наружное успокоение после революции дали возможность России вновь занять соответствующее место в дипломатической игре европейских держав.

Втечение войны на политическом горизонте Европы замерцало новое созвездие в образе англо-французской Антанты, с возрастающим значением которой, как мы уже знаем, неудачно боролся Вильгельм со всей своей паутиной Биоркского договора.

В будущем все события ближайших годов имели своей отправной точкой упрочнение Антанты со включением в нее России, с одной стороны, и противодействие этому со стороны Германии — с другой. Такая политическая борьба шла исключительно на фоне экономических интересов, выполняя по отношению к ним служебную роль. Начинаясь чуть ли не во всех колониях, где сталкивались экономические интересы великих держав, она через Марокко, Персию и Турцию перекидывалась в центр, в Европу, где и решались судьбы мира во образе пока полюбовного распределения между враждующими группами сфер империалистической политики.

Центр тяжести такой работы, привлекший внимание всей Европы, был в 1905—1906 годах сосредоточен на марокканском вопросе.

В девятнадцатом столетии внимание Великобритании обращалось, между прочим, на северо-западную часть Африки, имея конечной целью овладеть южным берегом Гибралтарского пролива. На этом поприще сталкивались интересы Франции и Испании, старавшихся проникнуть в Марокко, с одной стороны, и Англии—с другой.

Так как с переходом во владение Великобритании северо-африканского побережья к ней переходили ключи от Средиземного моря, то России было выгодно поддерживать там интересы Испании и Франции.

При заключении в 1904 году англо-французского соглашения Великобритания предоставила Франции свободу действий в Марокко, но тогда экономические притязания на эту колонию предъявила Германия не без задней цели вставить палки в колеса сближению двух морских держав.

Марокко на западе, Малая Азия и Балканы на востоке, эти два экономических центра были вместе с тем и дипломатическими клавишами, на которых политика последнего Гогенцоллерна играла смущающие европейский мир симфонии и доигралась до катастрофы 1914 года. Шум персидский, шум балканский и марокканский подымались периодически исключительно с целью оказания дипломатического воздействия в потребную минуту, так как экономическое сожительство шло и развивалось помимо тех шумовых эффектов, которые составляли неизменный атрибут политики Вильгельма II.

В 1905 году очередной шум был поднят на почве понуждения Франции присоединиться к Биоркскому соглашению и с целью показать, что дружба Германии может дать Франции больше, чем дружба Англии.

В газетах была поднята тревога о значении Марокко для германской промышленности с угрозами по отношению Франции, прав которой Германия на Марокко не признавала. Все это закончилось торжественным въездом Вильгельма в Танжер (май 1905 года) и его речью вызывающего характера. Дело не дошло до войны только благодаря уступчивости Франции и было передано на разрешение Алжезирасской конференции.

В этом споре все интересы России, не считая даже союзных обязательств, состояли в том, чтобы не допустить проникновения немцев в Средиземное море. Германия к этому времени приобрела уже сильное влияние в Турции, а все три державы Тройственного Союза проявляли видимую активность на Балканском полуострове, и не в интересах России было доставить их действиям новый залог успеха,

допустив проникновение Германии в Средиземное море. В изложенном и заключается, независимо от союзных обязательств перед Францией, смысл и основа оказываемой ей Россией поддержки в вопросе о Марокко.[1]

Алжезирасская конференция, собравшаяся в 1906 году, предоставила в Марокко всем державам одинаковые экономические права, сохранив за французами некоторые преимущества в пограничных с Алжиром местностях.

Относительный успех германской дипломатии на конференции, где Франция была поддержана Англией и Россией, мало готовой к новой войне, повел к сознанию необходимости более тесного сближения между этими тремя нациями и усиления их военной мощи. После демонстративных речей короля Эдуарда, порицавших поведение Германии на конференции, в Париже заговорили даже о заключении военной конвенции между обеими странами.[2] Этот слух особенно распространился после присутствия осенью 1906 года на французских маневрах английской военной миссии,[3] что всегда предшествовало грядущим военным соглашениям. Таковое и состоялось, но, как увидим ниже, несколько лет позднее.

Алжезирасская конференция заставила и Вильгельма находиться в нервном состоянии под впечатлением обнаружившегося на ней неблагоприятного для Германии общего политического положения.

Вильгельм был до крайности озабочен неудачей, которая постигла попытку берлинского кабинета пробить брешь в англо-французском соглашении, и все более заметным сближением между этими двумя державами и Италией.

„Едва ли,—доносил при этом русский посол в Берлине,[4]— не более его тревожат и признаки возможного соглашения между Россией и Великобританией, в случае осуществления которого Германия могла бы оказаться в весьма опасном положении внешней изолированности".

Интересно отметить, что в то время, как вся Европа боялась, что в вопросе о Марокко Германия доведет дело до войны, испугался войны и сам инициатор всего шума, Вильгельм. 17 марта он лично посетил канцлера и приказал „отступить по всей линии, чтобы не довести до войны, так как ни артиллерия ни флот к ней не готовы". Воинствующая в Германии партия была этим возмущена, говоря, что Гер-

---

[1] Нелидов—Извольскому 11 (24) января 1907 года № 2. II Отд. Гос. Арх. Карт.: Париж 1907 года.

[2] Нелидов—Ламздорфу 22 февраля (7 марта) 1906 г. № 16. Там же. Карт.: Париж 1906 года.

[3] Нелидов—Извольскому 24 августа (6 сентября) 1906 г. № 64. Там же.

[4] Остен-Сакен—Извольскому из Берлина 5 (18) мая 1906 г. № 37. Там же. Картон.: Алжезирасская конференция.

мании могут наступать на ногу, потому что „в решительный момент высочайшие нервы не выдерживают". [1]

Этим же летом при большом участии французского министра финансов Пуанкаре блестящим успехом закончилась „колоссальная" финансовая операция России на французском денежном рынке. Она заключила заем свыше $2^1/_4$ миллиардов франков вне участия Ротшильдов и вообще еврейских капиталов и вопреки помехе германского правительства. [2]

Русско-английское сближение, входившее в систему германского окружения Эдуарда VII и прерванное во время японской войны, вновь началось при содействии Франции и постепенно усиливалось параллельно с возрастающим антагонизмом между Англией и Германией, который в то время один только мог служить причиной вооруженного конфликта в Европе. Тормазом к такому сближению служило законное недоверие русского общества и правительства к английской искренности и к прочности соглашения с нею.

На заверение английского посла в Петербурге в искренности намерений великобританского правительства способствовать установлению между Россией и Англией возможно

---

[1] Дневник ген. Хелиуса, запись 17 марта 1906 года. II Отд. Гос. Архива. Вообще перехваченный русской контр-разведкой дневник этого генерала, близкого к Вильгельму и дежурившего при нем, интересен по тем мыслям германского императора, которыми он любил делиться со своим адъютантом во время прогулки. Приведу две выдержки, относящиеся к этому времени.

25 февраля 1906 года. Вильгельм высказался спокойно об Алжезирасской конференции, потому что никто не осмелится напасть на Германию. „Если бы дело дошло до этого, — сказал кайзер, — то я бы зажег мировую войну, которая потрясет весь свет; я подниму весь ислам против Англии, и султан мне обещал свою поддержку. Англия может уничтожить наш флот, но у нее кровь будет сочиться из тысячи ран. Король Эдуард увидит, что не так просто вовлечь в войну германского императора".

Во время прогулки 8 марта 1906 года Вильгельм, глубоко возмущаясь поведением заигрывавшего с Францией итальянского короля, держал следующую длинную речь:

„Положение, в котором сейчас находится Германия, самое тяжелое со времен Семилетней войны. Мы одиноки на свете, и наш друг только Австрия, с чем едва ли можно считаться. Я ищу себе друзей, где могу, и стараюсь сблизиться с китайцами и магометанами, потому что они могут нам помочь против англичан. Теперь дает себя чувствовать ошибка рейхстага, урезавшего мою программу усиления флота. Если бы он в свое время принял мой план, мы были бы теперь сильны и могли бы одни обороняться, а вместо того мы бессильны на воде. Дружба России—иллюзия, потому что в финансовом отношении она всецело зависит от Франции и должна следовать по ее указаниям, в противном случае она не получит более займа. Я не думаю, чтобы теперь дело дошло до войны, но новая группировка держав совершится еще в мое царствование, и я должен считаться с изолированным положением Германии, пока я живу... Несчастная поездка в Танжер явилась увертюрой к этой политической драме, а марокканский конфликт ее первым актом. Конца ее предвидеть нельзя, но, вероятно, он будет кровавый, хотя наступит через много лет..."

[2] Нелидов—Ламздорфу 6 (19) апреля 1906 г. № 31. Там же. Картон: Париж 1906 г.

дружественных и доверчивых отношений ему было замечено, что предварительно надлежало бы на практике доказать искренность своих намерений, чего в действительности не замечается. [1]

Сближение России с Англией особенно волновало берлинский кабинет и Вильгельма. Осенью этого года Извольский, новый министр иностранных дел, имел длинное по этому поводу объяснение с германским императором, которому дал определенные уверения в том, что, во-первых, наши начавшиеся переговоры с Англией имеют исключительной целью сгладить существовавшие точки трения и не могут никоим образом повести к политической комбинации, направленной против Германии, и, во-вторых, что если бы эти переговоры затронули германские интересы, то мы всегда предварительно переговорили бы с Берлином. С другой стороны, и Вильгельм успокоил Извольского, что такого рода англо-русское сближение не встретит со стороны Германии недружелюбного отношения. „Мы можем быть уверены,—наивно восклицал Извольский—что впредь гарантированы в Персии от германских coup de thèatre на подобие Марокккского". [2]

Немецкие и английские интересы непосредственно соприкасались в это время и в Персии, где втечение многих лет традиционно господствовало почти исключительно русское влияние.

Втечение 1905 и 1906 годов велись по инициативе персидского правительства переговоры с Петербургом о договоре, который гарантировал бы персидские провинции Сеистан и Белуджистан от покушения на них англичан. Несмотря на начавшееся уже сближение с Англией, Россия благосклонно отнеслась и к предложению Персии. Однако, русский проект договора персами не был принят из боязни вызвать подобные же требования со стороны англичан, а выполнение желаний обоих соседей приводило к фактическому уничтожению персидской самостоятельности. В свою очередь, и контрпроект шахского правительства не был принят Россией, и переговоры прекратились. [3]

Между тем к борьбе влияний в Персии между Россией и Англией прибавилось и сильно возросшее к 1906 году, после получения концессии на Багдадскую дорогу, влияние Германии, [4] против которого усиленно боролись и Россия и Англия.

---

[1] Доклад Ламздорфа Николаю II 21 марта 1906 г. II Отд. Гос. Архива. Картон: доклады 1906 г.

[2] Извольский—Нелидову в Париж 26 октября (8 ноября) 1906 г. Там же. Картон: Париж 1906 г.

[3] II Отд. Гос. Арх. Средняя Азия. Картон: Докл. № 5. 1906 г.

[4] Нелидов—Ламздорфу 18 (31) мая 1906 г. № 44. Там же. Картон: Париж 1906 г.

Германия предложила в этом году шаху ссуду в 25 миллионов марок за разрешение начать постройку железных дорог в прилегающих к нашей границе северо-восточных провинциях, что сильно ухудшало наше стратегическое положение на Кавказе [1]. Вслед за этим она предложила ему заем в миллион долларов, но Англия и Россия решили сами его реализовать и задержать влияние Германии. [2]

В Малой Азии назревал, как уже известно, еще один мирового значения фактор, а именно постройка Багдадской железной дороги, для которой необходимы были финансовые средства, превышавшие возможности Германии. [3] Англичане относились к постройке этой дороги весьма отрицательно, но, сознавая, что капитал может быть реализован и без ее участия, Великобритания решила действовать в этом отношении совместно с Францией и Россией. [4] С Багдадской железной дорогой нам придется в дальнейшем изложении встречаться еще не один раз.

Чтобы закончить политический обзор этих годов, необходимо сказать несколько слов о входившей в игру Италии и о временно притихшей Австрии.

В 1902 году состоялось по некоторым экономическим вопросам соглашение между Францией и Италией, что несколько нарушило идиллию Тройственного Союза и встревожило его главу, императора германского.

Сближение между обеими странами началось на колониальной почве еще с 1898 года и вылилось в соглашение 1901—1902 годов. Франция заявила, что не намерена распространять своего влияния по направлению к Триполи далее пределов, обозначенных в заключенном с Англией соглашении по поводу Фашоды. Италия же заявила, что не имеет никаких особых интересов в Марокко и не будет препятствовать Франции развивать там свое влияние. Если бы, однако, предпринимаемые Францией действия привели к изменению территориального или политического положения Марокко, то итальянское правительство сохраняет за собой право вознаградить себя на счет Триполи для восстановления равновесия в Средиземном море.

В 1902 году было, кроме того, подписано тайное соглашение, сущность которого заключалась в том, что Италия не должна принимать участия в нападении одной или нескольких держав на Францию, которая, в свою очередь, принимает

---

[1] II Отд. Гос. Арх. Картон: № 5. Средняя Азия.

[2] Бенкендорф из Лондона—Ламздорфу 28 апреля (11 мая) 1906 г. Там же. Картон: Лондон 1906 г.

[3] Нелидов—Извольскому 29 июня (12 июля) 1906 года. № 56. Там же. Картон: Париж 1906 года.

[4] Бенкендорф—Ламздорфу из Лондона 28 апреля (11 мая) 1906 года. Картон: Лондон 1906 года.

такое же обязательство относительно Италии. В случае же наступательной войны одного из государств, другое должно соблюдать нейтралитет.

Со стороны берлинского кабинета началась обычная процедура устрашения и заигрывания. Италии указывалось, что соглашение с Францией не дает ей никаких реальных выгод, кроме платонического согласия на завоевание Триполитании. Между тем финансовая и военная поддержка Германии обеспечит Италии победу в Средиземном море и поможет заключить соглашение с Австрией на подобие соглашения, существовавшего между этой последней и Россией, которое поведет к владычеству обоих государств на Балканах с разделением между ними сфер влияний и с исключением возможности постороннего вмешательства.

Но Италия не шла на соблазны своего северного соседа, подбодренная все усиливавшимся сближением между Францией и Англией и сознанием, что, в случае войны, соединенные флоты этих обеих держав „могли бы стереть в порошок Италию втечение нескольких дней“ „pourraient pulveriser l'Italie en quelques jours“.[1]

Сношения Италии с Россией в это время только налаживались и свелись к заключению между ними торгового договора.[2]

Что касается Австрии, то ее пассивное поведение на Балканах во время отвлечения России на Дальний Восток может быть объяснено нетолько происходившим в то время заигрыванием Вильгельма с Россией, но и заключением в 1904 г. особого австро-русского соглашения о нейтралитете, в случае нападения третьей державы, каковой могла быть по отношению Австрии только Италия.[3]

Совещание начальников французского и русского штабов и влияние англо-французского соглашения.

Летом 1906 года, после пятилетнего перерыва, в Париже состоялось, по инициативе французского правительства, новое совещание начальников штабов союзных армий. Совещание это имеет наибольшее после заключения Обручевым и Буадеффром в 1892 году военной конвенции принципиальное значение не только военное, но и политическое.

Доминирующая роль в нем перешла от русского представителя к французскому и так бессменно оставалась вплоть до мировой войны и даже втечение ее. Начальник русского генерального штаба переходит на роль какого-то экзаменующегося школьника; он уступает своему коллеге по всем

---

[1] Донесение посла из Рима 27 марта 1906 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Рим 1906 год.

[2] Там же. Отчет мин. ин. д. по 2-му д-ту за 1906 год.

[3] Телеграмма Николая II Вильгельму II 10 (23) ноября 1904 года. „Былое“ № 2 (1917 г.) и доклад Николаю II Извольского 27 февраля 1909 г. Картон: Средний Восток 1909 года.

спорным пунктам, с трудом отвоеванным Обручевым, и даже проявляет в этом инициативу. Это совещание впервые показывает, что Россия не может уже рассчитывать на свою союзницу при всяких обстоятельствах, что отчасти объясняет и поведение ее дипломатии во время кризиса 1908—1909 годов. Вообще отношение французов к России и союзу с ней приобрело некоторый отпечаток пренебрежения.

Ослабление России после войны с Японией, только что заключенный в Париже $2^1/_2$-миллиардный заем, закабаливший русский народ французской буржуазии, и, наконец, опора, которую империалистическая Франция получила в сближении с Англией, были видимой причиной отмеченной переменчивости французского настроения. Все это заставляет несколько подробнее остановиться на совещании 1906 года.

В марте месяце французским послом в Петербурге была передана министру иностранных дел [1] следующая программа и опросный лист, на который на совещании в Париже должен был ответить генерал Палицын, первый начальник только что учрежденного самостоятельного генерального штаба:

1) Совещание, принимая конвенцию 1892 года за „Charte militaire de l'alliance" (Военную Хартию Союза), должно было изучить по статьям протоколы совещаний 1900 и 1901 г. г.

2) Определить в зависимости от этого количество войск, которые обе союзные страны в состоянии мобилизовать в настоящее время.

3) Если, благодаря событиям на Дальнем Востоке, Россия не в состоянии мобилизовать количество войск, предусмотренное конвенцией 1892 года, то какие временные меры русское правительство предполагает принять, чтобы согласоваться с принципом заключенного союза.

Кроме того, начальник французского генерального штаба выражал желание получить от своего русского коллеги ответы на следующие вопросы:

а) Сколько действующих войск Россия может выставить на западной границе империи?

б) Каково будет их вооружение и количество припасов?

в) Во сколько дней предназначенные силы могут сосредоточиться на границе?

г) В каких пунктах будет произведено сосредоточение?

д) До какой цифры будет доходить численность русских войск в разные дни мобилизации?

е) Предполагает ли русский генеральный штаб наступать или обороняться?

ж) В какой приблизительно срок предполагается прогрессирующее восстановление русских вооруженных сил?

---

[1] При письме от 22 марта (4 апреля) 1906 года. II Отд. Гос. Арх. Секр. Отд. Картон: Франко-Русский союз. Папка 1906 г.

Сознайтесь, читатель, что это экзаменационный лист, да еще и не особенно деликатный при условии, что Франция находилась в договорных отношениях с еще враждебной нам Англией, а в Париже в это лето бряцали, как было сказано выше, англо-французским оружием, в виде застольных речей короля Эдуарда и миссии Френча на французских маневрах.

Совещание состоялось в Париже 8 (21) апреля 1906 года,[1] при чем, в отличие от прежних случаев, было решено, что постановления его приобретут силу только после утверждения их обоими правительствами. Именно это условие, тщетно предлагаемое с 1892 года французами, было всегда отклоняемо русским правительством.

По предложению генерала Палицына 1-я статья конвенции была в корне изменена в том смысле, что основа соглашения заключается в обеспечении договаривающихся от нападения Германии, в отношении которой Австрия и Италия являются только случайными спутниками (les satellites eventuels). Генерал Брён, начальник французского генерального штаба, воспользовался этим случаем, чтобы заявить, что такова была всегда французская точка зрения, и статья 1-я была дополнена следующим указанием: „германская армия является главным объектом, против которого оба генеральных штаба должны направить и вести борьбу с полной энергией и всеми находящимися в их распоряжении средствами" (L'armée allemande est donc l'objectif principal contre lequel les deux Etats Majors doivent engager et poursuivre la lutte avec toute leur énergie et tous leurs moyens disponibles).

В отношении мобилизации конвенция также была изменена в том смысле, что только мобилизация германской армии вызывает немедленную и одновременную мобилизацию всех сил союзников без предварительного соглашения. Что же касается мобилизации австрийской и итальянской армий, то она потребует предварительных между союзниками сношений.

Следующие главы разбирали вопросы о телеграфной связи, которая была особенно важна в первые семь дней мобилизации, и констатировали однородность имеющихся сведений о вооруженных силах Тройственного Союза.

Вслед за этим оба генерала перешли к предположениям о возможных действиях германцев, совершенно отбросив в своих соображениях итальянцев, на что французы имели основание, благодаря заключенному с Италией соглашению, и австрийцев, к чему мы, ввиду оканчивавшегося в 1907 году договора, никаких оснований не имели. Оба генерала согласились также во всей вероятности нанесения немцами первоначального главного удара на французском фронте.

---

[1] Там же.

Но они близоруко отвергли предположение их предшественников о действии немцев по внутренним операционным линиям до окончательного разгрома одной из сторон, так как будто бы это не соответствовало их доктрине—бросать недобитого противника.

Вслед за этим Брён ознакомил Палицына в общих чертах с предполагаемым развертыванием французской армии, „lequel est préparé pour permettre l'offensive". [1] Фраза знаменательная по сравнению с конвенцией, согласно которой французы обязывались на 10-й день мобилизации перейти со всеми силами в наступление против немцев. Подготовить наступление и наступать—две вещи неодинаковые. В 1914 году они и подготовились к наступлению, но инициативу его передали немцам.

Генерал Палицын, с своей стороны, ничего не мог ответить определенного в отношении развертывания и планов русских войск и откровенно сознался, что все будет зависеть от действий противника, но он обязывался, не теряя никогда из вида, что разгром Германии является главной стратегической целью, употребить все усилия для того, чтобы направить все имеющиеся в его распоряжении средства на пользу достижения общих интересов.

Кроме того, начальник русского генерального штаба сообщил:

1) что в материальном отношении наша армия пострадала в Маньчжурии меньше, чем это можно было ожидать;

2) что армия уже в настоящее время способна мобилизоваться, хотя и в более длительный срок;

3) что к августу почти вся армия будет возвращена из Маньчжурии;

4) что, начиная с апреля 1907 года, войска будут восстановлены в своих кадрах, улучшена их мобилизация, возобновлено нормальное обучение, и они в состоянии будут драться, как крепкий боевой организм, хотя и лишенный еще всех необходимых аксессуаров, чтобы быть вполне „operationsfähig", т.-е. готовыми ко всякого рода операциям. [2]

Далее начальники штабов остановились на вопросе о совместных действиях в случае попыток Вильгельма использовать австрийское наследство после смерти Франца-Иосифа, и по этому вопросу не изменили взгляда своих предшественников и, наконец, перешли, по инициативе Палицына, к наиболее жгучему вопросу данного момента.

---

[1] Подготовленное для того, чтобы позволить переход в наступление.

[2] Наш посол в Париже по этому поводу доносил, что сведения французского военного министерства указывают, что такая уверенность Палицына была чрезмерна, и наше военное положение менее упрочено. (Письмо Нелидова—Ламздорфу 20 апреля (3 мая) 1906 года. Там же).

Читатель помнит, что в предшествовавших совещаниях, последовавших вскоре после едва не приведшего к войне между Англией и Францией Фашодского инцидента, по инициативе французов, в конвенцию была включена статья о совместных действиях против Англии. В 1906 году обстановка для Франции совершенно изменилась. Она была в тесном единении с Англией, тогда как отношения между этой последней и Россией оставались еще не выясненными.

Поэтому вполне понятно, что Палицын поставил своему коллеге категорический вопрос о том, может ли он рассчитывать, что, в случае столкновения России с Англией, Франция выполнит свои обязательства, при чем Палицын добавил, что придает особое значение утвердительному (positive) ответу.

Брён на это коротко ответил, что меры, предусмотренные совещаниями 1900 и 1901 года, могут получить силу только, как следствие особой конвенции между обоими правительствами; ему же о существовании такой конвенции ничего неизвестно. [1]

Цитированный протокол является поворотным пунктом в сношениях между Россией и Францией.

В нем не только удовлетворены все первоначальные пожелания французского правительства, предъявленные им в 1890 году, но удовлетворены с избытком и с полным забвением каких-либо частных интересов России.

Александр III не желал санкционировать протоколов, чтобы не лишать себя самостоятельности в начале и во время войны: протокол 1906 года ввел для них форму дипломатического акта. Первые протоколы указывали на первенствующее для нас значение в нанесении первоначального поражения Австрии и только высказывали пожелание назначить на австрийский фронт строго необходимое количество войск; последний заботится только о разгроме Германии и устами русского начальника штаба направлял все средства на поражение Германии. В первоначальной конвенции, обеспечивая Францию со стороны Германии, мы сами были обеспечены ею со стороны нашего единственного соперника, Австрии, поддержанной Германией, но протокол 1906 года уничтожил и это равенство, предоставив Франции право обсуждать в случае нападения на нас Австрии, помочь нам или нет. И в 1908 году, когда стал вопрос о войне России с Австрией и Германией, русское правительство не могло быть уверено в помощи Франции.

Когда в 1900 году Франция опасалась войны с Англией, Россия обязалась ей содействовать наступлением из Туркестана 300-тысячной армии; но в 1906 году, когда Франция была с этой стороны обеспечена, ее представитель грубо

---

[1] Ввиду особого интереса изложенного протокола, он помещается во французском тексте в приложении № 3.

отмахнулся от установленной взаимной помощи России в случае столкновения с Великобританией.

Россия резко стала этим протоколом в роль служебную по отношению к Франции и из этой роли не могла выйти вплоть до Октябрьского переворота 1917 года.

В чем же искать причину такой перемены во взглядах русского генерального штаба? Именно его, по букве протокола, можно обвинить в инициативе некоторых наиболее важных изменений. Но если мы параллельно проанализируем ход стратегической мысли русского генерального штаба и его взгляды на планы войны, [1] то они диаметрально отличались от запротоколированного на совещании. Следовательно, причину надо искать в другом, и найти ее можно только в тех денежных обязательствах, которые начали засасывать и связывать стратегическую мысль нашего генерального штаба, направляя ее исключительно на защиту французских интересов.

Во время пребывания Палицына в Париже произошел своего рода дипломатический инцидент, который показывает, между прочим, как у нас слабо стояла связь политики со стратегией, и начальник генерального штаба решил взять на себя обязанности политика.

Из разговора с Брёном Палицын нашел, что французы с нами не вполне искренны, относятся к союзу с Россией очень равнодушно, возлагая все упования на Англию и желая и нас с нею связать. Не получив от Брёна определенного ответа на вопрос об обязательстве французов в случае наших столкновений с Англией, он непосредственно и категорически обратился с этим вопросом к председателю французского совета министров, который тоже не дал определенного ответа.

На подобный же вопрос посла председатель совета министров Буржуа также отделался только общими фразами горячего желания всячески способствовать устранению недоразумений между нами и англичанами, „но,—кончал русский посол,—мне представляется более, чем вероятным, что между парижским и лондонским военными управлениями происходили по этому поводу (совместные военные операции против Германии) объяснения и намечены некоторые общие меры, которые здесь не считают уместным нам сообщать". [2]

Подозрения русского генерального штаба пошли дальше, и он получил сведения, что французы намерены сообщить англи-

---

[1] См. мою: „Подготовка России к мировой войне. Планы войны".

[2] Нелидов—Ламздорфу 20 апреля (3 мая) 1906 года. Там же. Арх. Нелидова. Письмо это, чрезмерно франко- и англофильского тона, вообще интересно в смысле оценки не только отношений с Францией, но и желательности с точки зрения автора письма союза с Англией. Оно помещается в приложении № 4.

чанам суть франко-русской военной конвенции. Слухи эти обеспокоили Петербург, который и запросил парижское посольство. Заместитель посла, Неклюдов, приводит в ответ мнение свое и военного агента Лазарева, и в этих мнениях, как и в мнениях Палицына и Нелидова, проглядывает реальный пессимизм военного и оптимизм аккредитованного „diplomate de carrière".

Лазарев доносил, [1] что Англии известно финансовое участие, принятое Францией в осуществлении постройки стратегической Оренбурго-Ташкентской железной дороги, совпавшей с Фашодским инцидентом. Отсюда у англичан явилось естественное предположение, что постройка этой дороги служила одним из звеньев соглашения России и Франции против Англии, для которой особенно интересно знать, как далеко оно зашло в отношении Средней Азии. И Лазарев верил, что Франция способна выдать конвенцию. „Она при настоящих политических сочетаниях и при нынешнем составе правительства особенно дорожит всесторонней поддержкой Англии, которая, с своей стороны, настойчиво и успешно работает для водворения здесь своего преобладающего влияния и вправе рассчитывать на откровенность республики".

Неклюдов не разделял пессимистического взгляда Лазарева на изменившееся к худшему отношение французского правительства к России. „Во Франции,—доносил он,—все еще дорожат союзом с Россией, и парижский кабинет более всего на свете опасается дилеммы—Россия или Англия, и все свои усилия направляет и будет направлять к достижению идеальной для него формулы: „Россия и Англия".

Заключение. 1900—1906 годы в отношении дипломатической подготовки России к мировой войне вполне правильно назвать годами перелома, как это и было в отношении военной подготовки.

Самодержавная — она обратилась в конституционную. Внешне колоссально мощная—она оказалась в военном отношении подгнившей и обессиленной. Связавшаяся союзом с Францией, как равная с равной, на основании взаимной помощи и защиты своих личных интересов, Россия перешла на обслуживающую в отношении Франции роль.

Эти годы были первым испытанием франко-русского союза и испытанием, которое могло легко окончиться полным его крахом.

Франция во время русско-японской войны исполняла свою роль союзницы строго по букве конвенции, если не считать широкую поставку Японии оружия, а актом своего соглашения с Англией, тесно, в свою очередь, связанной с Японией, она обращала почти в ничто франко-русский союз. Россия

---

[1] Неклюдов—Извольскому 18 (31) мая 1907 г.

вновь оставалась одна, и бесспорная помощь Вильгельма не могла не оказать влияния на направление мыслей Николая II. Все это привело к длительным переговорам о франко-русско-германском соглашении, окончившимся Биоркским договором.

Когда мечты о возможности такого соглашения рухнули, то Россия круто повернула в сторону Франции, и с тех пор надежда для нее на мирное сожительство с Германией исчезла, так как эта последняя перед угрозой вражды с Англией не могла простить Биоркского крушения. 1908 год был с ее стороны первой отплатой за окончательный переход России на сторону Франции. За все это Россия получила со стороны Франции весьма быструю отплату в виде уже известного нам совещания начальников штабов 1906 года. Россия вновь оказалась сидящей между двумя стульями, но без возможности избрать, на какой из них сесть.

С этой минуты Россия тесно связала себя с Францией, и дальнейшим естественным ходом этой связи должно было быть соглашение с Англией, к изложению которого мы и перейдем.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

АНГЛО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ (1906—1907 г. г.).

Начало сближения России с Англией. Спорные между обоими государствами вопросы. Соотношение европейских государств во время переговоров. Англо-русская конвенция. Очередное совещание начальников русского и французского штабов. Заключение.

Начало сближения России с Англией.

Резкая перемена во враждебных до тех пор отношениях Англии и России являлась следствием брошенного в 1902 году Эдуардом VII лозунга политического окружения Германии. В начале японской войны начались и первые попытки к соглашению, но они тотчас же прекратились, благодаря занятому Англией во время войны неприязненному к России положению.

Но, вскоре после окончания войны и сообщения России текста заключенного между Англией и Японией 12 августа 1905 года союзного договора, великобританский кабинет вновь вошел с предложением возобновить ранее возникшие переговоры по вопросам, не раз подававшим повод к недоразумениям между обеими державами.

Петербургское правительство на этот раз сочувственно, но все же осторожно, отнеслось к предложению англичан, имея, в особенности, в виду установившуюся между обоими кабинетами, без всяких предварительных переговоров, полную тождественность взглядов на возникшие в последнее время весьма сложные вопросы: критский, македонский и марокканский.

Все эти обстоятельства были приняты в Петербурге, как указание на значительную перемену к лучшему в отношениях Англии к России и как на действительно существующую для обеих держав возможность устранить все поводы к недоразумениям.

Поэтому русскому послу в Лондоне Бенкендорфу было предложено [1] высказать вышеприведенные мысли сэру Грею, но выждав предпочтительно инициативу разговора с его стороны и не выступая от имени русского правительства ни

---

[1] Инструкция Бенкендорфу 28 февраля 1906 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Средний Восток № 5. 1906 г.

с какими проектами. При этом предлагалось потребовать от Грея определенно формулированного предложения по всякому отдельному вопросу.

Постоянная вражда между Россией и Англией заставляла и на этот раз петербургский кабинет с недоверием подходить к великобританским предложениям, так как дело всегда останавливалось со стороны Великобритании „на одних добрых намерениях, при чем нередко обнаруживалось недоброжелательность лондонского кабинета к некоторым начинаниям России".

Через несколько дней Бенкендорфу вновь подтверждалась [1] „необходимость придерживаться крайней осмотрительности и постепенности [2] в переговорах, при чем инициативу конкретных предложений надлежало всецело предоставить англичанам".

Особенно тревожило Ламздорфа, что Бенкендорф затронул в разговоре с Греем вопрос о проливах и об англо-японских шагах в Константинополе, как предметах исключительно щекотливых и не подлежащих, казалось бы, обсуждению до более реального сближения. „В данное время,—кончал Ламздорф,—я не вижу практических оснований, которые побуждали бы нас поставить вопрос о проливах на очередь, тем более, что военное и морское ведомство не находят желательным возбуждение его в настоящее время".

Спорные между обоими государствами вопросы.

Многолетняя вражда между обоими государствами сконцентрировалась в описываемое время почти исключительно на сопредельных с Россией странах — Средней Азии, Афганистане, Персии и, отчасти, Константинопольских проливах. В вопросе о Балканах Англия переменила свою политику: она перестала себя считать здесь заинтересованной державой и так же, как и Россия, стала на сторону Балканских государств против Турции, на стороне которой стояла Германия. [3] На Дальнем же Востоке Великобритания имела для нас значение только, как союзница Японии.

Взгляд русского министерства иностранных дел в отношении поименованных выше стран был изложен в представленной Николаю II особой записке. [4]

Афганистан разделял русские и английские владения в Средней Азии и признавался англичанами оплотом их владений в Индии, которой, по их мнению, грозила вечная опасность со стороны России. Поэтому великобританское

---

[1] Ламздорф—Бенкендорфу в Лондон 16 марта 1906 года. Там же.

[2] Курсив подлинника.

[3] Бенкендорф из Лондона—Извольскому 27 июня (10 июля) 1907 года. Там же. Картон: Лондон 1907 года.

[4] Записка д. т. сов. Зиновьева 25 августа 1906 года. Там же. Картон: Средняя Азия. № 5. 1906 года.

правительство неоднократно домогалось получить от петербургского кабинета уверение о том, что Россия чужда каких бы то ни было враждебных намерений относительно Индии и Афганистана. И, действительно, в семидесятых годах прошлого столетия Россия дала обязательство не входить в политические сношения с Афганистаном.

Между тем втечение нескольких последних лет афганский эмир делал настойчивые попытки войти в непосредственные сношения с Россией, [1] что вызвало самую враждебную переписку между русским и великобританским правительствами.

Англия твердо придерживалась той точки зрения, что Афганистан должен сноситься с внешним миром исключительно через великобританское представительство, против чего восставал петербургский кабинет, ввиду полной естественности и необходимости непосредственных сношений с афганским эмиром по пограничным делам. Спор по этому, казалось бы, второстепенному вопросу настолько обострился, что оба правительства остались на своих точках зрения и прекратили переговоры. Вся суть в этом разногласии опять-таки заключалась в вопросе о безопасности Индии, которую обеспечивал строгий протекторат Англии над Афганистаном.

А между тем молодой афганский эмир, видимо, хотел выйти из под особенно сильной опеки англичан и летом 1906 года выражал настойчивое желание сблизиться с Россией, для чего решил отправить в Ташкент весьма солидное по составу и значению посольство. [2]

Вопрос о том направлении, которое примет Россия в отношении Афганистана, как указание в глазах английского общественного мнения на дальнейшую линию нашего поведения в отношении Индии, особенно сильно волновал великобританский кабинет. Наш отказ от всякой активной политики в этом направлении совершенно успокаивал бы его в отношении Индии, но выбивал из наших рук единственное оружие, которым реально или мифически, но мы всегда могли грозить англичанам. Это был в руках русского кабинета при грядущих с Англией переговорах значительный регулятор, и наше министерство иностранных дел рассчитывало уступками в Афганистане выиграть в защите своих интересов по другим спорным вопросам.

Персия, служившая с давних пор ареной соперничества обеих держав, являлась вторым спорным вопросом.

Россия, непосредственно соприкасаясь с этой страной от горы Арарата до реки Теджена, невольно была призвана играть в ней первенствующую роль. Этим обстоятельством

---

[1] Доклад Извольского Николаю II 26 мая 1906 года.
[2] Там же.

обусловливались и те меры, которые русское правительство последовательно принимало для укрепления в Персии своего влияния и для противодействия попытки Англии его поколебать.

С 1879 года русскими офицерами была организована в Персии казачья бригада, составлявшая до последнего времени единственную там благоустроенную часть, которая являлась известным оружием в руках русского правительства.

Постройка на русские средства колесных дорог от русской границы и Каспийского побережья к главным персидским северным таможням, основание русского банка, успешно конкурировавшего с английским, и обильные ссуды шахскому правительству (около 33 миллионов рублей) служили другими средствами распространения в Персии русского влияния.

В 1901 году был заключен Россией с шахским правительством торговый договор, в силу которого товары, ввозимые в Персию из России, обеспечивались значительными льготами, при чем шахское правительство обязывалось установленный для русских товаров тариф применять к ним на всем пространстве государства.

Этот договор вызвал бурю негодования в Англии, которая, в свою очередь, добилась в 1903 году применения и к ней тарифов, установленных для русских товаров.

Русско-персидский торговый договор возлагал также на шахское правительство обязательство преобразовать таможни, что и было осуществлено под руководством принятых на службу бельгийцев.

На северном участке границы, отделявшей Хоросан от Афганистана, Россия содержала свой кордон, так называемой противочумной охраны.

Ввиду приписываемых шахским правительством Англии честолюбивых замыслов на Сеистан, имелось даже предположение русскую охрану продолжить и до этой области.

Наконец, с целью продиводействия преобладающему влиянию Англии в Персидском заливе были открыты русские консульства в Бендер-Бушире и в Бендер-Аббасе, и даже состоялось решение держать в Персидском заливе особое военное судно.

В общем петербургский кабинет резюмировал свою политику в Персии в следующих словах: [1] „сохранить целость и неприкосновенность владений шаха, не искать для себя территориальных приращений, но и не допускать в ней преобладания третьей державы; одновременно с этим подчинить Персию своему господствующему влиянию без нарушения, однако, как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя".

---

[1] Инструкция послу в Тегеране Штейер от 30 сентября 1904 года.

Весь этот исторический процесс наших сношений с Персией закончился уже известными из предыдущей главы и неудавшимися переговорами с шахом о союзном договоре, относившимися к 1905—1906 годам.

Лондонский кабинет делал неоднократные попытки урегулировать англо-русские отношения по персидским делам.

Так, в 1887 году англичане предложили нам разграничить сферу влияния, предоставив России северную часть Персии и Англии южную, что должно было в известной степени поколебать доверие шахского правительства к бескорыстному покровительству России. В 1890 году шах дал России обязательство не разрешать втечение десятилетнего срока постройки в Персии железных дорог и в 1900 году продлил этот срок еще на десять лет. Лондонский кабинет был принужден согласиться на это условие, но выразил желание, чтобы до окончания установленного срока этот вопрос был разрешен совместно с англичанами. С другой стороны, и персидское правительство явно высказывало желание не откладывать далее постройки железных дорог. Таким образом, вопрос этот должен был стать на очередь, в особенности в связи с постройкой Багдадской железной дороги, и английское правительство уже заручилось тайным обязательством персов предоставить ему руководство постройкой дорог в южной Персии.

Вопрос о малоазиатских железных дорогах играл большую роль в нашей экономической жизни последних лет перед войной и в наших отношениях с Германией и Англией, поэтому о нем следует сказать еще несколько слов.

Русское министерство иностранных дел имело данные, что Англия, потратив немало усилий и средств на открытие торгового пути от Келата до Сеистана с целью впоследствии проложить по этому пути рельсы, будет стараться получить от персидского правительства концессию на продолжение дороги от Сеистана в западном направлении на соединение со строящейся Багдадской дорогой.

Такое предположение английского правительства шло вразрез с русскими экономическими интересами, так как дорога, соединяющая Индию через Багдад с Берлином, была совершенно бесполезна для нашей торговли и лишала навсегда Россию выгод непосредственного соединения русской рельсовой сети с индийской и направления этим путем индо-европейского транзита. [1]

---

[1] Витте, в бытность министром финансов, высказывал мысль (его письмо к Ламздорфу от 3 августа 1902 года № 395), что соединение русской и индийской железнодорожной сети через Кушку, создав линию, конкурирующую с Багдадской дорогой, отодвинет последнюю на второй план и лишит ее значения единственного пути между Европой и Индией.

Неразрывно с персидскими дорогами находился и вопрос о Багдадской железной дороге, но здесь замешивались уже интересы и других держав и, в особенности, Германии. В 1906 году переговоры об этой дороге очень оживились.

Сэр Эдуард Грей зондировал через Париж Петербург [1] в том смысле, что пора приняться за постройку Багдадской дороги, [2] которую немцы все равно построят без участия других держав, а между тем единственное государство, которое могло бы желать этому воспротивиться,—это Россия. Для привлечения России к постройке Багдадской дороги и для обеспечения ее интересов английский министр предлагал нам равную с другими государствами свободу пользования дорогой и предоставление России соединиться с Багдадской магистралью побочными ветвями постройкой их в пограничных турецких вилайетах, на что она имела исключительное право по договору с Турцией. „Я готов итти далее,—кончал Грей,—и притти с русским правительством к соглашению относительно постройки железного пути из России через Персию к долине Тигра и к Персидскому заливу".

Но эта кружная переписка Лондона с Петербургом, видимо, не осталась тайной для Берлина. Германский посол посетил вслед за этим русского министра иностранных дел [3] и, изложив ему всю суть приведенных переговоров, выразил надежду, что русское правительство не примет без участия берлинского кабинета никаких решений по вопросам, затрагивающим немецкие интересы, и не заставит Германию считаться с свершившимся фактом.

Одним из таких вопросов Германия считала дело Багдадской железной дороги, непосредственно затрагивающее ее интересы. Положение, которое будет занято в этом вопросе Россией, послужит, говорил немецкий посол, показателем того направления, которого Россия намерена держаться в будущих политических отношениях своих к Германии.

Извольский поторопился успокоить посла, что не примет никаких решений о Багдадской дороге, не войдя предварительно в откровенные объяснения с берлинским кабинетом, в твердой уверенности, что и этот последний не откажет со своей стороны принять во внимание интересы России. Посол уверил, что таково решение и берлинского кабинета.

Афганистан, Персия и малоазиатские железные дороги были те три пункта, на которых наиболее переплетались интересы Англии, России, а в отношении последних двух, и Германии. „Не представляется ли для нас возможным,—

---

[1] Нелидов—Ламздорфу 20 апреля (3 мая) 1906 г. № 37. II Отд. Гос. Арх. Архив Нелидова.

[2] Вопрос шел собственно о сооружении линии от Конии до Багдада совокупными средствами Германии, Англии и Франции на равных правах.

[3] Извольский—Бенкендорфу 12 мая 1906 г. Картон: Ср. Азия № 5.

пишет докладчик министерства иностранных дел, [1]—ценою некоторых уступок, хотя бы в вопросе о сношениях наших с Афганистаном, которых будет, по всей вероятности, домогаться лондонский кабинет, обеспечить себе содействие Англии в одном из тех вопросов, благоприятное разрешение которых особенно важно с точки зрения политических интересов России".

Такими вопросами, как читатель догадается, являлись проливы и отчасти Балканы, к которым англичане несколько охладели. Здесь автор поданной Николаю II записки рисует широкие горизонты; с этим нам придется иметь дело и при изложении событий 1913 года, а потому я цитирую все приводимые им аргументы.

Черноморский флот, говорит автор записки, постепенно усиливался, между прочим, в предположении, что ввиду шаткости Турции и вероятия внутренних осложнений, для нас представится благовидный предлог и возможность утвердиться в верхней части Босфора, чем закрывался доступ иностранным военным судам в Черное море.

Обстановка 1906 года показывала, что задача эта должна быть отложена на долгое время, и флот приобретал лишь значение оборонительной силы, будучи осужден на бездействие в смысле силы политической.

Такое положение дел было, по мнению Зиновьева, крайне для нас невыгодно. В Средиземном море стало заметно усиливаться соперничество держав, опиравшихся на свои флоты, и в бассейне его назревали задачи, попытки разрешения которых могли повлечь осложнения и отразиться на группировке держав.

Существовало полное основание догадываться, что между Францией и Италией состоялось секретное соглашение относительно турецких владений на африканском побережье, Триполи и Бенгази, на которые Италия давно уже простирала честолюбивые виды.

Еще более сложные и представлявшие для России первостепенное значение вопросы назревали в Эгейском и Адриатическом морях.

Зародившиеся на Балканском полуострове национальные движения постепенно развиваются и должны вызвать осложнения, которые вынудят державы к активному вмешательству.

Среди албанского населения, простирающегося до Адриатического моря, не прекращалось брожение, которое равным образом требовало вмешательства держав для разрешения вопроса о будущей организации Албании. С другой стороны, Греция не останется спокойной, в случае крупных перевороо-

---

[1] Зиновьев, в упомянутой выше его записке.

тов и переустройства Балканского полуострова, и попытается обеспечить свои притязания на Эпир, а также на южную часть Фессалии и даже Македонии.

Разрешение перечисленных вопросов потребует от держав больших усилий при содействии морских вооруженных сил, при чем Англия, по величине своего флота, будет играть первую роль, а за ней Франция, Италия и даже Австрия. И только Россия останется с своей ничтожной флотилией Средиземного моря в невыгодном положении.

При таких условиях представлялся весьма желательным вывод нашего Черноморского флота в Средиземное море, что может быть достигнуто только путем пересмотра изложенных в Лондонской конвенции 1871 года постановлений относительно закрытия проливов. Поднять же этот вопрос возможно только при том условии, если нам удастся заручиться искренним содействием Англии. Но полная отмена постановлений этой конвенции, приводящая к нейтрализации проливов, не может отвечать нашим интересам, так как в таком случае открывался свободный доступ морских держав в Черное море. Поэтому автор записки рекомендовал добиваться только таких условий, которые обеспечивали бы России возможность отправлять суда Черноморского флота в Средиземное море.

Соотношение европейских государств во время переговоров.

Такова была политическая обстановка, когда летом 1906 года начались официальные переговоры между Англией и Россией. Они велись весьма медленно, по разным вопросам отдельно и закончились только в августе 1907 года, при чем коснулись исключительно тех пограничных с нами азиатских стран, которые в данное время наиболее интересовали Англию.

В продолжение длительного времени от начала и до конца переговоров политическая жизнь шла своим чередом и оказывала влияние на результаты соглашения. Поэтому приходится отметить то наиболее интересное, что коснулось важных для обеих сторон вопросов втечение года, прошедшего до подписания соглашения.

Большим сторонником сближения с Англией и проводником этой идеи в России были новый министр иностранных дел Извольский и его преемник с 1910 года Сазонов, которые руководили внешней политикой России вплоть до мировой войны.

Оба эти министра были искренними поклонниками соглашения с Францией и Англией и работали над ним от всего сердца. Было бы несправедливо сказать о них, что именно русские министры держали дирижерскую палочку Антанты в своих руках; нельзя даже признать, чтобы три члена Антанты представляли собой равноправных участников соглашения, но зато можно с уверенностью предположить, что оба

русских министра по мере приближения к войне все более и более шли на поводу Англии и Франции и были их послушным орудием.

Правда, Извольский и Сазонов, в особенности, первый, очень много ездили, еще больше писали, при чем все это могло произвести впечатление, что именно они ведут Антанту за собой, но фактически реальные последствия показывают иное: они слепо шли за своими союзницами, Францией и Англией. И в этом отношении наша политика пошла по стопам стратегии. 1906 год был переломным во франко-русской военной конвенции, принявшей уже характер обслуживания французских интересов, и в то же время был началом обслуживания нами политических интересов англо-французского капитала.

Английская идея окружения Германии, необходимость для Франции, заручившись помощью Лондона, не лишиться таковой же Петербурга, вот те главные рычаги, которые заставили обе морских державы усиленно работать над привлечением в их лоно и России. И они достигли этого в полной мере.

Впрочем, отношения между Россией и Германией оставались на словах самыми тесными, и летом 1907 года, во время свидания обоих императоров в Свинемюнде, Вильгельм II и его канцлер уверяли, что не намерены обострять вопроса об измененном Биоркском договоре. Они продолжали считать привлечение к нему Франции делом трудным и требующим много времени и терпения, но тем политическим идеалом, к которому необходимо стремиться. [1]

С другой стороны, положение России имело и выгодные стороны; ее союза искали обе группировки держав, не исключая и Австрии, соглашение которой с Россией не мешало ей проводить на Балканах свою корыстолюбивую политику. Англия, как мы уже знаем, готова была пойти на широкие уступки России, так как она ополчалась всей своей мощью против Германии, а для Франции союз с Россией попрежнему оставался вопросом жизни и смерти: Лондон, по справедливому выражению Вильгельма, не спасал Парижа от германского нашествия.

При таких условиях вопрос переговоров между Англией и Россией сводился к выдержке характера и к дипломатическому искусству. И то и другое вновь оказалось на стороне учеников Пальмерстона, Редклифа и Биконсфильда, а не Нессельроде, Бруннова и даже Горчакова.

Планы Извольского в отношении требований, предъявляемых им к англо-русскому сближению, постепенно варьировались.

---

[1] Доклад Извольского Николаю II 6 августа 1907 года. II Отд. Гос. Арх. Секр. отд. Картон: Доклады Извольского и Сазонова.

1905 и 1906 годы отличались весьма напряженным положением на Дальнем Востоке, где только что законченная с Японией война могла вновь вспыхнуть, что требовало переноса туда значительной части нашей вооруженной силы и оттягивало наше внимание от участия в политике европейских держав. Обеспечить себя со стороны Японии при помощи соглашения с Англией, ценой хотя бы больших уступок в Афганистане и в Персии, такова была основная задача Извольского в 1906 году. О союзе с Японией он в это время еще и слышать не хотел. Впоследствии, под влиянием Франции, он принужден был этот свой взгляд радикально изменить и притти к соглашению с Англией через сближение с Японией.

Первоначальный план Извольского вызвал сильное возражение со стороны Палицына, который, кстати сказать, был единственным начальником генерального штаба, вмешивавшимся в дипломатические дела, хотя и не всегда умело, для того, чтобы получить определенные указания о согласовании работы политики и стратегии. Это повело к весьма интересной переписке между министром иностранных дел и начальником генерального штаба, переписке, которая в достаточной мере освещает не только мысли Палицына и Извольского, но и общую обстановку.

На совещании 7 августа 1906 года Извольский определил цель переговоров с Англией необходимостью согласовать взаимные интересы обеих держав в Азии и, косвенно, обеспечить безопасность нашу на Дальнем Востоке. „Это соглашение,—пишет Палицын, [1]—потребует, как это уже выяснено, ряда уступок в том, что до сих пор мы считали важным для нашей военно-политической жизни в Средней Азии". Если соглашение наше с Англией по азиатским делам обезопасит русские дальне-восточные владения и в то же время сохранит спокойствие и неприкосновенность наших интересов в остальных частях азиатского материка и в Европе, то тогда, при нашем ослабленном военном положении, эти уступки будут, по мнению начальника генерального штаба, полезны. Но у него являлись большие сомнения.

В делах Дальнего Востока Англия не могла итти по отношению к Японии дальше дружественного нам содействия; связанная англо-японским союзом, она рискнула бы согласиться нарушить его только тогда, когда ей представится другой более выгодный политический союз.

Наше соглашение с Англией могло, по мнению Палицына, дать нам условные и односторонние выгоды по отношению к Дальнему Востоку; что же касается Средней Азии, то благо-

---

[1] Палицын—Извольскому 13 сентября 1906 г. II Отд. Гос. Арх. Картон: Средняя Азия. № 5. Доклады 1906 года.

расположение Англии могло быть приобретено Россией только путем уступок и притом по всему фронту. Обеспечение дальне-восточных владений являлось, пока Россия не оправится, вопросом крайне острым, и Палицын не без основания считал, что наша устойчивость и безопасность на Дальнем Востоке могли быть действительнее и прямее достигнуты непосредственным соглашением с Японией.

В отношении Персии Палицын также вполне законно замечал, что предлагаемое разграничение там сфер интересов между Англией и Россией ничуть не стесняет свободное право Германии, ничем не связанной с Россией и Англией. Это же легко может повести к политическим недоразумениям уже международного характера, во избежание чего Палицын предлагал программу соглашения с Англией значительно сузить, ограничив ее исключительно местными условиями.

Ввиду опасности на Дальнем Востоке, мы мало обращаем внимание на нашу западную границу, веря в лойяльность Германии, а, между тем, начальник генерального штаба считал положение там опасным и более угрожаемым, чем на Востоке. Существовавший союз с Францией, даже при точном исполнении ею своих обязательств, не устранял этой опасности; не устраняло ее и соглашение с Англией, которая могла помочь нам в военном отношении весьма мало. Чтобы стать сильным на западной границе, нам предстояло несколько лет упорной работы, а пока приходилось считаться с Германией во всем том, что могло затронуть ее интересы. Между тем, нельзя оспаривать, что сближение России и Англии весьма невыгодно для Германии и допускать его не в ее интересах, в особенности, если сближение это примет международные характер и значение. При современных же условиях распределения и состояния своих вооруженных сил, Германия всегда имеет возможность насильственным образом нарушить англо-русское соглашение.

„Если наше сближение с Англией,—кончал ген. Палицын,—обставлено так, что вышеуказанных затруднений не предвидится, и оно не может вызвать осложнений в Европе и Азии, то это для нас фактор весьма благоприятный. Не оставляя работ на нашей западной границе, мы можем усиленно подготовиться против нашего восточного врага. Если же этой уверенности не будет, то направление работ должно измениться, так как степень опасности будет сильнее на западе, чем на востоке.

„Теперь настало время выяснить наше положение, чтобы работы генерального штаба могли бы быть направлены в полном единении с направлением политики, а не в разрез с ней".

Извольский подробно изложил свою политическую программу в ответном письме начальнику штаба. [1]

---

[1] От 20 сентября 1907 года. II Отд. Гос. Арх.

Он в нем высказывал свое „глубокое убеждение, что было бы крупной политической ошибкой не воспользоваться проявленным Англией желанием положить конец накопившимся между нею и Россией вековым недоразумениям и не притти к полюбовному разрешению целого ряда острых вопросов.

„Не вдаваясь в рассмотрение весьма сложных причин, которые побуждают английское правительство действовать в этом направлении, можно сказать только, что его решимость носит все признаки искренности и серьезности... Мы же стоим на Дальнем Востоке лицом к лицу с грозной политической комбинацией, англо-японским союзом, которая подвергает величайшей опасности целость нашей государственной территории. Не отрицая желательности и возможности в будущем соглашения с Японией, нельзя не высказать, что в настоящее время, когда нами еще окончательно не выполнены все возложенные на нас Портсмутским договором тяжелые обязательства, подобное соглашение едва ли возможно... Наиболее верным средством ослабить опасность, проистекающую от англо-японского союза, все-таки является соглашение с Англией, за которым втечение времени может последовать и сближение с Японией.

„Если к этому прибавить, что до сих пор английские и русские интересы сталкивались по всему гигантскому фронту от Японского моря до Финского залива, то нельзя не признать, что соглашение, способное устранить такое исторически сложившееся противоречие, имеет исключительную цену, и что ради его достижения можно решиться даже на весьма существенные уступки, тем более, что уступки эти не могут быть, конечно, односторонними и должны быть обусловлены соответственными уступками со стороны Англии.

„Наконец, устранение вековой англо-русской розни, приковывавшей наши силы к дальне- и средне-восточному театрам, позволит нам, когда наступит время, приложить эти силы к разрешению тех великих исторических задач, которые мы имеем на Ближнем Востоке и которые не сегодня-завтра могут быть поставлены ходом событий на очередь".

Обращаясь к поднятому Палицыным второму вопросу, а именно об отношениях к Германии, Извольский отмечал, что главнейшей нашей задачей должно быть поддержание с этой страной наилучших отношений, почему мы должны не только избегать прямого нарушения германских интересов, но также заботиться и о том, чтобы не вызвать какой-либо неосторожностью в германском императоре и его правительстве чувства недоброжелательства и обиды.

Свою политическую программу Извольский кончал уверением в благожелательном отношении немцев к нашему сбли-

жению с Англией, основанному на известном уже нам разговоре его с германским послом. [1]

Молодой русский дипломат, отличавшийся, судя по изданным им мемуарам, большой дозой самовлюбленности, очень оптимистически смотрел на предстоявшее ему соревнование на дипломатической почве, не учел вековой однообразной эгоистичной школы с.-джемского кабинета, правительства наиболее старой капиталистической страны, и удачно выполнил только первую половину поставленной себе задачи. Он широко пошел на уступки англичанам, не доведя дела до соответствовавших уступок и с их стороны.

Взгляд Извольского на отношение Германии к англо-русскому соглашению также отличался большой дозой оптимизма, за что ему и пришлось, как увидим ниже, пережить со стороны этой державы два года спустя неприятные минуты при аннексии Австрией Боснии и Герцоговины.

В первых числах января Извольский формулировал свою программу уже так: равновесие путем политики на Дальнем Востоке, чтобы не тратить там средств и сохранить силы для решения крупных вопросов в Европе. [2]

Между тем, морские державы, чтобы не ставить Англию в неудобное положение, решили, что ее соглашение с Россией должно пройти через русско-японское сближение, и Франция воздействовала на Японию в этом направлении тем единственным средством, которое всегда находилось в ее распоряжении, а именно банковскими операциями. Правительство республики решило не устраивать японцам займа, пока они не урегулируют свои дела с Россией. [3]

Вслед за этим и Извольский начал более милостиво относиться к соглашению с Японией. В феврале в Совете Государственной Обороны он заявил, что наши отношения с Японией налаживаются и что, с ведома ее союзницы Англии, возможна с ней конвенция. „Центр тяжести нашего влияния, — кончал Извольский, — должен быть не на Дальнем Востоке, а на Западе (спиной к обдорам, а не лицом)". [4]

С этого времени пошла усиленная работа по заключению соглашения с Японией; восторжествовала, таким образом, точка зрения англо-французов, случайно поддержанная и русским начальником генерального штаба.

В апреле соглашение с Японией занимает уже в уме русского министра как бы доминирующее место, и в особом

---

[1] Извольский—Нелидову 8 (21) ноября 1914 года. II Отд. Гос. Арх. Архив Нелидова.

[2] А. Поливанов. Мемуары, стр. 13.

[3] Из телеграммы Нелидова 11 (24) января 1907 года. Там же. Картоны: Архив Нелидова и Париж 1907 года.

[4] А. А. Поливанов. Мемуары, стр. 18.

совещании по афганским делам он соглашение с Англией ставит в обслуживающее по отношению сближения с Японией положение. „Соглашение с Японией, — докладывал Извольский, [1]—будет неполным, если мы не обеспечим себя со стороны Англии. Общее положение дел после войны и смуты заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно согласованных с действительными силами страны и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов".

Стоит ли приводить остальные варианты политических программ нового русского министра за рассматриваемые годы? Мы видим, что втечение немногих месяцев он перепархивал от Англии к Японии, от широких проблем, „завещанных историей", к реальной политике охранения своих насущных интересов. Было ли это следствием отсутствия собственной определенной программы, или влияния извне, или же желания объединить сторонников и противников соглашения с Англией и Японией,—не так важно, как важно то, что зарождение каждой политической мысли мы встречаем на берегах Темзы и Сены и не видим как в царской политике, так и в стратегии определенно поставленной себе цели и средств для ее достижения.

Объектом дипломатической переписки того времени служили персидские дела, Багдадская железная дорога и новые недоразумения между Францией и Германией в Марокко.

В начале февраля 1907 года совет министров остановился на необходимости удовлетворить давнее желание Англии о разграничении сфер влияния в Персии и на неизбежности постройки Багдадской железной дороги. [2]

А между тем, внутреннее положение в Персии принимало весьма тревожный характер. Революционное движение, руководимое молодыми персами, приехавшими из-за границы, пользовалось покровительством парламента и захватило всю страну, развившись с особой силой в ее северных провинциях. Меджилис вполне отдался в руки революционеров. [3]

Такое положение дел в Персии очевидно осложняло ведение переговоров между Англией и Россией. Первая, считавшаяся с общественным в общем либеральным мнением своей страны и с традиционной любовью сеять смуту, [4] должна была стать на почву невмешательства во внутренние дела,

---

[1] Доклад 14 апреля 1907 года на совещании по афганским делам. II Отд. Гос. Арх. Картон: Средняя Азия. 1907 г.

[2] А. А. Поливанов. Мемуары, стр. 17.

[3] Извольский—Воронцову в Тифлис 22 января 1907 года. Картон: Средняя Азия.

[4] В 1830 году, когда Европа заботилась о восстановлении порядка во Франции после революции, великобританский посол лорд Стюарт высказался русскому послу в Париже гр. Поццо-ди-Борго в том духе, что „немного междоусобной войны во Франции было бы желательно". (Мартенс: Traités avec la France").

которые по своему характеру вели к умалению в Персии влияния России. Последняя же должна была стать на совершенно противоположную точку зрения, которая выразилась в следующей резолюции Николая II на просьбе шаха о покровительстве: „Спасти Персию и престол шах может только немедленным разгоном меджилиса и прочих революционных сборищ. Это единственный мой ответ". [1]

Во всяком случае русскому послу в Тегеране было указано [2] во внутренние дела Персии не вмешиваться, но здесь же прибавлялось; что, для обеспечения наших материальных интересов и уплаты по займам, в будущем могут быть приняты активные меры, в виде занятия некоторых крупных пограничных таможен. А уже через несколько дней [3] Извольский испрашивал разрешение войти с англичанами в переговоры о занятии нами девяти таможен, для чего на Кавказе делались секретные приготовления.

Однако, различие между интересами обоих договаривающихся государств в Персии было так велико, что разногласия по разным вопросам и жалобы местных представителей друг на друга не прекращались. То русский посол жалуется на вмешательство английского консула во внутренние дела персов в Керманшахе и вызывает на своей жалобе пометку государя: „К сожалению, это меня не удивляет"; [4] то англичане жалуются на неоправдываемое будто бы обстановкой наше намерение занять Ардабиль, [5] то, наконец, опять петербургский кабинет протестует против желания Англии сохранить statu quo в Персидском заливе с признанием там за Англией специальных интересов. [6] И этими мелкими распрями наполнена вся переписка по делам Персии между Лондоном и Петербургом.

Но мы уже заметили выше, что персидские дела не были совершенно безразличны и для немцев. Поэтому, параллельно с переговорами с Англией о разграничении и определении сфер влияния для каждого государства, [7] шли переговоры и с Германией, соглашение с которой вылилось в следующую форму: [8]

---

[1] 8 декабря 1907 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Средняя Азия.
[2] Извольский—послу в Тегеране 28 января 1907 года. Там же.
[3] Доклад Извольского Николаю II 11 (30) января 1907 года. Там же.
[4] Донесение посла в Персии 7 (20) июня 1907 года № 278. Там же.
[5] Доклад Извольского 27 июня (10 июля) 1907 года с пометкой Николая II: „Лишь бы это не втянуло нас в дальнейшие действия". Там же. Телеграмма посла из Лондона 5/18 ноября 1907 года. Там же. Картон: Лондон 1917 года.
[6] Сообщение Извольского Лондонскому кабинету от 14 июня 1907 года. Там же. Извольский уверял немцев, что этим протестом он защищал германские и турецкие интересы в Персидском заливе. (Его доклад Николаю II 6 августа 1907 года о свидании в Свинемюнде).
[7] В мае 1907 года. Там же.
[8] Доклад Извольского Николаю II 6 февраля 1907 года. Там же.

1) Россия не предпримет никаких решений, касающихся Багдадской железной дороги, без предварительного обсуждения их с берлинским кабинетом, и

2) Германия признает в Персии только коммерческие немецкие интересы. Но она признает существование в Персии русских политических интересов, и такие вопросы должны быть для упрочнения общего мира разрешаемы между Россией и Англией.

Этим соглашением как бы получалась моральная санкция Германии на англо-русский договор, которой так добивался Извольский. Ввиду уступки берлинскому кабинету мы даже решили в договор с Англией совершенно не включать вопроса о Багдадской железной дороге. [1]

Этот последний в 1907 году выявился в полном объеме, как вопрос обще-европейского значения, так как все державы признали, что затормозить постройку дороги не представляется возможным.

Германия придавала особое значение северному участку до Багдада; для Англии исключительную важность имела линия от Багдада до Персидского залива и возможность соединения ее с индийскими дорогами; Франция была наиболее заинтересована как возможностью вложить в постройку дороги свои капиталы, так отчасти и сооружением разветвлений ее в сторону Сирии и, наконец, Россия стояла на отрицательной точке зрения необходимости изолирования от ее влияния Персии препятствием постройки боковых линий по северным и северо-восточным провинциям этой страны. [2]

Тем не менее лондонский кабинет продолжал относиться к идее Багдадской дороги весьма отрицательно и смотрел на нее не только как на предприятие коммерческое, но как на событие, имеющее первенствующее и весьма невыгодное для Англии значение. [3] Вильгельму же, во время пребывания его в Лондоне, было заявлено, что дорога эта имеет стратегическое значение, что она не может подпасть под контроль иностранной кампании и что вопрос о ней должен быть разрешен комиссией представителей четырех заинтересованных держав. [4]

Но отношения между Англией и Германией сталкивались не только в плоскости Багдадской дороги и персидских дел. Борьба между ними шла в мировой плоскости политико-экономической гегемонии и выливалась в массу частных столкновений по разным предметам. В вершине угла этих

---

[1] Доклад Извольского Николаю II о свидании в Свинемюнде 6 августа 1907 года. II Отд. Гос. Арх.

[2] Совещание о Багдадской дороге 14 июля 1907 года. Там же.

[3] Донесение посла из Лондона 23 февраля (8 марта) 1907 года № 4. Там же. Картон: Лондон 1907 года.

[4] То же от 5 (18) ноября 1907 года. Там же.

столкновений стоял вопрос об увеличении Германией своего флота, как реальной угрозы английскому владычеству над морями. Обмен частыми визитами между обоими монархами и взаимными любезностями между государственными людьми не уменьшал скрытой обоюдной вражды обоих правительств, которая вместе с всегдашним взаимным подозрением иногда всплывала с особой силой.

Такое, по словам нашего посла в Лондоне[1], „боевое настроение между Англией и Германией" бывало каждый год. Случилось оно и летом 1907 года, во время англо-русских переговоров, вызванное в данном случае подозрительным для Вильгельма путешествием короля Эдуарда во Францию и неудовольствием англичан на новый скачок в усилении германского флота. Граф Бенкендорф, впрочем, делал успокоительные заявления, что в данном случае дело до войны не дойдет, но взывал „к мудрому поведению государя, так как Россия, несмотря на свое ослабление, все-таки держит вопрос войны и мира в своих руках. Необходимо скорее закончить переговоры о соглашении с Англией и не делать из-за них много шума"—так кончал свое письмо большой англофил Бенкендорф, вскрывая этим настоящий смысл воззвания к мудрости Николая II.

Взаимные отношения России и Франции продолжали после японской войны сохранять свой особый колорит. Идиллия первых годов отошла в вечность, поведение Франции во время войны не могло забыться русским обществом, а недоверие весьма многих к сближению с Англией, при сознании, что этому сближению более всего способствовала Франция, подогревало еще большее недоброжелательство к союзнице России.

Петербургские газеты начали печатать статьи, направленные против франко-русского союза, что вызвало серьезный страх во французском правительстве. Министр иностранных дел республики подтвердил самым категорическим образом русскому послу,[2] что слухи о заискивании парижского кабинета перед Берлином и о финансировании Францией предприятия Багдадской железной дороги совершенно ложны. Франция более, чем когда-либо, дорожит союзом с Россией и ставит его в основу своей внешней политики. Однако, в своем частном письме наш представитель соглашался, что нападки русских газет на Францию правильны.

„Необходимо,—писал он,[3]—признаться при закрытых дверях, что поведение французского общества в отношении Рос-

---

[1] Бенкендорф — Извольскому 13 (26) мая 1907 года. II Отд. Гос. Арх. Письма Бенкендорфа.

[2] Неклюдов (Советник посольства)—Извольскому 28 июня (11 июля) 1907 года. Там же. Картон: Париж.

[3] Перевод с французского.

сии после первых серьезных неудач в японской войне дает повод к нареканиям и к очень горькой критике. „Entente cordiale“ (сердечное соглашение) с Англией, быстро сфабрикованное в то время, когда Великобритания еще горячо придерживалась интересов Японии; поведение французского правительства и его представителя в Петербурге в отношении внутренних событий в России; отказ в дальнейших кредитах помимо разрешения Думы; язвительные упреки по использованию французских капиталов на направление внутренней и внешней политики России; принятая форма редакции франко-японского договора, несмотря на наши повторные возражения,—все это можно себе объяснить, понять и даже отчасти извинить, но все это несомненно накапливает много горечи в чувствах консервативной части нашего общества, взявшего, кажется, верх в политической жизни нашей страны...

„Очень легко критиковать наше долготерпение по отношению союзника, но здесь всегда встает вопрос о наших займах и об единственном для нас парижском рынке. Кроме того, когда меняют основы длительной (vieille de quelques lustres) политики, нужно заблаговременно подготовить другие основы, что в настоящее время внутренних смут и переворотов в мировой политике может повести к неожиданным последствиям.

„Все, что можно сделать, так это честно отдать себе отчет в перемене наших отношений с Францией и, в особенности, в положении самой Франции и после этого определить без бесполезных сожалений и без опасной обидчивости (rancunes) то, что нам остается, стараясь это лучше использовать и храбро справляя траур о том, чего больше нет“.

Чувство недовольства на Францию было не чуждо и Николаю II и в данном случае вылилось в его пометке на приведенном письме: „По-моему появление таких статей периодически только полезно“.

Но в это время Россию беспокоила не только моральная сторона союза, но и те таинственные переговоры, которые велись между Францией, Англией и Испанией и окончились соглашением между этими тремя державами. Впрочем, это сближение совершенно не затрагивало русских интересов. Оно исключительно имело в виду охранение от чьих бы то ни было поползновений политического и территориального statu quo в западной части Средиземного моря и на северо-западном побережьи африканского материка.

Причина, из-за которой этот вопрос возгорелся, заключалась в том, что Вильгельм, при встрече в Кадиксе с молодым испанским королем, предложил ему заключить оборонительный и наступательный союз, при чем обещал Испании

присылку 100-тыс. корпуса в случае ее вооруженного столкновения с Францией.[1]

Сношения между Россией и Германией несколько улучшились после Биоркского недоразумения, и это улучшение закончилось свиданием обоих императоров в Свинемюнде в июле 1907 года, на котором были затронуты почти все волновавшие Европу вопросы. Отчет об этом обмене мнений,[2] представленный Извольским Николаю II, не дает того интересного материала, которого от него можно было бы ожидать, по свойственному большинству русских „diplomates de carrière" обычаю писать в таких докладах исключительно то, что они говорили, а не то, что им сообщалось.

Во время этого свидания наружно ликвидировалось натянутое отношение между двумя монархами после Биорке, и сделана попытка улучшить отношения между Францией и Германией на почве Марокко, при чем Германия подтвердила отсутствие у нее намерения делать затруднения Франции на почве мароккских дел или возбуждать против нее шерифское правительство.

В отношении переговоров с Англией Извольский вновь подтвердил, что они отнюдь не имеют целью общую политику, а только разрешение некоторых конкретных вопросов на почве азиатских дел.

По Балканским делам был установлен одинаковый взгляд на судебные реформы в Македонии и на отрицательное отношение к желанию Фердинанда сделаться царем болгарским.

Наиболее интересовал в это время русское правительство вопрос о Балтийском море. Руководящая его мысль заключалась в том, что как Россия, так и Германия заинтересованы в недопущении на нем постороннего влияния, за исключением пограничных стран, России, Германии, Швеции и Дании. Извольский полагал возможным для обеспечения здесь территориального statu quo заключение соответствующих договоров между четырьмя пограничными державами, но при условии отмены стесняющих нас обязательств 1856 года по отношению Аландских островов, что для нас необходимо для успешной борьбы против ввоза оружия с революционной целью. Германский канцлер Бюлов отнесся, по словам Извольского, самым сочувственным образом к его мыслям и уверил в полном своем согласии с нашими взглядами. Составленные русским министром по этому вопросу проекты русско-германского протокола и русско-шведского соглашения он, впро-

---

[1] Нелидов—Извольскому 14 (27) июля 1907 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Париж 1907 года.

[2] Доклад 6 августа 1907 года. Там же. Секр. отд. Картон: Доклады Извольского и Сазонова.

чем, оставил у себя для изучения, не высказав о них своего мнения.

Немцев, в свою очередь, больше интересовал вопрос о соглашении между Францией, Англией и Испанией относительно Средиземного моря. Извольский на этот раз совершенно правдиво отрицал всякое свое участие в этом деле, но, воспользовавшись случаем, поднял жгучий вопрос о проливах.

Он дал „понять“ канцлеру, что наилучшим противовесом создавшейся в одной части Средиземного моря группировке держав было бы „предоставление России возможности беспрепятственно выводить свои морские силы из Черного моря, т.-е., другими словами, пересмотр в нашу пользу постановлений Парижского трактата о турецких проливах“. Князь Бюлов, высказав в принципе полное сочувствие этой мысли, ответил, однако, что „вопрос о проливах один из тех, которые могут быть разрешены только с течением времени и в связи с естественным ходом событий“. Извольский счел „благоразумным не настаивать более на этом предмете“.

Затронуты были и внутренние русские дела. Бюлов отверг при этом „самым решительным образом легенду о том, что император Вильгельм когда-либо стремился воздействовать на эти дела и притом в реакционном смысле“. Но он относился самым сочувственным образом „к тому среднему политическому направлению, которое с такой последовательностью проводится П. А. Столыпиным и характеризуется, с одной стороны, твердостью исполнительной власти и, с другой — постепенным переустройством страны на основе дарованных вашим императорским величеством реформ“.

Англо-русская конвенция.

При таких условиях шли русско-английские переговоры, которые, однако, не встречали полного сочувствия ни в русском ни в английском общественном мнении и даже вызвали протест со стороны рабочей партии английского парламента, которая в соглашении с Россией видела укрепление существовавшего в ней правительства и отдаление времени освобождения русского народа.[1]

17 июля было подписано соглашение между Россией и Японией, а 18 (31) августа 1907 года и конвенция между Россией и Великобританией, встреченная весьма радостно французами,[2] благосклонно английской прессой, кроме радикальной,[3] и недоверчиво, сказал бы я, русским общественным мнением.

---

[1] Бенкендорф—Извольскому 30 мая (12 июня) и 4 (17) августа 1907 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Лондон 1907 года.

[2] Нелидов — Извольскому 2 (15) ноября 1907 года. Картон: Париж 1907 года.

[3] Бенкендорф — Извольскому 20 августа (2 сентября) 1907 года. Картон: Лондон 1907 года.

Англо-русская конвенция вылилась в следующую форму:[1]
Цель ее определялась искренним желанием уладить по взаимному соглашению различные вопросы, касающиеся интересов обоих государств на азиатском материке, и обязательством предупреждать всякий повод к недоразумениям между Россией и Великобританией в отношении означенных вопросов.

Персия. Обе стороны обязались уважать целость и независимость этой страны. Желая сохранения в ней порядка и мирного развития, а также постоянного установления в ней одинаковых преимуществ для торговли и промышленности всех других народов, договаривавшиеся стороны признали, однако, специальные интересы России в провинциях, смежных с ее границей, и Англии в провинциях, смежных с границами Афганистана и Белуджистана. Во избежание всякого повода к столкновению взаимных интересов в указанных провинциях постановлено:

Ст. 1-я. Великобритания обязалась не домогаться для себя и не поддерживать для других каких-либо концессий политического или торгового характера по ту сторону линии от Касри-Ширина через Исфаган, Иезд, Хакк и оканчивающейся в точке на персидской границе при пересечении ее с русской и афганской границами (все исключительно для Англии). В то же время великобританское правительство обязуется не противиться требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемых Россией.

Ст. 2-я. Те же обязательства Россия давала Англии в отношении провинций, расположенных по ту сторону линии, идущей от Афганской границы через Гащик, Бирджанд, Керман и оканчивающейся в Бендер-Аббасе.

Статьей 3-й договаривавшиеся стороны обязывались не противиться выдаче концессий английским и русским подданным на нейтральной зоне между упомянутыми в предыдущих статьях границами.

Ст. 4-я подтверждает погашение доходами от персидских таможен, рыбных ловель и почт и телеграфов процентов по займам шахского правительства в соответствующих русских и английских кредитных учреждениях.

Ст. 5-я указывала, что, в случае неисправности Персии в уплате по займам и необходимости для России установить контроль над источниками доходов, обеспечивающих правильное поступление платежей по займам, оба правительства обязуются предварительно взаимно обсудить эти меры во избежание такого вмешательства, которое не было бы согласно с принципами, служащими основанием настоящему соглашению.

---

[1] Русский перевод в приложении.

Афганистан. Ст. 1-й лондонское правительство заявляло, что оно не имеет намерения изменять политическое положение этой страны, что оно свое влияние в ней будет осуществлять только в миролюбивом смысле, и что не примет в Афганистане и не будет поощрять эту страну принимать меры, угрожающие России.

С своей стороны, петербургское правительство признавало Афганистан находящимся вне сферы русского влияния и обязывалось пользоваться для всех своих политических сношений с ним посредничеством британского правительства, не посылая в Афганистан никаких агентов.

Статьей 2-й Англия обязывалась не присоединять и не занимать никакой части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, если эмир будет исполнять принятые на себя по отношению к Англии обязательства.

Статьей 3-й было предоставлено непосредственное право русским и афганским властям входить в сношения по местным вопросам неполитического характера.

Статья 4-я признавала равенство торговых прав обеих сторон в Афганистане.

Статья 5-я определяла вступление договора в силу после ознакомления с ним афганского эмира.

В отношении Тибета соглашение признавало осуществление над ним сюзеренных прав Китая и сохранение, в виду специальных интересов Великобритании, бывшего до того времени порядка его внешних сношений.

Статья 1-я указывала территориальную неприкосновенность Тибета и воздержание от вмешательства в его внутренние дела.

Статья 2-я обязывала сноситься с ним только через китайское правительство. Исключение делалось, согласно прежним трактатам, для английских коммерческих агентов и на почве религиозной—для буддистов, подданных обеих стран.

Статьей 3-й запрещалось посылать представителей в Лхассу.

Статья 4-я обязывала не домогаться в Тибете концессий и других прав.

Статья 5-я определяла, что никакая часть доходов Тибета не может быть заложена или предоставлена ни России и Великобритании, ни их подданным.

Добавочной статьей Великобритания подтверждала очищение долины Чумбы по уплате ей установленного прежними договорами вознаграждения, при соблюдении Тибетом данных Англии обязательств. В противном случае оба правительства входят в обмен взглядов между собой.

Особой нотой оба правительства обязались не допускать втечение трех лет доступа в Тибет какой-либо научной экспедиции.

Этим и ограничивалось все, налаживаемое втечение длительного полуторогодового периода, соглашение.

Если мы вспомним записку Зиновьева, то увидим, что соглашение с Англией коснулось только тех вопросов, которые были особо интересны для англичан и в которых наше министерство решило итти на уступки, чтобы заручиться поддержкой с.-джемского кабинета в вопросах, затрагивающих жизненные интересы России. Но конвенция совершенно не коснулась последних, а первую их категорию решила исключительно в пользу Великобритании.

Англия добивалась уничтожения преимущественного влияния России в Персии и разделения ее на сферы влияния, и конвенция дала ей и то и другое в полной мере.

Англия хотела в Афганистане добиться полного протектората и поставить между этой страной и Россией непроницаемую переборку; конвенция удовлетворила и это ее желание в полном размере.

Николай II имел под влиянием группы своих безответственных советчиков (Ухтомский, Бадмаев) тяготение к активной политике в Тибете; конвенция и здесь поставила ему предел.

Россия от соглашения с Англией ничего не получила, кроме, может быть, личных обещаний английского министра; но русским дипломатам следовало бы с 1844 года [1] и Крымской войны знать, что неоформленное слово английского министра не имеет никакой цены. Все реальные выгоды соглашения были на стороне Англии; Франция же добилась идеального для себя решения вопроса, объединив для защиты своих интересов Англию и Россию, и Клемансо откровенно высказал осенью 1907 года Извольскому, что Россия своим соглашением с Японией и Англией оказала услугу Франции, столь пострадавшей от временного ослабления нашего международного положения. [2]

Немудрено, поэтому, что соглашение было встречено радостно в Париже, благожелательно в Лондоне и недоверчиво в Петербурге.

Впрочем, Извольский был им доволен. „Два года тому назад,—докладывал он на совещании 21 января 1908 года, [3]—самым острым вопросом в области внешних дел было положение на Дальнем Востоке, но, благодаря заключенным с Японией и Англией договорам, положение там значительно изменилось к лучшему. Между тем, Россия может в недалеком времени оказаться лицом к лицу с серьезными осложнениями на Ближнем Востоке, где ход событий зависит не от нас одних".

---

[1] Вера в такое слово Николая I и его министра была одной из основных причин Крымской войны. См. мою книгу „Восточная война 1853—1856 годов в связи с современной ей политической обстановкой". Том I.

[2] Доклад Извольского Николаю II в ноябре 1907 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Доклады 1907 года.

[3] О положении дел в Турции. II Отд. Гос. Арх. Картон: Доклады 1908 г.

Здесь политические разногласия так развивались, что в любой момент могли совершиться события, которые предотвратить было не в нашей воле, и с этой точки зрения Извольский придавал большое значение ожидаемой им законной помощи со стороны Франции и Англии.

Очередное совещание начальников французского и русского штабов.

Очередное совещание начальников генеральных штабов союзных армий 18/31 июля 1907 года в Петербурге между теми же лицами, Палицыным с русской стороны и Бреном с французской, ограничилось лишь рассмотрением деталей.[1]

Палицын высказал надежду, что вновь принятые меры дадут возможность сосредоточить русскую армию в значительно лучших условиях,[2] и уверил, что большая часть батарей, долженствовавших сосредоточиться на германском фронте, получила уже новую материальную часть. Однако, хотя и принимаются меры к увеличению провозоспособности железных дорог, но тем не менее нельзя избежать существования довольно большого промежутка времени между готовностью и первыми серьезными столкновениями на французском и русском фронтах. Поэтому он обращал внимание французского штаба на необходимость учесть это обстоятельство и взвесить обстановку решающего столкновения с противником.

Брен заметил, что отсрочка столкновения может создать серьезные затруднения для французской армии и было бы желательно ускорить сосредоточение русских сил.

В отношении поддержания связи было решено соединить радио некоторые французские и африканские станции с Минском, Новогеоргиевском и Севастополем.

На этом совещании были учтены также и политические колебания Италии, при чем Палицын заявил, что, если эта последняя займет в начале войны сомнительное положение в отношении Австрии, что ослабит австрийские усилия на русском фронте, то Россия будет в значительно более выгодных условиях, чтобы действовать против Германии.

Заключение.

С подписанием англо-русского соглашения окончательно закрепилась та группировка держав, с которой мы встретились к началу мировой войны. Перевес, в особенности, если принять во внимание колеблющееся положение Италии, связанной частным соглашением с Францией, находился на стороне Тройственного Согласия.

Длительность переговоров между Россией и Англией показывает, насколько были остры разногласия между обеими

---

[1] II отд. Гос. Архив. Франко-Русский Союз. Папка 1907 г.

[2] Сравнить с данными, помещенными в моем труде: „Подготовка России в военном отношении".

странами на всем большом протяжении русских границ и насколько трудно было найти равнодействующую для удовлетворения интересов той и другой.

Англия не могла оказать никакой реальной активной помощи России во время европейской войны против ее главных врагов; она играла только роль страховки нашего тыла со стороны Дальнего Востока. Россия, напротив, играла доминирующую роль в борьбе Франции и Англии с Германией, и роль эта была так велика, что навряд ли морские державы рискнули бы на подобную войну без России.

Обе стороны шли на соглашение с желанием сделать друг другу большие уступки, но только чтобы достигнуть положительных результатов. Мы видели те уступки, которые русское министерство иностранных дел предполагало сделать, и те выгоды, которые оно надеялось получить. Договор коснулся только уступок, сделанных весьма широкой рукой, но он совершенно не коснулся улучшения положения царской России ни в Азиатской Турции, ни в проливах, ни на Балканах. Все это оставалось в виде надежды на будущее.

В дальнейший этап политической подготовки Россия вступала, таким образом, в худшей обстановке, чем ее союзники, французы и англичане.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПЕРВЫЙ БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС. ПРОЛОГ И НАЧАЛО (1908—1909 гг.).

Значение 1908 года в политической жизни Европы. Взаимные отношения европейских держав в начале 1908 года. Положение в Малой Азии. Политическая программа Извольского. Пролог первого балканского кризиса. Сношения России с Австрией, предшествовавшие аннексии Боснии и Герцоговины. Свидание в Бухлау. Проект русско-турецкого договора. Письмо Франца-Иосифа к Николаю II. Аннексия Боснии и Герцоговины. Заключение. Очередное совещание начальников русского и французского штабов.

Значение 1908 г. в политической жизни Европы.

Между заключением англо-русской конвенции, образованием, таким образом, Тройственного Согласия в противовес Тройственному Союзу и началом мировой войны прошло ровно семь лет. Это был последний период подготовки к войне, период, когда война чувствовалась в воздухе и могла нагрянуть каждый день из-за какой-нибудь ничтожной причины.

Подразделению великих держав на Согласие и Союз предшествовало подразделение мирового капитала на две соответствующих группы для разрешения широких экономических проблем путем миролюбивого разделения экономических благ между членами каждой группы и отвоевания их дипломатическим и в крайности вооруженным путем у членов враждебных группировок. И в этом отношении в воздухе также запахло войной.

Итак, широкие экономические проблемы вызвали объединение капитала в мощные группы; как средство для страховки такого объединенного капитала и как орудие для борьбы за новые экономические достижения, явилась соответствующая группировка держав, группировка более или менее одинаковой мощности, а результатом таких двух объединений была неминуемая война. И Европа втечение последних семи лет переживала кризис за кризисом, жила в тревожной обстановке неуверенности в завтрашнем дне и дошла до такого нервного тупика, когда скорейшая война могла сделаться избавлением от невыносимого, абсурдного положения, к которому власть финансовых заправил привела народы Европы.

Непосредственным началом мировой катастрофы поистине следует признать 1908 год.

В каком же направлении должна была итти дальнейшая борьба? В результатах достигнутого можно отчасти предвидеть и ход последующих событий.

Взаимные отношения европейских держав в начале 1908 года.

Англо-русское соглашение в начальном своем периоде явилось еще не совсем крепкой спайкой задуманного Англией политического окружения Германии, и в это время наибольшие выгоды от такого соглашения выпадали исключительно на долю Франции.

Сохранив во время русско-японской войны свою политическую невинность в отношении Англии и Японии, она, предоставив смелой финансовой комбинацией 1906 года России, которая бурлила еще в котле революции, $2^1/_2$-миллиардный заем и сделав этим ставку на царское правительство, привязала его к себе. Таким образом, Франции удалось совершенно переменить физиономию франко-русского союза, переведя Россию из положения равноправной стороны на положение стороны, обслуживающей французские интересы.

Франция достигла той политической формулы, которая рисовалась ей в наиболее идеальном виде—не Петербург или Лондон, а тот и другой. И Франция, не скрепив еще твердым цементом новое выгодное политическое положение, решила почить на лаврах.

Русский посол в Париже давал в двух своих письмах соответствующую характеристику французского правительства того времени.

„В силу создавшегося здесь внутреннего положения,[1]—писал посол,[2]—и принятого республикой политического направления, поддержка нашей политики (на Ближнем Востоке), не может быть деятельной.

„В области внешних сношений первое место занимают для Франции ее отношения к Германии и, как средство обеспечения с этой стороны, стоит союз с Россией, соглашение с Англией, а также сохранение дружеских отношений с Италией. Кроме того, ее занимает мароккский вопрос и сохранение дальневосточных владений. На Балканах она идет за нами, в колониальных делах поддерживает единение с Англией, а в Турции ее влияние отошло на задний план.

„При таких условиях мы, несомненно, можем иметь в виду поддержку Франции, в особенности, если наши действия будут согласны с видами Англии. Но рассчитывать на Францию, как на силу, кажется мне едва ли верным. Сохранить

---

[1] Влияние левых партий с Жорресом во главе.

[2] Нелидов—Извольскому 6 (19) марта 1908 года. № 22. II Отд. Гос. Арх. Картоны: Париж 1908 года.

союз все-таки необходимо, ввиду, особенно, надвигающейся опасности возникновения во всей широте жизненного для нас Восточного вопроса".

Особых иллюзий, таким образом, у русского представителя в отношении того, что может дать союз с Францией в отстаивании русских интересов, не было. Еще большим пессимизмом проникнут его следующий доклад: [1]

„Французское правительство с некоторых пор относится довольно безразлично к мировым и даже общеевропейским делам, непосредственно не затрагивающим его выгод; в интересующем же Францию мароккском вопросе Англия не желает принимать деятельного участия. В отношении же Германии французы так боятся всего, что могло бы их вовлечь в затруднения, и так ясно сознают свою слабость перед врагом, который, в случае одержания над ним победы английским флотом, вознаградит себя за потери на счет западного соседа, что мне представляется совершенно немыслимым, чтобы правительство республики могло связать себя какими-либо обязательствами, которые имели бы в виду нарушение в этом направлении европейского мира".

Англия также не могла жаловаться на достигнутые ею к 1908 году политические результаты.

Поставив себе определенную конечную цель борьбы с наиболее опасным противником, каковым в данное время была Германия, Англия, как опытный стратег и политик, все подчинила достижению главной своей задачи и шла к этой цели широким размахом, стараясь в этот первый период англо-русского сближения укрепить его фундамент. „В отношениях Англии к России,—доносил русский посол в Лондоне,[2]—произошла большая перемена в лучшую сторону, и все указывает на прочность этого нового направления".

Эдуард VII, этот безусловно выдающийся дипломат своего времени, усердно работал над скреплением Тройственного Согласия между прочим и своим личным влиянием. 1908 год отмечен в этом отношении свиданием с президентом французской республики и, главное, визитом его в Ревель на свидание с Николаем II, визитом, как увидим ниже, наделавшим много шума в Европе.

Дружеская программа, преподанная им петербургскому кабинету в отношении политического поведения этого последнего, отличается не только жизненностью, но и правдивыми остроумными характеристиками:

„Tachez donc de mieux vous arranger avec la France,—сказал он русскому послу.[3] — Soyez bien avec l'Allemagne, mais ne

---

[1] От 29 мая (11 июня) 1908 года. № 45. II Отд. Гос. Арх.

[2] Бенкендорф—Извольскому 13 (26) мая 1908 г. № 28. Там же. Картон: Лондон 1908 год.

[3] Бенкендорф—Извольскому 6 (19) февраля 1908 года. Там же.

leur sacrifiez pas la France. Ils ont besoin d'y voir clair et ils me semblent bien inquiets...

Je connais Paris: ils sont gens à perdre la tête". [1]

Эдуард и сам придерживался такой же политики в отношении Германии и России. Несмотря на возражение палат, морской бюджет на 1908 год был уменьшен, чтобы не раздражать немцев и показать им свое миролюбие. [2] В отношении же России замечалось не только миролюбивое, но и уступчивое отношение ко всем выступлениям этой державы в Персии и в Малой Азии, столь мало соответствовавшим взглядам лондонского кабинета. Наконец, солидарность в балканской политике была подтверждена в тронной речи короля в отношении согласия держав на судебную реформу в Македонии. [3]

И такие уступки в пользу России были вполне своевременны, так как англо-русское соглашение далеко еще не пустило в России глубоких корней даже в сердце Николая II. По мелкому вопросу о возобновлении контракта с английской компанией на телеграфное сообщение Одесса—Константинополь он положил, например, резолюцию, не характеризующую его дружественных чувств к англичанам: „Я не согласен на оставление телеграфного сношения между Россией и Турцией в руках английской компании". [4]

Совершенно в ином положении оказалась Германия, которая вступала в 1908 год, понеся в лице англо-русского соглашения серьезное политическое поражение.

Вся ее политика со времен Бисмарка заключалась в том, чтобы не допустить на континенте Европы сильного враждебного Германии объединения держав, т.-е. фактически России и Франции. Этот ход берлинского кабинета был окончательно бит в 1893 году. Следующий его шаг заключался в том, чтобы разрушить союз этих держав. Обстоятельства помогли немцам в лице русско-японской войны и поведения во время нее Франции и Англии. Вильгельм очень удачно подводит Николая II к соглашению в Биорке, но в последнюю минуту и этот маневр срывается, а вслед за этим, хоть и с трудом, но налаживается объединение враждебных Германии держав в Тройственное Согласие, и она была в праве считать себя политически окруженной.

---

[1] „Постарайтесь лучше устроиться с Францией. Будьте в хороших отношениях с Германией, но не жертвуйте для этого Францией. Французы должны быть в этом уверены и это их очень беспокоит. Я знаю парижан: они люди, теряющие голову".

[2] Бенкендорф—Извольскому 20 февраля (4 марта) 1908 года. II Отд. Гос. Арх.

[3] То же 23 января (5 февраля) 1918 года. № 6. Там же.

[4] На докладе Извольского 30 января 1908 года. Там же. Картон 14: Ближний Восток.

Дальнейшая линия поведения Германии ясно определялась необходимостью расколоть Тройственное Согласие дипломатической игрой или даже вооруженным нападением Объектом таких действий должны были служить Франция или Россия, а поводом для борьбы те вопросы, которые не только не могли объединить всех членов Согласия, но отчасти могли вызвать и соперничество их между собою. Таковыми были в отношении России Балканы, Персия и Малая Азия и в отношении Франции Марокко. Сюда берлинский кабинет и направил поочередно свои удары, начиная с Балкан, на которых ему было более удобно первоначально действовать через послушную ему во всем Австрию. И, действительно, втечение последних семи лет перед войной события на Балканах вперемежку с вылазками в Марокко волновали всю Европу и довели ее до катастрофы.

Переходя к России, можно отметить, что она вошла в состав той единственной политической комбинации, которая оставалась ей по наследству после девятнадцатого столетия. Союз трех императоров, давший трещину во время Крымской войны, потерял свой смысл после Берлинского конгресса и окончательно развалился в 1887 году. Россия перешла к союзу с Францией, который подвергся серьезному испытанию во время японской войны, когда петербургское правительство находилось на один шаг от объединения с Германией. Биоркский договор сделал в дальнейшем невозможным для России продолжать политику колебаний; она решительно стала на сторону морских держав, установив ту комбинацию, которую лелеял в своих мечтах Наполеон III и которой был не чужд Николай I.

1908 год застает Россию уже в составе Тройственного Согласия, но временно обессиленной в военном и политическом отношениях. Она вступила в этот год, не изжив традиционного недоверия к Англии, несколько разочаровавшись во Франции и не потеряв всех симпатий, подогретых во время японской войны, к Германии. Она находилась, благодаря торговому договору 1904 года, в экономической кабале у Германии и, благодаря $5^1/_2$-миллиардному долгу,[1] в финансовой кабале у Франции.

Для того, чтобы сохранить при таких условиях свою политическую самостоятельность, необходимо было не только дипломатическое искусство, но и строго определенная линия своего поведения. Навряд ли нам удастся найти в дальнейшем изложении и то и другое.

Повернувшись „спиной к обдорам“, царская Россия хотела начать свою самостоятельную активную политику и на

---

[1] Наш долг по докладу министра финансов в 1908 году достигал этой цифры.

Балканах и в Малой Азии, а с 1910 года вновь потянулась к Дальнему Востоку, не добившись никаких реальных результатов, став послушным орудием в руках своих союзниц и послужив формальным источником войны в то время, когда европейский капитал был готов на вооруженное мировое столкновение.

Положение в Малой Азии.

Положение бурлящей в котле революции Персии к началу 1908 года осложнилось и активным выступлением на ее границе Турции.

Набеги курдов в пограничные персидские области, входившие в сферу влияния России и соприкасающиеся с ее границами, приняли размеры, далеко превосходившие обыкновенное местное нарушение границ, а по уклончивым ответам турецкого правительства, заставляли думать, что эти набеги имеют определенное враждебное России назначение. Многие видели в них не без основания направляющую руку Германии.

Сведения в Петербург о происходившем на турецко-персидской границе стекались по двум руслам: министерства иностранных дел и военной агентуры и разведки.

Начальник генерального штаба Палицын, весьма ревниво относившийся к сохранению нашего выгодного стратегического положения на кавказской границе, не только начал принимать меры, без сношения с министром иностранных дел, по подготовке к войне на Кавказе, но и испросил повеление верховной власти, при каком количестве собранных турками на азиатской границе войск следует объявить частную мобилизацию и при каком объявить Турции войну. Главные руководители будущего разгрома Оттоманской империи обсуждали уже вопрос, брать ли Константинополь или ограничиться наступлением со стороны Кавказа в то время, когда руководитель внешней политикой страны находился в полном неведении о принятых грозных решениях. [1]

Случайно вопрос об осложнениях на Кавказской границе своевременно попал на суждение совета министров, получил здесь планомерное направление и дал нам возможность познакомиться с политическим credo министра иностранных дел Извольского.

Политическая программа Извольского.

В длинной своей речи [2] Извольский ознакомил собрание с общей политической обстановкой и с ближайшими задачами России.

Осложнения на Ближнем Востоке особенно беспокоили министра, так как там, помимо наших желаний, могли в любой момент совершиться такие события, предотвратить которые было не в нашей воле.

---

[1] А. А. Поливанов. Мемуары. Дневник за 1908 год.

[2] Журнал заседания совета министров 21 января 1908 года. II отд. Гос. Арх. Картон: Средний Восток. Доклады 1908 года.

„Исторические задачи России,—докладывал министр иностранных дел,—на турецком востоке и традиции нашего прошлого поставят ее, в случае таких осложнений, в особенно затруднительное положение". Извольский далее почему-то думал, что, если Россия, ослабленная войной и с расстроенной армией, временно устранится от активной роли на Балканах, то она рискует разом потерять „плоды вековых усилий, утратить роль великой державы и занять положение государства второстепенного значения, голос которого не слышен".

Такие перспективы падения России естественно подготовляли слушателей в пользу принятия плана активной политики на Ближнем Востоке. Этим планом и руководилась наша дипломатия во все время пребывания Извольского на министерском посту.

К началу 1908 года тревожные симптомы обнаруживались, по докладу Извольского, на двух фронтах—персидском и балканском.

На первом активные действия турок угрожали стратегическим интересам России и в дальнейшем своем развитии были способны неблагоприятно отразиться на ее престиже.

На балканском же театре источниками возможных осложнений являлся вопрос об улучшении быта христианского населения Македонии совместно с намерением Болгарии вооруженной рукой вмешаться в это дело.

Извольский не оправдывал здесь осторожную охранительную политику своего предшественника графа Ламздорфа, который стремился сдерживать Болгарию и вместе с тем поддерживал соглашение с Австрией. Такая политика носила, по мнению энергичного министра, чисто отрицательный характер, не способный привести к благоприятному, с точки зрения „русских исторических интересов", разрешению балканских вопросов; но зато она имела одно в глазах Извольского преимущество „замораживания этих вопросов". „Во всяком случае, — кончал министр, — это не политика серьезных успехов на пути к основным целям, нами преследуемым".

А между тем, со стороны Австро-Венгрии, не стесненной более договором с Россией, срок которого истек в 1907 году, и не сдерживаемой Германией, было заметно желание развить активную на Балканах политику, для достижения своих частных, „эгоистических стремлений". Австрийский-министр иностранных дел Эренталь развил перед делегациями широкий план экономического и культурного, а в действительности, и политического воздействия на Балканском полуострове.

В данном случае это пока выражалось в желании развить железнодорожное строительство в Санджаке и далее к морю.

Другим серьезным вопросом на Балканах был вопрос о македонских реформах, проведению которых Турция была

намерена оказать серьезное сопротивление. Единственным средством побудить Порту к уступчивости могла служить, по мнению Извольского, военная демонстрация, для которой требовалось не существовавшее единодушие всех держав. Крушением же европейской программы реформ наносился существенный нравственный ущерб прежде всего России, которая являлась традиционной защитницей угнетаемых славянских народностей Турции.

Однако, обращаясь взором к Европе, Извольский не находил среди великих держав союзников в своем плане энергичного воздействия на Турцию. Германия, жаловался он, всегда подстрекала Порту к сопротивлению; Австрия может из-за своих частных целей оказаться солидарной с Турцией, на Францию и Италию рассчитывать трудно, и только можно было при известных условиях искать выхода из создавшегося положения в тесном сближении с Англией.

Извольский усматривал в намеках великобританского посла на общность интересов обеих держав на Ближнем Востоке „возможность скомбинировать совместные, даже военного характера, мероприятия двух государств в Турции". Подобная политика представлялась Извольскому весьма заманчивой, и он рекомендовал ее „при благоприятных условиях, как способную привести к блестящим результатам и содействовать осуществлению исторических целей России на Ближнем Востоке".

Но надо отдать справедливость Извольскому, что он сознательно относился к тому обстоятельству, что все вопросы, касающиеся Турции, тесно связаны между собой, и агрессивные действия на азиатской границе Турции могут повлечь за собой осложнения и на Балканах. Болгария и Турция готовились к войне, а военная демонстрация России на азиатской границе могла быть признана княжеством за сигнал наступления, при чем „интересы России могли потребовать ее вмешательства в распрю".

Наметив, таким образом, несколько „черных точек" на политическом горизонте России, он призывал собрание отдать себе отчет в том, какое положение можем мы занять, в случае грядущих осложнений. „Должна ли Россия,—патетически восклицал Извольский,—отнестись к ним пассивно, сделать все, чтобы избежать затруднений и не быть вовлеченной в борьбу? На этом пути нельзя ждать успехов и правильного ограждения русских интересов. Заняв такую позицию, мы выйдем из будущего политического кризиса уменьшенными, не будем больше великой державой. Или, быть может, мы не находимся ныне уже в таком положении, чтобы следовало во что бы то ни стало отказываться от активной политики?"

Я нарочно привел почти дословно речь Извольского, так как в ней он высказал всю свою программу, которой он сле-

довал иногда тайно, иногда явно, иногда прямым путем иногда кривыми зигзагами и, когда потерпел крушение, наткнувшись на более ловкого и бесцеремонного Эренталя, то вольно или невольно втянул в нее и своего преемника Сазонова.

Дальнейший обмен мнений выяснил печальное еще состояние русской армии и вылился в следующее резюме председателя совета министров Столыпина:

„В настоящее время министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. Новая мобилизация России придала бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить. На этом пути достигнуты серьезные успехи; Россия проявила удивительную живучесть и снова собирается с силами. В такую минуту нельзя решаться на авантюры или даже активно проявлять инициативу в международных делах. Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она повлекла бы за собой опасность для династии. В руках министра иностранных дел теперь рычаг без точки опоры, но России необходима передышка, после которой она укрепится и снова займет принадлежащий ей ранг великой державы". [1]

Пролог первого балканского кризиса.

Но Извольский не внял голосу объединенного правительства, и если правительство отказалось от вооруженных демонстраций, то Извольский далеко не отказался от активного направления своей политики в делах Ближнего Востока.

А между тем обстановка для этого была сложна и совершенно не благоприятствовала авантюрам ввиду отсутствия опоры в соответственно подготовленной вооруженной силе.

Отношения России, Франции и Англии мы уже охарактеризовали; наибольшие надежды Извольский возлагал на Англию, но и здесь взгляды по многим вопросам обоих правительств были диаметрально противоположны, а часть английского общества продолжала очень недоверчиво относиться к соглашению с Россией. [2]

Грей решил поддерживать дипломатическим путем все наши представления в Константинополе по поводу недоразумений на персидско-турецкой границе, но доводить дело до открытого разрыва не хотел. Он считал все турецкие вопросы в общем настолько важными, что нельзя было ни одного из них решать в отдельности. Грей вообще относился весьма подозрительно к частным соглашениям какой-либо

---

[1] Полный текст этого совещания помещен в № 1 Вестника Народного Комиссариата иностранных дел в статье М. Покровского „Три совещания".

[2] Бенкендорф—Извольскому 5 (18) февраля 1908 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Лондон 1908 года.

державы с Турцией, считая это враждебным по отношению к Англии актом.[1] В частности Грей относился критически и к совместной работе Австрии и России по успокоению Македонии и проведению в ней реформ, пророчески видя за спиной Австрии направляющую и поощряющую руку Германии.[2]

И, действительно, как только Извольский прекратил ламздорфскую систему замораживания балканских дел, то тесное общение с Австрией там прекратилось, и Извольский в своей балканской активной политике остался один против этой державы, так как почему-то считал в таком случае „неудобным резко поддерживать совместные с Англией и Францией действия на Балканах".[3]

В персидских делах, шедших под знаком династической борьбы и курдских грабежей, поддержанных турками, обоюдное согласие между Англией и Россией также не легко достигалось, все благодаря тому же различию во взглядах на вмешательство во внутренние дела. Грею с трудом приходилось удерживать излишний в этом отношении пыл не только местных русских властей, но иногда и центрального правительства.[4]

Наименьшее разногласие вызывалось во взгляде на Багдадскую железную дорогу, так как англичане никоим образом не хотели допустить проникновения чисто германского предприятия к Персидскому заливу,[5] а мы—приблизить его к нашим границам с Турцией и Персией.

Во время свидания в Ревеле статс-секретарь по иностранным делам сэр Ч. Гардинг предложил Извольскому для противодействия Багдадской дороге получить от Персии концессию на проведение сплошной рельсовой линии от наших Закавказских дорог до Мохамира на Персидском заливе, разделив концессию между обоими государствами по сферам влияния. Такая линия должна была установить кратчайшее сообщение между Европой и Индией через Персидский залив и лишить всякого международного значения Багдадскую дорогу.[6]

Англия, давши России совет хорошо обходиться с Германией, и сама, как мы уже видели, следовала этому совету, но тем не менее подозрительность берлинского кабинета ко

---

[1] Бенкендорф—Извольскому 15 (28) января 1908 года. II Отд. Гос. Арх.
[2] То же 17 (30) января и 4 (17) февраля 1908 года. Там же.
[3] Извольский—Нелидову 11 июня 1908 года № 776. Там же. Картон: Париж 1908 года.
[4] Извольский—Бенкендорфу 4 июля 1908 года. Там же. Картон: Лондон 1908 года.
[5] Нелидов—Извольскому 29 мая (11 июня). 1908 года № 45. Там же. Картон: Париж 1908 года.
[6] Доклад Извольского Николаю II 3 июня 1908 года. Там же. Картон: Доклады 1908 года.

всему тому, что делалось в противном лагере, была очень велика. Страх, в котором сознавался еще Бисмарк, а именно страх к враждебным коалициям и разным таинственным комбинациям на политическом горизонте Европы, был не чужд и Вильгельму. Впрочем, он был присущ в известной степени и другим кабинетам.

Поэтому всякое свидание глав государств или государственных деятелей отдельных стран друг с другом всегда вызывало возбуждение во всей Европе и влекло за собой ряд объяснений.

В мае 1908 года состоялся чуть ли ни первый за все время визит английского короля Эдуарда в Россию на свидание с Николаем II в Ревеле.

Этот естественный акт родственной вежливости разросся в политическое событие первостепенной важности. Поездка короля, открыто обсуждаемая общественным мнением страны, предшествовавшее ей свидание Эдуарда с президентом французской республики Фальером и только что заключенное соглашение с Россией заставляли предполагать в этой поездке что-то таинственное и, естественно, направленное против Тройственного Союза и в частности против Германии. Вильгельм начал нервничать, и в воздухе запахло порохом.

Положение было настолько серьезно, что русский посол при берлинском дворе приехал в Петербург для личной информации.

В особой записке [1] Остен-Сакен докладывал, что новые группировки держав вызвали в общественном мнении Европы опасение за устойчивость европейского равновесия. Особенно тревожное настроение замечалось в Германии, ревниво следившей за всяким шагом Англии и в каждом поступке и договоре ее склонной видеть попытки изолирования Германии.

Сближение России с Великобританией было встречено в Берлине с тем большим неудовольствием, что разлад между Россией и Англией служил отправным пунктом для всей германской политики. Но все раздражение немцев обрушилось почему-то исключительно на Россию и нашло отголосок в самом Вильгельме и во многих военных кругах. При увлекающемся характере германского императора и отлично подготовленной армии опасность для мира была велика.

Остен-Сакен обращал особое внимание правительства на создавшееся острое положение и призывал действовать с особой осторожностью тем более, что Россия, не склоняясь явно ни на одну из сторон, могла бы использовать соперничество между Германией и Англией „с большой для себя выгодой".

---

[1] Записка от 27 мая 1908 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Доклады 1908 года.

Создавшееся положение волновало и Извольского, который успокаивал германского посла по поводу Ревельского свидания уверением, что „мы не помышляем сойти с почвы наших конкретных соглашений с Англией и вступать в новые политические комбинации общего свойства и менее всего в такие, которые могли бы противоречить нашим искренним дружеским отношениям с Германией". [1]

Вильгельм был так раздражен, что отклики на Ревельское свидание продолжались втечение целого лета, в виде даваемых им интервью и даже делаемых инсинуаций на короля Эдуарда. [2]

Между тем, Ревельское свидание, судя, по крайней мере, по словам доклада Извольского, [3] не должно было внушать беспокойства другим державам. Что касается специально до Германии, то великобританское правительство желало самым искренним образом поддерживать с ней наилучшие отношения и не предвидело в ближайшем будущем никаких поводов к обострению англо-германских отношений. Однако, статс-секретарь по иностранным делам поведал Извольскому, что „нельзя закрывать глаза на то, что, если Германия будет продолжать увеличивать тем же напряженным темпом свои морские вооружения, то через 7 или 8 лет в Европе может наступить весьма тревожное и натянутое положение".

Сэр Ч. Гардинг закончил свое пророческое предсказание указанием на то, что в таком случае Россия, несомненно, окажется арбитром положения, почему Англия „в интересах сохранения равновесия и мира самым искренним образом желает видеть русское государство как можно более сильным на суше и на море".

Одновременно Грей высказывал подобные же мысли русскому послу Бенкендорфу: [4] „Une Russie puissante est une necessité pour l'equilibre de l'Europe; c'est un facteur, dont l'Europe ne peut pas se passer sans danger pour la paix".

Аргументация, соблазнительная для министра, обуреваемого жаждой деятельности для продвижения вперед

---

[1] Доклад Николаю II 3 июня 1908 года. II Отд. Гос. Арх.

[2] „Мы узнали,—писал канцлер Бюлов послу Пурталесу из Берлина 15 июля 1908 года № 146,—что английский король, чтобы оттолкнуть Николая II от Вильгельма, уверил, что проект Санджакской дороги исходит из Берлина и внушен Вене. Пурталесу было приказано в особой аудиенции опровергнуть это". „Какой вздор", написал на докладе Николай II. (Там же. Картон: Доклады).

[3] Доклад Николаю II с резюме бывших во время Ревельского свидания разговоров. Там же.

[4] Бенкендорф—Извольскому 24 июня (7 июля) 1908 года. Там же. Картон: Лондон, 1908 года.

[5] „Мощная Россия необходима для европейского равновесия; это тот фактор, без которого Европа не может обойтись без риска для европейского мира".

заглохших при его предшественниках „великих задач, завещанных нам историей".

Сношения России с Австрией, предшествовавшие аннексии Боснии и Герцоговины.

Широкие экономические проблемы, нарисованные австро-венгерским министром иностранных дел бароном Эренталем перед народными представителями, совпали с младотурецкой революцией в Турции, которая должна была обострить и без того тревожное положение. Англия и отчасти Франция с симпатией отнеслись к новому прогрессивному турецкому правительству, от которого ожидали улучшения положения христианского населения, что, в свою очередь, делало менее жгучим вопрос о реформах. С другой стороны, от возрождаемой Турции можно было ожидать более активной политики в отстаивании своих жизненных интересов.

При подобной обстановке барон Эренталь решил поднять вопрос об окончательном присоединении к Австрии оккупированных ею по Берлинскому трактату турецких областей Боснии и Герцоговины.

Напомним, что права Дунайской империи на этот акт подтверждались именно со стороны России договором 1881 года и соглашением 1897/1898 годов.

Добавочная статья первого из них определяла право Австро-Венгрии на аннексию Боснии и Герцоговины в любой момент и гарантировала даже сохранение прежнего положения в Новобазарском Санджаке, т.-е. содержание там австрийских гарнизонов. 3-й же пункт последнего соглашения требовал полного уважения к ненарушимости приобретенных Австро-Венгрией в силу Берлинского трактата прав в Боснии и Герцоговине, при чем указывалось, что этот вопрос вообще не подлежит и не может подлежать обсуждению.

1 мая барон Эренталь, начиная свою широкую железнодорожную политику с целью выхода к Адриатическому морю и войдя в сношение с Портой относительно концессий на постройку железной дороги в Новобазарском санджаке, пожелал обменяться с Извольским мнением для установления единства взглядов по трем вопросам: 1) о балканских железных дорогах, 2) о соглашении 1897 года между Австрией и Россией и 3) о реформах в Македонии.

Извольский в ответной ноте от 19 июня 1908 года изложил русскую точку зрения, с которой, как с отправной во всем будущем инциденте, приходится познакомить читателя более подробно. [1]

1) По вопросу о балканских железных дорогах Извольский предупреждал своего корреспондента, что он воздержался от всяких противодействий к получению австрийцами концес-

[1] Подлинный французский текст помещен в приложении № 6.

сии на железную дорогу в Санджаке не на юридическом основании Берлинского трактата, а ввиду искреннего желания дать доказательство своего расположения и пользуясь тем, что соглашение 1897 года не установило никакого ограничения в экономической деятельности договаривавшихся сторон.

„Австро-Венгерское правительство,— добавлял Извольский,—было в праве искать на Балканском полуострове концессию, полезную для развития его экономических интересов, так же, как в праве это сделать другие державы, и в первую очередь балканские, в поисках на полуострове подходящих им железнодорожных концессий". Высказывая такой взгляд, Извольский приводил историческую справку, из которой видно, что он по этому вопросу стоит на менее непримиримой точке зрения, чем стояли его предшественники.

Вместе с этим петербургский кабинет с особым удовлетворением принимал заявление венского кабинета о той симпатии, с которой этот последний относится ко всем железнодорожным проектам на Балканах, уверенный, что постройка рельсовых путей есть лучшее средство для экономического развития.

И, наконец, петербургский кабинет выражал надежду, что когда образуется международный синдикат для постройки и эксплоатации линии, соединяющей Дунай с Адриатическим морем через сербский пограничный пункт Мрдар, и этот синдикат будет просить у Порты соответственных концессий, то венский кабинет поддержит эту просьбу. С своей стороны, петербургский кабинет воздержится от всяких возражений против соединения Враца—Митровиц.

2) В отношении соглашения 1897 года Извольский констатировал однородность взглядов обоих правительств на верность принципу незаинтересованности, но признавал полезным уточнить некоторые пункты соглашения.

„Мы должны прежде всего признать,—писал Извольский,—полное сходство во взглядах на необходимость поддерживать существующее statu quo так долго, как обстоятельства это позволят, [1] и установить возможность соглашения между Россией и Австро-Венгрией для устранения случайностей, которые могут обрушиться (surgir) на Балканский полуостров.

„В этом смысле может быть ясно выражено, что действующее statu quo включает соединение оттоманских рельсовых путей в Македонии как с боснийскими через Новобазарский Санджак, так и с другими балканскими дорогами, примыкающими к Адриатическому побережью".

Далее Извольский касался вопроса об аннексии Боснии и Герцоговины и подтверждал взгляд русского правительства,

---

[1] Курсив подлинника.

что всякое изменение в статье 25-й Берлинского трактата рассматривается им, как имеющее в высшей степени европейский характер, и не может быть разрешено частным соглашением между Россией и Австрией. „Мы готовы признать,—писал Извольский,—что такое же ограничение относится и к вопросам о Константинополе, о прилегающей к нему территории и о проливах".

Однако, высказав такой определенный взгляд русский министр иностранных дел намекал на то, что он не прочь дружественно обсудить оба упомянутые вопросы в общей связи (т.-е. аннексию и проливы) ввиду их чрезвычайной важности для России и Австрии.

3) В вопросе о реформах в Македонии разногласия между обоими правительствами не замечалось, и Извольский предполагал заняться редактированием проекта, который послужил бы базой для дальнейших совместных действий в Константинополе.

Нота Извольского, если откинуть условный дипломатический язык, сводилась к двум главным пунктам выдвигаемого им способа борьбы против поступательного движения австрийцев на юг Балканского полуострова.

Замораживающая политика Ламздорфа противилась проведению Австрией железной дороги в Санджаке; Извольский со своей активной политикой отнесся к ней снисходительно, но решил бороться с экономическим и политическим влиянием этой дороги широким железнодорожным строительством международного характера с участием в нем и балканских государств. Этим ловким ходом, весьма схожим с ходом держав Согласия в отношении Багдадской дороги, Извольский выбивал из рук Австрии единоличное хозяйничание в экономическом отношении в юго-западной части полуострова, выдвигая в противовес влияние Сербии и международного или в данном случае англо-французского капитала.

В отношении аннексии Боснии и Герцоговины Извольский поступил не менее остроумно. Не отказываясь от обещаний, данных его предшественниками, русский министр перенес вопрос в плоскость его европейского значения, связанную с необходимостью пересмотра Берлинского трактата. Выгода такого пересмотра заключалась в том, что на нем было бы вполне уместно поднять вопрос и о проливах, а соглашение с Англией и союз с Францией делали не безнадежным разрешение вопроса о проливах в более выгодную для России сторону, чем он находился в то время.

Но в своей ноте Извольский не выдержал характера и открыл карты противнику. Способы борьбы за экономическое преобладание, этого фундамента политической власти, а также за Боснию и Герцоговину стали ясны Эренталю и были лишены для него неожиданности. Упоминание же

в статье о железнодорожном строительстве о праве на него балканских государств указывало австрийцам и на главного русского контрагента на Балканах, каковым по сложившейся политической обстановке могла быть только Сербия.

С другой стороны, русский министр испортил весь тон своей ноты упоминанием о Константинополе и о проливах, а также своим откровенным намеком на необходимость обсудить совместно вопросы об аннексии Боснии и Герцоговины в связи с вопросом о проливах. Извольский вступил на путь компромиссов, Эренталь с удовольствием увлек его на этот путь и, увидим ниже, победил его на нем.

Свидание в Бухлау.

Вскоре после изложенных переговоров Извольский поехал в ежегодное турнэ по европейским дворам, но на этот раз его поездка началась несколько оригинально.

Австрийский посол при петербургском дворе граф Бертхольд пригласил его провести несколько дней в замке Бухлау, куда, вдали от нескромных глаз столичных корреспондентов, съехались и министры иностранных дел Италии и Австро-Венгрии, Титтони и Эренталь. Начавшееся уже сближение Италии с Россией, намеки Извольского Эренталю о желательности дружеского обмена мнений насчет Боснии и Герцоговины совместно с проливами и ближайшая заинтересованность в балканских делах именно этих трех держав повлияли на выбор графом Бертхольдом своих летних гостей.

Во время этого свидания было выработано между тремя министрами иностранных дел особое соглашение по балканским делам, которое, почти вслед за его составлением, послужило источником не только серьезного европейского кризиса, но и редкого в дипломатических анналах обвинения одним министром другого в открытой передержке.

Автору настоящего труда не удалось найти в русских архивах текста Бухлауского соглашения в редакции Извольского, а только в редакции Эренталя, против точности которой протестовал Извольский. [1]

Соглашение трех министров, по словам приводимого документа, сводилось к следующему:

1) Россия и Италия займут благожелательное положение в отношении аннексии Боснии и Герцоговины.

2) Италия и Австрия благосклонно отнесутся к поползновениям России в отношении пересмотра постановлений о проливах в более выгодную для нее сторону.

3) Австрия откажется от некоторых прерогатив, которые ей предоставлены статьей 29-й Берлинского трактата в Черногории.

---

[1] Депеша бар. Эренталя графу Бертхольду 6 октября 1908 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Франция 1908 года.

4) Австрия и Италия согласятся с Черногорией в отношении разрешения вопроса об Албании.

В то время, когда Извольский путешествовал еще по Европе, Эренталь решил использовать состоявшееся соглашение и объявить 24 сентября (7 октября) о присоединении Боснии и Герцоговины к Австро-Венгрии, предупредив об этом акте Россию только за сутки.

Насколько можно судить по последующей переписке, Извольский упрекал Эренталя в том, что вопрос об аннексии Боснии и Герцоговины должен был пройти через конференцию держав, подписавших Берлинский трактат, а не разрешаться единоличной властью императора австрийского.[1] И это предположение имеет за собой то основание, что на такой конференции России легче было бы поднять и вопрос о проливах, европейский характер которого был несравненно больше, чем аннексия двух фактически находившихся уже в руках Австрии турецких провинций.

Но преждевременное выступление Эренталя хотя и не было, как увидим ниже, тайной для русского министра, имело и другие причины для неудовольствия Извольского. Его путешествие по Европе должно было послужить соответствующей подготовкой к возбуждению вопроса о проливах совместно с аннексией Боснии и Герцоговины; Эренталь же поставил русского министра перед свершившимся фактом и выбил опору и предлог из его рук.

Подготовку же в этом направлении Извольский вел весьма основательную.

Проект русско-турецкого договора.

Перемена режима в Турции вызвала в России надежду на сближение с этим государством, которая еще увеличивалась, благодаря неоднократным заявлениям представителей нового турецкого правительства в Петербурге и в Париже о желании младотурок перейти от существовавшего между обоими государствами недоверия к самому близкому содружеству с Россией.[2]

И, действительно, уже 1 (14) сентября петербургский кабинет сделал шаг, выражавший доверие обновленному турецкому правительству, взяв на себя инициативу о вызове из Македонии иностранных офицеров, ссылаясь на то, что турецкая конституция имеет целью обобщить реформы, предложенные державами, а в том числе и жандармскую.[3]

---

[1] Извольский—послу в Риме 11 ноября 1908 года. II Отд. Гос. Арх. Картон: Рим 1908 год.

[2] Доклад Чарыкова Николаю II 12 августа 1908 года и телеграмма Нелидова из Парижа 24 ноября (7 декабря) 1908 года № 170.

[3] Доклад Чарыкова путешествовавшему Извольскому в Мюнхен 1 сентября 1908 года.

В дальнейшем события по сближению обоих государств шли очень быстро и 23 сентября (6 октября) вылились в утвержденный Николаем II проект соглашения с Турцией „на случай, если Австро-Венгрия подымет на предстоявшем съезде делегаций в Будапеште вопрос об аннексии Боснии и Герцоговины".[1] Договаривавшиеся стороны при этом соглашались в следующем:

1) Считая такой односторонний акт серьезным нарушением Берлинского трактата, петербургский кабинет немедленно обратится ко всем, подписавшим его, с предложением пересмотреть весь трактат, для установления необходимых компенсаций в пользу Турции, России и Балканских государств.

2) Не предрешая решение, которое Турция признает необходимым предпринять, в виду подобного акта со стороны венского кабинета, петербургское правительство желает сговориться о защите на конференции общих интересов.

3) С своей стороны, Россия готова поддержать в пользу Турции: а) немедленную эвакуацию австрийскими войсками Новобазарского Санджака и окончательный отказ Австро-Венгрии от всех ее прав в Санджаке, вытекающих из Берлинского трактата; в) отмену статьи 23-й трактата и права держав вмешиваться во внутренние дела европейских провинций Турции с тех пор, когда, согласно турецкой конституции, все оттоманские подданные, без различия религии и национальностей, будут пользоваться гражданскими и политическими правами и безопасностью, существующими в других цивилизованных странах; с) отмену статьи 61-й трактата по мотивам, перечисленным выше; д) отказ держав от принципа капитуляций в Турции и отмену таковых на практике по мере введения реформ в оттоманских установлениях; е) упразднение иностранных почтовых учреждений в Турции, при чем принадлежащие России будут немедленно уничтожены.

Остальные изменения в Берлинском трактате, относительно которых Россия проявит инициативу, будут касаться специальных интересов Сербии и Черногории и ни в чем не затронут интересов Турции.

Кроме того, Россия, вне постановлений конференции, готова, чтобы стереть последние признаки бывшей неприязни, отказаться от остатков причитавшейся ей контрибуции.

С своей стороны, оттоманское правительство должно было:

1) Согласиться не возражать против уничтожения статьи 1-й Берлинского трактата и против провозглашения Болгарии независимым королевством при соответственном удовлетворении Болгарией денежных претензий Турции.

---

[1] Полный французский текст договора помещен в приложении № 7.

2) В случае, если державы, подписавшие Берлинский трактат, выскажутся на конференции в пользу пересмотра статьи 63-й, оттоманское правительство не откажет в применении существовавших правил для прохода русских судов добровольного флота через проливы и к военным судам России и других прилегающих к Черному морю стран, но оставляя их закрытыми для военных судов остальных государств. Право прохода военных судов через проливы должно быть обусловлено абсолютной безопасностью турецкой территории и сооружений по соседству с проливами.

Пожелания об открытии проливов более подробно разъяснял русский посол в Париже Нелидов, который требовал открытия их только для военных судов государств, прилегавших к Черному морю, когда Турция не находится в войне, при условии не быть в Босфоре более трех суток и не проводить сразу более трех военных судов одной державы.[1]

Проектированное соглашение с Турцией света не увидало, но против русской формулы о проливах оттоманское правительство не возражало.[2]

Оно, напротив, просило петербургский кабинет заручиться согласием Англии и Франции на весь наш проект. Турецкий посол просил только, чтобы англичанам не было известно его участие в переговорах.[3]

Из приведенных выше документов мы можем судить о роли двух действующих лиц в разыгравшейся длительной дипломатической распре, которая всю Европу несколько месяцев держала в напряженном состоянии.

О дружественных отношениях Эренталя и Извольского свидетельствуют документы.[4] Оба они решили на совещании в Бухлау произвести coup d'êtat на Балканах, вовлекши в свои интересы и итальянское министерство. Между друзьями состоялся торговый договор в отношении Боснии и Герцоговины, Болгарии и проливов. Впоследствии разногласие, а вслед за ним и вражда произошли только из-за того, что Извольский утверждал, что он требовал проведения вопроса об аннексии Боснии и Герцоговины через европейский концерт, Эренталь же это отрицал. Даже время объявления Австрией аннексии было известно Извольскому заблаговременно, судя по первым строкам приведенного выше проекта договора с Турцией.

Есть все основания думать, что Извольский был в этом споре более прав, так как вся предстоявшая дипломатическая игра его была основана на том, чтобы придраться к случаю и, собрав европейскую конференцию, провести во-

---

[1] Нелидов—Извольскому 2 (15) октября 1908 года № 73.
[2] Чарыков—Извольскому 26 сентября 1908 года № 1306.
[3] То же 26 сентября 1908 года.
[4] Чарыков—Извольскому 28 сентября 1908 года № 1324.

прос о проливах. Перебранка же (другого более подходящего мелким взаимным упрекам слова трудно найти) между обоими друзьями—министрами имеет скорей бытовой, чем исторический характер, а потому и останавливаться на ней иначе, как мимоходом, не стоит. Кто более тонко вел игру, Эренталь или Извольский, сказать трудно, так как оба они представляли собой пешки, за которыми стояли центральные фигуры—Германия, с одной стороны, и Франция и Англия—с другой, которые вышли на сцену позднее. Вопрос развивался в более широкой плоскости сплоченности двух коалиций, центральной и Тройственного Согласия.

Самый спор о точности выражений Бухлауского договора начался между обоими министрами в очень дружественных тонах. На упреки графа Бертхольда, что Извольский переиначил слова договора, помощник этого последнего Чарыков успокаивал австрийского посла такими сладкими, но, как мы уже можем судить, хотя бы только по приведенным документам, далекими от истины словами: „Я сказал австрийскому послу,—доносил Чарыков,[1]—что речь идет не о существе дела, о чем имеется полное единомыслие, а лишь о тех словах, в которых это единомыслие было и имеет быть изложено... О нашем положении в отношении австро-венгерского правительства надлежит судить не по словам, а по делу, и если бы мы были связаны не одним Бухлауским обменом мнений, но самым категорическим дружеским трактатом, мы не могли бы делать более того, что мы делаем теперь".

Письмо Франца-Иосифа к Николаю II.

Затеянная большая дипломатическая игра Австрии и России не только совместно против Турции, но и тайно друг против друга, не ограничилась исключительно министрами иностранных дел, а втянула и личности обоих монархов, которые принимали в этом деле активное участие. И здесь инициатива исходила со стороны Австрии.

9(16) сентября Франц-Иосиф обратился из Будапешта с личным письмом к Николаю II, письмом, написанном совершенно в том же духе и в том же стиле, как он писал пятьдесят слишком лет тому назад во время Крымской войны Николаю I, когда, во имя сохранения монархизма и консервативных начал, он получал от русского царя много политических, выгодных исключительно для Австрии, уступок.

Это интересное письмо я цитирую в полном объеме.[2]

„Дорогой друг,

„Тебе не безызвестно о начатых некоторое время тому назад переговорах между нашими правительствами с целью

[1] Чарыков—Извольскому в Лондон 25 сентября 1908 года.
[2] Французский текст письма приведен в приложении № 8.

укрепить основы нашего соглашения по восточным делам и основательно установить для будущего общие идеи той политики, которой мы должны следовать в обоюдном согласии на Балканском полуострове.

„Мне нет надобности указывать, какое значение я придаю успеху этих переговоров, твердо уверенный, что соглашение на подобие того, которое наши правительства имеют в виду, лучше послужит принципу монархизма и консерватизма, столь близкого нашему сердцу в тех же интересах будущности наших империй.

„Работая в пользу счастливого разрешения (développement) этих вопросов столь высокого значения, мое правительство должно было заняться также другой проблемой исключительной важности, разрешение которой не может быть отложено без опасности для мирного развития событий в местностях, прилегающих к границам моих владений.

„Дело идет о положении Боснии и Герцоговины.

„Эти две провинции достигли в настоящее время, благодаря неослабным заботам моего правительства, высокой степени духовного и экономического развития; они законно наслаждаются благодетельством автономного и конституционного правления, [1] в котором мое правительство не сочло в праве им более отказывать, ввиду тех непредвиденных событий, которые произошли в Турции. [2]

„Однако не представляется возможным приступить к дарованию Боснии и Герцоговины конституции до окончательного урегулирования политической будущности этих провинций.

„Казалось бы, настало то время, на которое намекал Гирс [3] в телеграмме князю Лобанову [4] от 27 февраля 1884 года, говоря об „обстоятельствах непредвиденных“, которые могут заставить австрийское правительство изменить положение вещей, существующее в обеих занятых провинциях.

„Не соображения политической выгоды, но повелевающая необходимость обстановки заставляют меня приступить к аннексии Боснии и Герцоговины.

„Уверенный в твоей испытанной дружбе и в силе традиционных уз, которые соединяют наши империи, я глубоко убежден, что ты благожелательно отнесешься к той мере, которая нам внушается необходимостью, и которую твои покойные отец и дед предвидели и приняли без возражений.

„Чтобы тебе доказать, что это решение ни в какой мере не идет вразрез с консервативными началами австро-венгер-

---

[1] Курсивом—подчеркнутое рукою Николая II.
[2] Младотурецкий переворот.
[3] Министр иностранных дел времен Александра III.
[4] Русский посол в Вене; при Николае II министр иностранных дел.

ской политики, и что мое правительство остается верным принципу незаинтересованности, установленному в 1897 году, я могу только сказать, что я приказал моему правительству отказаться одновременно с аннексией Боснии и Герцоговины от военных и административных прав, предоставленных монархии Берлинским трактатом в Новобазарском Санджаке. Немедленное отозвание моих войск, которые в настоящее время занимают там гарнизоны, санкционирует этот отказ.

„Прошу тебя верить в чувства искренней дружбы твоего брата и друга Франца-Иосифа".

На докладе Ламздорфа о времени доставления этого письма Николаю II этот последний написал: „Надо будет зрело обдумать проект моего ответного письма императору, вдохновляясь мыслями, высказанными в разговоре с вами и со Столыпиным 21 сентября".

Таким образом, в задуманной игре министров иностранных дел оба монарха принимали более деятельное участие, чем это бывает в обыкновенных делах.

Интересно во всей игре и поведение Столыпина, который так категорично протестовал на изложенном выше заседании совета министров против активной политики Извольского, столь не соответствовавшей ни внутреннему состоянию страны, ни временно обессиленному ее военному могуществу.

Что касается до русского общественного мнения, то оно оказалось политически более чутким, чем его правительство. Чарыков в своем докладе государю [1] должен был констатировать, что в общественном мнении замечается возрастающее нерасположение к самой мысли о совместных действиях России с Австро-Венгрией.

„Довольно понятное нерасположение", написал на докладе Николай II.

Аннексия Боснии и Герцоговины.

Таков в общих чертах был пролог к первому Балканскому кризису 1908 года, кризису, который был бы, весьма вероятно, задержан или во всяком случае не принял бы таких размеров, если бы Извольский придерживался постановления совета министров о направлении русской внешней политики сообразно с сильно ослабленной боевой мощью России и избегал бы всяких авантюр. Русский же министр именно пошел на авантюру и авантюру такого характера, которая поставила европейский мир на край опасности.

22 сентября (5 октября), когда Извольский путешествовал заграницей, австрийский посол в Петербурге сообщил о предстоявшем 7 октября принятии венским правительством на съезде делегаций в Будапеште двух решений: 1) об отказе

[1] От 28 сентября 1908 года.

от своих прав на Новобазарский Санджак и 2) о предоставлении себе полной свободы действий в отношении Боснии и Герцоговины.[1] Что же касается обусловленной Извольским конференции держав, то Эренталь предполагал, что созыву такой конференции должен предшествовать обмен мнений между державами.

Вместе с этим австрийский посол вручил Чарыкову памятную записку „с чрезвычайно подозрительным предложением обратиться сообща с венским кабинетом к прочим державам с целью установления соглашения о признании Болгарии независимым королевством".[2]

На это Чарыков ответил, что заявления австрийского посла не могут быть в целом приняты, как противоречащие Бухлаускому соглашению, и должны вызвать крайне нежелательные возражения с русской стороны.[3] В отношении же Болгарии он заявил, что ей был преподан совет воздержаться от такого торопливого и опасного шага, и что болгары не должны рассчитывать на поддержку России, а австрийское предложение должно быть предоставлено решению будущей конференции.

Вслед за этим Извольский обратился 8 октября к державам, подписавшим Берлинский трактат, и, ссылаясь на Лондонскую конвенцию 1871 года, предложил безотлагательно собраться на конференцию для пересмотра всего трактата и для установления необходимых компенсаций в пользу Турции, России и остальных Балканских государств.[4]

Эренталь, не отказываясь в принципе от такой конференции, фактически решил обратить ее в „шлусс-конференцию", которой предшествовали бы переговоры между державами, предварительно санкционировавшие бы вопрос об аннексии.[5]

Поступок австрийского правительства, нарушавший установившееся на Балканском полуострове statu quo и шедший вразрез с постановлением Лондонской конвенции 1871 года, согласно которой международные договоры не могут быть нарушены одним участником в них без согласия других, не мог вызвать симпатичного к нему отношения со стороны европейских держав, кроме Германии, но в огромном большинстве чувства эти, за исключением России и отчасти Турции, выливались в форму платоническую.

„Положение на Ближнем Востоке приняло обостренный характер,—доносил Нелидов из Парижа.[6]—Оно носит на себе характер, того безучастия, с которым французское правительство взирает на международные события, когда к ним не-

---

[1] Телеграмма Извольского послам 2 декабря 1908 года.
[2] Доклад Чарыкова Николаю II 29 сентября 1908 года.
[3] Чарыков—Извольскому в Париж 24 сентября 1908 года
[4] Циркуляры всем послам 22 сентября и 2 декабря 1908 года.
[5] Чарыков—Извольскому 25 сентября и циркуляр послам 2 декабря 1908 года.
[6] 2 (15) октября 1908 года.

посредственно непричастна Франция, и когда не затронуты самые чувствительные для нее материальные интересы". Франция пошла еще дальше, и ответное письмо президента республики на сообщение Франца-Иосифа об аннексии обратило внимание прессы своими самыми сердечными выражениями, которые комментировались в виде стремления парижского кабинета, движимого симпатией к Австрии, к скорейшему установлению соглашения.[1]

А между тем переговоры в Париже об очередном русском займе прекратились, и русские фонды стояли ниже других.[2]

Англия была, по выражению русского посла,[3] возмущена аннексией, видя в этом факте нарушение Берлинского трактата, враждебные действия против младотурок, которым англичане симпатизировали, и поступательное движение Германии и Австрии на юг, почему лондонский кабинет и заявил протест. Но Великобританию в это время гораздо больше, чем балканские дела, беспокоил вопрос о вводе русских войск в Тавриз.[4]

Интересно сопоставить, что почти в то же время Чарыков предупреждал увлекающегося Извольского, бывшего в Лондоне, не очень связывать себя с Англией, так как Тройственный Союз, видя себя окруженным Россией, Англией, Францией и Италией, обрушится всей своей дипломатической, а может быть и военной, тяжестью на слабейшую Россию. „Если же, например,—кончал Чарыков,—[5] нам удалось бы не лишиться свободы действий и сохранить за собой роль посредника, в чем могла бы помочь и Италия, то Германия и Австро-Венгрия продолжали бы относиться осмотрительно к нашим желаниям". Такое поведение автор письма считал „нашей основной политической задачей".

Итальянское правительство в деле аннексии находилось в положении, более всего подходящем к положению петербургского кабинета. Титони, итальянский министр иностранных дел, так же, как и Извольский, делался отчасти жертвой самостоятельного выступления Эренталя. И в вопросе об аннексии римский кабинет стал на точку зрения петербургского, а свидание осенью этого года двух министров повело к сближению между обоими государствами, которое окончательно оформилось в следующем году. Итальянская палата была возмущена аннексией и выражала удивление факту нахождения Италии в составе Тройственного Союза.[6]

---

[1] Извольский—Нелидову 18 октября 1908 года.
[2] Чарыков—Извольскому в Лондон 1 октября 1908 года.
[3] Донесение Бенкендорфа 1 (14) октября 1908 года.
[4] То же от 4 (17) октября 1908 года.
[5] Чарыков—Извольскому 26 сентября 1908 года № 1307.
[6] Донесения посла из Рима 28 октября (10 ноября) и 21 ноября (4 декабря) 1908 года.

Оттоманское правительство первоначально очень горячо отнеслось к свершившимся событиям и протестовало перед всеми державами, подписавшими Берлинский трактат,[1] но наибольший гнев турок обрушился на болгар, которых они называли изменниками славянам, продавшими за свою самостоятельность Боснию и Герцоговину австрийцам.[2] Параллельно с этим и в петербургском кабинете усиливалось течение в пользу сближения с Турцией, при чем Николай II видел это сближение в форме возвращения к принципам Ункиар-Искелесского договора.[3]

Сербия ставилась аннексией в наиболее невыгодное положение не только узаконением разделения сербской народности на несколько клиньев, но и теми большими преимуществами экономического характера, которые получала Австрия. В виде компенсации, Сербия выражала желание получить совместно с Черногорией территориальное приращение в сторону Боснии и Герцоговины вдоль северной границы Новобазарского Санджака и с установлением сопредельности обоих государств, а также право и возможность для Сербии беспрепятственного сообщения через Санджак и Черногорию с Адриатическим морем.[4]

Начавшейся балканской смутой воспользовалось и правительство острова Крита, которое объявило свою независимость и присоединение его к Греции.[5]

Я не упомянул еще ни слова о том первом впечатлении, которое произвела аннексия в Германии, но сделал это потому, что Германия еще молчала и выявила свою физиономию несколько позднее, когда балканский пожар грозил принять европейскую форму.

Заключение. Первые шаги Извольского к активной политике принесли свои плоды и доказали справедливость господствовавшего мнения, что балканский или вернее турецкий вопрос не может быть рассматриваем по частям, а должен быть разрешен во всем своем объеме.

Россия впутывалась в авантюру в самой невыгодной для нее обстановке, благодаря близорукой самонадеянности русского министра, не знавшего истории внешних сношений России или не сумевшего из уроков прошлого установить линию возможностей будущего.

Извольский думал, что двуличная, тайная и хитрая политика в борьбе с более двуличными, более хитрыми, но более испытанными, политиками даст ему победу даже при отсут-

---

[1] Извольский—послу в Константинополь 27 сентября 1908 г. № 1307.
[2] Донесение Бенкендорфа 12 (25) ноября 1908 года.
[3] То же 29 сентября (12 октября) 1908 года.
[4] Чарыков—Извольскому в Лондон 1 октября 1908 года.
[5] Доклад Чарыкова Николаю II 26 сентября 1908 года.

ствии необходимой опоры, в виде соответствующей вооруженной силы страны и внутреннего ее состояния.

Но русский министр строил здание своих измышлений на песке не только потому, что базировал его на неготовой к европейской войне армии, но и потому, что строил его на еще совершенно неиспытанном фундаменте англо-франко-русского соглашения, которое стояло перед монолитом австро-германского союза. Извольский, как увидим, оказался один в Европе и принужден был подчиниться воле давившего его немецкого сапога.

Впрочем, английский посол сэр Никольсон [1] характеризовал положение России несколько иначе. Он считал, что она еще более подвинулась по пути старания действовать за одно с Францией и Англией и необходимости соглашаться с действиями западных держав.

Это с большой ясностью выявилось на ближайшем совещании начальников русского и французского генеральных штабов.

Очередное совещание начальников русского и французского штабов.

Вся политическая цена англо-франко-русского соглашения в наступившем кризисе выявится из дальнейшего изложения. Теперь же уместно будет остановиться на военной стороне франко-русского союза тем более, что в момент, когда петербургский кабинет пустил в ход всю свою балканскую игру, в Париже 11 (24) сентября состоялось очередное совещание начальников Генеральных Штабов, все тех же генералов Палицына и Брена.

Я напомню читателю пророческую записку генерала Обручева, относящуюся к 1891 году. Смысл этой записки состоял в том, что Обручев предвидел возможность начала войны между Австрией и Россией, при чем для поддержки первой станет Германия, и хотел в таком случае обеспечить России безотговорочную помощь со стороны Франции. Ему и удалось этого достигнуть, несмотря на противодействие тогдашнего министра иностранных дел Гирса.

Но в 1906 году Палицын красивым жестом отказался от данного обязательства в пользу Франции, и, казалось бы, в сентябре 1908 года обстановка делала необходимым вновь пересмотреть вопрос, ввиду угрожающей возможности исполнения пророчества Обручева. Но ни Извольский ни Палицын об этом не подумали или не могли подумать. В совещании начальников штабов [2] вопроса о возможных столкновениях России с Австрией совершенно не подымалось, но зато совещание началось, „вследствие пожелания, высказанного русским министром иностранных дел Извольским, с обсуждения

---

[1] II Отд. Гос. Архива. Секр. отд. Годовой Отчет Никольсона за 1909 год.
[2] II Отд. Гос. Архив. Картон: Франко-Русский Союз. Папка 1908 г.

вопроса о возможности мобилизации Германии против Англии". При этом, как и следовало ожидать, вопрос о мобилизации при такой возможности русских и французских сил без предварительного соглашения был решен в положительном смысле.

В фактах исторических событий бывают такие случаи, когда исследователь становится перед ними втупик. Что вызвало Палицына в 1906 году преподнести французам в подарок их обязательство мобилизовать свою армию в случае нападения Австрии на Россию, а Извольского в 1908 году предложить Франции мобилизацию русских войск для спасения частных интересов Англии? Бытописатель, отделенный целой эпохой от таких событий, решил бы вопрос очень просто, объяснив его или узостью мысли или продажностью обоих русских государственных деятелей, но современник эпохи не может остановиться на таких упреках и должен констатировать наличие какой-нибудь иной причины предупредительности к Франции, начавшейся одновременно с сильным задолжанием России этой стране.

Такому взгляду автора соответствует и весь тон протокола совещания 1908 года, отличающийся весьма большой требовательностью генерала Брена по отношению к России, в особенности по вопросу улучшения железных дорог и армии. И если тон достопочтенного французского генерала в 1906 году я назвал тоном экзаменатора, то в 1908 году он более подходил к тону хозяина, предъявлявшего свои требования приказчику.

В военном отношении это совещание не представляло чего-либо нового. Оно в большей своей части было заполнено требованиями французов по скорейшему установлению Россией прочной радио-связи с Францией, обещанием Палицына удержать с первого же дня на русском фронте наибольшее количество неприятельских сил и настоятельной просьбой Брена посвятить „все свободные средства русского правительства увеличению провозоспособности железных дорог".

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПЕРВЫЙ БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС 1908—1909 гг. РАЗВИТИЕ ЕГО И ОКОНЧАНИЕ.

Проект европейской конференции. Отношение к ней со стороны держав. Переписка между монархами. Переговоры между державами по поводу аннексии. Переговоры о Сербии и Черногории. Германский ультиматум России. Независимость Болгарии. Заключение.

Проект европейской конференции. Объявление Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцоговины и превращение Болгарии в самостоятельное королевство разделило европейские державы на четыре группы:

Группу инициативную с захватнической целью, к каковой принадлежали Австрия и Болгария.

Группу, страдавшую от нарушения на Балканах statu quo, к которой принадлежали Россия, Турция, Сербия и Черногория, а отчасти Италия и Румыния.

Две остальные группы состояли из держав, непосредственно не заинтересованных в разгоревшемся инциденте, но связанных известными обязательствами с первой (Германия) или второй (Франция и Англия) группами.

По удельному весу держав, входивших в наиболее заинтересованные группы, борьба должна была сосредоточиться между Россией и Турцией, стоявшими на одной стороне, и Австрией и Болгарией—на другой. Борьба так и шла, сконцентрировавшись большей своей частью между Россией и Австрией и меньшей между Турцией и Болгарией. Из держав-наблюдательниц более активную роль играла Германия, ставшая всей своей тяжестью на сторону Австрии.

Извольский выдвигал средством борьбы передачу всего дела на обсуждение европейской конференции; Эренталь категорически от этого отказывался. Для России сами по себе Босния и Герцоговина не представляли никакого реального интереса, но новыми захватами Австрия грозила полным экономическим подчинением себе Сербии, чем окончательно нарушалось балканское равновесие, и Россия должна была отстаивать интересы Сербии и Черногории. В этих двух плоскостях и завязалась дальнейшая борьба.

Вслед за сообщением Эренталя об аннексии, Извольский обратился к державам, подписавшим Берлинский трактат, с предложением собрать конференцию с целью пересмотра и соответствовавшего изменения статей этого трактата.

В программу конференции им были включены следующие вопросы: 1) Болгария, ее юридическое положение и финансовые обязательства к Турции; 2) Босния и Герцоговина; 3) Новобазарский Санджак; 4) условие применения статьи 23-й Берлинского трактата, касающейся европейских провинций Турции; 5) обсуждение 61й статьи трактата, касающейся провинций, населенных армянами; 6) условия применения статьи 29-й, определяющей верховные права Черногории; 7) исправление границ в пользу Сербии и Черногории на территории Боснии и Герцоговины, прилегающей к Новобазарскому Санджаку; 8) права балканских государств в отношении Дуная и 9) вопрос о капитуляциях. [1]

С первого взгляда кажется странным, почему же Извольский не включил в программу конференции самого важного для него вопроса, из-за которого им собственно и велась вся сложная игра с Эренталем, а именно вопроса о проливах. Но дело в том, что русский министр в это время был в Лондоне, и такому включению воспротивился с.-джемский кабинет. Извольский излагал этот эпизод в следующем виде:

В беседе с Греем о программе конференции главным затруднением являлся вопрос о проливах; Лондонский кабинет в принципе не отказывал России в его разрешении в нашу пользу, но не желал включить его в программу, боясь отчасти английского общественного мнения, а отчасти из нежелания возбудить тревогу и опасение со стороны Турции, представитель которой в Лондоне не имел инструкций о благосклонном отношении оттоманского правительства к разрешению этого вопроса, как о том свидетельствовал турецкий посол в Петербурге.

Вследствие этого Извольский согласился не включать в программу конференции вопроса о проливах и решил продолжать непосредственные переговоры с Турцией, заручившись сочувственным отношением Англии к этим переговорам с целью позднейшего внесения его в конференцию. Грей не дал положительного ответа Извольскому и на это предложение, ссылаясь на необходимость доложить его совету министров.

После этого фактически конференция теряла для Извольского всякий реальный смысл, и вопрос о ней сводился к дипломатической дуэли с Эренталем.

---

[1] Телеграмма Извольского из Лондона 30 сентября (13 октября) 1908 года № 36.

[2] Телеграмма Бенкендорфа из Лондона—Чарыкову 29 сентября (12 октября) 1908 года № 31.

Отношение к ней со стороны держав.

Выяснившееся уже безучастное отношение Франции к поведению Австро-Венгрии, затрагивавшему исключительно русские интересы, придает особое значение отношению к нему со стороны Англии и Германии.

Судьба, как бы нарочно, заставила Извольского быть во время провозглашения аннексии в Лондоне и в Берлине.

Видимо, ближайшие сотрудники русского министра не особенно спокойно относились к таким самостоятельным его поездкам. Выше мы уже привели данное Чарыковым Извольскому напутствие при поездке последнего в Лондон, а немедленно после возвращения Извольского наш посол Бенкендорф посылает в догонку министру длиннейшее письмо с общим взглядом на английскую политику в балканском кризисе, как бы боясь, что сам министр не уловил ее настоящего смысла.

„В наши дни,—писал посол,[1]—английская политика все более и более определяется, с одной стороны, общественным мнением и обычными гуманитарными увлечениями и с другой—осторожностью ее государственных деятелей...

„В числе английских увлечений прежде всего считается принцип ненарушимости трактатов, и с этой точки зрения поступок Австрии осуждается с такой силой, которая сама по себе имеет уже значение. С другой стороны, играет роль общая симпатия к новому турецкому режиму, которому удалось поставить предел беспорядкам и сделать возможным существование под его властью христианских народностей.

„В действительности, английская политика и симпатии, бывшие при старом правительстве в Константинополе крайне антитурецкими, стали на другой день после переворота туркофильскими, но с тою только разницей, как заметил Грей, что в прежнюю отдаленную эпоху Англия направляла свою политику в пользу Турции, а теперь ее туркофильство, имевшее антиславянский характер, совершенно исчезло, находясь в полном подчинении интересам славянских и христианских народностей.

„Отвлеченное английское чувство надеется поддержать и вероятно подержит шаги хорошего турецкого правительства в Турции (l'essai d'un bon gouvernement turc en Turquie). На этой базе устанавливается английская политика для покровительства интересам страны; она сильно развивается в двух направлениях, которые, впрочем, сходятся в одной точке.

„С одной стороны, ненарушимость турецкой территории в Европе, в особенности на севере, чтобы помешать Австрии

---

[1] Частное письмо гр. Бенкендорфа—Извольскому из Лондона на французском языке 12 (25) октября 1908 года. Секретный отдел. Картон: письма Бенкендорфа.

и Германии распространить свое влияние до Средиземного моря и чтобы предупредить безусловное преобладание этих держав в Константинополе, что неминуемо отразится на решении всех вопросов в Азии; с другой стороны, установление возможно лучших отношений с султаном по причине бесчисленных магометанских подданных Англии.

„С этих точек зрения английское чувство будет искренно протестовать против австрийского поступка; но политический такт и интересы страны так же, как и у нас, внушат необходимость допустить, в виде уступки, принцип конгресса, предназначенного для урегулирования постановлений Берлинского трактата, но при том условии, чтобы результаты его были возможно менее тягостны для Турции...

„Нарисованная мною картина будет неполная, если не принять во внимание заботы, которые государственным людям Англии доставляла германская политика...

„Навряд ли кто-нибудь в Англии не был уверен в том, что авантюристическая политика Австрии развивается при участии Германии, которая, ввиду союзного договора, возлагает на нее и известные обязательства.

„Это очень похоже на политику, завещанную Бисмарком своей стране: щадить Россию, стараться занять ее на Востоке; толкнуть Австрию на Балканы, чтобы обе эти державы нейтрализовали друг друга; поманить Францию Африкой и в конце концов, изолировать Англию, внушив у всех подозрение к ее политике. Это долго удавалось, но не может удаваться всегда.

„То, что называется политикой короля Эдуарда, а в действительности является инстинктом всей нации, заключается именно в желании выйти из этого порочного круга не в виде коалиции против Германии, но во имя сглаживания разногласий между державами и восстановления между ними путем взаимных уступок и соглашений таких сношений, которые препятствовали бы враждебным действиям".

Первым актом против безопасности Германии был в ее глазах, по словам Бенкендорфа, франко-русский союз; вторым—англо-французское соглашение, которое должно было неминуемо повлечь за собой соглашение между Россией и Англией, соперничество между которыми потеряло к тому времени всякое raison d'être (основание).

Хотя все три правительства держав согласия не переставали указывать Берлину настоящий характер нового положения, которое ни в чем не угрожало ни существованию, ни интересам Германии, но вся немецкая политика показывала, что она не отказывалась от своего желания главенствовать, базируясь на распрях других.

„Таковы идеи,—писал Бенкендорф,—которые руководят английской публикой и пустили в ней корни. Отсюда легко вывести мнение, что Салоникская железная дорога в 1907 г.

и Босния и Герцоговина теперь являются брошенным между державами яблоком раздора... Но отсюда не следует заключать, что Англия примет неизбежность войны и не употребит все усилия, чтобы не дойти до этой крайности...“

В конце своего длинного письма Бенкендорф указывал на необходимость для того, чтобы получить от Тройственного Согласия наибольшие выгоды, отказаться от двойственной политики и не дать возможности Германии притянуть к себе Россию в полной мере. „Каково бы было наше положение в настоящее время, если бы мы не были связаны с западными державами, и каково оно будет, если мы лишимся такой связи? Это Австрия заставляет нас установить с наибольшей ясностью наше политическое положение, и Германия не имеет никакого законного основания жаловаться и оценивать образовавшийся союз, как направленный против нее“.

О течении мыслей германского кабинета дает несколько характерных черт Извольский, делясь в письме к Нелидову впечатлением своего пребывания в Берлине. [1]

Довольно оригинально читать в письме русского министра иностранных дел, что он только в Берлине почувствовал, что „il y a quelque chose d'essentiellement changé dans la situation de l'Europe“, [2] что великие державы объединились в две группы, что Италия находится в положении нерешительности, а Турция пойдет за тем, кто первый признает ее новый режим. Но такое положение, говорил автор письма, представляя нам много выгод, не лишено и больших опасностей.

Вильгельма Извольский нашел сильно возбужденным тем окружением, которое он видел в Тройственном Согласии, и он был способен на всевозможные резкие неожиданности, которым давала особую пищу авантюристическая политика Эренталя.

Этот же последний вел себя очень вызывающе. Он отказался от обсуждения на предполагаемой конференции вопроса об аннексии, считая его окончательно решенным, и заявил, что он вообще примет участие в конференции только тогда, когда между Австрией и Турцией состоится соглашение о Боснии и Герцоговине. [3] Кроме того, Эренталь предполагал ознакомить делегации с переговорами в Бухлау, что очень нервировало Извольского, ввиду происшедшего разногласия между обоими министрами в толковании их смысла, и он требовал не выносить дебатов наружу под угрозой прекращения в будущем всяких секретных переговоров с венским кабинетом. [4]

---

[1] Извольский—Нелидову в Париж 21 октября (3 ноября) 1908 года.

[2] Перевод: „Что-то такое существенно изменившееся в положении Европы“.

[3] Извольский—послу в Риме 6 (19) октября 1908 года.

[4] Телеграмма Извольского—Чарыкову 6 (19) октября 1908 года.

При таких условиях дело осложнялось предполагаемой поездкой Вильгельма в Вену, где он мог воздействовать на наследника престола и на военную партию, вызвав нападение Австрии на Сербию.

Пессимистическое настроение Извольского еще более усиливалось, благодаря возмущенному против Австрии русскому общественному мнению, и запутавшийся в своих хитросплетениях министр взывал к статье 1-й франко-русского союза, разрушив в 1906 году своими же руками то выгодное положение, которое в данном случае давала франко-русская военная конвенция, обязывавшая Францию мобилизовать свои войска без сговора с Россией, если Австрия, поддержанная Германией, мобилизуется против нее.

Пессимизм Извольского объяснялся не только теми причинами, которые он указывал в письме к Нелидову, но и более реальными угрозами Германии.

Вернувшийся из отпуска германский посол граф Пурталес привез русскому министру ответ на предложение конференции.[1]

Германия не возражала против нее, но только при условии согласия всех держав, подписавших Берлинский трактат, при чем это согласие должно относиться ко всем вопросам, которые предстоят обсуждению конференции.

Мнение Пурталеса по известным нам намеченным Извольским пунктам, подлежащим обсуждению конференции, сводились к следующему:

1. Болгария. Германия расположена признать новое положение только после уверенности в благоприятном разрешении вопроса о Восточных железных дорогах и финансовых обязательств относительно Турции.

2. Босния и Герцоговина. Германия считала вопрос этот совершенно исчерпанным и не подлежащим обсуждению.

3. Новобазарский Санджак. Нет возражений, если Австрия на это согласится.

4. Реформы в Европейской Турции. Нет возражений.

5. Реформы в Армении—то же.

6. В отношении статьи 29-й—то же, но подчиняет свое согласие согласию Австрии.

7. Вознаграждение Сербии и Черногории—присоединяется к Австрии.

8. В отношении Дуная. В принципе согласен, но Германия считает, что подробности договора будут установлены конференцией ad hoc.

9. Капитуляции—без возражений.

Мотивы такого слепого подчинения воли Австрии германский посол не скрывал. Россия, сказал он, [2] несмотря на все

---

[1] Доклад Извольского Николаю II 19 октября 1908 года.

[2] Там же.

заслуги перед ней Германии, все более и более сближается с враждебной немцам группой держав. Кульминационными пунктами такой политики была Алжезирасская конференция, где Россия открыто высказалась против Германии, и Ревельское свидание с королем Эдуардом. Подобная перегруппировка держав заставляет Германию более, чем когда-либо, тесно сблизиться с Австрией и принять за основание своей политики полнейшую солидарность во всех вопросах с Габсбургской монархией. Вот почему берлинский кабинет не мог предпринять ничего, что могло бы быть истолковано, как давление на австрийскую политику.

Но, прибавлю от себя, это не мешало берлинскому кабинету делать почти в то же время попытки начать неудачные переговоры с Лондоном об общем политическом соглашении и о морских вооружениях.[1]

Когда угроза, сделанная России, в виде отрицательного ответа на предложение конференции, не подействовала, то примерно через месяц Пурталес принял в разговоре с Извольским более строгий и угрожающий тон. Он заявил,[2] что, если бы оказалось, что сближение России с Англией превратилось во враждебный Германии союз, то это могло бы иметь самые опасные последствия для сохранения мира. В перлюстрованных же телеграммах Пурталеса нашли, что он советовал своему правительству раздавить Россию и этим сорвать образование Тройственного Согласия.

Главную же опасность для сохранения мира немецкий посол видел не в агрессивных намерениях Австрии, которым он не верил, а в интригах Англии, которая хочет спутать карты, вовлечь Европу в войну и воспользоваться ослаблением держав, в ней участвовавших.

Угрозы России и заигрывание с Англией показались недостаточными руководителям берлинского кабинета, поэтому в то же время была произведена демонстрация и против Франции. В Марокко был раздут незначительный инцидент с арестом скрывшихся в германском консульстве в Казабланке французских дезертиров, и дело едва не дошло до открытого разрыва. Но Англия, а отчасти и Италия стали более решительно на защиту Франции. „Я думаю, что мы будем воевать", сказал английский посол Никольсон Извольскому. „Мы хотели это сделать перед Алжезирасом, но Франция не посмела. Теперь, когда общественное мнение в Англии исключительно настроено против Вильгельма, еще более шансов, что мы вмешаемся в войну. Германия более сильна на море, чем

---

[1] Доклад Извольского Николаю II 7 сентября 1908 года, на котором пометка государя: „Посмотрим, что будет дальше".

[2] Доклад Извольского Николаю II 29 сентября 1908 года.

Франция, и Англия не может допустить разрушения французского флота".[1]

Турция была в начале инцидента настроена очень враждебно против Австрии и Болгарии; она отказалась вести переговоры с первой о получении денежного вознаграждения за аннексию Боснии и Герцоговины и заявила протест против объявления Болгарией своей независимости. В отношении Австрии глава младо-турецкой партии Ахмет-Риза просил даже поддержки России в требовании полной автономии Боснии и Герцоговины, чтобы образовать из этих провинций буфер против движения немцев на юг. С другой стороны, турки старались с этой же целью образовать конференцию Балканских государств.[2]

Но постепенно отношения Турции и Австрии сглаживались и переходили на денежную почву уплаты за аннексию. Переходил на денежную почву и вопрос не только о признании независимости Болгарии, но и союза с ней. Вопрос сводился исключительно к той сумме, которую должна была получить Турция. Болгары предлагали 82 миллиона франков, турки же требовали гораздо более.

Почва конференции ускользала все сильнее и сильнее из-под ног Извольского. С обеих сторон в дело вмешались и монархи.

Переписка между монархами.

Николай II ответил на приведенное выше письмо Франца-Иосифа только через месяц.[3] Указав на тягостное впечатление от одностороннего акта аннексии, автор письма обрушивался всей силой своих аргументов на доказательства, что такой вопрос мог быть решен только пересмотром Берлинского трактата, и уверял в своем вечном желании служить принципам монархизма и консерватизма. На этом первое письмо заканчивалось, но в дальнейшем переписка между обоими монархами приобрела более живой и нервный характер.

Франц-Иосиф ответил через месяц весьма обширным посланием,[4] составленным в элегических тонах.

После длинных исторических справок, касавшихся бывших сношений между обоими монархами, автор письма переходил к вопросу дня.

Франц-Иосиф упоминал, что сближение с Россией дало ему удовлетворение в возможности, благодаря интимному согласию с петербургским двором, открыто преследовать политические цели. Он, наподобие своего покровителя Вильгельма, напоминал Николаю, что, имея право по букве дого-

---

[1] Извольский—Нелидову 23 октября (5 ноября).
[2] Донесение Нелидова из Парижа 24 ноября (7 декабря) 1908 г. № 170.
[3] Французский подлинник в приложении № 9.
[4] Письмом от 24 ноября (7 декабря) 1908 года, помещенном в приложении № 10.

воров пользоваться полной свободой в достижении своих экономических вожделений на Балканах, Австрия, втечение японской войны и русской революции, пренебрегла личными интересами, чтобы не смущать Россию тенью опасности со стороны Европы. Даже в настоящем случае, когда долг заставил его, во избежание серьезных опасностей, принять решительные меры в отношении Боснии и Герцоговины, Франц-Иосиф сделал это совместно с предоставлением России серьезных преимуществ. Здесь следует видеть намек на Бухлауское соглашение и проливы.

После длительной пикировки с Николаем II по поводу упреков в письме этого последнего, Франц-Иосиф переходит к изложению настоящих причин его единоличного решения в вопросе об аннексии.

Ясно, говорит автор письма, что Турция и многие другие державы отказали бы мне, или, по меньшей мере, торговались бы, если бы я предварительно поднял этот вопрос. Нападки, которые испытывает Австрия в настоящее время, и, в особенности, атаки славянских государств были бы несравненно более сильными.

Ответ Николая II на это письмо последовал очень быстро, 17 (30) декабря 1908 года. Весь черновик его был написан нервной рукой Извольского, и этот министр не мог воздержаться от включения в кабинетное письмо своих мелких упреков личного характера по отношению к Эренталю.[1]

Николай II решил откровенно говорить о современных отношениях между двумя империями, которые произвели такое всеобщее смущение. Автор письма упрекал в этом Эренталя, который первым нанес удар австро-русскому соглашению. Далее Николай II дает пером Извольского краткую картину того, что произошло между обоими министрами, и эту часть письма я приведу в подлиннике.

„В то время,—писал Николай II,—когда в 1907 году, я был вполне уверен, что мы идем рука об руку, Эренталь выступил, не предупредив нас, с своим проектом Санджакской дороги и отставлением македонских реформ. Чтобы восстановить согласие, Извольский предпринял поездку в Бухлау, где Эренталь выступил с новым планом, который должен был пресечь нормальный ход событий и согласие между обоими правительствами". Такими невинными словами Извольский объяснял свою поездку в Бухлау.

„Но,—продолжал автор письма,—мой министр иностранных дел, проникнутый самыми умиротворяющими намерениями, старался придать вопросу об аннексии форму, наиболее дружественную". Извольский указал на то возбуждение, которое произведет аннексия в России и в балканских государствах,

---

[1] Французский текст письма в приложении № 11.

и на тот факт, что мы, не имея возможности отказаться от всегдашнего нашего принципа, что это вопрос европейский, можем оказать Вене дружественное содействие только при согласии на аннексию остальных держав. Кроме того, Извольский получил уверение Эренталя, что он заблаговременно предупредит его об объявлении аннексии.

Между тем Эренталь поставил нас перед совершившимся фактом, что не помешало ему, однако, объявить, что он действовал в полном согласии с петербургским кабинетом; вместе с этим он отказался от участия в конференции.

Но Николай II был, кроме того, и лично оскорблен Эренталем, который сообщил другим правительствам без согласия выдержки из тайного соглашения 1897 года, рассматриваемого государем, как личный его акт. И на такой поступок Николай реагировал повелением входить впредь только в официальные сношения с венским кабинетом.

В конце письма автор его спрашивал у Франца-Иосифа, остановится ли его политика на совершившемся, или же Европа находится накануне новых и более опасных осложнений, которые еще сильнее возбудят общественное мнение в России и на Балканах и могут довести дело до европейской войны.

Ответ Франца-Иосифа последовал очень скоро, а именно 15 (28) января 1909 года.[1] Старый и испытанный дипломат давал в нем уроки выдержанности своему корреспонденту. Я всегда находил, писал Франц-Иосиф, что подобные разногласия (mésintelligences) между государственными людьми гораздо легче разрешаются без вмешательства монархов.

Переходя далее к сути дела, автор письма рисует Николаю II ту картину переговоров, которая нам уже известна из предшествовавшего изложения. Он говорит, что предложения Извольского шли гораздо дальше, чем аннексия Боснии и Герцоговины, и распространялись на Новобазарский Санджак. В отплату за это Австрия обязывалась оказать моральное содействие в попытке России к открытию проливов для прохода военных судов, и Францу-Иосифу неизвестно, почему эта часть программы до сих пор не выполняется.

В конце письма австрийский император касался вопроса более близкого для него лично, а именно его взаимоотношений с балканскими государствами.

„Мое поведение в отношении сербов,—писал он,—продиктовано мне с осени моим долгом и предусмотрительностью, вызванными той полной страстности и ненависти враждебностью, которой проникнуты в этой стране все классы, не исключая и ответственных представителей власти. Я никогда не думал посягать на независимое существование сербов и не думаю ни о каких завоеваниях во вред им. Напротив,

[1] Приложение № 12.

я с полной энергией отталкиваю всякую возможность агрессивных действий, к которым их все в зрастающая дерзость может привести в погоне за химерическими мечтаниями, внушаемыми им, увы, не с одной только стороны".

На этом переписка между Францем-Иосифом и Николаем II прекратилась до окончания кризиса.

Но новый год дал случай обменяться письмами Вильгельму с Николаем II. Все письмо германского императора от 9 января 1909 года проникнуто основными мыслями немецкой политики и достойно особого внимания. [1]

„Аннексия Боснии и Герцоговины,—писал автор,—была настоящим сюрпризом для всех и, в особенности, для нас, узнавших об австрийских намерениях даже позднее, чем вы. Мой долг привлечь к этому ваше внимание, так как Германию обвиняют в подталкивании Австрии на этот шаг. Такое предположение так же ложно, как это было по поводу Санджакской железной дороги... Но раз Австрия решилась на аннексию, не посоветовавшись с нами, то сомнения быть не может, по какому курсу нам итти, как честному союзнику...

„Это не значит, что мы намерены порвать старые дружественные отношения с Россией. Более, чем когда-либо, я убежден, что Германия и Россия должны быть так тесно связаны, как только это возможно; их союз создал бы могущественную твердыню для поддержания мира и монархического принципа... Моя дружба лояльна и искренна; я был в состоянии вам доказать это делами, когда в период переживаемых Россией тяжелых времен, я для вашей пользы взял большую долю ответственности на себя.

„Ценя дружеские отношения между нашими государствами, важно устранить все, что может им повредить. Вы не посетуете на мое откровенное мнение.

„Недавно нас представляли открыто выражающими неудовольствие по поводу вашего соглашения с Англией по делам Средней Азии, а потом по поводу визита дяди Bertie (короля Эдуарда) в Ревеле. Все это глупости! Мы прекрасно понимаем, что в настоящее время Россия должна избегать конфликта с Великобританией и что она склонна устранить все спорные пункты.

„Кроме того, вы неоднократно уверяли меня, что не войдете ни в какие соглашения с Англией более общего свойства. Я имею ваше слово, чего же больше? Мы также озабочены тем, чтобы улучшить наши отношения с Англией...

„Нет, дорогой Ники, ни ваше соглашение с Англией по поводу Средней Азии, ни встреча в Ревеле не произвели никакого неудовольствия или разочарования в Германии. Причина этому совсем другая. Уже два года, как русская поли-

---

[1] Английский подлинник помещен в приложении № 13.

тика все дальше и дальше отдалялась от нас, примыкая к комбинациям держав, нам недружелюбных. Про Тройственное Согласие разговоры идут по всему свету, а английская и французская печать не пропускают удобного случая представить его, как непосредственно направленное против Германии".

Приведя несколько примеров отчужденности русской политики по отношению к Германии в делах Китая, Персии и, в особенности, Багдадской железной дороги, Вильгельм привлекал к этому внимание своего корреспондента, „пока еще не поздно".

Вслед за этим автор письма переходил к вопросу дня.

„Тенденция русской политики склоняться в сторону Англии и Франции,—писал он,—была особенно заметна во время настоящего кризиса. Ваше правительство вошло с германским в сношения по вопросу о Боснии уже после того, когда программа предложенной конференции была принята в Париже и Лондоне и опубликована во французской прессе, которая, совместно с английской и русской, приветствовала ликующим хором завершение нового Тройственного Согласия...

„Так обстояли дела, когда Извольский прибыл в Берлин.

„Мое правительство не имело колебаний, но придерживалось строжайшей сдержанности по некоторым важным пунктам, составляющим часть русских желаний. Мы не могли понуждать нашу союзницу согласиться на программу, которую, мы знали, она совершенно не примет, не принимая даже во внимание, что эта программа была составлена без нашего содействия, что всеми было усмотрено, как намеренная демонстрация.

„Если бы был принят другой курс, то мы внушили бы вашему правительству не отвергать эту программу, а провести ее при помощи конфиденциальных переговоров между кабинетами, что нам дало бы не один случай оказать значительные услуги России.

„Если бы Россия посоветовалась с нами в нужную минуту, дела не были бы так осложнены (muddle) и не были бы в том критическом положении, как сейчас. В нынешних же обстоятельствах я совершенно не вижу, что бы я мог сделать, кроме совета умеренности, обеим сторонам, что я уже и сделал.

„Совершенно откровенно уверяю, что ваш взгляд на австрийские намерения очень пессимистичен, и мы не имеем ни малейшего сомнения, что Австрия не намерена атаковать Сербию... Конечно, маленькие Балканские государства по необходимости должны быть осторожны, лойяльны, избегать всяких провокаций и положить конец военным приготовлениям. Эти маленькие государства—крайне беспокойны. Quantités negligeables! Малейшее подбадривание с любой стороны делает их бешеными"...

Одновременно с этим в Германии, по сообщению русского посла в Берлине, было заметно сильное бряцание оружием. „Тяжелое впечатление,—доносил Остен-Сакен, [1]—произведенное на императора (Вильгельма) разоблачениями Daily Telegraph (о роли Германии в отношении России при аннексии Боснии и Герцоговины) и прениями по этому поводу в рейхстаге, располагает монарха внимательно прислушиваться к мнению относительно наилучшего выхода из настоящего критического положения. Военная партия считает войну единственно возможным способом восстановления поколебленного последним событиями в глазах народных масс престижа монархической власти... и победная война могла бы отразить натиск народных радикальных стремлений к изменению конституции в более либеральном духе".

Обращаясь к внешней политике, Остен-Сакен опасался, что раздраженный Вильгельм открыто примкнет к лагерю противников славянского мира и использует совместно с Австрией временное ослабление России, чтобы „избавиться от славянского кошмара".

Свое длинное письмо русский посол кончал следующими рассуждениями: „Готовность берлинского кабинета содействовать Австрии в балканских делах тем более знаменательна, что расширение действий тройственного союза на вопросы Ближнего Востока считалось до сих пор противным интересам Германии, ввиду ее традиционно-дружественных отношений к России... Все вышеизложенное создает для нас необходимость весьма осторожно касаться вопросов дня и это тем более, что по сию пору трудно предугадать последствия настоящего свидания короля Эдуарда с императором Вильгельмом в Берлине. Тонкий ум короля и импульсивный темперамент императора представляют широкое поле для самых неожиданных случайностей, и всякое сближение между берлинским и с.-джемским кабинетами явилось бы тяжелым ударом, нанесенным нашему положению среди великих держав".

В архивах имеется только материал для ответного письма Николая II к Вильгельму, написанный Извольским. Он состоит из повторения известных уже нам мотивов, почему я ограничиваюсь помещением его в приложении № 14.

Переговоры между державами по поводу аннексии.

Контр-разведкой русского Генерального Штаба был перехвачен отчет английского посла сэра Никольсона за 1909 г., который по своей объективности и наблюдательности представляет большой интерес [2] и к которому мы будем прибегать ни один раз.

---

[1] Частное письмо гр. Остен-Сакена—Извольскому из Берлина от 23 января (5 февраля) 1909 года.

[2] Русский перевод этого документа хранится в Секретном отделе II Отд. Гос. Архива.

Английский посол отмечал, что Россия все более и более старалась теснее связаться и действовать за одно с Францией и Англией. 1908 г. показал, что, „ввиду могущественных комбинаций, имеющих явно враждебный характер в отношении России на Ближнем Востоке, она была поставлена в необходимость соглашаться с действиями западных держав. Этот год закончился среди обстоятельств, внушавших крайнее беспокойство... Ни одну минуту нельзя было с уверенностью предсказать, каким образом решится вопрос между Австрией и Турцией и между этой последней и Болгарией в то время, как Сербия и Черногория были вооружены и взволнованы, а сношения между Веной и Петербургом носили характер, который делал положение еще более угрожающим... Россия страдала от щелчков и, сознавая свою временную слабость, тревожилась за положение в юго-восточной Европе... Россия в действительности стояла перед серьезной дилеммой... Австрийский кабинет оставался совершенно безучастным к ее общественному мнению и, очевидно, был убежден, что страна не осмелится и не будет в состоянии воевать. Россию совершенно игнорировали... Франция, по мнению Извольского, чрезвычайно заботилась сохранить мир, желая быть в наилучших отношениях с Австрией в то время, как ее недавнее соглашение с Германией (случай в Казабланке) влекло ее ближе к орбите центральных держав, чем это было желательно России. Большое сомнение возникало в душе Извольского, будет ли его союзница на его стороне, если наступит кризис. Англия, хотя и высказала России свою симпатию, но откровенно заявила, что она будет в состоянии поддерживать ее только дипломатически...

Кроме того, Извольский был скован общественным мнением у себя дома. Представители и выразители русского общественного мнения приняли такое положение, которое делало твердую и последовательную политику почти невозможной. Они кричали о своей симпатии и поддерживали надежды и стремления маленьких Балканских государств; они были неистовы в своих угрозах Австрии и Германии и, однако, они постоянно утверждали, что ни в каком случае не желают, чтобы Россия начала воевать“.[7]

Такова общая характеристика положения России, которую сделал Никольсон к моменту развернувшихся переговоров по балканским делам, характеристика, вполне подтверждающаяся и русскими документами.

Вопрос о самой аннексии отошел как бы в сторону; он временно повис в воздухе, не будучи еще принят державами. Вопрос о конференции также заглох, а о проливах перестали говорить. Перед озабоченной Европой выдвинулись на первое место два новых вопроса, хотя непосредственно и связанные с аннексией, но временно отодвинувшие ее на задний план.

Вооружения Сербии и Черногории, как протест против захватнической политики Эренталя, с одной стороны, и обострившаяся дипломатическая борьба за независимость между Болгарией и Турцией, с другой, могли довести дело до открытого разрыва или до окончательного падения русского престижа на Балканах. Россия поставила себе целью избежать войны, и по возможности, сохранить свое лицо на Балканах.

В зависимости от этого переговоры велись в двух плоскостях—по сербскому и черногорскому вопросам и по вопросу о признании независимости Болгарии. Ход дипломатических сношений затруднялся еще тем, что фактически непосредственный обмен мыслей между Петербургом и Веной прекратился, и Германия сделала попытку, чтобы Австрия вела их через Францию, [1] а также затруднялся непосредственными переговорами Вены с Константинополем о признании аннексии за большое денежное вознаграждение, переговорами Парижа и Берлина о делах в Марокко и, наконец, двусмысленным поведением Франции, о котором Никольсон упоминал в своем отчете.

Все это перепутывалось друг с другом, зависело одно от другого и ставило петербургский кабинет в особо затруднительное положение.

Телеграммы Нелидова носили очень неопределенный и путанный характер.

„Соглашение между Турцией и Австрией,—доносил он, [2]—очень беспокоит сербов, ввиду ясно выраженного намерения Австрии поглотить их. Болгары, торгуясь из-за денег, замедляли решение вопроса с Турцией, что было на руку австрийцам и волновало весь дипломатический мир. [3] Пишон, французский министр иностранных дел, упрекал в этой задержке переговоров англичан, покровительствовавших младо-турецкому правительству. („Странное туркофильство“, пометил Николай II). Благодаря этим распрям, влияние Германии в Константинополе вновь начало усиливаться, и ему приписывали согласие Порты на получение за аннексию Австрией ее провинций денег, от чего младотурки сначала с достоинством отказались“. [4]

В первых числах февраля между Францией и Германией было подписано соглашение по маррокским делам, которое сблизило оба правительства, обрадовало французов и было неприятно англичанам, так как предоставляло немцам в Марокко широкое торговое участие. [5]

---

[1] Донесение Нелидова 29 января (4 февраля) 1909 г.
[2] В телеграмме от 3 (16) января 1909 г.
[3] Телеграмма от 8 (21) января 1909 г.
[4] Телеграмма от того же числа № 1.
[5] То же от 28 января (10 февраля) 1909 г. №№ 8 и 10.

Соглашение сводилось к следующим трем пунктам:

1) Экономическое равенство и поддержание независимости Марокко.

2) Франция обязывалась не мешать экономическим интересам Германии, которая, в свою очередь, признавала, что специальные интересы Франции связаны с упрочением в Марокко порядка и внутреннего спокойствия, и в поддержании таковых решила ей не мешать.

3) Обе стороны взаимно приобщат своих подданных к тем предприятиям и концессиям, которые они получат. [1]

Французский министр иностранных дел поспешил заверить при этом русского посла, что соглашение с Германией совершенно не касается восточных дел и что Франция всегда поддержит нас в балканском вопросе. [2]

С своей стороны, Бенкендорф сообщал из Лондона [3] о попытке Берлина заставить принять Францию на себя посредничество в переговорах Австрии с Россией и об ее категорическом отказе от такой роли, которая совершенно несовместима с ее единственной естественной ролью защитника русской точки зрения.

Английский статс-секретарь по иностранным делам полагал, что, предварительно общей европейской конференции, необходимо после окончания вопроса о Болгарии наилучшим образом разрешить его в отношении Сербии и Черногории, в чем Англия обещала нам полную поддержку, считая, что и соответствующая поддержка Франции имеет весьма важное значение.

В начале февраля король Эдуард посетил Берлин, и Грей вынес из этой поездки, что война неизбежна в случае реального изолирования Германии или в случае ее преобладающего значения в Европе. [4] По мнению английского премьера, Германия не желала войны; что же касается отношений Англии к России, то они не изменились и после посещения Берлина, и Англия попрежнему готова оказывать нам дипломатическую поддержку в пользу Сербии. [5]

Заявлениям английского и французского министров Извольский не придавал, как увидим ниже, особой веры, очевидно, разочаровавшись в результатах своих личных собеседований с ними во врéмя осенней поездки в Лондон и Париж.

Чтобы дать полную картину того водоворота, в котором развивались переговоры о Сербии и Болгарии, следует упомянуть и о мнении старого профессора международного права Мартенса, которому Николай II дал право непосредственно писать ему по политическим вопросам.

---

[1] То же от 26 января (8 февраля) 1909 г. № 18.
[2] Письмо Нелидова от 3 (16) февраля 1909 г.
[3] От 9 (21) февраля 1909 г. № 1.
[4] Бенкендорф—Извольскому 28 января (10 февраля) 1909 г.
[5] Тоже 2 (15) февраля 1909 г.

Средство против тупика, в котором оказалась Россия, и против постоянной угрозы войной он видел в необходимости во что бы то ни стало переманить Германию в лагерь России, Англии и Франции, предоставив ей осязательные выгоды и потворствуя необычайному самолюбию Вильгельма.[1]

При таких условиях продолжались переговоры по сербскому и болгарскому вопросам.

Переговоры о Сербии и Черногории.

В конце 1908 г. Извольскому пришлось согласиться на желание Австрии, чтобы до созыва конференции первоначальное обсуждение вопроса об аннексии Боснии и Герцоговины было произведено отдельно с каждым кабинетом. В русском циркуляре по этому поводу было указано, что позднейшая конференция должна заняться пересмотром некоторых устарелых постановлений Берлинского трактата и удовлетворением законных интересов Турции и Балканских государств. Далее он указывал на желательность обмена на конференции взглядами относительно пунктов, имеющих особый интерес для России, и полагал, что ст. 25-я трактата не может быть только отменена, но должна быть заменена постановлениями, обеспечивающими аннексированным провинциям некоторые автономные права.

В этом циркуляре ясно сквозило желание поднять вопрос о проливах, но Извольский после путешествия в Лондон не счел возможным высказать открыто свою затаенную мысль. Другая особенность циркуляра заключалась в том, что петербургский кабинет предполагал заступиться за Турцию, которая под давлением, очевидно, Германии шла на быстрое частное соглашение с Австрией на денежной почве. Главная же задача конференции состояла в том, что Извольский своей речью в Думе 12(25) декабря как бы дал обязательство Сербии и Черногории употребить все дипломатические средства для защиты их интересов, что и надо было исполнить.

При таких условиях завязался второй этап переговоров, который при самом своем начале базировался на очень зыбком основании защиты Турции, пошедшей уже на денежную сделку с Австрией, и заступничества за сербов, где Россия оставалась одна в борьбе не только со сплоченными Австрией и Германией, но и с взбаламученным русским общественным мнением, излишне подогревавшим надежды южных славян.

Положение еще больше ухудшалось подозрительной позицией, занятой Францией и отчасти Англией. Воинственное поведение венского кабинета и прессы, угрожавших предъявлением Сербии ультиматума, а вслед за ним и началом карательной экспедиции, Извольский приписывал франко-

---

[1] Письмо от 9 февраля 1909 г. II Отд. Гос. Архив. Секрет. отд. Картон: Доклады 1909 г.

германскому соглашению, чрезмерному любезничанию Парижа с Веной и свиданию Эдуарда с Вильгельмом, на котором будто бы состоялось постановление о совместных действиях в балканском кризисе. Русский министр взывал к своим союзникам о необходимости принятия общих мер и предлагал Франции взять на себя в этом инициативу. Если же Россия и впредь останется изолированной, грозил Извольский, то это будет непоправимым ударом для настоящей системы союзов и соглашений.[1] Из Лондона он получил в этом отношении вполне успокоительный ответ;[2] что же касается Франции, то ее двусмысленное поведение продолжалось до конца кризиса.

„Мы честно исполним долг союзника,—говорил по этому поводу Пишон Нелидову,—но так как для наших двух стран, из которых ни одна не желает войны, создалось весьма опасное положение, то я считаю своим долгом избежать опасности и не доводить дела до крайности". Сообщая об этом, русский посол с своей стороны прибавлял: „Антимилитаризм и социализм сделали во Франции громадные успехи, но в особенности меркантильные заботы французов и их громаднейшие богатства делают их ультра-пасифистами. Если французы будут атакованы или будут затронуты их прямые интересы, то народ пойдет, как один; но итти за кусок сербской территории, это в глазах французов преступная глупость".[3]

Попытки же Грея придать спору Австрии с Сербией и Черногорией европейский характер и предложение, сделанное им Австрии, сообщить державам те уступки, которые она может предоставить балканским государствам, вызвали протест Вены и несогласие Берлина, почему от него отказалась и Англия.[4]

Германия, с своей стороны, выдвинула новый проект, к которому быстро присоединилась и Франция. Проект этот был в полной мере направлен против России, и присоединение к нему французского правительства вполне законно возмутило петербургский кабинет. Проект состоял в том, чтобы от Сербии потребовать прекращения всех чрезвычайных военных мер и вступления на путь непосредственных переговоров с Австрией.[5] Извольский рекомендовал поэтому сербам пойти на уступки, не доводить дела до этого акта и предупредить его заблаговременным обращением к защите всех европейских

---

[1] Депеша Извольского послам в Лондоне и в Париже 1 (14) февраля 1909 г.

[2] Доклад Извольского Николаю II 3 (16) февраля 1909 г.

[3] Нелидов—Извольскому 18 февраля (3 марта) 1909 г.

[4] Телеграммы Бенкендорфа от 3 (16), 10 (23) и 11 (24) февраля 1909 г.

[5] Извольский—Нелидову 14 (27) февраля 1909 г. и циркулярно послам 9 (22) февраля 1909 г.

держав.[1] По словам Никольсона, такой поступок французского правительства вызвал взрыв негодования у Извольского, который заявил великобританскому послу, что Франция „со всеми пожитками" перешла на сторону Австрии и практически доказала России цену союза с ней.[2]

Между тем венский кабинет, по мере вступления в игру Вильгельма и приближения к благополучному окончанию переговоров с Турцией, принимал все более и более воинственный и непримиримый тон. Великобританский консул в Варшаве доносил своему послу,[3] что австрийская армия установила действительную блокаду черногорских берегов, мобилизовалась не только против Сербии, но и в Галиции против России. Эренталь определенно заявил, что он не предполагает обращаться в своих делах с Сербией к посредничеству держав, а, напротив, требовал, чтобы Сербия „ясно, определенно и без посредничества объявила, что она отказывается от своих претензий на политические компенсации, и что она решила в будущем выполнять по отношению монархии обязанности доброго соседства. Если Сербия станет на эту почву, то Австро-Венгрия будет согласна вести с ней непосредственные переговоры, которые ее интересуют, и доказать ей полное благорасположение монархии".[4]

Естественно, что выполнение австрийских требований не только совершенно уничтожало влияние России на Балканах, но и подчиняло Сербию и Черногорию полной власти австрийцев.

Между тем переговоры между Австрией и Турцией привели к благополучному окончанию, и в первых числах марта венский кабинет сообщил державам о признании Турцией аннексии Боснии и Герцоговины. Из рук, Извольского этим выбивался последний устой его дипломатических комбинаций.

Хотя Франция и согласилась последовать примеру Англии и Италии, чтобы ответить на австрийское уведомление в той же форме, как это сделает Россия,[5] но одновременно французское правительство вновь выказало свою скрыто враждебную позицию в отношении нас. Оно предложило петербургскому кабинету, по внушению, как можно было подозревать,[6] из Вены, чтобы все державы сообщили сербскому правительству австро-турецкий протокол и потребовали от Сербии отказа от всякого территориального вознаграждения.

Это был новый удар со стороны Франции по союзу с Россией, удар, который должен был довершить в глазах

---

[1] Извольский—послу в Сербии 14 (27) февраля 1909 г.
[2] Годовой отчет Никольсона за 1909 г.
[3] Годовой отчет сэра Никольсона за 1909 г.
[4] Циркуляр Извольского послам 20 февраля (5 марта) 1909 г.
[5] Доклад Извольского 1 марта 1909 г.
[6] Годовой отчет Никольсона.

русских дипломатов настоящую оценку союза в смысле специально русских интересов.

Предложение Франции не увидело, однако, света, так как сербы выполнили совет Извольского и сообщили державам, что, если аннексия является внутренним делом Австрии, и державы примут австро-турецкий протокол, то Сербия не имеет возражений; но, если вопрос об аннексии будет обсуждаться державами на конференции, то Сербия выскажет им свое мнение. Сербия обещала также отпустить запасных, если Австрия уменьшит до нормального числа свои пограничные войска или если державы гарантируют ее от нападения Австрии.

Но венский кабинет на это не соглашался и требовал воздействия России на Сербию, чтобы в ее ноте имелось указание на австро-турецкий протокол и ясное признание факта присоединения Боснии и Герцоговины, как дела, решенного по существу и не подлежащего дальнейшему обсуждению.[1] При этом Эренталь, чтобы воздействовать на Извольского, решил прибегнуть к мерам, несколько напоминающим шантаж, а именно к разглашению результатов Бухлауского свидания; Извольский тоже не остался в долгу и пригрозил опубликованием нашего секретного соглашения с Австрией 1904 г., которое сильно компрометировало центральные державы перед Италией.[2]

К этому времени дипломатическое положение России несколько улучшилось, благодаря осложнению между Англией и Германией, как следствию очередного увеличения немцами своего флота.[3]

По словам Грея, морские вооружения Германии ставили Англию в совершенно новое и серьезное положение. Немцы, выполнив свою судостроительную программу, обладали бы в ближайшем соседстве с берегами Великобритании 33 дредноутами и флотом, не виданным до того времени по своей силе. Это налагало на Англию обязанность переустроить весь свой флот и сделать его самым могущественным в мире. При этом Грей повторил, что только два обстоятельства могут повести в будущем к конфликту, а именно, попытка к изолированию Германии или изолированию Англии, которая не может примириться с господством на континенте одного какого-нибудь государства, которое диктовало бы Англии свою политику.[4]

С этого времени лондонский кабинет обратил более серьезное внимание на прекращение кризиса и принял более

---

[1] То же и доклад Извольского от 24 февраля (12 марта) 1909 г.
[2] Доклад Извольского Николаю II 27 февраля (12 марта) 1909 г.
[3] Телеграмма Бенкендорфа 10 (23) марта 1909 г. № 10
[4] То же от 18 (31) марта 1909 г. № 14.

деятельное и враждебное Германии участие в переговорах.[1] По сообщению Нелидова[2] из Парижа, для западных держав становилось, наконец, ясным, что на Балканах дело шло о наступательном движении германизма, имея в авангарде Австрию, против пробуждающегося южного славянства, которое должно быть задавлено или окончательно подчинено воле Габсбургского дома. Но подобное просветление со стороны морских держав последовало поздно.

Германский ультиматум России.

Германия, не без влияния, как можно полагать, обострившихся отношений с Англией, решила прекратить затянувшийся балканский кризис ударом по России, или заставив ее беспрекословно подчиниться требованиям Австрии, или вызвав войну при весьма благоприятной для Германии обстановке.

2 (15) марта германский посол граф Пурталес передал Извольскому следующую ноту:[3]

„Если Россия согласна использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства влияния на белградский кабинет, чтобы успокоить Сербию, то берлинский кабинет готов оказать ей свою дружескую помощь. Если же, напротив, Россия не считает возможным дать в этом положительных уверений, то Германия может только предоставить своей союзнице свободу действий". Далее, в ноте указывалось, что берлинский кабинет позондирует Вену, согласна ли она известить державы о подписанном ею протоколе с Турцией и предложить им санкционировать уничтожение одного из положений Берлинского трактата. Германский канцлер считал, что такой исход дела ничуть не подорвет престижа России и даст ей более свободы для воздействия на Сербию.

Одновременно с вежливым пока воздействием Германии на Россию барон Эренталь старался воздействовать на нее и на Сербию через Англию, которой он предложил проект сербской ноты, могущей удовлетворить Вену.[4] Сербия должна была признать, что присоединение Австрией Боснии и Герцоговины ни в чем не нарушило ее прав и заявить, что она в будущем отказывается от политики оппозиции и протестов, которой она придерживалась в прошлом в отношении аннексии. Однако, Грей, а вместе с ним и Пишон[5] признали такую ноту унизительной для Сербии и несколько ее смягчили. При этом Грей заявил Эренталю, что это последняя попытка держав к окончанию кризиса, и что в дальнейшем вся ответственность за события падает на Вену.

---

[1] Телеграмма Бенкендорфа от 11 (24) марта № 12, 12 (25) марта № 14 и 13 (26) марта № 15 1909 г.

[2] Телеграмма от 5 (18) марта 1909 г. № 23.

[3] Хранится в папке 1908 г. Секретного отдела Архива.

[4] Бенкендорф—Извольскому 9 (22) марта 1909 г.

[5] Нелидов—Извольскому 9 (22) марта 1909 г. № 58.

Окончательный текст выработанной сербской ноты гласил следующее: [1]

„Сербия признает, что она не была задета в своих правах вновь созданным положением в Боснии и Герцоговине и, как следствие этого, она подчинится тому решению, которое державы примут в отношении ст. 25-й Берлинского трактата. Следуя совету великих держав, Сербия обязуется с настоящего времени отказаться от поведения протеста и оппозиции, которому она следовала с прошлой осени в отношении аннексии, и обязуется изменить курс своей политики относительно Австрии, чтобы впредь жить с ней в добром соседстве. Основываясь на этом заявлении и веря в миролюбивые намерения Австро-Венгрии, Сербия уменьшит свою армию до размеров, существовавших весной 1908 г., разоружит и распустит волонтеров и воспрепятствует новому образованию их на своей территории". [2]

Но для того, чтобы Россия согласилась посоветовать Сербии отправить подобную ноту, необходимо было воздействовать на нее принудительно.

Извольский на приведенную выше ноту берлинского посла Пурталеса от 2 (15) марта ответил 7 (20) марта в очень любезных и неопределенных тонах, не желая связывать себя в будущем. Но 9 (22) марта германский посол вручил ему ультиматум, [3] в котором указывалось, что, если Австрия потребует, чтобы державы согласились на отмену ст. 25 Берлинского трактата, то и Россия также должна дать свое согласие; в противном же случае, Германия позволит обстоятельствам итти своим путем. Ответ России требовался немедленный и неуклончивый и в случае ее отказа Германия „спустит Австрию на Сербию". Все поведение Пурталеса при вручении ультиматума и тон его речей не вызывал сомнения в том, что Германия решила довести предпринятый ею шаг до конца.

Неожиданность вызова крайне поразила русское правительство тем более, что за несколько дней перед этим Николай II отправил по просьбе Извольского Вильгельму очень дружелюбную телеграмму, указывая на важные последствия, которые могут произойти, если начнутся враждебные действия между Австрией и Сербией, и выражая надежду, что Вильгельм употребит свое влияние в Вене, чтобы умерить поведение Австрии; на эту телеграмму пока ответа не последовало.

По свидетельству Никольсона, [4] было несомненно, что Австрия собрала большие силы в Галиции, а в отношении

---

[1] Извольский—послу в Белграде 15 (28) марта 1909 г.
[2] Перевод с французского.
[3] Извольский—послам в Париж и в Лондон 10 (23) марта 1909 г.
[4] Его годовой отчет.

Германии ходили слухи о подготовлении к мобилизации на русской границе 1—2 корпусов. России нужно было, таким образом, решить, подчиниться ли безоговорочно требованиям Германии или присутствовать при захвате Сербии Австрией, а, может быть, и быть атакованной на своей западной границе.

Вопрос был передан на решение Совета Министров, и под давлением министра финансов, а также ввиду заявления военного министра о неготовности армии, Россия подчинилась германскому ультиматуму.

Извольский принял германский ультиматум, не посоветовавшись ни с французским ни с английским послами, и объяснил свой поступок Никольсону, [1] как краткостью предоставленного Германией для ответа времени, так и бесполезностью, зная, что Англия предложит только дипломатическую поддержку, а Франция уже доказала всю сомнительность надежды на ее реальную помощь. Впрочем, Пишон, [2] получив сведение о принятии Россией ультиматума, достаточно поздно одумался и заявил, что теперь долг Франции и Англии обеспечить ее в будущем от новых попыток Австрии компрометировать la solution satisfaisante. [3] Надо, однако, отдать справедливость, что французское общественное мнение было отчасти возмущено тем, что Россия не была сильно поддержана своими союзниками, и убедилось в необходимости более тесного сближения с ней, чтобы не допускать дальнейших наступлений держав Тройственного Союза при наличии достаточной силы для противодействия этому. [4]

Впечатление на русское общество, произведенное поведением Германии, было громадно. Вместо того, чтобы поразить его могуществом центральных держав и вызвать сожаление, что русское правительство не опирается в своей политике на Берлин и Вену, поступок Вильгельма привел Россию к такому почти единогласному отчуждению от идеи традиционной связи с Германией и необходимости поэтому к большему сближению с Англией и Францией, истинная физиономия которых была для общества скрыта,—что число германофилов уменьшилось до последней степени.

Все же поведение Извольского вызвало распространение в Петербурге слуха, что он сам внушил берлинскому кабинету мысль об ультиматуме, чтобы выйти из трудной дилеммы. [5]

Только через пять дней после вручения ультиматума и приема его Россией Вильгельм ответил на любезную телеграмму Николая II.

---

[1] Его отчет за 1909 г.
[2] Нелидов—Извольскому 12 (25) марта 1909 г.
[3] Удовлетворительное разрешение.
[4] Нелидов—Извольскому 19 марта (1 апреля) 1909 г., № 28.
[5] Сэр Никольсон в своем отчете за 1909 год.

„Я очень рад, — писал Вильгельм, [1] — что предложение, сделанное моим посланником вашему правительству, вы рассматриваете, как поддерживающее мое желание к дружескому размышлению". Так Вильгельм называл свой ультиматум, предъявленный в самой резкой форме. Далее автор телеграммы восхвалял миролюбивые по отношению к Сербии чувства Франца-Иосифа, но выражал от себя опасение, что угрожающее положение этой последней может, в конце концов, принудить Австрию к принятию военных мер. Таким образом, и ультиматум, которому подчинилась Россия, фактически не обеспечивал безопасности сербов, если бы Австрия пожелала на нее напасть.

Телеграмма заканчивалась присущим всей переписке Вильгельма припевом о неблагодарности России.

„Я помогал вам, — писал автор, — впродолжение японской войны моим торговым флотом, что почти привело мою страну к войне. Вы также знаете, что мое правительство было всегда готово поддержать вас в подавлении революционного движения и делало это так энергично, что мы встретили упреки и нападки в собственной стране и даже в парламенте. Я всегда сохраню чувства дружбы к вашей стране и буду рад, если отношение вашего правительства, как это имело место с последним ответом, будет облегчать мне согласование политики моей страны с дружбой к вам, которой я так дорожу. Я верю, что сербские дела не подорвут нашей дружбы и не нарушат ваших отношений с Францем-Иосифом, даже если Австрия будет принуждена против своей воли принять военные меры".

Читатель по достоинству оценит содержание и тон приведенной характерной выдержки из телеграммы Вильгельма. Дружба царю и помощь ему против внутренних и внешних врагов давалась только при полном политическом подчинении России, а вторичное упоминание о Сербии как бы подготавливало Россию к неизбежности нападения на нее Австрии, т.-е. уничтожало всю пользу от унизительного принятия нами немецкого ультиматума. И, если такого нападения не случилось, то вернее всего, благодаря грозному окрику Грея, заявившего германскому послу, что „Англия не расположена действовать под чужую диктовку". [2]

Таким образом, в сербском вопросе и вызвавшем его вопросе об аннексии Боснии и Герцоговины Россия получила полное дипломатическое поражение.

Вознаграждение Черногории первоначально было отнесено на задний план, но когда сербский кризис миновал, то оно было разрешено почти без инициативы России в пользу Чер-

---

[1] Подлинная телеграмма на английском языке помещена в приложении № 15.

[2] Бенкендорф—Извольскому 13 (26) марта 1909 года № 15.

ногории уничтожением параграфов 5-го и 7-го—11-го статьи 29-й Берлинского трактата и изменением параграфа 6-го этой статьи в том смысле, что Антивари должно оставаться коммерческим портом. России удалось, кроме того, уравнять Черногорию с Турцией в отношении обоюдного лишения права держать военные суда на Бойне и Скутарийском озере и воздвигать укрепления на берегах этой реки.

Независимость Болгарии.

Как было уже сказано, Болгария через два дня после объявления Австрией присоединения Боснии и Герцоговины объявила о своей независимости, о присоединении Румелии и о превращении Болгарии в королевство. Одновременность венского и софийского актов и ходатайство Австрии о признании державами болгарской независимости вызвали в Петербурге весьма естественное опасение насчет сделки между Болгарией и Австрией.

Основная идея политики Извольского в этом вопросе сводилась не к тому, чтобы затормозить признание независимости Болгарии, а к тому, чтобы взять это дело в свои руки. Это ему в известной мере и удалось.

Турция фактически не имела силы противиться естественному ходу событий, в виде прекращения ненормального положения Болгарии, и вопрос о признании ею независимости этого государства сводился к той сумме, которую Болгарии следовало ей уплатить в возмещение за Румелию и за часть Восточных железных дорог, отходивших от Турции.

Оттоманское правительство высчитывало эту сумму в 125 миллионов франков, а Болгария считала возможным уплатить только 82 миллиона. Французские и английские банки соглашались устроить Болгарии заем не более 100 миллионов франков, но при условиях, явно не приемлемых для софийского правительства.

Спор между Турцией и Болгарией затягивался, неоднократно грозя перейти в открытый разрыв или перекинуть окончательно Болгарию в стан держав Тройственного Союза. Все это осложнялось еще тем, что болгарский вопрос совпадал по времени с сербским кризисом.

Тогда Извольский сделал остроумный ход, приняв разницу между суммой, требуемой Турцией и предлагаемой Болгарией, на счет причитающейся России от Турции контрибуции и устроив, кроме того, Болгарии заем в 82 милл. франков на русском рынке на весьма выгодных условиях. [1] Турция отнеслась сначала подозрительно к предложению России, опасаясь, что вслед за этим будет вновь поднят вопрос о Дарданеллах, но впоследствии успокоилась, и в апреле месяце державы и Турция признали независимое королевство болгарское.

---

[1] Телеграмма Извольского послам 17 (30) января 1909 года.

Заключение. Первый балканский кризис окончился полным дипломатическим поражением России, и только в деле болгарской независимости ей удалось сохранить свое лицо.

Здесь интересна не столько жалкая роль, которую сыграл русский министр иностранных дел Извольский, как весь характер внешней политики обширного государства.

Если в предшествовавшие царствования русская внешняя политика менялась, да и то не всегда, с каждым новым воцарением, то при Николае II она менялась с каждым новым министром, который хотел внести в нее нечто свое, совершенно не считаясь с теми данными, с которыми ему приходилось оперировать.

Из приведенных документов ясно видно, что в зачатке кризиса Извольский виноват не меньше, если не больше, чем Эренталь. Кому из них обоих пришла первая мысль дипломатического нападения на Турцию—для истории все равно; по всей вероятности, она была решена еще в 1906 году, когда Эренталь был послом в Петербурге. Но, если для Эренталя, обеспечившего себе поддержку Германии и удачно нейтрализовавшего Турцию и Болгарию спором из за независимости последней, вся шахматная игра была построена на прочной базе, то нельзя того же сказать относительно Извольского, для которого игра на фоне ослабленной военной мощи России очень смахивала на авантюру. При этом такое поведение Извольского совершенно не вызывалось обстановкой. Нет сомнения, что Австрия не начала бы вопроса об аннексии, имея против себя не падкую на авантюры, а только строго охраняющую statu quo, Россию, находившуюся притом в союзе с Францией и Англией. Извольский сам вместе с Эренталем решил ловить рыбу в мутной воде и этим невольно давал carte blanche австрийскому министру.

Извольский переоценил силу соглашения с Англией и союза с Францией, в отношении которых балканский кризис показал, что Россия в соблюдении своих собственных интересов вновь оказалась в одиночестве. Невольно возникает вопрос, не лучше ли ей было на подобие 1887 года признать свое одиночество и строить свою политику на новых основаниях. Она, несмотря на свое дипломатическое поражение, находилась в наиболее выгодном положении, так как ее помощь была крайне необходима и той и другой группе держав. Но вместо этого Россия решила окончательно привязать себя к обманувшей ее Франции и к Англии, на поводу которых она беспрекословно и шла до своего крушения.

Надо, однако, отдать справедливость Извольскому, что во время самого кризиса он предпринимал ряд дипломатических ходов, которые сделали для Австрии достигнутые успехи чреватыми пагубными последствиями, а грубую победу Гер-

мании обратили в поражение, так как она не только не расколола Тройственного Согласия, но, напротив, сильнее спаяла его.

Нейтральный наблюдатель совершившихся событий, великобританский посол Никольсон, дает в своем годовом отчете следующую характеристику положения России после кризиса:

„Можно утверждать, что, хотя Россия понесла дипломатическое поражение, но нет оснований предполагать, что она потеряла свой престиж и влияние на Балканах. Она оправляется от последствий тяжелой войны и большой внутренней смуты быстрее, чем это можно было ожидать и чем это могло произойти во многих других государствах. Она является державой с 150 милл. населением, которое ежегодно увеличивается на 2 милл., с почти безграничными и нетронутыми естественными богатствами. Новый дух постепенно внедряется в империи, просвещение и образование распространяются медленно, но прочно, а промышленность и торговля сильно развиваются. Со стороны обороны она уже теперь неуязвима; для нападений же она скоро будет в высшей степени грозна и в состоянии будет занять в Европе то место, которое ей принадлежит по праву. Это будет новая Россия, которая появится на сцене. Одной из наиболее характерных черт этой единственной в своем роде страны является терпение и молчание, с которыми она переносит испытания, долженствовавшие сломить дух многих других рас“.[1]

---

[1] Перевод с английского.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГОДЫ УСПОКОЕНИЯ (1909—1911 ГОДЫ).

Последствия первого Балканского кризиса. Сношения России с Германией. Сношения с Австрией. Сношения с Италией. Союз Балканских государств. Сношения с Турцией. Железнодорожное строительство в Малой Азии и в Персии. Державы Тройственного Согласия. Русско-японский договор. Совещания начальников русского и французского штабов. Заключение.

Последствия первого Балканского кризиса.

Напряженное положение, вызванное в Европе аннексией Боснии и Герцоговины, постепенно улеглось после принятия Россией германского ультиматума. Но потрясение было так велико, что оно не могло не оставить последствий и не дать вдумчивым дипломатам соответствующих указаний для будущего. Наступило как бы наружное перемирие, чтобы подготовиться к следующим схваткам, одна из которых неминуемо должна была привести к войне, так как самое образование и укрепление на европейском материке двух почти одинаково сильных и враждовавших между собой политико-экономических групп обозначало неизбежность мировой войны, и вопрос заключался только во времени ее начала.

Война могла быть временно избегнута только в одном случае, а именно, если один политический трест станет подавляюще сильнее другого. Переход России или Англии из одной группы в другую или нейтралитет их мог при известных обстоятельствах нарушить необходимое равновесие и сделать одну из групп более уступчивой. И борьба, с одной стороны, за сохранение существовавших политических группировок, а с другой—за расторжение их, отличает работу дипломатических канцелярий в наступивший период затишья. Но для того, чтобы вызвать желаемую перегруппировку или нейтрализировать для определенных случаев некоторые из держав, необходимо было играть на их реальных интересах, объекты которых выявились в достаточной степени в предшествовавшие периоды.

Балканский полуостров для России и Австрии, проливы для России, Средиземное море для Франции, Италии, Англии и Испании, берега северной Африки для этих же стран, включая и Германию, Персия и вообще Малая Азия с ее

железнодорожным строительством для Германии, Англии и России и, наконец, борьба за морскую гегемонию между Англией и Германией—вот те обширные объекты, которые волновали европейские державы и могли служить для торга друг с другом, а также и для вражды, которая при желании могла быть всегда раздута и до общего европейского пожара. В указанных плоскостях и шла, как увидим ниже, политическая борьба между великими европейскими державами.

Из всех помянутых вопросов, волновавших Европу и раньше, наиболее остро стоял вопрос балканский, где сталкивались жизненные интересы России и Австрии, и вопрос о морских вооружениях, на который Англия смотрела, как на вопрос бытия или небытия морской гегемонии этого государства. Марокко, Малая Азия и Средиземное море давали возможность более или менее столковаться разным странам, и бывшие там инциденты не приводили к такому кризису, к какому привело разногласие на Балканах и могло привести постоянное увеличение флота Германией. Это были два, так сказать, вулканических пункта, к которым требовалось относиться с наибольшим вниманием и наибольшей осторожностью. А между тем вслед за небольшим перерывом именно на Балканском полуострове завязался клубок все более запутывавшихся событий, которые и привели к мировой войне.

Сношения России с Германией.

Поведение Вильгельма в закончившемся балканском кризисе по отношению к России вызвало возмущение не только русского общественного мнения, но и английского и даже германского. В газетах появились, как их скромно называл берлинский кабинет, „легенды“ о резкой форме требований, предъявленных Вильгельмом России с целью принудить ее подчиниться Австрии, и для успокоения общественного мнения германскому правительству очень хотелось, чтобы Россия опровергла „легенду“, выставив вмешательство Германии в виде только дружеского совета.

Настойчивость Берлина в этом вопросе привела Извольского к мысли, что „в ней выражается настоятельная потребность, ощущаемая Германией, выяснить, как Россия к ней относится и намерена относиться в будущем, в особенности, в случае вооруженного столкновения между Германией и Англией“. [1]

Но намерения Вильгельма шли гораздо дальше, чем предполагал Извольский. Во время своего свидания с Остен-Сакеном 6 (19) мая в Висбадене, [2] Вильгельм, говоря о „легенде“, поставил вопрос несравненно шире. Он дал понять русскому послу, что „единственная политика, выгодная для обеих

---

[1] Доклад Извольского Николаю II 3 (16) мая 1909 года.
[2] Остен-Сакен—Чарыкову 7 (20) мая 1909 года.

стран, может быть построена только на прочном согласии двух соседних империй. При этом Вильгельм вспоминал последние слова, сказанные ему Францем-Иосифом при расставании в Вене: „Боже мой, почему мы не можем вернуться к здравому Союзу трех империй“. [1]

Таковы были действительные мечтания германского императора, над которыми втечение всего его разговора с русским послом доминировала одна мысль боязни „все более и более заметного сближения между Россией и Англией“.

Эти мечтания, одновременно с приведенными выше разговорами, вылились в более реальную форму предложенного Германией России соглашения, заключавшегося в следующем: [2]

1) Уничтожить „легенду“ и рассеять назревшее по поводу австро-сербского конфликта русско-германское недоразумение, но без обострения отношений между петербургским и венским кабинетами.

2) Германия примыкает к русско-австрийскому соглашению 1897 года с соответствующими последним событиям изменениями.

3) Германия гарантирует исполнение Австро-Венгрией принятого ею на себя в силу означенного соглашения обязательства воздержаться от всяких наступательных вожделений на Балканском полуострове далее предела теперешних владений. В противном случае Германия не сочтет вступление русских войск в Австро-Венгрию casus foederis.

4) В ожидании установления державами, подписавшими Берлинский трактат, формальной санкции необходимых в нем изменений, Германия окажет России деятельную дипломатическую поддержку, в видах желательного для последней решения вопроса о проливах.

5) Германия окажет также поддержку скорейшему сооружению Дунайско-Адриатической железной дороги.

6) В Персии Германия признает права, вытекающие для России из русско-английского соглашения 1907 года.

Весь этот проект договора заканчивался, как и полагается, секретной статьей, в которой заключалась вся суть договора и которая гласила: „В случае нападения Англии на Германию Россия соблюдает нейтралитет“.

Вильгельм с замечательной последовательностью, переходя от угроз к заигрыванию, вел свою политику срыва Тройственного Согласия, желая достигнуть то объединения Франции, Германии и России против Англии, то объединения трех империй, и в приведенном проекте нельзя не видеть

---

[1] „Mon Dieu, pourquoi ne pourrions nous pas revenir à sainte alliance des trois empires“. (Вышеуказанное письмо Остен-Сакена).

[2] Доклад Николаю II Извольского 5 (18) мая 1909 года.

начала того „здравого“ союза, о котором вздыхал Франц-Иосиф.[1]

Предложенное Германией соглашение не состоялось, а сближение между обеими державами, видимое для всей Европы, произошло в виде свидания двух императоров летом 1909 года на рейде „Штандарт“. Русское правительство старалось при всяком случае уверить немцев,[2] что соглашение с Англией нам необходимо исключительно для обеспечения себя со стороны Азии, и что оно является только „гарантией силы и прочности нашей дружбы к Германии“.

Свидание на рейде „Штандарт“ состоялось 4 (17) июня 1909 года в присутствии министра иностранных дел, так как, по свидетельству Извольского, Николай II не решался после печального инцидента в Биорке ездить на свидания с Вильгельмом без министра иностранных дел.

На „Штандарте“ германский император воздержался от разговоров о внешней политике, и когда уже перед отъездом Николай II спросил, какой из политических вопросов его более всего занимает в настоящее время, то Вильгельм демонстративно признал таковым движение иеменских арабов против Калифата султана.

Из разговоров же между Извольским и статс-секретарем по иностранным делам Шеном можно остановиться на пророческом предсказании Извольского, что „новый шаг Австрии вперед на Балканском полуострове может произвести кризис несравненно более острый, чем это было прошлой зимой, а, если он будет к тому же поддержан Германией, то мир в Европе спасти будет очень трудно“.

Шен, с своей стороны, видел черные точки только в сношениях с Англией. Германия, говорил он, не может позволить другой державе ставить пределы ее вооружению на море; такое положение станет опасным, если оно будет продолжаться долго, и из него необходимо найти выход.[3]

Чтобы уничтожить черные точки, Германия[4] одновременно вела переговоры о политическом соглашении и с Англией, которая, однако, потребовала предварительного разрешения вопроса о морских вооружениях.

Из размеров и характера бывших на „Штандарте“ разговоров видно, что вопрос о более тесном сближении между Берлином и Петербургом не получил своего развития, и сви-

---

[1] 18 мая 1909 года за № 78 канцлер Бюлов писал графу Пурталесу: „Как раньше, так и теперь я стою на той точке зрения, что дружественные и доверительные отношения между Петербургом и Веной могут быть для нас только желательными в интересах мира и монархического порядка в Европе“.

[2] Письмо Остен-Сакена Извольскому 29 мая (11 июня) 1909 года.

[3] Извольский—Остен-Сакену 18 июня (1 июля) 1909 года.

[4] Доклад Извольского Николаю II 7 (20) сентября 1909 года.

дание императоров послужило только к восстановлению между ними нормальных отношений. Попытка Вильгельма начать политические переговоры с Англией и усиленная деятельность его в Турции, а также рекламирование себя, как покровителя ислама, служат лучшим доказательством того, что эта мятущаяся душа искала других путей, чтобы прорвать все более и более сжимавшее Германию кольцо окружения.

Последующий год прошел тихо в отношении сношений между Германией и Россией, тем более, что он был сопряжен с переменой русского министра иностранных дел. Извольский был заменен последним перед войной министром Сазоновым.

В октябре 1910 года произошла в Потсдаме новая встреча обоих императоров, во время которой Вильгельм обменялся с Сазоновым мнением относительно некоторых политических вопросов.

Русский министр обратил внимание Вильгельма на опасное для России развитие пропаганды панисламизма, идущего из Константинополя и захватывающего все страны с мусульманским населением. Пока все это шло на религиозной подкладке, то для России не предвидилось опасности, но когда пропаганда приняла характер политический и не лишенный революционной окраски, то для России это становилось опасным. Роль Вильгельма, как покровителя мусульман, могла быть истолкована в виде поощрения к дальнейшей агитации, и существование „Берлинского" калифа внушало нам с 20 милл. мусульманского населения беспокойство. Успокоение со стороны Вильгельма последовало в общих и не внушавших доверия фразах.

Второй вопрос, одинаково смущавший обоих собеседников, сводился к росту масонских лож, признаваемых ими опасными для общественного мира и монархического принципа.

Вильгельм в разговоре о морских вооружениях Англии и Германии обвинял Лондон в тайных и предательских замыслах против Германии и решил в развитии своего флота не отставать от англичан.

И, наконец, в отношении Австрии Сазонов получил уверение, что ее политика захватов на Балканах не встретит ни малейшей поддержки со стороны Германии. [1]

Особый почет, который был оказан Николаю II в Потсдаме, был как бы прелюдией к дальнейшему давлению Вильгельма на русское правительство, и, действительно, вслед за Потсдамским свиданием берлинский кабинет предложил России новый проект соглашения, [2] который, однако, вновь был отклонен Петербургом.

---

[1] Доклад Сазонова Николаю II 4 (17) ноября 1910 года.
[2] Секретный отдел Архива. Картон: Доклады 1910 года.

В этом проекте, не подразделенном на статьи, затрагивалось пять вопросов.

1. Германия, получив от Австрии вполне определенные заверения, что эта последняя не намерена проводить на Ближнем Востоке политику экспансии, заявляет, что она не принимала на себя никаких обязательств и не намерена поддерживать подобную политику в случае, если бы Австро-Венгрия ее придерживалась.

2. Русское правительство заявляет, что оно не принимало на себя никаких обязательств и не имеет намерения оказывать поддержку враждебной Германии политике в случае, если бы подобной политики придерживалась Англия.

3. Оба правительства находятся в полном согласии относительно желания сохранить насколько возможно statu quo на Балканах и по мере сил способствовать его поддержанию. Если бы, несмотря на их усилия, к которым каждое из них постарается привлечь и своих союзников, на Балканах возник конфликт, оба правительства сделают все возможное для локализации конфликта и войдут каждый по предварительному между собой соглашению в сношения со своими союзниками в целях выработки мер к предотвращению всеобщего пожара.

4. Оба правительства согласны с тем, что для поддержания statu quo и спокойствия на Балканах необходимо, с одной стороны, мирное развитие освобожденных Россией балканских государств, а с другой—оказание поддержки устойчивому и прочному правительству в Турции, достаточно сильному для того, чтобы обеспечить порядок внутри страны и на ее границах. Ни одно из правительств не будет поощрять агрессивной политики ни со стороны Турции, ни со стороны балканских государств.

5. Ввиду того, что оба государства заинтересованы в сохранении неприкосновенности Персии и в восстановлении порядка в этой стране, они обязуются не поощрять завоевательных в ней стремлений со стороны какой бы то ни было державы и особенно со стороны Турции.

Мы уже знаем, что с 1908 года в франко-русскую военную конвенцию была включена статья, которая требовала мобилизации русской армии при мобилизации Германии против Англии. При таких условиях для России не оставалось ничего другого, как отклонить в общем весьма выгодное для нее по делам Ближнего Востока соглашение с немецким соседом. С другой стороны, для германского правительства становилось ввиду нашего отказа ясным, что Россия связана некоторыми обязательствами с Англией против Германии, и с тех пор политика Вильгельма принимает несколько иной колорит.

Сношения с Австрией.

Во время балканского кризиса непосредственные сношения между петербургским и венским кабинетами почти прекратились, и Николай II официально заявил Францу-Иосифу, что он запрещает своему правительству входить с Веной в какие-либо частные сношения, ограничиваясь только строго-официальными. Возбуждение Петербурга против Австрии было так велико, что, когда осенью 1909 года Николай II ехал в Италию отдавать запоздалый визит королю, то маршрут царского поезда был составлен окружным путем, чтобы он ни одного километра не проходил по австрийской территории. [1]

Сношения между обоими государствами в ближайшие месяцы после кризиса ограничивались с австрийской стороны разоблачениями русской политики, чтобы доказать, что настоящим виновником кризиса был Извольский, для чего в печать проникали некоторые положения основной русской ноты от 19 июня 1908 года; Извольскому же было трудно опровергнуть свое легкомысленное поведение перед общественным мнением России и Европы, почему он ограничивался самооправданием перед Николаем II, ссылаясь в своих ему докладах, что автором компрометирующих русского министра статей являлся никто иной, как Диллон, „известный своими близкими связями с графом Витте и другими политическими противниками нынешнего правительства вашего императорского величества". [2]

Но в таком положении сношения между обоими соседними государствами, одинаково заинтересованными на Балканах, оставаться не могли и с начала 1910 года между ними начинается некоторое сближение, которое вылилось в обмен нотами, как следствие предварительных словесных переговоров, предпринятых, насколько можно судить из текста австрийской ноты, все-таки по инициативе Извольского.

19 января (1 февраля) 1910 года австрийский посол в Петербурге вручил русскому министру вербальную ноту, сущность которой сводилась к следующему: [3]

„Je n'avais pas non plus manqué d'informer mon ministre de vos ouvertures sur le rétablissemeut éventuel d'un contact entre les deux gouvernemeuts". Le comte Aehrenthal se rencontre avec vous dans l'avis que le développement normale et pacifique des affaires d'Orient ne saurait que profiter par le rétablissement d'un échange de vues entre les deux Etats. Un pareil contact paraiterait d'autant plus facile á rétablir que nous maintenons toujours les principes qui avaient été consacrés par

---

[1] Из письма Извольского Остен-Сакену 22 октября (4 ноября) 1909 г.
[2] Записка Извольского Николаю II от 13 (26) ноября 1909 года.
[3] По сообщению Извольского Свербееву в Вену 23 января (5 февраля) 1910 года.

l'accord de 1897, principes qui nous permettent en tout temps d'entrer en conversation avec le cabinet de St. Pétersbourg.

Ces principes sont les suivants:

Le maintien du statuquo en Turquie aussi longtemps que les circonstances le permettront.

Le désintéressement réciproque dans le cas où ce statu quo venait á s'écrouler et

La politique de non intervention dans ce dernier cas". [1]

27 января (9 февраля) Извольский ответил австрийскому послу, что Россия согласна обменяться мыслями относительно руководящих принципов обоих правительств в их балканской политике, но это уже не будет в духе соглашения 1897 года. Соглашение должно вылиться в форму, которая позволит присоединиться к обмену мыслями и другим державам. С другой стороны, придется принять во внимание и перемены, происшедшие в политическом положении Турции.

Петербургский кабинет полагал в основу возможного соглашения положить следующие пункты, которые потом должны быть доведены до сведения и остальных держав: [2]

1) Maintien du statu quo sur la péninsule Balcanique.

2) Le nouveau régime en Turquie ayant pris pour base l'égalité des droits pour toutes les populations, maintien et consolidation du nouvel ordre de choses.

3) Indépendance, consolidation et développement pacifique des petits Etats Balcaniques.

В этом ответе Извольского замечается продолжающееся недоверие к соглашению вдвоем с Австрией, а также и отпечаток принятого решения не вести отдельной от Англии и Франции политики.

Дальнейших следов переговоров о соглашении между Россией и Австрией в архиве пока не найдено.

---

[1] Перевод: „Я также не преминул осведомить моего министра о вашем мнении касательно предполагаемого восстановления сношений между обоими правительствами. Граф Эренталь одинаково с вами находит, что нормальное и мирное течение дел на Востоке только выиграет от возобновления обмена взглядов между обоими государствами. Подобные сношения легче восстановить, если мы будем придерживаться принципов, которые были освещены соглашением 1897 года, принципов, которые позволяют нам во всякое время войти в переговоры с петербургским кабинетом. Эти принципы следующие:

Поддержание в Турции statu quo так долго, как это позволят обстоятельства.

Обоюдная незаинтересованность в случае крушения этого statu quo и политика невмешательства в этом последнем случае".

[2] Перевод: Поддержание statu quo на Балканском полуострове. Поддержание и укрепление в Турции нового установленного порядка ввиду того, что новый режим в Турции взял за основание равенство в правах всех национальностей.

Независимость, укрепление и мирное развитие маленьких балканских государств.

Сношения с Италией.

Постепенное сближение России с Италией началось, как известно, уже несколько лет тому назад вслед за состоявшимся в 1902 г. соглашением ее с Францией. Для держав Антанты сближение с этим государством имело реальную ценность в смысле отдаления ее от Тройственного Союза, обеспечения на случай войны ее нейтралитета и в лучшем случае выхода Италии из состава союза центральных держав. Все эти цели и были достигнуты отчасти к началу мировой войны и отчасти уже во время ее хода.

Союз Италии с центральными державами собственно поражал своей неестественностью, ввиду столкновения жизненных интересов этого государства с Австрией. Напротив, с державами Антанты интересы эти или совсем не сталкивались или подлежали легкому обоюдному соглашению. На Балканском полуострове сферы влияний России и Италии совершенно не соприкасались, а в Средиземном море и на северном берегу Африки они легко распределялись между тремя морскими державами.

Уже летом 1908 года мы встречаем итальянского министра иностранных дел Титтони в кругу его русского и австрийского коллег в замке Бухлау, а осенью того же года Извольский посетил Италию и там был выработан проект соглашения между обеими странами. [1]

Осенью 1909 года состоялось в замке Ракониджи свидание Николая II с итальянским королем. При этом выяснилось, что в тексте Тройственного Союза имелся параграф, указывавший, что, в случае какого-либо изменения на Балканском полуострове, интересы Италии будут приняты во внимание. В договоре же между Италией и Австрией говорилось только об Албании, которую обе стороны обязались не занимать. Кроме того, Италия получила от Австро-Венгрии уверение, что с аннексией Боснии и Герцоговины она достигла предела своих вожделений на Балканах. [2]

В общем Извольский из своих разговоров с Титтони „с полной ясностью установил безусловную необходимость упрочения существовавшего политического statu quo в Турции и охранения независимости и нормального мирного развития прочих балканских государств". Эти же последние должны проникнуться убеждением, что нарушение существовавшего политического положения на Балканах не встретит сочувствия и поддержки России и Италии; но вместе с тем обе великие державы ставят целью своей политики на Балканах заботу о будущей судьбе балканских государств и обеспечение их независимого существования. [3]

---

[1] Корф из Рима—Извольскому 5 (18) декабря 1908 года.
[2] Доклад Извольского Николаю II 23 октября (15 ноября) 1909 года.
[3] Извольский—послам 22 октября (4 ноября) 1909 года.

Когда же русский министр позондировал своего итальянского коллегу относительно выхода Италии из Тройственного Союза, то Титтони вполне ясно определил дальнейшую линию поведения Италии следующими словами: „Pour quoi faire? Si c'est pour faire la guerre, oui; mais si l'on veut la paix cela serait une folie. Oui, nous ne sortirons de la Triple Alliance que le jour et à l'heure où nous serons décidés à faire la guerre à l'Autriche". [1]

24 октября 1909 года между Россией и Италией было заключено следующее секретное соглашение, которое могло быть сообщено третьим державам только с обоюдного согласия: [2]

1) Россия и Италия прежде всего должны стараться о поддержании на Балканском полуострове statu quo.

2) При всяких случайностях, которые могут произойти на Балканах, обе державы должны поддерживать принцип национальностей, при помощи развития Балканских государств, исключая всякое иностранное владычество.

3) Они должны противиться общими действиями всяким попыткам, противным вышеуказанным целям. Под „общими действиями" следует понимать дипломатическое воздействие; всякие действия иного порядка должны быть, естественно, отложены до нового соглашения.

4) Если Россия и Италия захотят заключить новое соглашение относительно Европейского Востока с третьей державой, сверх существующих ныне, то каждая из них сделает это только при участии другой.

5) Италия и Россия обязуются доброжелательно отнестись, первая к русским интересам в вопросе о проливах и вторая— к итальянским интересам в Триполитании и Киренаике.

В дальнейшем отношения между Россией и Италией еще более улучшались, и в 1912 году, во время турецко-итальянской войны, римский кабинет выражал желание войти в более тесное соглашение с Россией. [3]

Надо отдать справедливость Извольскому, что он упорно вел свою политику на Балканском полуострове к достижению единой и заветной цели—проливов, постепенно суживая вокруг них кольцо благожелательного для России разрешения этого жгучего вопроса. В то же время он достигал и благодарности Франции, которая видела в русско-итальянском соглашении залог к улучшению положения Антанты и своей личной безопасности. [4]

---

[1] Перевод: „Зачем это делать? Если для того, чтобы воевать, то да; но если хотят мира, то это глупость. Мы выйдем из Тройственного Союза в тот день и час, когда решим воевать с Австрией".

[2] Секретный отдел Архива. Картон: Доклады 1909 года. Французский текст в приложении № 16.

[3] Письмо Поггенполя из Рима Шилингу 7 (20) мая 1912 года.

[4] Нелидов—Извольскому 15 (28) октября 1909 года № 382.

Союз балканских государств.

Свою активную политику на Балканах Извольский, несмотря на поражение понесенное при аннексии Боснии и Герцоговины, продолжал широким фронтом.

Не успел еще закончиться балканский кризис 1908—1909 годов, как он начал работать над образованием на полуострове союза христианских государств и, главное, над союзом между Болгарией и Сербией. Извольский полагал, что при осуществлении конфедерации славянских балканских государств немецкому натиску на Турцию были бы положены три препоны: 1) славянские государства; 2) Россия и Италия и 3) Франция и Англия.[1]

Длительный опыт самостоятельной жизни балканских государств после русско-турецкой войны 1877—1878 годов, отрезвление от славянофильских идей Аксакова, неумелая наша политика после этой войны и враждебная в большинстве случаев роль южно-славянских народностей и, в особенности, Болгарии к России, наконец, чрезмерные аппетиты этих маленьких народцев совместно с их взаимной друг к другу враждой, все это должно было бы заставить более вдумчивого, чем Извольский, министра задуматься над пользой такого союза; и это тем более, что он по самому существу своему не мог быть жизненным, являлся безусловным залогом грядущих войн с Турцией и прибавлял горючего материала в тот угол Европы, в котором скорее всего мог разгореться европейский пожар. Но союз Болгарии с Сербией, да еще под покровительством России, был хорошей отплатой за победу Эренталя, и я не имею данных утверждать, что это условие не было одним из главных мотивов в желании Извольского создать Балканский союз. Впрочем, ему принадлежит только первоначальная в этом направлении работа, довершителем которой был его преемник Сазонов.

На пути к желаемому союзу стояли два препятствия—полное отсутствие у кого бы то ни было веры в лойяльное поведение царя болгарского Фердинанда, что заставляло петербургский кабинет даже во время переговоров следить за поведением Фердинанда,[2] и кровная вражда между болгарами и сербами, которая делала такой союз неестественным. Поэтому переговоры, до заключения официального соглашения между Болгарией и Сербией, велись целых три года, закончились весной 1912 года и, как и следовало ожидать, осенью того же года привели к войне вновь рожденного союза с Турцией.

Работа России над созданием балканского соглашения началась 5 (18) апреля 1909 года; осенью этого года состоялось

---

[1] Извольский—послам 19 ноября (2 декабря) 1909 года № 1035.

[2] Извольский 29 июня (12 июля) 1909 года докладывал Николаю II, что имелись данные предполагать тайные переговоры Болгарии с Австрией.

свидание и сближение между королями сербским и болгарским, а 29 февраля 1912 года был подписан между этими странами союзный договор следующего содержания: [1]

1. Обоюдная гарантия государственной независимости и целости территории.

2. Обе стороны обязуются также к взаимной помощи всеми силами, когда какая-либо из великих держав сделает попытку присоединить или хотя бы временно оккупировать часть балканской территории, находившейся ко времени заключения договора под властью турок, если одна из договаривавшихся сторон найдет это вредным для своих жизненных интересов или сочтет поводом к войне.

3. Мир заключается только по обоюдному уговору.

К договору добавлялась особая секретная статья, которая определяла случаи объявления войны Турции и способ дележа завоеванной добычи. Суть этой статьи заключалась в следующем.

Если одна из договаривавшихся сторон находила, что внутренние или внешние затруднения Турции грозили нарушением statu quo на Балканах и считала, что настало время начать войну, то она сговаривалась с другой, и, получив ее согласие, обращалась к России; при согласии этой последней военные действия начинались. Если же согласия на войну одной из сторон не давалось, то желающая воевать апеллировала к России, мнение которой являлось обязательным.

При нежелании России высказать свое мнение о начале одной из договаривавшихся сторон войны на свой риск, другая держала дружественный нейтралитет, мобилизовав силы, указанные военной конвенцией.

Все территориальные приобретения, которые будут сделаны в случае войны, находились втечение трех месяцев в общем управлении, а потом подразделялись между обеими державами в установленных договором границах с нейтральной полосой по средине. Все споры по этим вопросам безапелляционно решались российским императором, который предназначался верховным арбитром и которому представлялся заключенный договор.

В дополнение к этому договору 29 апреля 1912 года была заключена военная конвенция, обусловливавшая взаимную военную помощь при разнообразных условиях нападения на Болгарию или Сербию Турции, Румынии и Австрии или занятия этой последней Новобазарского Санджака.

Этот договор как будто бы являлся в руках России могучим рычагом для направления балканской политики и полным восстановлением русского престижа на Балканах после катастрофы с аннексией; но надо было хоть немного быть зна-

---

[1] Секретный отдел Архива. Папка 1912 года.

комым с историей населявших полуостров народностей, чтобы предвидеть, какую обузу Россия брала на себя этим союзом, рассчитанным на вытаскивание ею каштанов из огня для болгар и сербов, при условии, что самое справедливое выполнение петербургским правительством обязанностей арбитра должно было иметь последствием неудовольствие и тех и других.

И действительно, как только был подписан договор, то Болгария тотчас же приступила к самостоятельной политике, начав на этот раз без ведома России переговоры о соглашении с Грецией. [1] В них намечались в общих чертах два главных пункта; первый касался греко-болгарских отношений в Македонии и второй взаимоотношений Болгарии и Греции к Турции. Договор был подписан 5 (18) июня 1912 года и направлялся всей своей тяжестью против Турции. [2]

Оба заключенных на Балканах союза заставили нашего посла в Софии высказать о них несколько пророческих мыслей.

„Для нас остается в силе опасение,—писал Неклюдов,— [3] что греко-болгарский договор послужит при благоприятных для Болгарии сочетаниях к осуществлению наступательных действий против Турции. Я неоднократно излагал подобные же мои опасения относительно сербско-болгарского соглашения. Стремление положить предел гипотетичному наступлению Австрии представляет собой лишь второстепенную и показную сторону этого договора, а главным объединяющим звеном между болгарами и сербами является надежда при первом удобном случае поделить между собой Македонию. К сожалению, именно statu quo на Балканах кажется болгарам, грекам и сербам столь невыносимым и столь неустойчивым, что все они лихорадочно готовятся к событиям и продолжают питать непоколебимую надежду на то, что Россия все-таки будет втянута в эти события".

Свою балканскую политику Россия вела самостоятельно, и заключение договоров между Болгарией и Грецией и Болгарией и Сербией вызвало отчасти недоумение французского правительства, ввиду того, что Турцию было трудно подозревать в агрессивных замыслах. [4] С сутью договора французы познакомились только летом 1912 года. [5]

Сношения с Турцией.

Если в отношении Англии и, в особенности Франции политика Извольского носила как бы характер безусловного подчинения из боязни расстроить Антанту, которая страховала для каждой

---

[1] Донесение посла в Софии от 17 марта 1912 года № 8.
[2] Приложен к донесению Неклюдова из Софии 1 (14) мая 1912 года № 49
[3] Донесение из Софии 16 (29) мая 1912 года № 15.
[4] Донесения посла 20 июля (2 августа) 1912 года № 137, и от 28 марта (10 апреля) 1912 года.
[5] Мемуары Пуанкаре.

из входивших в нее держав возможность вести свою частную политику в сферах, наиболее ее интересовавших, то в этих частных достижениях действия русского министерства иностранных дел отличались большим и мало удачным макиавеллизмом. Я думаю, что сам Извольский должен был запутаться в тех встречных обязательствах и в той паутине дипломатических хитросплетений, которыми он опутал Россию за три года своего пребывания у власти. Соглашение в Бухлау против Турции, одновременный проект соглашения с Турцией против Австрии, переговоры по тому же поводу с Италией, Балканская конфедерация, переговоры о Персии и о железных дорогах в Малой Азии, все это представляло собой такой конгломерат дипломатических хитросплетений, которые не могли оставаться скрытыми от более опытных в дипломатических интригах европейских кабинетов и только внушали недоверие к русской политике.

Но узлом всех хитросплетений русской дипломатии являлась империя оттоманов, которой одной приходилось расплачиваться, если бы политика Извольского привела к положительным для России результатам. И именно в отношении Турции она была отмечена наибольшей неопределенностью и неустойчивостью. Вилка колебаний шла от открыто враждебных действий на азиатской границе, едва не доводивших несколько раз до полного разрыва, до идеи возобновления Ункиар-Искелесского договора, которая гнездилась в голове не только у одного Николая II.

Захватившие власть младотурки хотели, как мы уже знаем, одно время опереться в своей борьбе с австро-германским натиском на Францию и отчасти на Россию, но вскоре немецкое влияние там вновь взяло верх. Весна 1909 года привела к новому перевороту в Турции, вызвавшему отстранение младотурок и опять поставившему перед Россией вопрос о наших к ней отношениях.

Никольсон указывал в своем годовом отчете на искреннее желание русского правительства видеть новый режим в Турции прочно установившимся и готовность вступить в тесное и дружественное отношение с Оттоманским правительством, при чем Извольский будто бы придерживался мнения, что сильная Турция является главным фактором в его балканской политике.

Мне кажется, что английский дипломат несколько идеализировал русского министра, по поступкам которого нельзя судить о том, что он вообще имел определенную политику завтрашнего дня.

Переворот в Турции вновь открыл обширные горизонты Извольскому и выдвинул на очередь вопрос о нашем отношении к дальнейшим в ней событиям.

Извольским было собрано совещание министров, на котором он поставил вопрос о готовности нашей к активным действиям на Босфоре, ввиду могущего произойти там общего замешательства. [1]

С другой стороны, и русский посол в Париже усиленно настаивал на том, что мы должны использовать гражданскую войну в Турции и быть готовыми в дипломатическом и военном отношении принять участие в решении турецкого вопроса в выгодную для нас сторону. [2]

Русский министр иностранных дел предполагал, что анархия в Турции вызовет вмешательство всех держав и выполнение общей программы в виде отправки из Архипелага международной эскадры в турецкие воды; в этой эскадре должно было участвовать и одинаковое с другими державами число судов и русского флота, которые могли быть перекинуты туда только из Балтийского моря.

В отношении действий со стороны Черного моря Извольский находил, что необходимо исключить всякую возможность самостоятельных в нем выступлений, имеющих характер военных мер. Таковые должны быть согласованы с общим направлением наших действий с другими державами и преимущественно в том предположении, что в Константинополе может быть анархия. Это дало бы возможность опереться на совершившийся факт для разрешения судеб Турции и проливов в соответствии с интересами России.

Извольский считал в политическом отношении данный момент благоприятным для активных действий на Босфоре и полагал, что Англия не откажется от обсуждения вопроса о проливах.

Но совещание вновь не пошло за Извольским, считая, что со стороны Черного моря мы в состоянии выполнить только задачу блокирования выхода из Босфора, что отнюдь не решало проблемы в целом.

Николай II остановился на решении отправить в Средиземное море 2—3 крейсера и держать в полной готовности Черноморский флот.

Одновременно с Извольским события в Турции обеспокоили и австрийского монарха, который вновь склонялся к своему излюбленному методу связать Россию по рукам и ногам. Поэтому он обратился с первым после разрыва из-за аннексии письмом к Николаю II, [3] в котором восхвалял его мудрость подчинения ультиматуму Вильгельма, что „дает возможность главам христианских государств обратить сериозное внимание на важные события в Константинополе". Но

---

[1] Доклад Извольского Николаю II 7 (20) апреля 1909 года.
[2] Его донесения от 2 (15) и 16 (29) апреля 1909 года №№ 36 и 37.
[3] Франц-Иосиф—Николаю II 24 апреля 1909 года.

на этот раз удар пришелся впустую. Николай II ответил, что он надеется, что константинопольские события приведут к мирному концу, [1] не желая, видимо, далее итти в своей балканской политике рука об руку с Веной.

Между тем, внешняя сторона отношений с Турцией носила втечение всего лета самый дружественный характер и, прицеливаясь на подобие 1908 года одной рукой в Турцию Черноморским флотом, Извольский другой рукой вновь протягивал ей ветку мира и союза.

Оттоманское правительство, пользуясь теми симпатиями, которые оно внушило европейским державам введением конституционного правления, старалось ослабить степень вмешательства великих держав во внутренние дела Турции. В данное время оно интересовалось отозванием иностранных офицеров, призванных к реорганизации жандармерии в Румелии, и международной финансовой миссии, заседавшей в Салониках; [2] при этом русское правительство стало на сторону Турции, [3] желание которой и было в июле выполнено.

Параллельно с этим Италия и Россия, желая ускорить вопрос о постройке Дунайско-Адриатической железной дороги, облегчавшей тяжелое экономическое положение Сербии, и щадя щепетильность турок, предлагали оттоманскому правительству взять на себя инициативу постройки этой дороги. [4]

Наибольшие заботы великим державам представляли греко-турецкие отношения, которые обострялись в двух направлениях—критском и македонском.

По конституции 29 апреля 1899 года Крит был признан автономным государством под главенством султана и для поддержания постановления держав-покровительниц, России, Англии, Франции и Италии, был занят отрядами войск этих держав.

Во время балканского кризиса 1908—1909 годов Греция, естественно, хотела воспользоваться общей смутой для присоединения острова к себе. В начале года Извольский был склонен поддержать желание греков, но летом перешел на сторону турок. Вопрос обострился тем, что в июле месяце международный отряд должен был покинуть Крит. Турки решительно восставали против уступки острова Греции, но желали, чтобы эвакуация иностранными отрядами была отложена. Державы-покровительницы первоначально настаивали на своевременном выводе своих гарнизонов и на посылке в Суда-бей своих стационеров для поддержки власти султана,

---

[1] Проект письма Николаю II Францу-Иосифу 20 апреля (3 мая) 1909 года.
[2] Сообщение оттоманского правительства в Петербурге 7 мая 1909 года.
[3] Доклад Извольского Николаю II от 9 (22) мая 1909 года.
[4] То же 16 (29) мая 1909 года.

но в конце концов решили не изменять бывшего на Крите положения. [1]

Вторым жгучим вопросом был македонский, которому Турция придавала большее значение, чем критскому. Она жаловалась на попустительство и пассивность поведения афинского кабинета в отношении орудовавших в Македонии греческих банд и грозила с своей стороны принятием активных против Греции мер. Державы изыскивали средства, чтобы убедить Турцию не доводить дела до крайности, не передав его на рассмотрение государств, подписавших Берлинский трактат. Русское правительство и здесь стало на сторону турок, высказываясь за непринятие принудительных против них мер.

Такое благожелательное поведение русского кабинета закончилось в августе непосредственными переговорами с турками о соглашении, которое должно было быть скреплено визитом султана в Ялту и Николая II проездом в Италию в Константинополь. Подобное сближение не могло улыбаться центральным державам, и турки отклонили под благовидным предлогом визит султана, а переговоры о сближении не привели к желаемому результату. [2] Со стороны Извольского стала попрежнему продолжаться политика своего рода окружения Турции.

Железнодорожное строительство в Малой Азии и в Персии.

В близкой связи с нашими отношениями к оттоманской империи находился вопрос о Багдадской железной дороге и персидские дела, из которых первый имел общеевропейское значение, а вторые затрагивали Россию, Англию и отчасти Германию и Турцию.

Оба эти вопроса были большим камнем преткновения для держав Антанты, так как у Англии и России были обоюдные опасения, как бы каждая из них не сговорилась в отдельности с Германией, а у Франции страх, чтобы Россия не отдалилась на почве русско-германского железнодорожного соглашения от союза с ней. Что касается до персидских дел, то здесь существовало не только недоверие между Англией и Россией, но и разные точки зрения обеих держав на политику их в Персии, которые с трудом и при уступчивости в данном случае Англии приводили к установлению согласия.

В 1907 году в отношении Багдадской дороги нами было проектировано особое соглашение с Германией, которое расширяло вопрос включительно до развития общего железнодорожного строительства в северной Персии. Однако, предположение это не было проведено в жизнь, так как Англия и Франция придерживались мнения, что подобный вопрос должен обсуждаться четырьмя державами, против чего не

---

[1] Сообщения Извольского послам 22 июня, 2 и 31 июля и 2 августа ст. стиля 1909 года.

[2] Доклад Извольского Николаю II 11 (24) августа 1909 года.

возражала и Россия, для которой была выгодна сопряженная с этим отсрочка в постройке.

В 1909 году имелись основания предполагать, что Англия и Германия не только могут легко достигнуть поставленных в этом вопросе себе целей, но и заключить между собою частное соглашение. Поэтому и России было необходимо озаботиться о сохранении своих интересов, которые более всего выражались в ограждении нашего преимущественного положения в северной части Персии. Таким образом, мы были заинтересованы в линиях, ведущих к персидской и кавказской границам и на север к Черному морю.

В 1900 году России удалось заключить с Турцией особое соглашение, по которому она получала исключительное право постройки железных дорог в определенном районе Малой Азии, примыкавшем к Черному морю и кавказской границе, при условии если турки не будут их сооружать сами казенным способом. Этим мы достигали двух целей: не допускали иностранные державы к Черному морю и откладывали постройку дорог на неопределенное время, так как Турция была не в состоянии строить их своими средствами.

К 1909 году положение изменилось, и Турция должна была стараться избавиться от стеснительного для нее соглашения. Здесь так же, как и в вопросе о Багдадской дороге, России предстояло стать на новый путь активного участия в железнодорожном строительстве в Малой Азии, чтобы взять в этом деле руководящую роль и ослабить грозившую опасность.

В железнодорожном вопросе скрещивались три главных для нас интереса: 1) значение Багдадской дороги, 2) обеспечение ее постройки предоставлением километрической гарантии и 3) ассигнование на этот предмет денежных поступлений от повышения на 4% турецких таможенных пошлин, чего нельзя было сделать без нашего согласия. [1]

Багдадская дорога особенно сильно перепутывала интересы трех государств: Германии, России и Англии. Для первой она являлась мощным рычагом к экономическому и политическому порабощению Турции и передавала в ее руки кратчайший индо-европейский путь. Продвигаясь своими разветвлениями к Персидскому заливу и к границам Афганистана, эта дорога угрожала жизненным интересам англичан; распространяясь в северные провинции Персии и к берегам Черного моря, она радикально меняла стратегическую обстановку на Кавказе в пользу Турции и ее союзников. Наконец, для Германии концессия на Багдадскую железную дорогу служила и средством внести раздор в среду держав Согла-

---

[1] Извольский—Чарыкову в Константинополе 13 (26) ноября и 8 (21) декабря 1909 года и он же циркулярно министрам 24 декабря (6 января) 1909 года.

сия. И мы, действительно, присутствуем при редкостном недоверии государств Антанты друг к другу на почве отношений их к Багдадской дороге. Всякие отдельные переговоры с Германией вызывали подозрение.

В 1909 году такие подозрения вызвала Англия, которой Германия предложила передать все свои права по концессии на линию Багдад — Персидский залив с тем, чтобы Англия отказалась от участия в той части предприятия, которая касается линии к северу от Багдада. [1] Слухи о том, что Великобритания склоняется на это, сильно взволновали русское правительство, [2] но в конце концов она высказалась за решение вопроса о железной дороге совместно с четырьмя державами, что вызвало пометку Николая II: „Это значительно упрощает вопрос". [3]

1910 год обстановку несколько изменил, и подозрения в отдельном соглашении с Германией посыпались на Россию. Осенью этого года состоялось свидание обоих монархов в Потсдаме, во время которого велись и переговоры о Багдадской дороге, при чем немцы согласились не строить от магистрали никаких линий к русским и персидским границам к северу от Ханекина. [4]

В обмен за это Россия обещала не препятствовать участию иностранных капиталов в багдадском предприятии, что совершенно не было связано с вопросом 4% надбавки. В том же случае, если дорога будет поделена на участки, Россия указала немцам на свое желание получить линию Садидже—Ханекин. В случае же интернационализации участка Багдад—Персидский залив, царская Россия желала получить участие в деле, как одна из четырех заинтересованных держав. [5]

Формальный договор был подписан только 6(19) августа 1911 года, и он несколько отличался от предварительных соглашений. [6]

---

[1] Извольский—послу в Константинополе 10(23) ноября 1909 года.
[2] Доклад Извольского Николаю II 18 ноября (1 декабря) 1909 года.
[3] Доклад Извольского Николаю II 20 ноября (20 декабря) 1909 года.
[4] Доклад Сазонова Николаю II от 4(17) ноября 1910 года.
[5] Извольский—Сазонову 13(25) марта 1911 года.
[6] Текст этого договора заключался в следующем:

I. Германия не имеет намерений добиваться концессий к северу от линии Казвин-Ширин на Исфаган, Иезед и Ках к афганской границе на широте Базика.

II. Россия в своих ходатайствах о концессиях в северной Персии обязуется включить линию Ханекин — Тегеран в целях соединения ее на турецко-персидской границе с линией Садидже—Ханекин, как только эта ветвь железной дороги Кония—Багдад будет готова. Работы должны быть закончены в 4 года. Если же это не будет исполнено, то Россия поставит в известность Германию, что она отказывается, и тогда Германия будет в праве добиваться этой концессии.

III. Россия обязуется не принимать мер к затруднению постройки Багдадской дороги или препятствовать иностранным капиталам принимать уча-

Это обязательство Германии вызвало бурю негодования во Франции, которая менее всех держав Антанты была заинтересована в вопросе. Она боялась, что на почве железнодорожного строительства может произойти дальнейшее сближение между Германией и Россией, и негодовала, что Россия становится в Берлине „в более выгодное положение, чем Франция, скомпрометировавшая свои отношения к Германии ревнивым служением русским интересам". [1]

Такая щепетильность Франции к пограничной между Россией и Германией сделке тем более странна, что в 1909 году, во время переживаемого Россией балканского кризиса, она не только удачно использовала его для заключения выгодного договора с Германией в Марокко, но и в споре за Сербию стала открыто на сторону Вены и Берлина.

Более беспристрастно на такие сношения смотрело Великобританское правительство, которое настолько твердо признавало принципы наших непосредственных переговоров с Германией, что указывало нам на те пункты, где во время переговоров могли бы пострадать английские интересы. Совершенно иначе к непосредственным сношениям России с Германией относилось английское общественное мнение, проявившее в этом деле большую нервность. [2]

В 1911 году вопрос о малоазиатских дорогах вновь оживился и принял несколько иной оборот. В дело вмешался французский капитал и вновь во вред России. Согласно готовившемуся соглашению между Францией и Турцией, для железнодорожного строительства в этой последней заключался во Франции заем в 25 миллионов фунтов, при помощи которого должна была быть усилена сеть турецких дорог, в которую входили и весьма невыгодные в стратегическом отношении для России линии в Малой Азии Самсун—Сивас, Сивас—Ван и Сивас—Эрзерум. При этом применительно к русско-турецкой конвенции 1900 года указанные линии предполагалось построить турецким правительством, но при помощи французских капиталов.

Французское правительство, уменьшая в своих доводах вредное для нас значение переговоров, обещало отчасти принять при ведении их во внимание стратегические условия

стие в этом предприятии, если оно не сопряжено с денежными или экономическими жертвами.

IV. Россия сохраняет право поручать выполнение проекта железнодорожной линии, соединяющей ее сеть в Персии с линией Садидже—Ханекин, иностранной группе по своему выбору.

V. Россия сохраняла право выкупа дороги.

VI. Устанавливались взаимные торговые преимущества. (II Отд. Арх. Картон: Доклады 1911 года).

[1] Извольский из Парижа—Сазонову 5 (18) января 1911 года № 23 и другое письмо от того же числа.

[2] Бенкендорф—Сазонову 4 (17) января 1911 года.

России, которые, несомненно, влияли и на обороноспособность самой Франции. [1] При этом русское правительство постановило, как крайнее условие, свободу строительства к западу от линии Самсун—Сивас и обязательство не строить дорог к востоку от линии Самсун—Сивас—Ханекин, пока не будет изыскана приемлемая для России и Турции формула решения этого вопроса. [2] Неисполнение этого условия было равносильно для России ослаблению ее западного фронта на два корпуса. [3]

Англия, с своей стороны, не верила в возможность достигнуть в этом деле сотрудничества нескольких держав и видела исход только в делении дороги пополам.

Но, по свидетельству Бенкендорфа, [4] англичане придавали такое значение сохранению Тройственного Согласия, что только явное отступление России от него открыло бы для Англии двери и привело к развитию железнодорожного соглашения в общее ее соглашение с Германией. При первых попытках этой последней начать отдельные переговоры, Англия определенно заявила, что она не признает „никаких общих форм, кроме такой, которая могла бы удовлетворить Россию и Францию".

Вообще надо отдать справедливость, что Англия более широко смотрела на Тройственное Согласие, чем Франция и Россия, и, поставив себе главной целью борьбу с Германией, умело жертвовала своими второстепенными задачами для достижения главной. [5]

Как один из противовесов значению Багдадской дороге еще Витте был выдвинут проект Трансперсидской линии, которая соединяла бы Индию через Персидскую территорию с европейской сетью железных дорог. Против подобного сближения Индии непосредственно с Европой протестовала вся великобританская пресса, но в 1912 году Грей пошел на значительные уступки, и Трансперсидская линия должна была начать выливаться в реальную форму.

Хотя, по словам Грея, [6] в Англии было широко распространено мнение о необходимости сохранения за Индией как бы „островного" положения, но со временем придется согласиться на смычку индийской железнодорожной сети с европейской. Поэтому оба правительства согласились начать переговоры с Персией относительно получения от нее концессий на всю линию с тем, чтобы Англия и Россия воспользовались ею каждая в пределах своей зоны по собственному

---

[1] Письмо Извольского—Сазонову 13 (26) марта 1911 года.
[2] Телеграмма послам в Константинополь и Париж от 21 марта 1911 года № 876 и 377.
[3] Сазонов—Извольскому 7 (20) июня 1912 года.
[4] Бенкендорф—Сазонову 30 марта (12 апреля) 1911 года.
[5] Бенкендорф—Сазонову 16 (29) марта 1911 года.
[6] Доклад Сазонова Николаю II в сентябре 1912 года.

усмотрению. Переговоры должны были вестись финансовой группой при поддержке дипломатических миссий России, Англии и Франции.

С течением времени узел железнодорожного строительства в Малой Азии все более и более запутывался, притягивая к политическим и экономическим интересам и интересы финансового мира. В 1912 году, во время пребывания Пуанкаре в Петербурге, русское правительство поняло, что вопрос о постройке железных дорог в северной Анатолии уже решен в Париже в положительном смысле, и ему оставалось только ослабить стратегическую угрозу, которую представляла новая железнодорожная сеть для Кавказской границы. Уступая настояниям России, группа французских капиталистов отказалась только от постройки линии Эрзерум—Трапезонд и не слишком настаивала на сооружении линии Эрзинджан—Эрзерум. [1]

С своей стороны, и Англия добилась, искусно защищая свою позицию, в июле 1914 года от Германии согласия на заключение конвенции, в силу которой Багдадская компания принимала за конечный пункт дороги Бассору и отказывалась от продолжения ее к Персидскому заливу и от приморской гавани.

Таким образом, и Франция и Англия в широкой мере обеспечили свои экономические интересы железнодорожным строительством в Малой Азии, считаясь с интересами России только в минимальных пределах тех ее стратегических условий, которые не портили бы военного положения Франции при столкновении с Германией. [2]

Что касается до событий в самой Персии, затрагивавших наиболее жизненные интересы России и Англии, то между обеими державами происходила сильная борьба в применении средств для успокоения этого взбаломученного междоусобной борьбой муравейника. Англия стояла за полное невмешательство во внутренние дела Персии с целью позволить существующей анархии продолжаться до тех пор, пока более сильный элемент не пробьется к свету. России же, благодаря соседству с провинциями, наиболее охваченными беспорядками, такой взгляд казался опасным, а анархия угрожала крупным материальным интересам, которые были связаны с Персией. Поэтому она стояла за установление в ней сильной власти, а для обеспечения интересов своих подданных усиливала внутри Персии консульскую стражу до излишних иногда размеров. Это различие во взглядах приводило к большим трениям с великобританским правительством, которые удавалось, однако, благодаря обоюдному желанию, ликвидировать. [3]

---

[1] Журнал Совета министров 10 (23) мая 1912 года.

[2] Интересующихся этим вопросом отправляем к изданию НКИД „Раздел Азиатской Турции" под редакцией Е. А. Адамова.

[3] Годовой отчет Никольсона за 1909 год и доклад Сазонова Николаю II о поездке в Англию в сентябре 1912 года.

Наибольших размеров разногласия между Россией и Англией на фоне персидских дел достигли в 1911—12 и 1914 годах, когда беспорядки в северных провинциях Персии начали серьезно угрожать не только экономическим интересам России, но и усилением революционного движения на Кавказе, к чему так чутко относилось петербургское правительство. Все это заставило Россию прибегнуть к самым энергичным мерам, включая занятие Тавриза, что, в свою очередь, вызвало большое волнение в английском общественном мнении, которое опасалось нарушения неприкосновенности персидской территории. С другой стороны, англичане боялись, что беспорядки могут перебросится с северных провинций на южные, где для прибытия английских войск потребовалось бы не менее месяца времени.[1]

По мнению Бенкендорфа,[2] для России было невыгодно, чтобы Англия попала там в положение слишком трудное и ложное. Русский посол в Лондоне считал единственным способом уничтожить трения—это выказать Англии полное доверие, которого она заслуживала. Он находил, что, если англо-русское соглашение переживет персидский кризис, то это будет самым явным его оправданием. „Есть одно рассуждение,—заканчивал Бенкендорф[3],—которое я слышу в среде дипломатов: Франция взяла Марокко, Германия кусок Конго, Италия—Триполи, Россия берет кусок Персии...“

Летом 1914 года отношения между двумя государствами на почве персидских дел вновь обострились все по тому же вопросу установления в этой стране внутреннего порядка и управления на твердом основании. Дело дошло даже до личного воздействия короля Георга на Николая II с целью устранения всяких затруднений в решении персидского вопроса, чтобы не получалось впечатление, что „в англо-русском договоре выгоды одной стороны принесены в жертву выгодам другой“.[4]

„Персидские дела,—отвечал Николай II,[5]—не внушают опасений, так как России и Англии, при взаимном желании притти к соглашению, нетрудно будет столковаться на этой почве“.

Таким образом, с обеих сторон было желание не доводить вопроса о Персии до существенных разногласий и с таким взглядом они вступили в мировую войну.

Державы Тройственного Согласия.

Кризис 1908—1909 годов показал русскому правительству истинное значение франко-русского союза. Если во время японской войны у Франции было хоть какое-нибудь оправда-

---

[1] Бенкендорф—Сазонову 20 декабря (2 января) 1911—12 года.
[2] То же от 4 (17) 5 января 1912 года.
[3] То же 25 ноября (декабря) 1911 года.
[4] Письмо короля Георга от 5 (18) июля 1914 года. II Отд. Гос. Архива.
[5] Материал для ответного письма Николая II. Там же.

ние в ее безучастном к судьбе России поведении в виде опасности со стороны Германии, что ее заставило пойти на сближение с Англией, то в 1908 году положение было совершенно иное, и нельзя обвинять Извольского в том, что он утрировал в своих словах, сказанных Никольсону, поведение французского союзника. Вера в него пропала, но он платил деньги, и Россия, вольно или невольно, была с ним связана.

А между тем русский представитель в Париже Неклюдов[1] рисовал в конце 1910 года внутреннее положение Франции в самых мрачных тонах, вся односторонность которых не была ясна для тогдашних правящих сфер. Он жаловался на уничтожение влияния духовенства на дела и выборы, на заполнение суда, армии и флота лицами, которые являются орудием радикал-социалистического блока, на начало осуществления самой широкой программы государственного социализма, на безграничное влияние франк-масонства и еврейства и предсказывал, что в самом непродолжительном времени Франция представит собою разлагающийся организм. Ее военная мощь и международное политическое значение рухнут окончательно; торговля, промышленность, земледелие будут в корне подорваны социальной борьбой, которая к тому же поведет к кровавым междоусобным столкновениям. Правда, в последующем изложении своей длинной телеграммы Неклюдов старался сгладить намеченные им особенности и даже приходил к заключению, что „еще долго можно использовать и достоинства и недостатки современного французского государства и народа", но весь тон его донесения был проникнут пессимизмом.

В таких же мало утешительных чертах рисовал Неклюдов и внешнюю политику Франции.[2] Отношения ее к Австрии он считал неопределенными и сбивчивыми. В радикальном правительстве сохранились вечные симпатии консерваторов к двуединой монархии и, в особенности, к Венгрии, а также появился интерес к австрийским и балканским славянам, основанный на возрастающем демократизме славянских масс. Неклюдов находил, что ни одна страна не имеет на политику республики такого влияния, как Англия, и что сердечное соглашение между этими странами „может оказаться более длительным и крепким, чем многие из формальных с о ю з о в" (курсив подлинника), видимо намекая этим на франко-русский союз. В сношениях с оттоманской империей у французов осталась только забота о развитии экономического использования турецкого востока, а что касается до Италии, то утилитарный характер политики этой страны, не давая возможности

---

[1] Неклюдов—Сазонову 1 (14) декабря 1910 года № 67.
[2] Неклюдов—Сазонову 1 (14) декабря 1910 года № 68.

рассчитывать на франко-итальянскую дружбу, оставлял открытой дверь для прямого соглашения, в случае европейского кризиса на основании практических выгод обеих стран.

Франко-русским сношениям Неклюдов посвящает в своем отчете Сазонову обширную телеграмму. [1] Он находил, что первый удар этому союзу был нанесен вступлением во власть радикально-социалистического блока; вторым испытанием явилась русско-японская война и внутренние события в России. Но первая благополучно закончилась вступлением России в Тройственное Согласие; что же касается до внутренних событий в нашем отечестве, то правящие круги „спасли своей мудрой сдержанностью для Франции блага и гарантии франко-русского союза". „Нынешняя радикальная Франция,—сообщал Неклюдов,—весьма миролюбива, и войны особенно опасаются ее правители, хорошо сознающие, что поражение и победа могут повести за собой или кровавую анархию или цезаризм".

Указав далее на всесильное влияние Haute Banque, Неклюдов отмечает крайнюю осторожность внешней политики Франции, которая исключительно заботится только о том, чтобы страна не была поставлена в безвыходную альтернативу или стерпеть невыносимое уязвление ее национального самолюбия или быть вынужденной на кровавое столкновение с Германией.

Франко-русской дружбы больше уже нет, восклицал Неклюдов; но Франция последовательно вверила России 11 миллиардов своих народных сбережений, и это финансовое соображение сыграло большую роль в том благоразумии, которое выказали по отношению к внутренним событиям в России государственные люди Франции. Масоны, евреи и радикальный блок не питают никакого искреннего сочувствия к русской государственной власти, но все понимают, что франко-русский союз, особенно при наличии нашего соглашения с Англией, есть единственная база, на которую может опираться французская политика и которая обеспечивает Франции безопасность и сохранение мира без ущерба ее достоинства. Но прежде и выше всего официальная Франция старается избежать всякого разногласия с Россией в вопросах внешней политики и при каждом удобном случае подчеркивает перед другими державами свое единение с нами.

Читатель по достоинству оценит односторонность и, скажу, узость доклада русского дипломата старой школы, центр тяжести внимания которого сконцентрировался исключительно на страшном для царизма усилении социалистических течений во Франции без широкой оценки всей политико-экономической проблемы, которая фактически руководила действиями государственных людей всех политических партий Франции, от

---

[1] Неклюдов—Сазонову 1 (14) декабря 1910 года № 69.

консерваторов до социалистов-соглашателей. В донесении Неклюдова есть еще одна особенность, которая должна была несколько резать глаз после событий 1908 года. Это его уверение, что Франция старается избежать всякого разногласия с Россией в вопросах внешней политики. Да, перехватив в этом отношении через край в своем благожелательном к Австрии отношении во время балканского кризиса, она стала осторожнее, но во всяком случае не достигла тех лирических тонов, о которых писал Неклюдов.

Внешняя политика Франции была совершенно не так безобидна, как ее старался обрисовать русский представитель. В ней одинаково объединялись все партии французского народа от Haute Banque, этого настоящего руководителя внешней политики страны, до левых соглашательских течений, за исключением крайней левой группы с Жоресом во главе. Центром тяжести этой политики были империалистические стремления к овладению Марокко, предоставленным англо-французским соглашением для эксплоатации Франции, и размещение свободного французского капитала на варварских условиях по всем странам, нуждавшимся для развития своей экономической жизни в деньгах. Ведь фактически Франция не являлась в полной мере страной широкой промышленности и торговли на подобие Англии или Германии, а страной финансовых комбинаций или, вернее, страной отдачи денег в рост под ростовщические проценты, не стесняясь никакими союзническими обязательствами.

Мы уже видели политику французского капитала в железнодорожном строительстве в Малой Азии, где при его помощи должно было начаться проведение железных дорог к русской границе, что в высшей степени ухудшало наше, а, следовательно, и французское стратегическое положение. Та же неразборчивость в союзных обязательствах обнаружилась и в предоставлении займа Венгрии, против чего энергично протестовало русское правительство, [1] Китаю и т. д.

На своих союзников Франция смотрела почти исключительно с точки зрения страховки своих интересов и своей безопасности. С Англией, ближайшей соседкой, могущей реально обеспечить марокккскую политику Франции, она более считалась и даже находилась под большим влиянием талантливых руководителей с.-джемского кабинета. С Россией же, гарантировавшей ей безопасность со стороны Германии, она считалась только в тех размерах, которые обеспечивали сохранение франко-русского союза. Долговые обязательства России являлись большой гарантией с этой стороны, но, несмотря на это, Франция с исключительной щепетильностью относилась к каждому факту сближения Германии с Россией

---

[1] Извольский—послу в Париже 31 декабря (13 января) 1909 года № 1223.

даже по их частному делу. Особенно эта нервность, доходившая до неприличных выходок французской прессы, [1] была заметна после 1908 года, когда французское правительство в своих симпатиях к Австрии и угодливости Германии перешло пределы возможного и теперь боялось последствий своего поведения.

В активной политике Франции самое важное место занимал вопрос о Морокко; в активной политике России—вопрос о Балканах, проливах и Персии. В эти-то узлы Вильгельм и направлял по очереди свои удары. Но в то время, когда в борьбе за Марокко Россия становилась на защиту интересов Франции полной своей мощью, мы видели в делах Востока от этой последней только двусмысленную помощь.

1911 год вновь выдвинул к жизни очередной мароккский инцидент, как следствие поступательного движения французов внутрь страны с целью в конце концов окончательно подчинить это государство своему протекторату, так и желания со стороны Германии использовать этот случай для нового испытания прочности Антанты.

Поход французских отрядов к Фецу, под предлогом обеспечения жизни европейцев и помощи султану, и вход германской канонерки в Агадир, в виде протеста этому акту, вновь притянули все внимание Европы к франко-германским разногласиям и держали несколько месяцев мир в напряженном состоянии. Потребовалась энергичная дипломатическая поддержка Франции со стороны Англии и России, чтобы дать Франции в этом отношении полную победу. [2] Германия отступилась от Марокко и согласилась на протекторат над ним Франции, которая уступила Германии некоторые земли из своих владений в Центральной Африке. [3]

Ко времени горячего заступничества России за Францию относятся и два факта в русской политике, которые особенно сильно взволновали французское общественное мнение и вызвали ряд некрасивых нападок на Россию. 19 августа 1911 года было подписано соглашение России с Германией, переговоры о котором были начаты еще осенью 1910 года при свидании монархов в Потсдаме; оно касалось исключительно условий постройки двух зон анатолийской железной дороги и дорог северной Персии, при чем Россия признала законность германского стремления к Багдаду. Другой факт

---

[1] Извольский—Нератову 4 (17) августа 1911 года.

[2] Русский поверенный в делах в Берлине Шебеко доносил 15 (28) апреля 1911 года в Петербург, что Камбон (французский посол в Берлине) определенно говорит, что сговорчивость Германии находится в прямой зависимости от той поддержки, которую окажут Франции Петербург и Лондон (Секр. отд. Арх. Картон: 1911 года).

[3] Письма Бенкендорфа Сазонову от 13 (26) апреля, 22 июня (5 июля), 17 (30) августа и 29 августа (11 сентября) 1911 года.

состоял в мерах совершенно внутреннего характера, в изменении дислокации русской армии с отодвижением центра тяжести ее ближе к восточным губерниям Европейской России.

Все это показывает, с какой нервностью относилось французское общество к роли обеспечения Россией ее тыла со стороны Германии в то время, как Франция вела захватническую политику в Африке, и ту односторонность, с которой Франция относилась к союзу с Россией, смотря на него исключительно с точки зрения обслуживающего элемента. Франция постепенно забирала Россию в руки, не только благодаря денежной зависимости последней, но и личным качествам Сазонова и Извольского, которые решительно пошли на поводу Пуанкаре, выдвинувшегося у союзников России на первое место. До чего дошли в этом отношении русские министр и посол показывает ниже приводимое резюме одного из многих писем такого рода Извольского и Сазонова. [1] Пуанкаре недоволен, что Сазонов не сносится с ним предварительно сообщений, делаемых в Лондон, Берлин и Вену. „Пуанкаре весьма крупная личность; он самолюбив и не любит, чтобы пренебрегали его мнением или участием"... До такого удельного ничтожества была сведена роль России во франко-русском союзе по сравнению со временем его заключения.

Совершенно иное положение занимала в Тройственном Согласии Англия. Она также имела свои частные интересы, для выполнения которых не только входила в состав Антанты, но фактически и руководила ею, ведя более прямолинейно всю Антанту к определенной, поставленной себе главной цели. Цель эта заключалась в грядущей борьбе за гегемонию на морях, которую Германия намеревалась серьезно оспаривать у Англии. Для достижения этой цели Великобритания временно поступалась всеми остальными своими интересами, отказавшись от всяких новых приобретений, но желая сохранить за собою все то, что она имела.

Чрезмерные аппетиты Франции по отношению к Марокко не соответствовали взглядам Англии, но в решительную минуту последняя становилась на сторону Франции; [2] политика России в Персии шла вразрез с основными взглядами с.-джемского кабинета, но последний не доводил дела до разрыва. Багдадская железная дорога и непосредственное соглашение о ней с Германией имели первенствующее для Англии значение, но и в этом вопросе она относилась к интересам России с гораздо большей щепетильностью, чем Франция. Английское общественное мнение хорошо понимало, по словам Бенкен-

---

[1] Частное письмо Извольского Сазонову 16 (29) февраля 1912 года.

[2] Письма Бенкендорфа к Сазонову от 13 (26) апреля и 17 (30) августа 1911 года.

дорфа, [1] что серьезное соглашение с Германией, фактически уничтожающее Антанту, есть синоним германской гегемонии. Но, с другой стороны, Англия серьезно следила за тем, чтобы Франция и, особенно, Россия не использовали Антанту исключительно в своих частных видах. „Английское общественное мнение волнуется, — сообщал Бенкендорф, — [2] чтобы Россия, обеспеченная соглашением на западе, не возобновила свою активную политику на Дальнем Востоке". И этот упрек был своевременен, так как к этому времени мы были связаны уже тайным договором с Японией.

Такое открытое, определенно поставленное направление внешней политики великобританского кабинета придало ему главенствующее значение в делах Антанты. Франция, в особенности, при жизни короля Эдуарда (умер в 1910 году), смотрела на все глазами англичан, а Россия сознавала, что здесь она получит более реальную поддержку, примером чему мог служить балканский кризис 1908 года.

Но, если Франция сосредоточила свою политику на Марокко и биржевых операциях, Англия на подготовке к борьбе с Германией и на удержании своего мирового положения, то Россия не сконцентрировала своего внимания на одной определенной задаче и сразу гналась за многими, возникавшими на разных театрах ее обширной территории. Занимая министерское кресло, Извольский обмолвился красивой фразой, что его политика имеет целью стать „спиной к обдорам, а не лицом"; незадолго перед тем, как он уступил свое кресло своему единомышленнику Сазонову, он вновь повернулся лицом к обдорам, не отвернувшись и от Европы. При этом вся политика Извольского была основана почти исключительно на хитросплетениях тайных перекрестных договоров, с образчиками которых мы познакомились в изложении событий 1908 года.

Русско-японский договор.

Оживившаяся деятельность китайского правительства в Монголии и Маньчжурии, а также большой заем, который устраивал Китаю консорциум европейских банков, вновь привлек внимание петербургского кабинета к Дальнему Востоку и не только с чисто оборонительными задачами.

21 июня (4 июля) 1910 года между Россией и Японией был подписан секретный договор в развитие соглашения 1907 года. Договор этот состоял из следующих пунктов: [3]

Статьей 1-й оба государства признавали линией, разделяющей сферы их специальных интересов в Маньчжурии, линию, установленную соглашением 1907 года.

---

[1] В письме к Сазонову от 14 (27) февраля 1912 года.
[2] В письме Сазонову от декабря 1910 года (января 1911 года).
[3] Французский текст помещается в приложении № 17.

Статьей 2-й они взаимно обязывались уважать специальные интересы друг друга в указанных границах. Они признавали друг за другом право свободно принимать в них все необходимые меры для защиты этих интересов.

Статьей 3-й стороны обязались не мешать никаким способом упрочению и дальнейшему развитию специальных интересов другой стороны в границах упомянутых сфер.

Статья 4-я запрещала всякую политическую деятельность в сфере специальных интересов другой стороны в Маньчжурии. Ни одна из сторон не будет искать в сфере влияния другой стороны никакой привилегии и никакой концессии, посягающих на интересы этой стороны, и оба правительства обязуются уважать права каждой из них в своей сфере, полученные во исполнение трактатов, конвенций и прочих соглашений.

Статья 5-я указывала на установление откровенного обмена мнениями по всем вопросам, касающимся общих их интересов в Маньчжурии. Если же им будет угрожать опасность, то обе стороны сговариваются о тех мерах, которые потребуется принять для обеспечения их.

Статья 6-я определяла строгую тайну договора в отношении третьих держав.

Этот с первого взгляда чисто местного оборонительного значения договор, регулирующий в Маньчжурии взаимные отношения русских и японцев в занятых ими районах, не замедлил при удобном случае показать и свои наступательные когти.

В декабре 1911 года одновременно с признанием французского протектората над Марокко в России возникла мысль заручиться обязательством французского правительства в благосклонном отношении к нашему желанию развить и укрепить положение России в Северной Маньчжурии, Монголии и Китайском Туркестане, а также в поднятом нами вопросе о константинопольских проливах. Но французы прибегли и здесь к присущей им после японской войны форме общих фраз без каких-либо определенных обещаний.[1]

С своей стороны, и японцы, в лице князя Кацуры, возбудили в Петербурге вопрос о неизбежности для России и Японии перейти в Маньчжурии к более активной политике и к военному занятию каждой из них некоторых пунктов в сфере их влияния.[2]

Все это закончилось дополнительной статьей к договору между Россией и Японией 1910 года, подписанной 25 июня (8 июля) 1912 года, которой разделялись между договарив-

---

[1] Письмо Сельва (франц. мин. ин. дел) Извольскому от 4 января 1912 года.

[2] Сазонов—Малевскому-Малевичу 13 (26) июля 1912 года № 693.

шимися сторонами Пекинским меридианом сферы влияния в Монголии, при чем к востоку от меридиана признавались специальные интересы Японии, а к Западу—России. [1]

Наше министерство иностранных дел и при новом руководителе продолжало опутывать себя сетью тайных договоров, внушая этим естественное недоверие к русской политике во всех точках земного шара, не умея отделить главного от второстепенного, соответственно сосредоточив свои дипломатические силы, и не имея в надлежаще развитой вооруженной силе достаточной опоры для ведения одновременной активной политики на крайнем востоке, юге и западе.

Совещание начальников русского и французского штабов.

Втечение изложенного периода успокоения Европы после первого балканского кризиса произошло два очередных совещания начальников генерального штаба русской и французской армий.

Совещание 1910 года характеризуется сравнительно скромными требованиями французского генерального штаба, которые он предъявлял России, ввиду ее еще не полной готовности после Японской войны. Они сводились к тому, чтобы создать мерами мирного времени впечатление возможности серьезного русского наступления на польской границе с 15-го по 30-й день мобилизации и чтобы в первые дни войны занять такое положение, которое подтвердило бы это впечатление и не дало немцам возможности использовать против Франции корпуса, которые назначены для действия против России.

Если мы вспомним, что в 1910 году в России была в корне изменена дислокация войск с уменьшением их числа, находившегося на германской границе, то фактически требования французского штаба сводились к тому, чтобы сохранить прежнюю дислокацию.

При выполнении этих условий французский штаб гарантировал со своей стороны „немедленное и решительное наступление против германских армий со всеми силами". При этом французы считали, что „подготовка этого наступления доведена ими до последней степени предвидения и должна дать результаты". [2] Лотарингское наступление и пограничное сражение в августе 1914 года свидетельствовали перед всем миром, в какой степени французское самомнение не соответствовало действительности.

Беспокойство французских руководящих сфер из-за изменения русской дислокации и материальной неготовности

---

[1] Секретный отдел Архива. Папка 1912 года.

[2] Все эти данные взяты из Секретного отдела II Отд. Государст. Архива. Картон: Франко-русский Союз. Но здесь имеются только протоколы совещаний без весьма интересных основных материалов, которых не удалось до сих пор отыскать в военных архивах.

к войне было так велико, что потребовало в начале 1911 года со стороны русского военного министерства особых мер, в виде сообщения им всех наших расчетов, чтобы успокоить французов.[1]

Следующее совещание начальников штабов, генералов Дюбайля и Жилинского, состоялось в Красном Селе 18 (31) августа 1911 года.

Характерные особенности его заключались в следующем:[2]

1) Слова „оборонительная война" не должны пониматься в том смысле, что „война будет вестись оборонительно". Наоборот, оба начальника штаба утверждали, что для русской и французской армий является безусловной необходимостью предпринять энергичное и насколько возможно одновременное наступление всех сил сполна.

2) Поражение германских сил признавалось „при всяких обстоятельствах" первой и основной целью союзных войск.

3) Мобилизация Австрии или Италии одних, без Германии, не обязывает Россию и Францию к мобилизации своих сил без предварительного сговора.

4) Французский генеральный штаб полагал, что, если Германия вызовет войну в обстановке 1911 года, то ни Австрия, ни Италия не пойдут за ней непосредственно. Генерал Жилинский не согласился с таким предположением в отношении Австрии, которая должна будет принять сторону немцев, хотя бы из-за благодарности за поддержку, оказанную Германией при аннексии Боснии и Герцоговины.

5) Генерал Дюбайль утверждал, что французская армия будет готова на 12-й день мобилизации предпринять наступление против Германии с помощью английской армии на ее левом фланге, но для того, чтобы ей быть уверенной в успехе, необходимо „получить одновременную помощь со стороны русской армии в ее полном составе", т.-е. надо, чтобы „Германия была одновременно атакована с востока и с запада". При этом французский представитель категорически подчеркивал, что „цель, которую должны преследовать русские войска, заключается в том, чтобы заставить Германию задержать на восточной границе возможно большее количество сил", совершенно пристрастно считая, что в этом заключается „основа военной конвенции 1892 года", и совершенно забывая о том, что Россия в отличие от Франции имела на своем фронте еще другого сильного врага в лице Австрии и, может быть, Румынии.

Если мы сравним тон предшествовавших требований французского генерального штаба, очень резкий по отноше-

---

[1] Валентинов: „Военные соглашения России". Воен. Истор. Сбор. Вып. 2, стр. 109—111.

[2] Протокол этот помещен в „Материалах по истории франко-русских отношений". Москва. 1922 года, стр. 697—704.

нию к России, с тоном 1911 года, то мы увидим, что он стал еще более эгоистичным. В прежних совещаниях они признавали за нами необходимость выставить внушительную армию против Австрии, а в 1911 году об этом уже совершенно не упоминается. Вся настойчивость французов в форме категорических требований обратилась исключительно к тому, чтобы заставить Россию ей помогать; французы не уговаривались с русскими, а именно требовали, как власть имущие.

Возражения генерала Жилинского были слабы. Он не поставил своего зарвавшегося коллегу на место, не затронул вопроса с принципиальной точки зрения, а ограничился лишь указаниями на то, что русская армия закончит полное свое снаряжение не ранее 1913—1916 годов и в течение ближайших двух лет не в состоянии выдержать войну с Германией с уверенностью в успехе. Он закончил уверением, что войска действующей армии, за исключением последних частей, сосредоточатся на границе на 15-й день и в состоянии будут заставить немцев оставить на их восточной границе по крайней мере пять или шесть корпусов, как это просит французский генеральный штаб.[1]

В остальном постановления совещания не представляли ничего нового.

Заключение. После того напряжения, с которым Европа и, в особенности, Россия переживали балканский кризис 1908—1909 года, едва не приведший к войне, должна была наступить временная реакция, успокоение перед новым взрывом, который, по всей сложившейся в Европе политической и экономической обстановке, должен был наступить и неминуемо привести рано или поздно к вооруженному столкновению. Кризис 1908 года зажег такой пожар на Балканах, который можно было временно локализировать, но который не мог в конце концов не распространиться на всю Европу.

Ожидаемое затишье в действительности наступило и продолжалось до осени 1911 года. Оно было несколько скомпрометировано захватнической политикой французов в Марокко и англо-русскими несогласиями в Персии, но и то и другое не могло зажечь мирового пожара.

Дипломатические перья заскрипели более спокойно, дипломатические речи стали более сладкими и менее понятными. Стороны начали готовиться к новой схватке и соответственно увеличивать и перегруппировывать свои силы.

Со стороны Германии была сделана еще одна последняя попытка вовлечь Россию на почве балканских дел в тайное

---

[1] Рекомендуем читателю сравнить эти обещания с фактическими данными, приведенными мною в труде „Военная подготовка России к мировой войне".

соглашение против Англии, вновь окончившаяся неудачей. Попытка ее начать общие политические переговоры с Англией также ни к чему не привела. Германия перешла к ряду отдельных переговоров по частным экономическим вопросам с Россией, Англией и отчасти (в Марокко) с Францией.

Отношения России с Австрией понемногу начали принимать нормальный ход.

Политика Франции и Англии мало в чем изменилась. Оба государства начали более внимательно относиться к России, убедившись по опыту первого балканского кризиса, что их пассивная политика в отношении нарушения русских интересов вела к ослаблению Антанты и к усилению блока центральных держав. Но в остальном политика морских держав существенно отличалась друг от друга. Во Франции она имела строго эгоистический характер; на Россию там смотрели почти исключительно, как на рынок для выгодного размещения своих капиталов, за что эта последняя должна обеспечивать Францию со стороны Германии, и считались с интересами России исключительно постольку, поскольку это было необходимо для безопасности Франции со стороны Германии. Англия не отвлекалась частными целями, которые временно подчинила поставленной главной задаче упрочить Тройственное Согласие для грядущей борьбы с Германией.

Наиболее энергичную и, так сказать, суетливую, работу проявила за это время русская дипломатия. Несмотря на только что понесенное ею поражение, она не отказалась от активной политики, но расширила ее, вновь поставив себе наступательные задачи и на юго-западе, в Турции, и на Дальнем Востоке, в Китае. Она не уменьшила своего авантюризма, так как работа Извольского, а потом Сазонова, над созданием Балканского Союза из таких разнородных, враждующих и не всегда верных элементов, как Болгария, Сербия, Черногория и впоследствии Греция, безусловно носила характер авантюры, долженствовавшей повести к взрыву страстей на Балканском полуострове в то время, когда Россия должна была по состоянию своих вооруженных сил избегать вовлечения в войну.

Но характерную особенность русской политики того времени составляла своего рода двуличность. Объединенная общими интересами с Англией и Францией, Россия не только ведет самостоятельно свою частную политику, но работает втайне и над теми вопросами, которые затрагивают и союзнические интересы, грозя вызвать общую войну. Вся эта работа состоит в попытке обеспечить себя сетью тайных соглашений для всех возможных комбинаций, при чем в центре их открыто, а иногда скрыто, стоит вопрос о проливах.

Соглашение с Италией, начало сближения с Австрией, новые попытки договора с Турцией, любезные заигрывания

с Германией, работа над созданием Балканского Союза, соглашение с Японией—и все это в большинстве случаев в виде тайных договоров, скрываемых от Франции и Англии,—такова была работа русских дипломатов за наступивший период сравнительного успокоения Европы, работа, которая не могла внушить доверия к лойяльности русской политики.

Но мы видим, что наиболее жизненный для России вопрос, вопрос о проливах, пока не был затронут. Он как бы заглох с 1908 года, хотя и проходит руководящей идеей во всех соглашениях, которые Россия заключила или пыталась заключить. Русская дипломатия опутывала паутиной этот сложный вопрос, приближалась к нему осторожно, выжидая подходящего случая, и нашла возможным возбудить его только в 1911 году, когда спокойствие в Европе вновь, и на этот раз в большей степени, грозило быть нарушенным вторым балканским кризисом, который начался войной Италии с Турцией, развился в войну балканской федерации с Турцией и окончился братоубийственной войной славянских народностей. С осени 1911 г. по 1913 г. все внимание Европы вновь было привлечено к Балканам, и на этот раз ей с еще большим трудом удалось избежать общего кровопролития.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВТОРОЙ БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС (1911—1913 г.г.)

НАЧАЛО КРИЗИСА.

Агадирский инцидент и итало-турецкая война. Переговоры о проливах. Отношение держав к итало-турецкой войне. Совещание начальников штабов и франко-русская морская конвенция 1912 года. Китайский заем. Свидание двух императоров и визит Пуанкаре в Россию. Начало Балканской войны. Сазонов о современном положении. Заключение.

Агадирский инцидент и итало-турецкая война.

Летом 1911 года на горизонте Европы опять запахло войной, и опасность общего пожара вновь почувствовалась со стороны Марокко и Балкан.

1 июля Германия решила, под фальшивым предлогом защиты интересов немецких подданных в южной части Марокко, ввести в закрытый для европейской торговли порт Агадир военное судно, что являлось непосредственным вызовом Франции.

Между обоими государствами начались длительные переговоры, которые благодаря, по признанию самих французов,[1] полной поддержке со стороны Англии и, в особенности, России, привели к франко-германскому соглашению 4 ноября 1911 года, в сущности не удовлетворившему ни Францию, ни Германию. По этому соглашению немцы признавали протекторат Франции над Марокко взамен уступленной им французами части территории в Конго.

Почти одновременно с этим и Турция подверглась нападению, но не со стороны России или балканских государств, как это можно было предполагать, а со стороны Италии.

Мы неоднократно касались мимоходом этого государства. Соединенное Тройственным Союзом с центральными державами, оно отнюдь не предполагало быть „рыцарским“, наподобие Вильгельма, верным своим союзникам и не отказывалось от тайных соглашений ни с Францией ни с Россией. Соглашение с Францией 1902 года, собеседование Титтони с Эренталем и Извольским в Бухлау в 1908 году, соглашение в Ракониджи с Россией 1909 года и желание распростра-

---

[1] Р. Пуанкаре: „Происхождение мировой войны“. Руск. перевод, стр. 105.

нить свое влияние на восточное побережье Адриатического моря служат тому доказательством.

Но больше всего итальянцы были заинтересованы в завладении частью северного берега Африки, а именно ближе всего расположенной к Италии Триполитанией, местами сплошь населенной итальянскими переселенцами и находившейся под номинальной властью турок, которые, не имея флота и будучи отрезаны от Триполитании Египтом, фактически не могли ее защищать, как следует.

Итальянское правительство, обеспечившее себе целой сетью договоров с заинтересованными государствами свободу действий в Триполи, решило летом 1911 года последовать примеру Австрии, овладело внезапным нападением северною частью Триполи и начало завоевание страны.

Турецко-итальянская война длилась бесконечно долго, при наружном желании всех держав локализировать ее, и закончилась только после начала Балканской войны.

О дипломатической работе европейских государств, связанной с этой войной, нам еще придется говорить, и я упомянул о ней, чтобы очертить ту обстановку, которую русское правительство использовало для поднятия вопроса о константинопольских проливах. Действительно, из трех „заговорщиков" Бухлауского замка (Эренталь, Титтони и Извольский) первые два достигли своей цели, и только вопрос о проливах, этот гвоздь всей политики Извольского, преемственно переданный им Сазонову, оставался без движения.

Переговоры о проливах.

Вопрос о проливах был поднят Извольским еще в 1908 году тотчас после Бухлауского свидания, при личном объезде русским министром европейских столиц. Он встретил тогда беспочвенную поддержку в общих фразах со стороны французов и замаскированный отказ со стороны англичан, вследствие чего этот вопрос и был отложен.

Напомним, что в общем русский проект того времени сводился к следующим положениям:[1]

1) Принцип закрытия Дарданелльского и Босфорского проливов оставался в силе. Исключение делается только для военных судов прибрежных государств Черного моря.

2) Эти державы имеют возможность, пока Порта не будет находиться в состоянии войны, проводить через проливы в обоих направлениях суда всех размеров без остановки и с соблюдением специально вырабатываемых правил прохода.

3) Если потребности плавания заставят проходящее судно остановиться, то эта остановка делается в определенно указанном месте и не более, как на три дня, за исключением случаев аварии.

---

[1] „Сборник материалов", стр. 529.

4) Сразу может проходить не более трех военных судов одной державы.

5) О проходе военных судов Порта предупреждалась не менее как за 24 часа.

В 1908 году нотой 14 октября лондонский кабинет фактически отказался присоединиться к проекту Извольского. Лорд Грей признавал открытие проливов целесообразным и справедливым, но при условии, чтобы они были открыты на основаниях полного равноправия для всех без исключения. Чисто же одностороннее соглашение, которое давало бы черноморским государствам в военное время преимущество иметь все Черное море, как недоступную гавань, не могло быть одобрено английским общественным мнением. Грей признавал, что соглашение о проливах должно быть такого рода, чтобы в случае войны обе воюющие стороны пользовались одинаковыми условиями.

Кроме того, Грей требовал, чтобы согласие Турции было необходимой предпосылкой ко всякому предположению этого рода.

Дело, таким образом, заглохло до 1911 года, когда очередной конфликт в Марокко и захват Италией Триполи дали надежду Сазонову провести вопрос и о проливах.

1 (14) сентября 1911 года[1] русский министр писал Извольскому в Париж между прочим следующее:

„Связанные с Францией определенными отношениями и мало заинтересованные на северо-западе Африки, мы, очевидно, заранее согласимся на то, чем Франция порешит свои переговоры с Германией. Но это дает нам определенные основания надеяться, что и Франция сочтет своей нравственной обязанностью при случае заплатить нам тою же монетой и отказаться заранее от оппозиции или вмешательства в вопросы, где она менее заинтересована, а мы же имеем существенные интересы.

„Из таких вопросов более определенный характер носят два—о проливах и маньчжурский.

„Далекие от мысли связывать Францию относительно проливов ныне же какими-либо конкретными обещаниями на определенное будущее, мы считаем, однако, своевременным заручиться согласием нашей союзницы не противиться нашей точке зрения и нашим возможным выступлениям в тот момент, когда мы сочтем нужным приступить в отношении наших вопросов к определенным переговорам и, может быть, даже действиям...“

Читатель видит, что у петербургского кабинета в данном случае аппетиты были не маленькие. Он требовал от своей союзницы не только carte blanche, но и содействия вперед в ре-

---

[1] „Материалы“; стр. 115.

шении двух мировых проблем—Дальнего и Ближнего Востока, не ознакомив ее даже с пределом своих достижений. Франция не была тем преданным России союзником, от которого можно было бы ожидать положительного ответа на желание Сазонова; он его и не получил.

Мысль Сазонова должна была встретить самый сочувственный отклик в душе Извольского, который так много и так неудачно поработал над этим вопросом. „В предположении, что итальянское выступление неизбежно—писал он[1]—мне кажется, что нам следовало бы теперь же позаботиться о том, чтобы, по возможности, извлечь из надвигающихся событий наибольшие выгоды для собственных наших интересов". Извольский полагал, что, ввиду соглашения в Ракониджи, мы не можем возражать против выступления Италии, но должны возобновить ее обязательствам к нам в отношении проливов. Что же касается Турции, которая, „несмотря на все оказанные нами ей услуги", систематически уклонялась от разрешения в благоприятном для нас смысле различных очередных вопросов, то Извольский полагал, что конъюнктура представляется весьма удобной для решительной попытки воздействовать на Порту.

Новая работа в отношении проливов пошла по старому руслу — непосредственного давления на Турцию и частных переговоров с отдельными заинтересованными государствами. 19 сентября 1911 года за № 617 русскому послу в Константинополе было предложено воспользоваться обстоятельствами итало-турецкой войны, франко-германских переговоров о Марокко и вероятной податливостью нового турецкого правительства, чтобы приступить к переговорам пока частного характера об изменении железнодорожного соглашения 1900 года, а может быть и „о более общих взаимных интересах". При этом к письму был приложен следующий проект соглашения, касающегося проливов:

„Императорское правительство обязуется оказать оттоманскому правительству действительную поддержку для поддержания существующего положения в проливах Босфора и Дарданелл, распространяя ее и на прилегающие территории. Императорское оттоманское правительство обязуется, с своей стороны, не противиться проходу русских военных судов через проливы при условии, что эти суда не будут останавливаться в них без особого на то согласия".

Русские дипломаты не варьировали, как видно, способов своей работы. В 1908 году, заключивши соглашение против Турции с Эренталем, Извольский старался заключить договор с турками против Эренталя; в 1911 году Сазонов проделывал тот же маневр: подготовляя одной рукой балканский союз

---

[1] Извольский—Сазонову 13 (26) сентября 1911 года.

против Турции, он другой рукой брал на себя обязательство охранять существование турок в Европе. Немудрено поэтому, что русская политика последнего царствования внушила к себе подозрительность и у друзей и у врагов.

Чарыков[1] повел дело очень энергично, несколько расширил данные ему полномочия и уже 29 сентября (12 октября) 1911 года передал оттоманскому правительству пока частным образом проект соглашения, сводившийся в общем к следующему:

1) Россия отказывалась от выгодного для нее соглашения 1900 года относительно железных дорог в Малой Азии.

2) Она обязывалась не противиться реализации необходимых капиталов для постройки железных дорог в зоне, обусловливаемой соглашением 1900 года.

3) Что касается до участка к востоку от линии Самсун—Сивас—Харпут—Диарбекир—Моссул, то оба правительства обязывались воздерживаться здесь от всякого вредного соперничества, соблюдать обоюдные интересы и установить пункты и условия соединения линий этой сети.

4) Россия обязывалась оказывать Турции действительную поддержку для сохранения существующего положения в отношении проливов Босфора и Дарданелл, распространяя ее и на прилегающие территории в случае, если бы последние подверглись угрозе со стороны иностранных военных сил.

Чтобы облегчить России выполнение этого условия, Турция обязывалась не противиться в мирное и военное время проходу русских военных судов через проливы, при условии, что эти суда не будут там останавливаться без особого согласия.

5) Россия обязывалась оказать Турции дружественную услугу в восстановлении добрососедских отношений между нею и Балканскими государствами на почве сохранения statu quo.

6) Россия выражала готовность приступить к обсуждению вопроса об уступках и благожелательном рассмотрении экономических и финансовых проектов Турции.[2]

Русскому министру иностранных дел подобная самостоятельность Чарыкова не понравилась,[3] а последняя фраза статьи 4-й показалось опасной, так как „затрудняла наши будущие переговоры с другими державами и недостаточно связывала Турцию на случай осложнений у нас с несогласной державой".

---

[1] Русский посол в Константинополе.

[2] Должен оговориться, что этот документ мною взят из „Материалов" по истории франко-русских сношений 1910—1914 годов, изд. НКВД. 1922 год, стр. 532—535, в котором он изложен так, что поддается трудному пониманию. Поэтому я привожу его без того параллельного варианта, смысл которого для меня остался неясным.

[3] Телеграмма Чарыкову от 9 октября 1911 года № 1570.

Турки, с своей стороны, очень благожелательно приняли проект Чарыкова, но положили его под сукно, ссылаясь на свое бережное к интересам России отношение и оберегая ее от мысли, что „она желает использовать затруднения Турции, находившейся в состоянии войны“.[1] Чарыков признал, что настало время оказать на Порту совместное с союзниками давление и просил разрешения сообщить текст проекта соглашения французскому и английскому послам. Но к этому времени дело о проливах было проиграно и у союзников.

Нет сомнения, что руководящую роль в нем играла Англия, а не Франция. Интересы ее затрагивались в этом вопросе больше, чем интересы Парижа, а личность лорда Грея доминировала над мало знающей и не опытной личностью французского министра де-Сельв. И, действительно, этот последний поручил своему представителю в Лондоне „de sonder le gouvernement anglais au sujet de la question des détroits“,[2] что и служило для него руководством в переговорах с Извольским.

А между тем отношение английского правительства к вопросу о проливах выяснилось сразу, и оно осталось при своих взглядах 1908 года, совершенно не приемлемых для России, т.-е. на требовании равноправности всех стран.[3] Кроме того, с.-джемский кабинет полагал, что состояние войны, в котором находится Турция, и непрочность оттоманского правительства мало соответствовали началу ведения подобных переговоров.

Тот энергичный темп, с которым Чарыков повел переговоры в Константинополе, способствовал проникновению слухов о них в английскую печать и вызвал сугубое недоверие лондонского кабинета. Поэтому все старание Бенкендорфа привлечь Грея на сторону нового русского проекта и даже наивная ссылка на полное сочувствие этому проекту со стороны французского правительства не помогли делу и заставили Бенкендорфа резюмировать свою длительную беседу с Греем следующими словами:

„Если Англия в 1908 году в принципе допускала изменение в установленном трактатами положении о проливах, но находила это несвоевременным, то в настоящее время лондонский кабинет не возражает о своевременности. Он готов действовать на основании прежней формулы, но считает необходимым изучить новую выдвигаемую императорским кабинетом формулу“.[4]

---

[1] Телеграмма Чарыкову 26 ноября 1911 года.

[2] Письмо гр. Бенкендорфа управляющему министерством от 10 (23) октября 1911 года.

[3] Там же.

[4] Интересное письмо Бенкендорфа помещается в приложении № 18.

Последующие письма Бенкендорфа, несмотря на свой оптимистический тон, также были не утешительны. Он уверял [1] своего корреспондента, что вопрос о проливах созрел, что сближение Порты с Россией, а через нее с Англией, Францией и, может быть, балканскими государствами очень нравится в Лондоне, как новая гарантия общего мира, способная поколебать немецкое влияние в Константинополе, но тут же говорил о серьезном препятствии, фактически уничтожавшем возможность ведения переговоров: Турция, воюющая с Италией, и нейтральная Россия, предлагающая ей гарантию неприкосновенности проливов и столицы, т.-е. свой флот для защиты их. Положение, действительно, странное, всю оригинальность которого французские и английские дипломаты должны были разъяснить своему русскому коллеге.

Через две недели Бенкендорф доносил, [2] что англичане затягивают и затрудняют вопрос о проливах. Они не видели препятствия в предоставлении русским судам свободного прохода через проливы в обоих направлениях, но превращение Черного моря в большой порт, который в случае войны служил бы прикрытием для русского флота, встретит большие затруднения.

Бенкендорфу рисовалась иная картина возможности достигнуть той же цели. „Я часто замечаю,—кончал он свое письмо,—со стороны английского правительства признаки желания укрепить наше согласие и даже расширить его рамки. Иногда я слышу упоминание вокруг себя об оборонительном союзе, но пока я исключаю этот вопрос. Остается более общее соглашение, которое могло бы распространяться на Константинополь, Балканы и, может быть, Малую Азию. Надо было бы заставить Англию принять нашу точку зрения, что я считаю возможным, если бы ей предоставили свободу действий в Египте. Но подобное новое соглашение должно было бы затронуть и Дальний Восток. В этом затруднение, но не очень серьезное. У англичан совершенно достаточно колоний; они не желают новых аннексий, т.-е. стоят за территориальную неприкосновенность“.

Несмотря на это, петербургский кабинет [3] просил у Англии точной и письменной формулировки ее отношения к вопросу о свободе плавания через проливы, присовокупляя, что мы не стремимся к немедленному разрешению этого вопроса, а только к выяснению могущих представиться условий его решения. Такого письменного обязательства с.-джемского кабинета в архивах не найдено.

---

[1] Письмо от 12 (25) октября 1911 года.
[2] Письмо от 26 октября (8 ноября) 1911 года.
[3] От 20 октября 1911 г. № 692. „Материалы“, стр. 537.

Отношение Англии к вопросу о проливах определяло и отношение Франции, тем более, что русское правительство начало подозревать [1] существование между обеими странами соглашения по этому вопросу.

Между тем надежды на Францию у русского правительства были большие. Послу Извольскому было указано добиться со стороны французов полной carte blanche в отношении проливов, так как иначе нельзя понять продиктованный министерством послу текст письма, которое желательно получить от парижского кабинета [2]:

„La France s'engage à considerer avec bienveillance les intérêts russes dans la question des detroits du Bosphore et des Dardanelles et à ne pas s'opposer à la realisation des projets que la Russie pourrait avoir en vue relativement aux dits détroits et aux territoires adjacents". [3]

Впрочем, вслед за этим петербургский кабинет несколько успокоил французское правительство и на его запрос ответил, что в настоящее время Россия не предполагает поднимать каких-либо принципиальных вопросов, а только стремится к улучшению своего фактического положения, не нанося ущерба другим державам. Первоначально предполагается зондировать в Константинополе при поддержке Франции только вопрос о праве прохода русских военных судов через проливы. [4] Мы уже видели при изложении переговоров с Портой, что вожделения России простирались на много далее.

Извольский после длительных переговоров с де-Сельв передал ему 4 ноября, когда был подписан договор с Германией о Марокко, проект ожидаемого письма, намеченный русским министерством, но с прибавлением от себя общей фразы о признании Францией свободы действий России в проливах и в Северном Китае и о согласии ее на меры, „которые мы найдем нужным принять в этих районах, чтобы обеспечить наши интересы и упрочить наше положение". [5]

Однако, практические французы не поддались лирическому тону письма Извольского и очень обеспокоились требуемой им „liberté d'action" в деле о проливах. „Россия,—успокаивал их Извольский,—[6] заинтересована в том, чтобы, по возможности, дольше сохранить существование Турецкой империи, но

---

[1] Телеграмма Нератова—Извольскому от 28 сентября 1911 года № 1450.

[2] От 2 сентября 1911 года № 631.

[3] Перевод: „Франция обязуется благожелательно рассматривать русские интересы в вопросе о Босфорском и Дарданельском проливах и не препятствовать осуществлению проектов относительно проливов и прилегающей территории, которые Россия может иметь в виду".

[4] Телеграмма Нератова—Извольскому от 28 сентября 1911 г. № 1455.

[5] Телеграмма Извольского в Петербург 24 окт. 1911 г. № 163 и письмо от 26 окт. (8 ноября) 1911 года.

[6] Письмо Извольского—Сазонову 10 (23 ноября) 1911 года.

при том условии, чтобы с нас были сняты устарелые и несовместимые с нашими интересами и с нашим достоинством стеснения; поэтому мы прежде всего стремимся к тому, чтобы установить с турецким правительством дружеское соглашение по сказанному вопросу. Но, если подобное соглашение окажется недостижимым или если наступит ликвидация турецкого владычества в Европе, то, конечно, изменится и наше отношение к проливам. При этом русский посол заранее выражал уверенность в полном сочувствии и поддержке со стороны союзной Франции, но тем не менее считал весьма важным оформить отношение французского правительства к настоящему вопросу.

Ответ де-Сельв на проект Извольского последовал только через два месяца [1] и не мог удовлетворить русский кабинет. В отношении проливов он сводился к следующему абзацу: „D'une manière générale, je suis heureux de confirmer de nouveau à votre excellence les déclarations du gouvernement français, à l'occasion des évènemeuts de 1908, relativement aux satisfactions que le gouvernement russe pourrait être amené à poursuivre dans la question des détroits du Bosphore et des Dardanelles. Le gouvernement français reste disposé à échanger des vues à cet égard avec le gouvernement russe, si des circonstances nouvelles rendaient nécessaire un examen de la question des détroits". [2]

Ответ в общем двусмысленный, подтверждавший, наподобие ответа лондонского кабинета, обязательства 1908 года и оставлявший открытым вопрос о всякой новой комбинации. [3]

В виде эпилога к отношениям Франции к вопросу о проливах можно упомянуть заявление, сделанное несколько месяцев спустя Палеологом Рифату-паше, что „политика Франции по восточным делам неизменно имеет в виду целость Оттоманской империи и ее упрочение". [4]

Как ни странно, но отношение держав противного России союза отнюдь не было более враждебно к русскому проекту, чем отношение Англии и Франции. Берлинский кабинет дал заверения, что он ни в какой мере не препятствует соглашениям России с Турцией относительно проливов [5], а граф

---

[1] Нота от 4 января 1912 года, „Материалы", стр. 144.

[2] Перевод: „Я счастлив вообще вновь подтвердить вашему превосходительству заявление французского правительства, сделанные в связи с событиями 1908 года, относительно удовлетворения, которого Россия, может быть, будет вынуждена добиваться в вопросе о Босфорском и Дарданельском проливах. Французское правительство готово попрежнему обменяться с русским правительством взглядами на этот предмет, если бы новые обстоятельства вызвали необходимость обсуждения вопроса о проливах".

[3] Письмо Извольского—Сазонову 27 декабря (11 января) 1911/12 года.

[4] Письмо Севастопуло из Парижа Сазонову 1 (14) августа 1912 года.

[5] Донесение Остен-Сакена 10 ноября 1911 года.

Эренталь готов был обсудить вопрос дружески, хотя и не считал себя более связанным обещаниями 1908 года. [1]

При таких условиях попытка России улучшить свое положение в отношении проливов вновь оказалась безрезультатной, и вопрос заглох, оттесненный вихрем балканской войны.

Отношение держав к итало-турецкой войне.

Война Италии с Турцией протекала при оригинальной обстановке. Заняв Триполи, итальянцам приходилось принудить Турцию согласиться на уступку этой провинции, что можно было достигнуть только вооруженной силой, нанеся ей решительное поражение. Между тем именно это условие представлялось для итальянцев наиболее трудным, так как перенесение войны в жизненные для Турции центры (проливы, Балканы, Эгейские острова и соседство Египта) затрагивало интересы Европы, вызывало ее протесты и грозило зажечь общий пожар; следовательно, Италия, как воюющая сторона, находилась в очень невыгодном положении, и фактически принудить Турцию признать захват Триполи исключительно военными мерами она не могла.

Оставался другой способ разрешения создавшегося кризиса, а именно дипломатическое вмешательство держав. Но политика этих последних была до такой степени фальшива и переплетена целой сетью тайных, противоречащих друг другу договоров, что найти в ней в итало-турецком вопросе общую равнодействующую представлялось невозможным. Тройственный Союз и Тройственная Антанта; Египет для англичан и увеличение влияния Италии в Средиземном море для французов; Балканы и проливы для России и Австрии; желание удержать Италию в Тройственном Союзе и покровительство Турции для Германии—таков был калейдоскоп перекрещивающихся интересов европейских держав, переплетенных целым рядом соглашений с Италией и против Италии, который делал невозможным образование европейского концерта для скорого прекращения итало-турецкой войны. Она, эта война, и длилась свыше года, прекратившись только под влиянием другой войны и непосредственными переговорами враждовавших сторон без помощи европейских посредников.

В Лондоне поползновение Италии на Триполи вызвало досаду и опасение последствий этого выступления на Балканах, что вновь приводило в столкновение австро-русские интересы, когда нормальные сношения между этими государствами только начинали налаживаться. С.-джемский кабинет решил, пока речь идет только о Триполи, держать нейтралитет. [2] Предложение России державам выступить посред-

---

[1] То же Гирса из Вены 6 Ноября 1911 года.

[2] Бенкендорф—Сазонову 14 (27) сентября 1911 года и 20 декабря 1911 г. (2 января 1912 года).

никами между воюющими сторонами, при чем после печального инцидента 1908 года она передавала инициативу этого дела Франции, не встретило сочувствия со стороны англичан, которые не хотели жертвовать интересами турок непримиримым претензиям итальянцев. [1] Кроме того, Грей боялся, что предварительное по этому поводу соглашение держав Антанты произведет дурное впечатление в Берлине. [2] В Англии появлялось также некоторое беспокойство из-за охлаждения отношений между Францией и Италией, так как при более тесном сближении этой последней с своими союзниками, Триполи в итальянских руках могло стать удобной для Тройственного Союза военно-морской точкой опоры в Средиземных водах [3] и, главное, по соседству с Египтом. По мнению Грея, все вопросы войны сводились к Средиземному морю.

„Именно это,—доносил Бенкендорф,—[4] производит перемену в отношениях к Италии. Боятся распространения Тройственного Союза на Средиземное море путем продвижения туда Италии, отчего возникает вопрос о занятых греческих островах и т. д.“ Но параллельно с этим Бенкендорф рисовал и другой результат войны. „Всякая оппозиция против урегулирования вопроса о проливах пропала, так как нас хотят видеть в Средиземном море, хотят иметь возможность позволить проникнуть туда нашему флоту“ С другой стороны, тот же Бенкендорф предупреждал, что в Англии не понравилось бы ухудшение наших отношений с Турцией. [5]

Было еще одно обстоятельство, которое заставляло Англию и отчасти Францию опасаться становиться на сторону Италии. Это боязнь возбуждения мусульманских умов и мусульманского движения, которое могло легко распространиться и на владения, подвластные этим государствам. [6]

Отношение России к войне носило присущий ее дипломатии двойственный характер. Война легко могла распространиться на Балканский полуостров, что для России было вообще нежелательно и, в особенности, до окончания переговоров о соглашении между Болгарией и Сербией. Закрытие турками проливов для торговых судов наносило большой вред русской торговле. Но, с другой стороны, эта война давала России возможность возобновить, хотя и неудачно, переговоры о проливах. Вообще, по мнению посла в Константинополе Чарыкова, [7] поручиться за мир с Турцией было трудно, ввиду войны с Италией, обострения персидского вопроса

---

[1] То же 28 февраля (12 марта) 1912 года.
[2] То же 1 (14) февраля 1912 года.
[3] Сазонов—Извольскому 17 (30) мая 1912 года.
[4] Бенкендорф—Сазонову 6 (19) июня 1912 года.
[5] Бенкендорф—Сазонову 29 февраля (13 марта) 1912 года.
[6] То же 9 (21) мая 1912 года.
[7] Чарыков—Сазонову 2 января 1912 года.

и подозрительной воинственности Черногории. При этом прекращение войны Турции с Италией ранее развязки персидского кризиса признавалось им для России невыгодным.

Тем не менее, как было уже отмечено выше, Сазонов вступил на почву установления европейского посредничества между воюющими державами, при чем первоначальное зондирование держав не привело к положительным результатам как вследствие парламентского кризиса в Турции, так и ввиду „нежелания Порты считаться с фактическим положением".[1]

Итальянское правительство не могло, как доносил Извольский,[2] отказаться от единогласно подтвержденного палатами присоединения в полном объеме Триполитании и Киренаики, и единственно, что оно могло допустить,—это признание духовного главенства султана и денежную компенсацию. Турки не ставили непременным условием для достижения мира сохранение турецкого суверенитета и, в крайнем случае, шли на признание итальянской оккупации в портах Триполитании, но отнюдь не Киренаики. При этом надо было ожидать, что Германия (а, как мы видели, и Англия) откажется не только от какого-либо давления на Порту, но и от коллективного выступления в Константинополе. „В Париже,—писал Извольский в другом письме,—[3] особенно боятся раздражать Турцию, чтобы не дать Германии повода воспользоваться этим в Константинополе для обеспечения себе экономических выгод, а, главное, боясь, что всякое раздражение мусульманского чувства может быстро отразиться в Алжире, Тунисе и Марокко.

В мае месяце вопрос о конференции считался для Италии и Турции более приемлемым, при чем со стороны турок главным препятствием являлось опасение, что Россия воспользуется конференцией для включения в нее и вопроса о проливах.[4]

Это недоверие, выражавшееся к тому же в весьма враждебном к России тоне турецкой печати,[5] заставило парижский и лондонский кабинеты выработать для держав-посредниц: России, Франции и Англии, декларацию, которой они обязывались ограничить цель конференции в пределах спора, вызвавшего конфликт, при чем они должны были подписать обязательство действовать бескорыстно и чтобы все пять держав приходили перед каждым выступлением к предварительному между собою соглашению.[6]

В конце июня Пуанкаре удалось выяснить конкретные условия, принимаемые турками для заключения мира. Они

---

[1] Сазонов—послу в Константинополе 5 января 1912 года № 27.
[2] Извольский—Сазонову 15 (28) февраля 1912 года.
[3] Сазонову от 1 (14) марта 1912 года.
[4] Извольский—Сазонову 10 (23) мая 1912 года.
[5] Сазонов—Гирсу в Константинополе 14 мая 1921 года.
[6] Телеграмма Извольского Сазонову 4 (17) июня 1912 года № 107.

сводились: 1) к автономии африканских провинций под главенством князя-мусульманина; 2) суверенитету Италии над двумя портами; 3) введению реформ в новых провинциях по соглашению между итальянцами и князем и 4) присутствию итальянских войск, пока эти реформы не будут осуществлены. [1] Хотя эти условия и не удовлетворяли итальянцев, но все-таки они привели к началу между ними и турками непосредственных переговоров в совершенно негласной и неофициальной форме. [2]

Общее посредничество держав так и не вылилось ни в какую реальную форму. Над горизонтом Балканского полуострова сгруппировались грозовые тучи, в виде возможной войны балканского христианского блока против империи оттоманов. Итало-турецкая война с ее сравнительно частными интересами отошла на задний план. Все внимание великих держав было приковано к тому, чтобы ликвидировать события, назревавшие на Балканах. Римский кабинет воспользовался этим случаем и потребовал от Порты заключения мира в восьмидневный срок, угрожая в противном случае усилением военных действий и считая себя свободным в выборе места для направления главного удара. [3] Турции, война которой против балканских государств становилась неизбежной, не оставалось ничего, как принять предложенные условия, и 2 октября она подписала мирный договор с Италией, согласно которому Триполитания и Киренаика перешли под полный суверенитет Италии.

Совещание начальников штабов и франко-русская морская конвенция 1912 г.

Летом 1912 года, в то время, когда шла война между Италией и Турцией, а на Балканах назревал грозный для европейского мира конфликт, в Париже состоялось очередное совещание между французским и русским начальниками штабов, генералами Жоффром и Жилинским, вслед за которым последовало заключение между Францией и Россией морской конвенции. Кроме того, председатель Совета французских министров Пуанкаре предпринял поездку в Петербург.

Все описанные выше события естественно волновали политический мир Европы. Французы не могли еще успокоиться от перенесения центра тяжести русской дислокации более на восток и хотели запротоколировать обязательства русской армии в скорой им помощи; немцы беспокоились относительно франко-русской морской конвенции, а поездку Пуанкаре в Петербург объясняли желанием Франции добиться перенесения вновь дислокации большей части русской армии ближе

---

[1] Сазонов—Извольскому 2 июля 1912 года.
[2] Извольский—Нератову 5 (18) июля 1912 года.
[3] Нератов—Сазонову в Париж 20 сентября 1912 года.

к германской границе и вообще находились в очень нервном состоянии.[1]

При таких условиях совещание начальников штабов приобретало особое значение и в протоколе этого совещания, действительно, проглядывает несколько специфических черт.[2]

Центр тяжести совещания был сосредоточен на статье 3-й, касавшейся стратегического развертывания и планов сторон.

Предположение о том, что немцы направят в начале войны большую часть своих сил против французов, оставив против России только строго необходимое число войск, не встретило возражений со стороны Жилинского. Жоффр настаивал при этом на том важнейшем для Франции пункте, что немцы будут оперировать поочередно и отдельно, сначала против Франции и потом против России; поэтому план союзников должен состоять в стремлении одновременной атаки их с применением максимума комбинированных усилий.

Военное и политическое положение Италии давало возможность французам оставить для обороны своей альпийской границы только несколько резервных дивизий, а все остальные силы, значительно превосходящие условленную цифру в 1.300 тысяч, направить против Германии, при чем, благодаря принятым мерам по усилению рельсовой сети, через год, т.-е. в 1913 году, это сосредоточение превзойдет по быстроте германское.

Жилинский принципиально соглашался с Жоффром о необходимости согласовать во времени усилия, направляемые против Германии, но обращал внимание своего собеседника на особое положение России.

Австрия, сильно развивавшая в последнее время свое военное могущество, требовала разделения русских сил между германским и австрийским фронтами, так как моральный эффект неудачи на австрийском фронте был бы гибельным для России. Враждебное настроение Швеции заставляло оставить в районе Петербурга более значительные силы, чем это предполагалось раньше. И, наконец, постройка, кстати сказать, при помощи французского капитала железных дорог в Малой Азии заставляла Россию удерживать и с этой стороны излишние войска.

Но все это не помешало Жилинскому запротоколировать обещание сосредоточить на германской границе по меньшей мере 800.000 человек и „дать немцам тотчас же после 15 дня мобилизации почувствовать наступательное действие своих армий“.

---

[1] Сазонов—послу в Берлине 28 июля (10 августа) 1912 года № 1520; поверенный в делах в Берлине—Сазонову 30 июля (12 августа) 1912 года и телеграмма посла в Париже 10 (23) августа 1912 года № 157.

[2] Протокол помещен в „Сборнике материалов“, стр. 704—708.

Но Жоффр настаивал на том, что поражение Германии рассеет все опасения насчет поведения Швеции и Турции, и что поэтому надо во что бы то ни стало прибегнуть к уничтожению сил Германии. С этой целью русским войскам надо скорее мобилизоваться и сосредоточиться, для чего необходимо принять особые меры по усилению рельсовой сети. И Жоффр намечает систему усиления железных дорог для скорейшего подвоза русских войск к Восточной Пруссии, Нареву и Варшаве. Для подталкивания железнодорожного строительства в Петербург, как это мы увидим ниже, был назначен послом Делькассе со специальной в этом отношении задачей, а несколько позднее для этой цели был предоставлен и очередной французский заем.

В отношении плана предстоявших операций Жоффр приветствовал перенесение центра тяжести русских армий к югу и расположение главных сил в условиях, позволявших им или наступать от Нарева в Восточную Пруссию, или маневрировать на левом берегу Вислы с целью итти на Берлин, в зависимости от сосредоточения германских сил.

Конференция заканчивалась постановлением об утверждении протоколов военным министром или председателем Совета министров, чтобы „начальники штабов могли опираться на этот документ в деле осуществления желательного улучшения", т.-е. придачей оперативным обязательствам документального характера, чего втечение всего времени существования конвенции безуспешно старалось достигнуть французское правительство.

Характерная особенность этого совещания заключается в том, что французы переходят от общих фраз и пожеланий к конкретным указаниям русскому генеральному штабу, что и как надо делать. Жоффр вмешивается, как хозяин, в те распоряжения, которые не только стесняли свободу будущего русского главнокомандующего, но и вообще были недопустимы в самостоятельном государстве.

Почти одновременно была подписана в Париже, 16 июля 1912 года, между начальниками морских штабов военно-морская конвенция такого содержания: [1]

1) Морские силы Франции и России согласованно действуют во всех случаях, в которых союзом предусматриваются и предуказываются согласованные действия сухопутных армий.

2) Такие действия морских сил будут подготовлены еще в мирное время. Для этой цели начальники штабов уполномочивались непосредственно сноситься друг с другом, обмениваться имеющимися сведениями, изучать все предполагаемые возможности войны и согласовывать свои стратегические соображения.

---

[1] „Сборник Материалов", стр. 231.

3) Начальники штабов должны лично совещаться друг с другом не менее одного раза в год и должны вести протоколы своих совещаний.

4) В отношении сроков действительности и во всем остальном морская конвенция приравнивалась к сухопутной.

На русского начальника морского штаба его собеседование с французским коллегой произвело, по словам Извольского, самое отрадное впечатление. Французский адмирал вполне „уразумел" необходимость облегчить нам задачу господства над Черным морем путем соответственного давления на флоты наших противников. С этой целью Франция изъявила готовность перенести еще в мирное время сосредоточение своих морских сил в Средиземном море ближе к востоку, т.-е. в Бизерту,[1] не обусловливая это никакими обязательствами с нашей стороны.

Самомнение русских дипломатов в этом суждении проглядывает в большой степени. Не „уразумение" французским адмиралом необходимости русского господства на Черном море, а опасение за увеличение итальянского влияния в восточной части Средиземного моря и усиление австрийского флота, совместно с соглашением и конвенцией с Англией, были настоящими причинами перенесения центра тяжести морского могущества французов на юг.

Китайский заем.

Прежде чем приступать к изложению взволновавшего всю Европу балканского кризиса, необходимо для освещения взаимоотношений между европейскими державами сказать несколько слов о том узле, который завязывался на Дальнем Востоке.

Мы уже упоминали о тайных соглашениях России с Японией в отношении подразделения ими сфер влияний в Северном Китае и взаимной помощи в отстаивании своих интересов. Весь характер этих соглашений показывал, что Россия после некоторого воздержания вновь повернула руль своей активной политики на Дальний Восток. И, действительно, в конце 1911 года, пытаясь получить от Франции в отплату за содействие в Марокко carte blanche в проливах, петербургский кабинет хотел получить от нее и „согласие на меры, которые мы найдем нужным там (на Дальнем Востоке) принять, чтобы обеспечить наши интересы и упрочить наше положение".[2]

С другой стороны, Китай, под влиянием революционного в нем брожения, начал проявлять жизненную деятельность, а интернациональный капитал решил этим воспользоваться и раскинуть широкую сеть своих щупальцев по всей территории Китая, в виде предоставления ему займов и соответ-

---

[1] Извольский—Сазонову 5 (18) июля 1912 года.

[2] Телеграмма Извольского—Сазонову 24 октября 1911 г. № 163.

ственного захвата в свои руки экономической, а вместе с тем и политической жизни обширной империи. В Китае образовался международный консорциум для разнообразной эксплоатации железнодорожных линий, в который вошли Америка, Англия, Германия и Франция и из которого „достаточно бестактно", по выражению Пуанкаре,[1] была исключена Россия.

Петербургскому кабинету приходилось и здесь, как и на Балканах, вместо развития своей активной политики перейти к обороне, к отстаиванию своего экономического положения и тех достижений, которые были приобретены раньше. Россия решила войти в этот консорциум, получить в нем свою часть и этим регулировать его невыгодные для себя стороны. В этом деле вновь и с достаточной ясностью выявился односторонний и эгоистический взгляд Франции на ее союз с Россией.

Но петербургский кабинет не сразу перешел к обороне, а первоначально предполагал расстроить консорциум, заставив выйти из него французские банки,[2] и устами своего посла в Париже напоминал французскому правительству его обещания не допускать котировки на парижской бирже китайского займа, пока не будут удовлетворены русские требования относительно статей контракта, которые несовместимы со специальными интересами России в Маньчжурии.[3] При этом Извольский предупреждал, что в более или менее близком будущем „ход событий может принудить нас приступить к упрочению и развитию нашего положения в Маньчжурии и Китайском Туркестане, что предусмотрено и нашим соглашением с Японией".

Но французы не считали для себя выгодным выход из четверного синдиката и ограничивались только заверением, что они не допустят никакой операции четверного синдиката, которая будет признана противной интересам России.[4] Впрочем, включение этого положения в условия займа не удалось достигнуть, несмотря на содействие французской группы[5] и на официальное уверение французского кабинета в поддержке России во всем, что „составляет права и законные интересы ее не только в Северной Маньчжурии, но и в Монголии и Китайском Туркестане".[6]

В начале 1912 года в Китае образовалось новое правительство, и Япония предложила воспользоваться моментом признания его для подтверждения всех прав иностранцев. Сазонов ввиду этого заявил,[7] что Россия имеет в Северной Маньч-

---

[1] „Происхождение мировой войны", рус. пер., стр. 123.
[2] Извольский—Нератову 13 (26) октября 1911 года.
[3] Нота Извольского—де-Сельву от 4 ноября 1911 года.
[4] Извольский—Сазонову от 13 (26) декабря 1911 года.
[5] То же 4 января 1912 года.
[6] Нота де-Сельв—Извольскому 4 января 1912 года.
[7] Сазонов послам 22 февраля 1912 года № 350.

журии, в Монголии и в Западном Китае специальные интересы, основанные на договорах, и что она оставляет за собою право принять такие охранительные меры, необходимость которых могла бы представиться.

Вслед за этим у русского правительства явилась мысль разделить китайский заем между синдикатом Русско-Азиатского банка и четверным консорциумом банков,[1] но на это не последовало согласия участников консорциума, которые, вместо этого, предлагали России участие в нем на равных с прочими основаниях. Однако, по мнению русского правительства, такое предложение не устраняло главного затруднения, а именно распространения деятельности синдиката на те части Китая, в которых Россия имеет специальные права.

России пришлось вслед за Японией принять участие в шестерном консорциуме, но и здесь начался ряд враждебных русским интересам выступлений международных банкиров. Они начали выдавать китайскому правительству авансы в счет будущего займа, идущие на враждебные для России цели, без ее на то согласия. Результатом такой деятельности консорциума, по мнению Сазонова, должно было быть вооружение Китая, вследствие которого прежде всего пострадает Россия, и Сазонов спрашивал: „не выгоднее ли для нас отстраниться от этого дела и потребовать от Китая отказа от таких финансовых операций, которые мы считаем для нас вредными, а, в случае его упорства, поддерживать эти требования вооруженной силой".[2]

Но петербургский кабинет решил все-таки не порывать без крайности с консорциумом, а английское правительство приняло обязательство, что условия займа не должны заключать в себе ничего, могущего нарушить специальные права или интересы России в Северной Маньчжурии, Монголии или Западном Китае, но только те, которые вытекали из ее договоров и соглашений с Китаем.[3]

Такое обещание с.-джемского кабинета не удовлетворило русское правительство, которое имело в виду не только права и интересы, вытекающие из договоров, но все политические и экономические права и интересы, которые Россия имеет в этих китайских провинциях.[4]

В дальнейшем дело осложнялось тем, что и Австрия выразила желание принять участие в займе, что увеличило бы голос враждебной Антанте стороны. Впрочем, это [illegible]тельство было отклонено остальными участниками, но зато и германцы, поддержанные американцами и отчасти англича-

---

[1] „Материалы", стр. 541—580.
[2] Сазонов послам 5 марта 1912 года № 475.
[3] Нота великобританского посольства в Петербурге 6 (19) апреля 1912 г.
[4] Нота Сазонова великобританскому послу 12 апреля 1912 г. № 374.

нами, окончательно отказались от включения в протокол русских и японских оговорок об особых правах и интересах в Застенном Китае под предлогом, что они имеют политический характер и не приличествуют чисто финансовому акту.[1] Это сопротивление попыткам оградить русские интересы заставляло Сазонова подозревать склонность других участников банковской операции „поощрительно относиться к расходованию Китаем денег на цели, для нас нежелательные".[2]

В таком неопределенном положении дело оставалось втечение всего 1912 года, и банки продолжали выдавать временному китайскому правительству значительные авансы без согласия петербургского кабинета. Ввиду чисто политического характера этих авансов, Россия продолжала принимать в них участие, чтобы сохранить принципы солидарности держав, но нотой от 20 октября 1912 года за № 1208 устанавливала следующие оговорки своего участия:

1) Денежные авансы временному правительству Китая, как имеющие политический характер, должны быть независимы от будущих китайских займов и

2) Участие России в авансах не предрешает ее отношения к будущим китайским займам.

Соглашаясь на участие в авансах, русское правительство выражало надежду, что другие участники согласятся вступить в переговоры с Россией об условиях реализации будущих финансовых операций Китая. До окончания же переговоров банкиры участвующих в них стран будут воздерживаться от денежных ссуд Китаю без предварительного соглашения заинтересованных держав.

На этом переписка о китайском займе прерывается.

Свидание двух императоров и визит Пуанкаре в Россию.

Лето 1912 года было отмечено новым свиданием Николая II с германским императором в Балтийском порту и приездом Пуанкаре, в то время еще председателя совета министров, в Петербург.

Подобного рода свидания производили известное волнение среди обеих группировок европейских держав. Каждая встреча Вильгельма с английским королем или русским императором вызывала опасение о сближении соответствующей державы с Германией и об охлаждении ее к Антанте. Франция особенно нервничала при свидании Николая II с Вильгельмом, [illegible]ссия при таком же свидании короля английского, боясь частных соглашений этих государств по делам Малой Азии.

Обмен визитов мог бы быть интересен также и по тем докладам, которые министр иностранных дел представлял

---

[1] Извольский—Сазонову 26 мая (8 июня) 1912 г. № 98.
[2] Сазонов—послам 4 июня 1912 года.

Николаю II о происходивших собеседованиях, если бы доклады эти не были так поверхностны.

В 1912 году Вильгельм во время свидания был настроен миролюбиво и в отличие от свиданий прежних лет оно произвело благоприятное впечатление даже во Франции.[1]

Впервые на нем германский император и его канцлер отказались от стремления к разрушению существовавшей группировки держав и как бы признали равноправность Тройственного Союза с Тройственным Согласием. Германия настаивала только на том, чтобы эта группировка не препятствовала поддержанию хороших отношений с другими державами и, в особенности, с Германией.

Немецкое правительство старалось убедить Россию в миролюбии Германии, так как мир для нее необходим, чтобы закрепить результаты ее экономического развития.

Относительно австро-русских отношений Вильгельм подтвердил дружелюбные для России обещания 1910 года; в итало-русском споре высказался предпочтительно за непосредственные переговоры между воюющими сторонами, а отношения Германии с Англией казались менее натянутыми.

Миролюбиво настроенный в отношении европейских дел Вильгельм вновь, как десять лет тому назад, постарался разжечь воинственность России относительно Китая, но на этот раз неудачно.

Таковы общие поучения, вынесенные Сазоновым из свидания императоров в Балтийском порту.[2]

Вслед за свиданием императоров состоялся приезд Пуанкаре в Петербург, который, в свою очередь, произвел тревогу в Берлине тем более, что ему предшествовало заключение франко-русской морской конвенции и очередное совещание начальников штабов.

Свое путешествие Пуанкаре объясняет ослаблением уз, связывавших обе стороны, под влиянием уже изложенных нами обстоятельств, малой верой в Извольского и слухами о балканском союзе, о котором Россия хранила молчание.[3] Пуанкаре забыл упомянуть еще одну, и, пожалуй, наиболее важную причину своей поездки, а именно, давление на русское правительство в отношении постройки желательных для Франции стратегических путей и изменения дислокации русской армии.

Об этом свидании мы имеем два документа: свидетельство самого Пуанкаре и доклад Сазонова.

Из первого документа ясно проглядывает доминирующая роль Пуанкаре над его собеседниками, Сазоновым и Извольс-

---

[1] Севастопуло из Парижа—Сазонову 2 (15) августа 1912 года.
[2] Доклад Сазонова Николаю II 25 июня 1912 года.
[3] Р. Пуанкаре. „Происхождение мировой войны", стр. 123—125.

ским и фактическое направление им русской политики. Он, не стесняясь, свидетельствует это сам, говоря, что все его донесения совету министров „носят характер, который обнаруживает грубую ошибку, совершенную Австрией и Германией, когда последние указывали, что французская политика некоторое время направлялась Россией, и приписывали Извольскому тайное влияние на парижский кабинет". Пуанкаре „требовал" от Сазонова отчета и выражал ему неудовольствие—таков тон воспоминаний этого государственного деятеля, и это вполне вероятно, так как за ним стояли ссуженные русскому правительству займы.[1] По существу петербургских собеседований Пуанкаре ничего не говорит, и мы можем с ними поверхностно ознакомиться только по весьма бледному докладу Сазонова Николаю II.[2] Здесь были затронуты все злободневные вопросы.

Министры приветствовали друг друга с заключением военно-морской конвенции и скрепили ее своими подписями, после чего перешли к последнему протоколу совещания начальников сухопутных штабов, при чем Пуанкаре высказал, что „он придает весьма важное значение исполнению нами выраженного в этом протоколе пожелания французского генерального штаба об усилении провозоспособности нашей железнодорожной сети, ведущей к западной границе, путем прокладки второй колеи на указанных в протоколе линиях".

Далее вопрос коснулся англо-французских отношений, при чем Пуанкаре отметил характер установившейся за последнее время особой близости между обеими сторонами. Он сообщил Сазонову, что сухопутные и морские штабы обоих государств находятся между собою в тесном общении, и что между обоими правительствами заключено устное соглашение, в силу которого Англия выразила готовность оказать Франции, в случае нападения на нее Германии, помощь морскими и сухопутными силами. На суше Англия обещала поддержать Францию посылкой стотысячного отряда на границу Бельгии для отражения ожидаемого французским генеральным штабом вторжения германской армии во Францию через Бельгию.

В связи с этим соображением Пуанкаре затронул вопрос о возможном согласовании действий русских и английских морских сил в Балтийском море и дал идею о постановке этого вопроса на очередь при переговорах с лондонским кабинетом.

В свою очередь, Сазонов выразил удовольствие по поводу улучшения франко-итальянских отношений и указал на полезность сохранения Италии в составе Тройственного Союза, в виде мертвого его груза, но при условии поддержания дру-

---

[1] Р. Пуанкаре. „Происхождение мировой войны", стр. 125—126.
[2] От 4 августа 1912 года „Материалы", стр. 255—262.

жественных и доверчивых отношений между Италией и державами Тройственного Согласия.

Свою сдержанность к стремлению России выступить в роли посредницы к прекращению итало-турецкой войны Пуанкаре объяснил необходимостью считаться с настроением мусульманского населения в африканских колониях Франции и уверенностью, что ни Германия ни Австрия не помогли бы нам своим влиянием в Константинополе.

В отношении анатолийских железных дорог Сазонов пошел на уступку и отказался от сопротивления осуществлению дела французской компании, но выразил надежду, что постройка будет закончена не менее, как через 15 лет, и не пойдет восточнее Пекириджа, на линии Эрзинжан—Эрзерум. Пуанкаре возражал о необходимости довести эти линии до Эрзерума и Трапезонда. „В общем,—кончал Сазонов,—едва ли мы сможем отсрочить окончание предположенных построек долее, чем на 13 лет".

Дав несколько обещаний в общих фразах относительно китайского займа, Пуанкаре перешел к балканскому вопросу. Его, видимо, сильно смущали неуясненные русскими дипломатами чисто наступательный характер балканского блока и та неблагоприятная и опасная роль, которую взяло в нем на себя русское правительство.

Собеседники согласились установить, в случае возникновения на Балканах осложнений, совместный образ дипломатического воздействия для их ликвидации. При этом Пуанкаре чистосердечно предупредил, что Россия не должна рассчитывать на вооруженную поддержку Франции из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину casus foederis. Сазонов ответил таким же предупреждением в отношении колониальной войны французов, пока жизненные интересы Франции в Европе останутся не затронутыми.

В заключение Сазонов доносил государю, что в лице Пуанкаре „Россия имеет верного и надежного друга, обладающего недюжинным государственным умом и непреклонной волей". После этого немудрено, что русский министр и его посол в Париже повели русскую политику по стезе, предуказанной непреклонной волей Пуанкаре, вскоре воссевшего на президентское кресло.

А между тем население Балканского полуострова волновалось.

Начало Балканской войны.

Не без влияния Германии и, в особенности, Австрии Порта развила особую цивилизаторскую деятельность в Албании, проводя в ней широкой рукой те реформы, в которых она упорно отказывала более подготовленным к восприятию их христианским народностям. Мысли Австрии о противодействии Сербии обра-

зования сильной автономной Албании начинали проводиться в жизнь и заслужили ее особое внимание.

„Турецкое правительство, — гласила по этому поводу австрийская нота петербургскому кабинету, [1] — старается умными мерами успокоить революционное движение в Албании, но этому мешают события в разных пунктах Балкан, которые могут повести к пертурбации в statu quo.

„Венский кабинет, всегда преследуя политику мирного развития балканских наций, предполагает войти в обмен мнений с державами и, в особенности, с Россией, не склонны ли они поддержать Порту в ее организационной работе и воздействовать на балканские государства, что их выгода не мешать Турции".

В таких невинных чертах Австрия изображала односторонюю политику Порты в Албании, политику, ничего не имевшую ничего с проведением реформ в христианских государствах, в отношении которых поведение оттоманского правительства отличалось, наоборот, вызывающим характером, придирчивостью и даже жестокостью. Это возбуждало сильное волнение среди балканских народностей в виде недоразумений на турецко-черногорской границе, усиленной деятельности греческих банд в Эпире, возбуждения болгарского общественного мнения избиением жителей Котчана из-за единичного случая террора, что внушало серьезное беспокойство за возможность сохранения мира на Балканах.

Такое положение, действительно, угрожало войной, в особенности, при наличии организованного стараниями Извольского и Сазонова сильного балканского блока с весьма ответственной и невыгодной в нем ролью России. Блок этот имел главной целью противодействие наступательной политике Австрии, а между тем он грозил обрушиться на Турцию, дать Австрии предлог для продолжения ее активной работы и вовлечь Россию в войну из-за частных переплетавшихся интересов жадных и вечно враждовавших друг с другом балканских народцев.

А между тем Пуанкаре ясно указал Сазонову, что в случае такой войны, Россия не может рассчитывать на вооруженную поддержку Франции. При таких условиях Сазонову приходилось принимать героические меры для удержания балканских государств от доведения дела до войны. Достигнуть этого было очень трудно, так как итало-турецкая война делала выгодным для балканского блока выступление именно в это время, а инициатива России в создании его давала ему полную уверенность в том, что она не останется, в случае неудачного поворота военного счастья, безучастной в помощи христианским народностям.

---

[1] Нота австрийского посла в Петербурге министру иностранных дел 3 августа 1912 года.

И Сазонов искренне старался предупредить войну, но положение было сильно испорчено для того, чтобы обильное писание русского министра могло исправить сделанные ошибки.

Сазонов первоначально отказывается от предложенного Австрией коллективного воздействия на турок, считая, что такие советы будут туркам неприятны, [1] но через месяц считает необходимым добиться требуемых болгарами реформ в Македонии и взывает к совместному воздействию Франции и России. [2] Указывая своим союзникам несколько ранее на крайнее возбуждение славянских народностей Турции, ввиду того, что их интересы не принимаются Европой в соображение, он взывает к союзникам о принятии каких-либо мер, способных вселить в балканских славян надежду на улучшение их участи. [3] Вместе с тем он предлагает Парижу и Лондону вступить с нами в обмен мыслей, чтобы не быть застигнутыми врасплох назревающими событиями.

Одновременно русский министр вел оживленную переписку и с балканскими государствами. Он успокаивал их грядущим заступничеством Европы, а также и тем, что об автономии Албании нет и речи, [4] и в то же время серьезно грозил, что в случае войны блока с Турцией „Россия снимет с себя всякую ответственность за ее последствия, и балканские государства не могут рассчитывать на ее вмешательство в эту войну". [5]

Франция категорически отказалась взять на себя инициативу в отношении изменения statu quo, [6] но в остальном она решила взять почин в обмене мнений; Англия же ни в каком случае не соглашалась произвести какое-либо давление на Турцию. Весьма интересна сделанная в этом отношеини Пуанкаре оценка всего положения в его разговоре с Извольским:

„Пуанкаре лично считает,—пишет Извольский, [7]—что болгарско-сербское соглашение действует разжигающим образом на болгар и сербов; еще в Петербурге он высказал мнение, что c'est un instrument de guerre. Предоставленная России роль арбитра еще более осложняет дело. Болгары убеждены, что даже, если русское правительство сейчас и произнесет свое veto, то в случае войны Болгарии с Турцией, а в особенности в случае болгарского поражения, оно будет вовлечено русским общественным мнением в действие. Если же,

---

[1] Сазонов в Вену 5 августа 1912 года.
[2] Сазонов циркулярно—послам 4 сентября 1912 года.
[3] Сазонов—послам в Париже и Лондоне 16 августа 1912 года.
[4] Сазонов—в Белград 9 августа 1912 года.
[5] Сазонов циркулярно—послам 4 сентября 1912 года.
[6] Севастопуло из Парижа—Сазонову 10 (23) августа 1912 года № 152.
[7] Извольский—Сазонову 30 августа (12 сентября) 1912 года. „Материалы", стр. 273—275.

вследствие заявления со стороны России, Болгария не будет в состоянии использовать настоящие обстоятельства в свою пользу, то это нанесет тяжкий удар престижу и влиянию России в Болгарии"... Австрия двинется не на Санджак, а на Белград, что, конечно, не может остаться безразличным для России и может повести к всеобщей войне. Положение вещей на Крите и в Афинах также внушало Пуанкаре серьезные опасения. В случае начала войны он рекомендовал возможно скорое посредничество, не покидая обще-европейской почвы, чтобы предупредить всякую возможность единоличных выступлений. Пуанкаре обеспечивал России самую искреннюю и энергичную дипломатическую поддержку, а в случае вооруженного вмешательства Германии, то и выполнение Францией ее союзных обязательств. „Франция,—присовокупил Пуанкаре,—несомненно, настроена миролюбиво и войны не ищет и не желает, но выступление Германии против России тотчас изменит это настроение, и он убежден, что в таком случае парламент и общественное мнение всецело одобрят решимость правительства оказать России вооруженную поддержку".

Надо отдать справедливость Пуанкаре, что он, в отличие от русских дипломатов, с замечательной точностью определил грядущее развитие событий и по заслугам взял в свои руки дирижерскую палочку русской политики.

Но надо отметить, что в этом разговоре с Извольским Пуанкаре выказался более воинственным, чем это было в Петербурге. Уж очень благоприятно складывались обстоятельства для начала мировой войны, и империалистический задор Пуанкаре начал выходить наружу. Он сознавался Извольскому, что во Франции весьма оптимистически смотрят на шансы России и Франции в случае общего столкновения. Этот оптимизм был основан на оценке той диверсии, которую произведут соединенные силы балканских государств, оттянув соответствующую часть австро-венгерских военных сил, и на мобилизации Италии, связанной африканской войной и соглашением с Францией.

9 (22) сентября Пуанкаре представил на усмотрение России и Англии проект четырех пунктов, к которым необходимо привлечь Австрию и Германию и которые должны были лечь в основу умиротворения Балканского полуострова: [1]

1) Державы одновременно и в кратчайший срок посоветуют в самых решительных выражениях кабинетам Софии, Белграда, Афин и Цетинье не предпринимать ничего, что может нарушить мир или затронуть statu quo на Балканском полуострове.

2) Если эти советы не будут приняты, то державы согласятся относительно тех усилий, к которым необходимо при-

---

[1] Извольский—Сазонову 9 (22) сентября 1912 года №№ 193 и 194.

бегнуть, чтобы локализировать конфликт и положить ему конец. Они заявят государствам, нарушителям покоя, что они не могут надеяться на какой-либо территориальный выигрыш, достигнутый путем случайной победы.

3) Если ход событий сделает необходимым применение более энергичных средств, в роде военной или морской демонстрации, то державы прибегнут к ней только после соглашения.

4) Одновременно с представлением, делаемым согласно статьи первой, державы предложат Порте выполнить без всякого промедления административные реформы, которые законно требуются христианскими народностями Балканского полуострова.

Если бы совместное выступление на Балканах пяти держав оказалось невозможным, то Пуанкаре предлагал заменить его двойственным выступлением России и Австрии, как представительниц двух групп держав, чему сочувствовал и берлинский кабинет. [1]

Русское министерство присоединилось к предложению Пуанкаре, но поставило условием, чтобы Австрия признала принцип воздержания от единоличных действий и что занятие Австрией для обеспечения своих интересов Новобазарского Санджака может принудить и нас принять меры на Кавказе и по охране бассейна Черного моря от военных действий турецкого флота. [2]

Формула Пуанкаре была по желанию Австрии несколько изменена и приняла такой вид: [3]

„Державы поставят в известность балканские страны и Турцию: 1) что они энергично осудят всякую меру, способную повести к нарушению мира; 2) что, в случае войны, они не согласятся ни на какие изменения нынешнего statu quo на Балканах; 3) опираясь на статью 23-ю Берлинского трактата, они возьмут в интересах христианских народностей в свои руки реализацию административных реформ в Европейской Турции, при чем эти реформы не будут посягать на целость территории оттоманской империи".

Против этой формулы возразил лондонский кабинет, который в выражении „взять в свои руки" видел поползновение на суверенитет султана. [4]

В то время, когда шли переговоры по этому поводу с Англией, Россия встревожилась принятием Австрией мер военной предосторожности на турецкой границе, что не соответствовало ее миролюбивым объяснениям. [5]

---

[1] Извольский—Нератову 16 (19) сентября 1912 г. № 206.
[2] Упр. министерством—Сазонову в Лондон 17 сентября 1912 г.
[3] Телеграмма Сазонова от 21 сентября (4 октября) 1912 г. № 218.
[4] Телеграмма Сазонова 23 сентября (6 октября) 1912 г. № 220.
[5] Сазонов—Гирсу в Вену 29 сентября 1912 г.

Впрочем австрийский посол в Петербурге заявил,[1] что его правительство не ищет для себя территориальных приращений на Балканском полуострове, что оно не возражает против увеличения территории Болгарии и даже Сербии, но никоим образом не может допустить, чтобы Австрии был перерезан путь в Салоники, почему она не могла бы примириться с расширением Сербии до моря.

В частности петербургский кабинет интересовался и вопросом о нейтрализации на случай войны Черного моря, чего можно было бы достигнуть категорическим заявлением Порты о признании нами недопустимости военных действий в этом море. „Я настаиваю,—написал по этому поводу Николай II,[2]—на полном невмешательстве России в предстоящих военных действиях. Но, очевидно, мы обязаны принять всякие меры для ограждения своих интересов в Черном море".

Однако, в то время, когда перья всех дипломатических канцелярий скрипели, а Сазонов делал обычное осеннее министерское турне по европейским столицам, балканские государства вслед за Черногорией мобилизовались, а в начале октября объявили Турции войну.

Сазонов о современном положении.

Как уже сказано, последняя перед войной фаза переговоров совпала с путешествием Сазонова, поэтому можно было ожидать в его докладе Николаю II о результатах свидания с руководителями иностранной политики европейских государств широкого анализа складывавшейся обстановки. Этого в докладе читатель не найдет, но резюмирование отношений России к другим государствам устами министра иностранных дел представляет все-таки известный интерес,[3] почему я им и закончу настоящую главу.

В Лондоне Сазонов встретил уверения в дружбе и полной поддержке со стороны Англии. В случае столкновения с Германией, Грей обещал употребить все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу. Англии придется, вероятно, ограничиться действием только в Северном море; на оказание русскому флоту помощи в балтийских водах великобританский флот навряд ли решится, так как войти туда он сможет, но обратный выход германцы легко могут запереть. Грей ознакомил Сазонова с франко-английским договором, по которому, в случае войны с Германией, Англия окажет помощь Франции не только на море, но и на суше путем высадки войск на материк.

Наибольшее внимание было обращено на балканские дела. „Всем было ясно,—писал Сазонов,—что события на Балканах,

---

[1] Заверенная Сазоновым записка Шиллинга 3 октября 1912 г.

[2] Доклад Нератова Николаю II 24 сентября 1912 года.

[3] Доклад Сазонова Николаю II в октябре 1912 г. Картон: Доклады. Подлинник в приложении № 19.

если им только дать свободно разрастись, грозят таким оборотом, который неминуемо вовлечет и великие державы в крайне опасные осложнения. Одинаково ясно было и то, что предотвратить надвигающуюся опасность можно только под условием дружного и быстрого воздействия со стороны всех великих держав".

Отметив дальше ход известных уже нам переговоров и категорический отказ с.-джемского кабинета от понудительных действий против Турции, Сазонов высказывал удовлетворение решением держав предоставить России и Австрии выступить от их имени, при чем он „дал понять" австрийскому послу, что „невмешательство России в балканскую смуту обусловлено таким же отношением к последней со стороны Австро-Венгрии".

Далее Сазонов делится составленным им „ярким представлением" о различном отношении трех великих держав к балканским вопросам.

„Все действия Англии,—писал он,—ныне подчинены одной главной заботе—не навлекать на себя неудовольствия мусульманского мира, ввиду необходимости опираться для обеспечения своего владычества в Индии на магометанскую часть населения. Отсюда ее кажущееся равнодушие к судьбе подвластных Турции христиан, противоречащее прежнему ее отношению к последним; отсюда ее нерешительная политика в Персии и в Средней Азии. Помимо этого, Англией руководит желание ничем не ослаблять нынешнего оттоманского правительства, в котором видную роль играет ее сторонник Киамиль-паша, из опасения, как бы не вернулись к власти младотурки с Феридом-пашею, считающимся приверженцем Германии.

„Эти соображения объясняют, почему при всем желании содействовать вместе с другими державами успокоению на Балканах, Англия тем не менее часто тормозила общее дело, колеблясь согласиться на ту или иную меру из-за опасения перед впечатлением, которое таковая произведет в Константинополе.

„Принимая во внимание вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что нельзя было бы рассчитывать на содействие Англии, если бы дальнейшее обострение событий потребовало какого-нибудь энергичного давления на Турцию.

„Во Франции осложнения на Балканах вызывают двоякого рода опасения, которыми и определяется отношение нашей союзницы к настоящим событиям.

„Во-первых, ей внушает беспокойство мысль, что балканские события могут так или иначе вызвать вмешательство наиболее заинтересованных в них держав, т.-е. России и Австрии, а это, в свою очередь, может втянуть в войну и Францию. Именно такое опасение побудило Пуанкаре дове-

рительно и вполне дружески напомнить нам минувшим летом, что поводом к осуществлению обязательств по отношению к нам Франции может, по букве союзного договора, служить только нападение на нас Германии.

„Во-вторых, поместив в разные предприятия на Балканском полуострове значительные капиталы, французы не могут смотреть равнодушно на разгорающуюся там смуту, от которой они терпят материальные убытки. Вот почему французское правительство с таким напряжением стремится к мирному решению возникших столкновений и взяло на себя почин целого ряда предложений, направленных к этой цели.

„Что касается Германии, то сама по себе война между Балканскими государствами мало ее волнует, но она, по примеру Франции, боится быть втянутой в европейскую войну в силу своих союзнических обязательств, а потому готова сделать все возможное для ликвидации Балканской войны... В Берлине сомневаются в склонности венского кабинета прислушиваться к советам северной союзницы, а потому предпочитают не подвергать испытанию своего влияния в Вене из опасения не найти там прежнего покорного отклика. Такое положение вещей, мне кажется, до известной степени объясняется тем, что Австрия не прочь подчеркивать свою независимость от Германии, пользуясь необходимостью для последней крепко держаться своего союза с ней и страха остаться совершенно изолированной среди других великих держав".

С таким дипломатическим багажом Россия вступила в балканский кризис 1912—1913 годов.

Заключение. Прошло три года между аннексией Боснии и Герцоговины и началом балканской войны. За это время политика России ни в целях, ни в средствах проведения ее в жизнь не изменилась. Она только несколько расширилась в пространстве, так как Россия вновь обнаружила стремление к активности на Дальнем Востоке.

Сазонов представлял собой редкий экземпляр русского министра; он совершенно не изменил политики своего предшественника, а, наоборот, явился строгим его последователем. Трудно даже проследить, где кончается Извольский, и где начинается Сазонов. Впрочем, они и не расставались друг с другом, так как Извольский, как посол при парижском кабинете, не только продолжал играть крупную роль во внешней политике России, но и старался давить на мысль и волю своего заместителя.

Идея константинопольских проливов довлела над Сазоновым так же, как она довлела и над Извольским, как она, впрочем, была и в сердцах большинства политических деятелей того времени. Оба министра ставили на разрешение вопрос о проливах, и оба ставили неудачно. Для Сазонова

сложилась более выгодная обстановка; война Италии с Турцией являлась очень способствовавшим успеху элементом, но в 1911 году, как и в 1908 году, русская дипломатия встречается с одинаково отрицательным отношением к русскому проекту со стороны Англии и Франции и пасует перед ними, перед страхом срыва Тройственного Согласия. Все хитросплетения русских дипломатов оказались на этот раз выгодными только Италии, как в 1908 году они были выгодны только Австрии.

Можно подумать, что какой-то злой рок преследовал русскую политику в отношении проливов. Втечение последних лет Франция разрешила грандиозную задачу протектората над Марокко. Италия стала твердой ногой на южном берегу Средиземного моря и разрешила свою колониальную проблему, Австрия довершила свое территориальное расширение на Балканах. И все это делалось при вольной или невольной помощи России, которая одна только ни на шаг не приблизилась к своей заветной цели, а, напротив, все дальше и дальше от нее отдалялась. В чем же причины такой постоянной неудачи? В очень мелких средствах, сказал бы я, не соответствовавших взятой на себя русской дипломатией грандиозной задаче.

Читатель согласится, что между Марокко, Триполи и Боснией и Герцоговиной, с одной стороны, и проливами— с другой, была дистанция громадного размера. Вопрос о проливах решал мировую проблему Ближнего Востока, и к нему надо было подходить не с теми мелкими и, сказал бы, игрушечными средствами, с которыми подходили к нему Извольский и Сазонов. Передача проливов в руки России вносила такую пертурбацию в экономическую жизнь Европы, которая начинала бы собой новую ее эру и, пожалуй, более затрагивала интересы союзной России Англии, чем враждебной Германии и Австрии.

Такую мировую проблему русская дипломатия могла решать только во всеоружии своих средств, с теми планомерностью и подготовкой, которые соответствовали грандиозности поставленной себе задачи, а не в виде какого-то авантюристски-партизанского дипломатического набега „при случае".

В то время как Франция, отбросив свои второстепенные интересы и пожертвовав многим в пользу Англии, сосредоточила все свое внимание на Марокко, Англия, действуя таким же образом, планомерно шла к достижению своей главной цели окружения Германии, в политике России трудно отметить и ясно поставленный себе план и соответствующую подготовку, сконцентрированную на определении главной цели своей политики и на подчинении ей всего второстепенного.

В политике Извольского и Сазонова преобладающим элементом является маккиавелизм, но самого узкого вида; двойственность, сказал бы, самого детского характера. Иначе трудно объяснить себе это переплетение сшитыми белыми нитками тайных договоров с Турцией, противоречащих договорам с Италией и балканским блоком, игру в прятки со своими союзниками, перемежающуюся с требованиями предоставления carte blanche в проливах и т. д. Все переговоры по такому важному вопросу ведутся исключительно полунамеками, за которыми легко было предполагать более широкую программу, чем она была в действительности.

Оба русских министра имели несколько случаев рискнуть в своей политике проливов, но они не сумели использовать этого необходимого элемента всякой политики и стратегии, а тем паче авантюристских. Италия и Австрия рискнули, и им удалось; царская же дипломатия весь расчет свой строила на случае и на надежде, что проливы достанутся России сами собой, путем ни на чем реально не основанных хитросплетений у Певческого моста. [1]

Той же двойственностью отличается и политика на Балканском полуострове. Балканский блок, направляемый против Австрии, вызвал противовес этой последней в виде начатой работы по достижению автономии Албании, а в конце концов обратился в зажженный факел балканского пожара, направленный против Турции в то время, когда интересам России это совершенно не соответствовало.

Фактически подчинив свою политику англо-французскому руководству, русская дипломатия вела все дело балканского блока тайно и поставила своих союзников уже перед совершившимся фактом.

Русское правительство продолжало оставаться чрезвычайно упрямым в Персии, слабым в отстаивании своих интересов против французского капитала в деле анатолийских железных дорог, оно подчинило стратегическую подготовку страны воле французского генерального штаба и, наконец, вновь неудачно проявило свои империалистические стремления на Дальний Восток, неудачно столкнувшись здесь с враждебным международным капиталом. А между тем и реальные средства, военная мощь России того времени, совершенно не соответствовали широкой, расползающейся в разные стороны империалистической политике захватов Сазонова. [2]

Но второй балканский кризис царская Россия в одном отношении встречала в более выгодных условиях, чем первый. Франция и Англия признали, что балканские события касаются их не в меньшей мере, чем России, а потому в данном случае

---

[1] Здание министерства иностранных дел в Петербурге.

[2] См. „Подготовка России в военном отношении".

был обеспечен общий фронт Антанты. Мало того, Пуанкаре, отнесшийся в Петербурге очень враждебно к возможной войне России из-за Балкан, в сентябре проявил уже более воинственное настроение, видя в неперессорившемся еще балканском блоке выгодную для Франции конъюнктуру мировой войны. Разговор в этом смысле Пуанкаре с Извольским знаменателен. Эти вожделения французов наиболее ярко выразились, как мы увидим ниже, в декабре.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ВТОРОЙ БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС (1912—1913 г.г.).

Первоначальная стадия переговоров держав. Победа славянских государств и уклон международных переговоров. Борьба двух группировок великих держав на почве балканских дел. Конференция послов в Лондоне. Воинственность центральных держав. Вопрос о проливах. Лондонские переговоры. Переговоры России с центральными державами. Мирные переговоры балканских государств с Турцией. Вторая балканская война. Франко-русские отношения. Последнее совещание начальников штабов. Железнодорожный заем. Заключение.

Первоначальная стадия переговоров держав.

Если петербургский кабинет был виноват в начавшейся войне своим содействием образованию балканского блока, то его нельзя упрекнуть в том, чтобы он не прилагал всех усилий к скорейшему ее прекращению и не выказал втечение всего кризиса своего полного миролюбия. Между тем ход разгоревшихся событий мог серьезно нарушить существенные интересы России, а положение петербургского кабинета осложнялось еще воздействием на него общественного мнения страны, особенно чутко относившегося к возможности поражения славян турками.

Сазонов в самом начале вооруженного столкновения не только открыто сообщил о твердом намерении русского правительства не вступать в войну, но и хорошо сознавал трудность бороться с общественным мнением страны, если бы славяне оказались в критическом положении. [1] Он обратился к Пуанкаре с просьбой продолжать столь успешно начатое им объединение держав, чтобы прекратить войну после первых же решительных успехов одной из сторон. Его особенно беспокоила возможность уклонения Англии от коллективного воздействия, если бы затяжка войны была благоприятна для Турции.

Но, заботясь о мире, Сазонов предпринимал и соответствующие меры военной предосторожности, поставив генеральному штабу определенные задачи.

---

[1] Сазонов—Извольскому 28 сентября 1912 г.

В случае победы балканских государств и угрозы неприкосновенности statu ſ quo Турции, можно было ожидать выступления Австрии и Румынии, для противодействия которым с нашей стороны также необходимо было принять соответствующие меры, обставленные полной осторожностью и без огласки.

В случае победы турок или затяжной войны, русский министр не рассчитывал ни на благоразумие турок, ни на единение европейских держав, что вызывало необходимость нашей дипломатии опереться на реальную силу для действия на единственной непосредственно соприкасавшейся с турецкой территорией кавказской границе. [1]

С своей стороны, и Пуанкаре начал работать над подготовкой посредничества держав, для которого выставил следующие четыре принципа: 1) немедленное соглашение держав о выступлении в необходимый момент; 2) установление международной конференции для проведения реформ в европейской Турции, в случае успеха посредничества; 3) собрание такой же конференции, в случае неудачи посредничества, для принятия после войны необходимых мер в интересах Европы и 4) сбережение суверенитета султана и целости оттоманской империи. [2]

Формула эта не встретила, разумеется, одобрения всех держав; Германия возражала против пунктов 2-го и 3-го, направленных против Турции, а Россия тайно предупреждала Пуанкаре о том, что „новое подтверждение принципа неприкосновенности территориального statu ſ quo, как результата войны, нежелательно". [3] Пуанкаре понял затаенную мысль Сазонова и предлагал на этом не настаивать, чтобы не внушить подозрения на наш счет и не отделить центральных держав. [4]

Одновременно Бенкендорф выдвигал, по соглашению с великобританским кабинетом, из Лондона следующие принципы: 1) сохранение власти турок над Константинополем и его окрестностями; 2) сохранение номинального суверенитета их над всеми остальными провинциями европейской Турции с органическими в них реформами под действительным контролем и гарантией великих держав и 3) никаких территориальных изменений в пользу воюющих.

Русский министр присоединился к этому предложению и высказывал желание немедленно приступить к выработке конкретной формы реформ, в основу которых положить: 1) требования, с которыми балканские государства обратились перед разрывом сношений к Порте, 2) закон 1880 года,

---

[1] Сазонов—председателю совета министров 10 октября 1912 года.
[2] Извольский—Сазонову 2 (15) октября 1912 года № 250.
[3] Сазонов—Извольскому 6 октября 1912 года.
[4] Извольский—Сазонову 8 (21) октября 1912 года № 270.

о согласии на введение которого Порта заявила державам.[1]

Следует отметить, что, вскоре после начала войны, в Лондоне, отчасти под влиянием русской печати, поняли, что чрезмерно осторожное отношение Англии к Турции является несовместимым с соглашением с Россией и может его уничтожить; такое сознание, несомненно, повлияло на дальнейшее поведение лондонского кабинета во всем кризисе.[2]

О направлении русской политики в связи с балканской войной „денно и нощно“ [3] думал и русский посол в Париже Извольский, который на правах бывшего министра не только иногда давил на волю Сазонова, но и позволял в своей деятельности чрезмерную самостоятельность.

Возможность решительной победы балканских государств Извольский считал наименее вероятной, но такая победа „выдвинула бы во весь его исторический рост вопрос о борьбе славянства не только с исламом, но и с германизмом“, что заставило бы готовиться к „великой и решительной общей европейской войне“. Победа же турок возлагала на нас нравственную обязанность притти на помощь славянским государствам, и Извольский рекомендовал в таком случае начать маленькую войну с турками на кавказской границе. Он сообщил свои воинственные мысли Пуанкаре, который был смущен возможностью такого единоличного выступления России, видя в нем опасность расторжения Тройственного Согласия.

Нельзя не отметить курьезность мотивов, приводимых Извольским в оправдание сообщения им Пуанкаре о воинственных замыслах, которым в действительности русское правительство было в это время чуждо. „Нам выгодно,—писал он,—вселять в Пуанкаре убеждение в неминуемости, при известных обстоятельствах, нашего активного вмешательства; если мы от такового воздержимся, то этим заслужим благодарность Франции; если вмешательство состоится, то Пуанкаре будет заранее к нему подготовлен и может оказать нам драгоценное дипломатическое содействие в видах его локализации“. В этой маленькой византийской хитрости выказалась вся политическая система Извольского, отчасти переданная им и Сазонову.

Победы славянских государств и уклон международных переговоров.

Между тем события на театре войны приняли совершенно неожиданный оборот. Балканские государства одержали над турками ряд громких побед под Киркилиссе, Куманове и Монастыре, которые позволили сербам пройти через Албанию к Адриатическому побережью и соединиться

---

[1] Сазонов—Извольскому 10 октября 1912 года.
[2] Бенкендорф—Сазонову 9 (22) октября 1912 года.
[3] Извольский—Сазонову 10 (23) октября 1912 года.

с болгарской армией под стенами Адрианополя. Свершилось то, чего Извольский менее всего ожидал, и что должно было произвести перемену в отношениях великих держав к балканской войне.

В особенности это было заметно со стороны Австрии. Она немедленно переменила свое поведение относительно Болгарии с затаенной мыслью войти с ней в сделку за счет Сербии, чтобы разрушить единство балканского блока, обеспечить свои интересы в направлении Салоник и отторгнуть Болгарию от тяготения к России. Поэтому Сазонов признал желательным проявление Францией немедленной инициативы в посредничестве, выставляя со своей стороны следующие для него основания: 1) заявление о безусловной незаинтересованности великих держав в каких-либо компенсациях и 2) радикальные реформы на всем протяжении европейской Турции до линии Адрианополя.[1] „Для России,—писал Сазонов,—представлялась бы психологическая невозможность быть против территориальных приращений в пользу балканских государств, если другая держава их отстаивала бы, но этот вопрос должен быть поставлен на почву равновесия Болгарии и Сербии на основе имеющегося между ними соглашения о размежевании".

Одновременно с этим русский министр в противовес обещаниям, расточаемым Болгарии со стороны Вены, хотя обеспечивал ей поддержку России в отношении приращения территории, но не далее линии, проходящей от устья Марицы через Адрианополь к Черному морю. „От этой линии,—писал он,—вся территория, прилегающая к Константинополю, должна остаться под реальным суверенитетом султана.[2] Николай II не был на этот раз одинакового мнения с своим министром. „Адрианополь, по-моему, нельзя возвращать Турции, раз болгары его взяли",—написал государь на его докладе.

Вообще Сазонов проявил в это время наиболее кипучую деятельность. Вместе с упомянутым выше ультимативным указанием Болгарии, он заботился о возможности сосредоточить в любой момент наш Черноморский флот около Босфора и входил в сношение с Турцией о пропуске через него русских судов, „идущих в Константинополь для охраны порядка, безопасности и самой власти султана в столице.[3] Его, видимо, в данную минуту более беспокоила возможность занятия Константинополя болгарами, чем линия поведения венского кабинета.

Вместе с этим русское правительство присоединилось к следующему предложению парижского кабинета:

---

[1] Сазонов циркулярно—послам 15 октября 1912 года.
[2] Сазонов—послу в Софии 18 октября 1912 года.
[3] Сазонов—послу в Константинополе 20 октября 1912 года.

1) Державы коллективно предложат воюющим государствам прекратить враждебные действия.

2) Власть султана будет сполна сохранена в Константинополе и его районе.

3) Для остальной территории Европейской Турции национальное, политическое и административное положение будет изменено по районам таким образом, что интересы всех воюющих государств будут беспристрастно уравновешены.

4) Для разрешения в полном согласии этих разнообразных вопросов державы немедленно созовут конференцию, на которую также будут приглашены воюющие государства и Румыния. [1]

Сазонов в длинной телеграмме послам разъяснял свой взгляд на толкование вышеприведенной формулы. [2]

Он считал, что вмешательство в войну держав будет успешно только в том случае, если оно будет безотлагательно. Для сохранения безопасности Константинополя требуется удержание под властью султана защитной зоны, а всю остальную часть европейской Турции полюбовно разделить между союзниками.

Только быстрое и единодушное согласие держав на эти условия могло, по мнению Сазонова, предупредить опасность занятия союзниками Константинополя и связанных с этим общеевропейских осложнений.

Россия соглашалась на образование прибрежной автономной Албании, но не упуская необходимости удовлетворить стремление Сербии к выходу к Адриатическому морю; при этом допускалась возможность свободного транзита австрийских товаров через вновь присоединенную к Сербии территорию. Признавалась также необходимость исправления границы между Болгарией и Румынией в награду за лояльный образ действий этой последней во время войны.

Отказ Вены примкнуть к принципу незаинтересованности и официальное заявление, что Австрия не может допустить, чтобы Сербия получила выход к Адриатическому морю, так как Австрии необходимо возможно полное обеспечение своих экономических интересов, [3] сильно волновало петербургский кабинет. Он полагал, что ключ положения находится в Берлине, и от воздействия германского правительства на Вену будет в значительной степени зависеть успех удержания союзников от занятия Константинополя. Сазонов предупреждал Пуанкаре, что этот акт мог бы вынудить одновременное появление в турецкой столице всего русского Черноморского флота. [4]

---

[1] Сазонов циркулярно—послам 20 октября 1912 года.
[2] От того же числа № 2423. „Материалы", стр. 293.
[3] Сазонов—Извольскому 23 октября 1912 года.
[4] Сазонов—Извольскому и Бенкендорфу 22 октября 1912 года.

Вопрос вновь переходил на борьбу между Россией и Австрией, работавшей при поддержке Германии. Берлинский кабинет решил еще раз использовать любимый свой способ постараться разъединить державы Антанты. Он вошел с этой целью с предложением к Англии и Франции объединиться вместе для охранения Турции, чтобы этим соглашением повлечь охлаждение между Россией и ее союзницей, но встретил отпор как со стороны Пуанкаре, [1] так и со стороны Сазонова, который предупредил Пурталеса. не повторять опыта с ультиматумом 1909 года, так как в данном случае это приведет к неминуемой войне. [2] Кроме того, Пуанкаре заявил Извольскому, что в настоящее время территориальный захват со стороны Австрии затрагивает обще-европейское равновесие и, следовательно, и собственные интересы Франции. Таким образом, в данном случае балканский спор в отличие от спора 1909 года принимал характер европейский, борьбы Тройственного Союза с Тройственным Согласием.

Борьба двух группировок великих держав на почве балканских дел.

„Загадочное поведение Австрии, — писал Пуанкаре Извольскому [3],—беспокоит французское правительство не менее, чем русское", и спрашивал, относится ли Россия так же враждебно, как и Франция, к какому бы то ни было аннексированию оттоманских владений великими державами и расположена ли она обсудить с Англией и Францией средства избежать этой опасности. Ответ Сазонова был очень казуистичен. [4] Он уполномочил Извольского сообщить Пуанкаре только, что Россия „ne saurait rester indifferente à un agrandissement territorial de l'Autriche dans la péninsule Balcanique". [5] В письме же к Извольскому Сазонов был более откровенен и инструктировал его „тщательно избегать в наших переговорах с иностранными кабинетами всего, что впоследствии могло бы оказаться для нас стеснительным". [6] С этой точки зрения он предлагал в письменном сообщении Пуанкаре воздержаться от таких положительных заявлений, которые последним подсказывались, вроде „nettement hostile à toute annexion du territoire ottoman par une grande puissance", так как это могло бы относиться и к России в области проливов.

Таким образом, в данном случае была установлена совместная работа России и Франции, запротоколенная следующими словами Пуанкаре Извольскому: „России принадлежит инициатива в вопросе, в котором она заинтересована больше

---

[1] Извольский—Сазонову 25 октября (7 ноября) 1912 года.
[2] Сазонов—Извольскому 27 октября 1912 года.
[3] От 22 октября (4 ноября) 1912 года. „Материалы", стр. 297.
[4] Там же, стр. 298.
[5] Перевод: „Россия не останется индифферентной к территориальному расширению Австрии на Балканском полуострове".
[6] Сазонов—Извольскому 1 (14) ноября 1912 года.

других; роль Франции оказать ей наиболее действительную помощь; в сущности же,—прибавил Пуанкаре,—все это сводится к тому, что, если Россия будет воевать, то и Франция тоже, так как мы знаем, что в этом вопросе за Австрией будет стоять Германия". [1]

Нельзя не отметить, как последовательно эволюционировал со времени пребывания Пуанкаре в Петербурге его взгляд на роль Франции в вопросе о войне России на почве балканских дел.

Между тем, переговоры о приобретении Сербией порта на Адриатическом море обострились до крайности. Австрия, поддержанная Германией и совершенно неожиданно для Антанты Италией, [2] бесповоротно решила этого не допускать. Поэтому Сазонов, не желая доводить дело до открытого разрыва с Тройственным Союзом из-за сербского порта на Адриатике, категорически предупредил Сербию, чтобы она не рассчитывала увлечь нас за собою в этом деле. [3] „Должна же,—писал Сазонов, [4]—Сербия, которая выйдет из войны с большими приобретениями, понять, что слишком большими притязаниями она только скомпрометирует достижение и этих результатов".

Но, если вопрос о согласованных действиях с Францией получил положительное разрешение, то нельзя того же сказать в отношении Англии. „Я не могу совершенно успокоить вас относительно Великобритании", доносил Бенкендорф. [5] Нападение или прямой вызов Франции могут вовлечь Англию в войну. То же и в отношении России, но мы предупреждены о последствиях начала войны нами. Здесь знают о нашем общественном мнении и приготовились к тому, что нападение Австрии на Сербию вызовет у нас непреодолимое движение, но английским общественным мнением такая война все-таки будет считаться вызванной недостаточной причиной и не привлечет к себе сочувствия. Вступить в борьбу для того, чтобы прибавить порт Сербии, невозможно, а наши действия с английской точки зрения именно таковы: „Нужна была бы ошибка со стороны Австрии или Германии, но они их до сих пор не сделали", такими словами кончал свое письмо русский посол в Лондоне. Центральные державы сделали эту ошибку два года спустя при третьем и на этот раз роковом для Европы балканском кризисе.

Конференция послов в Лондоне.

Между тем, вопрос о конференции послов для ликвидации войны был решен в положительном смысле, и Сазонов согласился с Пуанкаре, чтобы Англия взяла на себя инициативу созыва послов

---

[1] Извольский—Сазонову 4 (17) ноября 1912 года № 369.
[2] То же 7 (20) ноября 1911 года.
[3] Сазонов—послу в Сербии 29 октября 1912 года.
[4] Сазонов циркулярно—послам 27 октября 1912 года.
[5] Сазонову от 9 (22) ноября 1912 года.

великих держав, кроме Турции, как воюющей стороны.[1] Интересна причина, по которой Пуанкаре выпускал эту инициативу из своих рук. Он хотел избежать участия в конференции Извольского, неприятного австрийцам.[2]

Русское правительство ставило основной своей задачей на предстоящих переговорах обеспечение политической и экономической эмансипации Сербии и, по возможности, лишение вопроса, неправильно придаваемого ему общественным мнением характера австро-сербского и тем более австро-русского конфликта. Предел настойчивости русского правительства спускался уже до отстаивания только выхода Сербии к морю через Албанскую территорию.[3]

Таким образом, упрекнуть русское правительство в отсутствии в данном случае миролюбивых стремлений навряд ли возможно. Для сохранения мира оно рисковало полным крушением своего престижа среди балканских народностей. Но дело осложнялось излишней воинственностью Австрии, Германии и отчасти Франции.

Воинственность центральных держав.

Центральные державы поторопились возобновить в декабре 1912 года Тройственный Союз раньше срока его окончания.

Австрия еще в октябре потребовала от парламента чрезвычайных кредитов на военные надобности, которые были ей немедленно предоставлены и, как это ни странно, тайно от русского генерального штаба мобилизовала большую часть своей армии на границе Сербии и в Галиции, сосредоточив внушительные силы в Сараево, Гравоза и в долине Дуная, в двух шагах от Белграда. „Пассивность России, — доносил французский консул в Триесте,[4] — мысль о том, что в этой пассивности повинна Франция, которая стремится помешать войне из боязни общеевропейского конфликта, поведение Англии, которую Австрия считает склонной благожелательно отнестись к ее претензиям,—все это ведет к тому, что Австрия становится все более требовательной".

В Германии в ноябре начал проводиться в жизнь новый закон об увеличении армии с громко заявленной, вызывающей относительно всей Европы, целью обеспечить Германии „влияние, которое она должна иметь при решении мировых вопросов",[5] и который требовал от населения чрезвычайного налога в миллиард марок. Одновременно канцлер произнес в рейхстаге[6] воинственную речь, смысл которой заключался

---

[1] Сазонов в Лондон 14 ноября 1912 года.
[2] Р. Пуанкаре. „Происхождение Мировой войны", стр. 143.
[3] Сазонов—Извольскому 26 ноября 1912 года.
[4] От 18 декабря 1912 года. Р. Пуанкаре, стр. 146.
[5] Там же.
[6] Бенкендорф—Сазонову 21 ноября (4 декабря) 1912 года.

в том, что он заранее давал Австрии уверение в поддержке всех ее требований. В то же время Германия вновь пыталась обеспечить себе нейтралитет со стороны Англии, но лондонский кабинет отклонил после некоторых колебаний немецкое предложение.[1]

Во Франции замечался сильный подъем патриотического чувства, объясняемый Пуанкаре[2] увеличением контингента новобранцев в Германии, тревогой, вызванной балканским кризисом, затруднениями, связанными с выполнением марокканского договора, и „воспоминаниями об инцидентах в Танжере, Казабланке и Агадире". Не без влияния на такое настроение французского общества оказалось и настроение самого Пуанкаре и военного министра Мильерана.

Мы уже отметили перемену настроения Пуанкаре в его разговорах летом в Петербурге с Сазоновым и осенью, после начала балканской войны, в Париже с Извольским. В последнем случае председатель французского совета министров был более решителен, более определенно высказался за вооруженное вмешательство для поддержки России и оптимистически смотрел на шансы будущей войны. Я не склонен видеть в этой перемене настроения ни указания на дружбу к России, ни чрезмерной воинственности Пуанкаре, а только разумный расчет хорошего политика и стратега.

Пуанкаре знал, что мировая война висит в воздухе и должна разразиться годом раньше или позже. А между тем в конце 1912 года политическая и стратегическая обстановка для Тройственного Согласия была особенно благоприятна, и, если война должна была рано или поздно начаться, то вполне естественно было желание Пуанкаре не упустить столь благоприятно складывающегося случая.

И, действительно, стратегическая обстановка складывалась для Тройственного Согласия очень удачно.

Балканский блок, объединивший весь полуостров, кроме Румынии, против Турции, еще не перессорился, находился в руках России и после ряда побед угрожал Константинополю, делая возможным открытие проливов, необходимых для связи и взаимодействия России с ее союзниками. Турция была почти выведена из строя. Италия, на лойяльность которой, по словам парижского кабинета,[3] не могли рассчитывать ни Тройственный Союз ни Антанта, не развязалась еще со своей колониальной экспедицией, и, наконец, Германия не успела провести в жизнь новый закон об увеличении армии. Не выясненной оставалась платформа Англии, но лондонский кабинет неизменно отвечал, что „все зависит от обсто-

---

[1] Извольский—Сазонову 22 ноября (5 декабря) 1912 года.
[2] „Происхождение Мировой войны", стр. 147.
[3] Извольский—Сазонову 22 ноября (5 декабря) 1912 года.

ятельств, и что вопрос о мире и войне будет решен общественным мнением".[1]

При наличии таких политических и стратегических сочетаний французское правительство очень удивлялось миролюбивому отношению России к воинственной политике Австро-Венгрии и к мобилизации австрийских корпусов в Галиции. По меткому выражению русского военного агента, у французов в это время „самой опасной мыслью являлось соображение, что, если мы так мало принимаем участия в балканском вопросе, то явится ли когда-нибудь действительный повод, достаточный для нашего вооруженного вмешательства из-за интересов чисто французских".[2]

С своей стороны, Извольский доносил Сазонову,[3] что в Париже „с недоумением и с нескрываемым опасением относятся к кажущемуся нашему равнодушию перед фактом австрийской мобилизации". Эти опасения были настолько сильны во французском генеральном штабе, что вызвали экстренный созыв совета министров для обсуждения создавшегося положения. Слух же, сообщенный французским военным агентом из Петербурга, что Россия не будет воевать даже в случае нападения Австрии на Сербию, повлек за собой особую дипломатическую переписку.[4] „Мне приходится,—кончал Извольский свое письмо,—бороться уже не с представлением, что Франция может быть вовлечена в войну из-за чуждых ей интересов, а скорее с опасением, что мы слишком пассивно относимся к вопросу, затрагивающему положение и престиж всего Тройственного Согласия".

Но русский кабинет нельзя было обвинить в пассивности; на его долю выпала более трудная работа, чем на долю всех остальных правительств. Сазонову приходилось не только принимать участие в решении вопроса в европейском масштабе и выдерживать борьбу с Австрией, но и расхлебывать ту тяжелую для России кашу, которую он заварил во образе союза балканских государств.

Невольно вспоминаются правдивые слова Вильгельма в одном из писем к Николаю II, что эти маленькие народцы являются великим несчастием с их чрезмерными самолюбием, аппетитом и сварливостью. И Сазонов должен был поочередно грозить, просить и мирить Сербию, Черногорию и Болгарию,[5] чтобы сохранить между балканскими союзниками согласие и предохранить от того раздора, который Австрия старалась сеять, в особенности между Сербией и Черногорией.

---

[1] Извольский—Сазонову, 22 ноября (5 декабря) 1912 года.
[2] Донесение гр. Игнатьева от 3 января 1913 года № 2. Воен. Уч. Арх. д. № 130328.
[3] Извольский—Сазонову 5 (18) декабря 1912 г.
[4] Переписка, хранящаяся в каргоне: Ближний Восток 1912 г.
[5] Сазонов—послу в Цетинье 15 ноября 1912 г.

Сазонову приходилось умиротворяюще действовать и в отношении турок, хотя с этой стороны параллельно принимались меры и к воздействию вооруженной силой.[1] Русский министр грозил туркам, что, если они будут упорствовать в вопросе об уступке Скутари, Янины и Адрианополя и не пойдут на мир на условии проведения пограничной черты южнее Адрианополя, то возобновление военных действий[2] неизбежно, и наш нейтралитет в будущем может быть для турок не обеспечен. Поведение в этом вопросе русских законодательных учреждений не должно было, по мнению Сазонова, оставлять у турок сомнения в единодушном настроении русского общества.[3] Николай II проявил в отношении турок еще большую воинственность, написав на докладе Сазонова: „Почему не пригрозить туркам, что, в случае их упорства, Черноморский флот может быть послан к правому их флангу Чаталджинской позиции".[4]

Таково было настроение воюющих сторон и великих держав ко времени начала работы конференции послов в Лондоне. Вопрос о возможности европейской войны был сильно обострен.

По словам Бенкендорфа,[5] Грей ставил себе две цели: 1) приложить старание к сохранению европейского мира и 2) если войны избежать не удастся, то желательно, чтобы Россия проявила умеренность, примирительное настроение и бескорыстие. Бенкендорф свидетельствовал, что Грей ни на минуту не упускает необходимости оказания нам вооруженного содействия, но скажет об этом только в последнюю минуту, так как страна в действительности только тогда решится на войну.

Вопрос о проливах.

Но даже в это тревожное время ожидаемой всеобщей схватки Извольский, сидя в Париже, не упускал из вида вечно интересовавшего его вопроса о проливах и зондировал Сазонова в смысле своевременности обсудить с Францией изменения, которые желательно было бы внести в юридическое и фактическое положение проливов в связи с нынешним кризисом на Балканах.[6] Одновременно и французский посол в Петербурге зондировал почву о том, как Россия отнеслась бы к постановке вопроса о проливах, в случае каких-либо требований по этому поводу со стороны Болгарии.[7]

---

[1] 8 ноября было сделано распоряжение о подготовке 5-тысячного отряда для высадки в Константинополе (Сазонов—послу при Порте 8 ноября 1912 г.).

[2] 21 ноября стар. ст. между воюющими сторонами было установлено перемирие.

[3] Сазонов—послу в Константинополе 8 декабря 1922 г.

[4] То же.

[5] Письмо Сазонова от 21 ноября (4 декабря) 1912 г.

[6] Извольский—Сазонову 7 (20) ноября 1912 г.

[7] Сазонов—Извольскому 16 ноября 1912 г. № 787.

Эти запросы дали Сазонову случай высказать свой принципиальный взгляд по затронутому предмету.[1]

Он опасался преждевременно обсуждать положение, пока не выяснятся успехи балканских государств, почему и отнесся с известной сдержанностью к предложению английского правительства о возможной интернационализации Константинополя. По мнению Сазонова, обеспечение коренных интересов России в проливах заключалось не в правовых гарантиях, которые всегда могут быть нарушены, а в той реальной силе, которая может охранить данное положение.

С еще большей сдержанностью Сазонов отнесся к попыткам венского кабинета установить параллелизм интересов с этой державой в том смысле, чтобы Россия считала себя не заинтересованной в вопросах западной части Балканского полуострова, взамен чего Австрия представляла ей полную свободу действий в Константинополе.

Но Россия совершенно отказывалась перенести вопрос о проливах на почву компенсаций, которые невыгодно отразились бы на положении балканских государств; с другой стороны, наступательные действия союзников достигли уже наивысшего напряжения, почему шансы занятия союзными войсками столицы оттоманов были весьма невелики, и была достаточная гарантия тому, что Константинополь с защитной зоной останутся во владении Турции.

При таких условиях Сазонов не считал выгодным торопиться в вопросе о проливах. России в будущем представлялась возможность упрочить свое влияние среди балканских государств, а также укрепить свое положение относительно Турции, что ее заставляло пока остерегаться предложений, которые могли бы установить какие-нибудь ограничительные гарантии, могущие в будущем стеснить решение вопроса о проливах в соответствии с интересами России. С другой стороны, было опасно упустить благоприятную минуту хотя бы для частичного улучшения положения о проливах, и в таком случае Сазонов останавливался на проекте 1908 г.

Вообще петербургский кабинет считал наиболее выгодным для себя не брать инициативы на совещаниях послов в формулировке предложений, сохраняя за собой полную свободу оценки желаний других держав.[2]

При таких условиях в декабре 1912 г. началась в Лондоне конференция послов великих держав и одновременно мирные переговоры воюющих сторон.

Лондонские переговоры.

На Лондонской конференции послов выступил Бенкендорф, снабженный двумя инструкциями министерства иностранных дел.

---

[1] Приложение № 20.

[2] Сазонов—Извольскому 17 ноября 1912 г.

Первая из них[1] касалась автономной Албании, создание которой Австрия задумала еще в 1911 г. для противодействия при помощи ее сербским вожделениям на эту территорию. Этот план двуединая монархия бесповоротно решила теперь провести в жизнь.

В этом отношении Сазонов ставил своему представителю целью обеспечить действительными гарантиями политическое и экономическое развитие Сербии и выход ее к Адриатическому морю через Албанскую территорию без передачи ей в собственность участка прибрежной полосы. Достигнуть такого порядка вещей возможно было, только исключив в Албании преобладание какой-либо одной державы. Поэтому петербургский кабинет, уступая в вопросе о приобретении Сербией Адриатического порта в собственность, считал необходимым оговорить ее право на свободный и беспошлинный провоз грузов как торговых, так и военных. В тех же видах следовало предусмотреть вопрос о постройке и эксплоатации железных дорог от сербской территории к Адриатическому морю, о привлечении туда международного капитала и контроля, чтобы „Австрия не овладела всецело этими орудиями экономического проникновения в Албанию".

Другим интересующим Россию вопросом была судьба некоторых островов Эгейского моря. Для нее было нежелательно сохранение в руках иностранной державы, в данном случае Греции, тех из них, обладание которыми могло бы угрожать безопасности проливов, а именно: Имброса, Лемноса, Тенедоса и Самофракии. Но Сазонову хотелось, чтобы этот в отношении Греции щекотливый вопрос был поднят не Россией, а другой заинтересованной державой, Англией или Францией.

В отношении мирных переговоров Сазонов знакомил[2] Бенкендорфа с теми руководящими началами, которым „мы неизменно придерживаемся по отношению к балканским государствам и к Турции".

Во время войны все наши усилия были направлены к ее локализации, что создавало для союзников наиболее благоприятные условия борьбы; при мирных же переговорах мы стремимся к возможной локализации результатов войны, что фактически сводится к ограничению вмешательства держав в мирный договор, подлежащий заключению.

Россия считалась с необходимостью принять во внимание особое положение и интересы Австрии, но ставила себе задачей противодействовать ее стремлению обеспечить себе возможность почти исключительного влияния. Мы решили проявить готовность к удовлетворению австрийского самолюбия,

---

[1] Сазонов—Бенкендорфу 29 ноября 1912 г. № 837.
[2] Приложение № 21.

рассчитывая такой уступчивостью лучше защитить сущность отстаиваемых нами интересов.

В этом отношении мы исходили из убеждения, что польза балканских государств и наша собственная требует закрепления за первыми в возможно полной мере одержанных ими побед. Это приведет к сильному развитию самостоятельности и независимости вызванных нами к жизни народов, которые являются естественными нашими союзниками в Европе

Но Россия должна дальше и глубже понимать интересы этих государств, чем они сами, и „мы не упускали случая ставить им на вид необходимость самим столковаться и прийти к соглашению, так как их разногласия шли только на пользу их общим противникам". В этом отношении Сазонов признавал лучшим решением единодушное отстаивание союзниками уступки Турцией общей площади территории, которая потом подлежала бы полюбовному между ними разделу.

Далее инструкция касалась мало интересных для нас мелочей распределения пограничных пунктов и обоюдных споров, которые читатель найдет в приложении № 21, и останавливалась на защите интересов Румынии, которая, по мнению Сазонова, находилась на распутьи между Тройственным Союзом и Антантой и привлечению которой на сторону России Сазонов, к сожалению, придавал большое значение.

Переговоры России с центральными державами.

Но параллельно с работой послов в Лондоне петербургский кабинет не переставал вести непосредственные переговоры не только с Турцией и с балканскими государствами, но и с центральными державами. Такая самостоятельность Сазонова весьма не нравилась Пуанкаре, который неоднократно выражал свое неудовольствие при посредстве Извольского под предлогом боязни отдельного выступления России. „На наш взгляд,—отвечал по этому поводу Сазонов, [1]—особое положение России на Востоке придает ее единоличным выступлениям в известных случаях гораздо более веса, чем обычные совместные шаги"—и бросал Пуанкаре упрек „в чрезмерной склонности давать советы в делах, прямо его не затрагивающих, и не всегда дожидаясь, чтобы его о них запросили".

Центр тяжести завязавшегося узла находился в возможности достигнуть соглашения между Россией и Австрией, между которыми участились непосредственные переговоры не только по существу самого вопроса, но и относительно широко принимаемых Австрией мер военной предосторожности.

Австрия объясняла свою мобилизацию опасением, что Россия займет, в виде гарантии по удовлетворению требований Сербии, Галицию и потому отказывалась демобилизо-

[1] Телеграмма Извольскому 15 декабря 1912 года № 3016.

ваться до разрешения на конференции сербского вопроса; вторая причина мобилизации объяснялась необходимостью настоять на принципе целости Албанского побережья. Но и после принятия конференцией послов этого последнего принципа Австрия не приступала к сокращению экстренных военных мер и к демобилизации своей армии. Это вызывало необходимость принятия мер предосторожности и со стороны России, что и было в определенной форме указано Сазоновым как Парижу и Лондону, так и Берлину[1] и привело к временному держанию под знаменами до 300 тысяч запасных.

А между тем различие во взглядах между петербургским и венским кабинетами было очень велико.

Россия требовала передачи Скутари Черногории, а Австрия настаивала на включение его в состав Албании; Россия требовала для Сербии равноправного с великими державами участия в финансировании и контроле железной дороги через Албанскую территорию и порта, с которым она будет соединена, а также свободы для Сербии провоза через албанский порт и территорию военных грузов не только в мирное, но и в военное время, а Австрия против этого протестовала. Такое же несогласие было и в отношении определения восточной границы Албании и прочих деталей.[2]

Поведение Германии в это время отличалось присущей ей в дни европейских осложнений таинственностью и неопределенностью. Берлинский кабинет выражал надежду, что Париж, в виду общности интересов Германии и Франции в вопросе о судьбе Турции, не откажется обсудить с ним все, что касается этого вопроса,[3] но получил ответ, что французское правительство сделает это не иначе, как по предварительному согласию с Россией. Захват в Константинополе в январе власти Энвером, Джемаль пашами и Талаатом, сторонниками Берлина, укрепило влияние Германии в Турции, и русский посол в Берлине, Свербеев, подтверждая вероятность более активной политики немцев в балканском вопросе на стороне турок, следующими словами выражал общую линию поведения этого государства:[4]

„Зная, что война с Австрией и Германией была бы в настоящую минуту встречена с воодушевлением не только общественным мнением России, но даже и самой Франции, германскому правительству поневоле приходится призаду-

---

[1] Телеграммы Сазонова от 8, 9 и 20 декабря 1912 г. за №№ 953, 2956 и без номера.

[2] Телеграмма Сазонова послам в Лондоне и Париже 13 декабря 1912 года № 2987. Более детально различие во взглядах по этим вопросам между Австрией и Россией изложено в документах, помещенных в приложениях №№ 22 и 23.

[3] Извольский—Сазонову 15 (28) января 1913 года № 38.

[4] Свербеев—Сазонову 17 (30) января 1913 года.

маться, тем более, что даже в случае окончательного ее успеха немецкой торговле грозило бы, в случае участия в войне Англии, полное разорение. Тем не менее считаю долгом засвидетельствовать, что, озабоченная возможностью укрепления балканского союза с Россией во главе, Германия стоит во всеоружии, чтобы противопоставить единению славянства столь же единодушный отпор со стороны сплоченного германизма".

Такое соотношение держав оказывало самое неблагоприятное влияние на ход мирных переговоров в Лондоне. Оттоманское правительство, чутко прислушиваясь к несогласию великих держав, становилось все упрямее в вопросах о мире. Это вынудило совещание послов признать в принципе необходимость коллективной морской демонстрации против турок.

Русское правительство откликнулось на такое предположение очень живо, считая необходимым безотлагательно приступить к обмену по нему мнений, и уведомило своих союзников, что Черноморский флот уже два месяца находится в полной боевой готовности, а с 1 (14) января во всей Европейской России и на Кавказе будут задержаны запасные.[1] Самая демонстрация представлялась ему в виде сосредоточения европейских эскадр у Безики, а русской в одной из ближайших к Босфору бухт Черного моря.[2] Но парижский кабинет совершенно правильно определил, что существовавшие между державами отношения не давали возможности рассчитывать на осуществление мысли о морской демонстрации.[3] Она и не осуществилась, так как берлинский кабинет не без справедливости заметил, что, если союзники не могут сами справиться с Турцией, то Германия не видит основания вмешиваться в дело в пользу союзников,[4] а Грей считал демонстрацию втроем бесцельной, так как она только подчеркнет отсутствие согласия в европейском концерте. Он считал, что результатов можно ожидать или от демонстрации всех держав или одной России.[5] Но единоличное выступление России очень пугало Пуанкаре, который с особой настойчивостью следил за тем, чтобы она самостоятельно не приняла никаких мер, которые могли бы „engager l'alliance", так как Франция „готова выполнить все лежащие на ней по отношении к России обязательства, но французское правительство должно считаться с парламентом и общественным мнением, для которых во всякий момент должны быть ясны причины, могущие вовлечь Францию в войну".[6] Эти слова, сказанные в данном

---

[1] Сазонов—послам в Париже и Лондоне 23 декабря 1912 года № 3009.
[2] То же 29 декабря 1912 года № 3158.
[3] Севастопуло из Парижа—Сазонову 2 (15) января 1913 года № 66.
[4] То же 3 (16) января 1913 года.
[5] То же 5 (18) января 1913 года № 17.
[6] Извольский—Сазонову 15 (28) января 1913 г. № 38.

случае новым министром иностранных дел Жоннаром, служили как бы лейт-мотивом обычных внушений парижского кабинета петербургскому втечение не только всего кризиса, но и вплоть до начала мировой войны.[1]

Наиболее острый период разногласий между Россией, с одной стороны, и Австрией, сильно поддерживаемой Берлином и Римом, с другой,—относится к январю 1913 года. По впечатлению, вынесенному из разговора французского посла в Берлине Камбона с Вильгельмом, Германия рассчитывала сделаться покровительницей Турции в Азии, почему поддержка ею Австрии становилась все более и более очевидной. В споре из-за Скутари в отношении передачи его Албании или Черногории вопрос едва не кончился открытым разрывом. Россия и здесь уступила, при чем Бенкендорф писал по этому поводу Сазонову:[2] „Я знаю, что вы не потерпите, чтобы дело закончилось наподобие Боснии и Герцеговины, но, если нам предстоит оказаться втупике, то пусть уж крупный вопрос, а не мелкий переполнит чашу".

Эта ли уверенность в том, что Россия в крайнем случае не уклонится от войны, а Франция ее поддержит, или же общая невыгодная для центральных держав политическая конъюнктура, или же, наконец, желание Германии использовать новые кредиты на усиление армии, но с февраля поведение Австрии и Германии стало, если не более миролюбивым, то во всяком случае указывавшим, что они решили не доводить дела до войны.

Первой ласточкой в этом отношении являлось по обыкновению письменное обращение Франца-Иосифа к Николаю II.

„Сердечное мое желание,—писал старый император 1 февраля 1913 года,[3]—во время кризиса, который мы переживаем, обратиться непосредственно к тебе, чтобы предупредить неправильный взгляд на нашу политику, который видимо укореняется в России и, таким образом, положить конец выдумкам, которые могут помешать добрым отношениям, так счастливо восстановившимся между нашими странами...

„Мне было досадно узнать, что политика моего правительства, которая с самого начала руководствовалась желанием не прибавлять новых осложнений в ту смуту, театром которой сделался Балканский полуостров, дала повод к ошибочным толкованиям в России.

„Если мы воздержались от всяких вмешательств в конфликт, если мы отозвались на призыв держав обсудить вместе проблемы, в которых мы были наиболее заинтересованы, если, наконец, втечение этих переговоров мы были

---

[1] Извольский—Сазонову 17 (30) января 1913 г. и др.
[2] От 2 (15) января 1913 года.
[3] Французский подлинник письма в приложении № 24.

проникнуты духом соглашательства, это главным образом было следствием нашей заботы избежать всякого повода к несогласию между двумя империями.

„Тебе не безызвестно, какая тяжелая ответственность ложится на нас, когда дело касается сохранения интересов наших народов при развитии политического кризиса по соседству с нашими границами. Не отдавать себе отчета в последствиях, которые подобные движения могут оказать на наши страны, это значит не выполнить нашего священного долга. Если в настоящем кризисе я старался примирить эту повелительную обязанность с заботой поддержать дружественные отношения с Россией, то я надеюсь, что ты будешь благодарен моим усилиям к сохранению великих интересов европейского мира совместно с добрым соглашением между нашими народами".

В архивах не найдено окончательной редакции ответа Николая II, но о нем можно судить по двум сохранившимся документам: 1) собственноручной записке царя и 2) первой неокончательной редакции, составленной в министерстве и помеченной Царским Селом 25 января стар. ст. 1913 года, что вообще служит признаком отправки письма.

Николай II препровождая письмо австрийского императора в министерство, писал:[1]

„Может быть ход этих мыслей мог пригодиться для содержания моего ответного письма императору Францу-Иосифу:

1) Стремление великих держав к созданию после балканской войны п р о ч н о г о и д л и т е л ь н о г о[2] положения вещей.

2) Согласие России на возникновение никому не нужной Албании—крупная уступка желаниям Австрии.

3) Последняя обязана, при переговорах в Лондоне, быть, в свою очередь, уступчивой при разрешении вопросов, серьезно затрагивающих интересы малых государств и поддержанных Россией.

4) Такое отношение Австро-Венгрии в связи с определенным желанием приступить к уменьшению состава своей армии—наилучшим образом повлияет на общее успокоение".

В проекте ответа министерства иностранных дел[3] упоминается о желании предупредить недоразумения, которые могли бы нанести ущерб добрым отношениям обеих империй, о старании русского правительства соединить обязанности, возлагаемые на него вековыми традициями, с сохранением интересов соседней монархии, чему свидетельством служит согласие на образование Албании в ущерб законным правам

---

[1] II Отд. Гос. Архива.
[2] Курсив подлинника.
[3] Приложение № 25.

победителей; делаются упреки австрийским представителям, не желавшим дружелюбно разрешать на лондонской конференции послов возникавшие затруднения, и выражается надежда на то, что твердое давление Франца-Иосифа окажет содействие к достижению путем взаимных уступок укрепления дружественных отношений между двумя империями.

Вслед за этой перепиской между монархами, когда Австро-Венгрия еще упрямо отстаивала присоединеиие к Албании Скутари, Дьякова и Дибры с оставлением союзникам Ипека и Призрена,[1] со стороны Германии отмечался уже примиряющий образ действий на венский кабинет,[2] а через несколько дней и новое турецкое правительство выразило готовность заключить мир, пожертвовав Адрианополем, но при условии, что эта жертва будет замаскирована нейтрализацией этого города.[3]

Весьма интересную обстановку общего положения к середине февраля дает русский посол в Лондоне Бенкендорф.[4]

Из разговоров с французским послом Камбоном у него сложилось убеждение, что только одна Франция встретила бы войну без большого сожаления. Положение Англии обратное: желая, по возможности, сохранить мир, она явно стремилась к компромиссу, которого считала возможным достигнуть на основе освобождения балканских государств и отодвижения Турции до Константинополя, при чем Австрия будет принуждена принять такое положение. Подобное соглашение русский посол считал самым значительным политическим успехом России за столетие.

Бенкендорф так характеризовал положение нейтральных держав, кроме заинтересованных России и Австрии, в отношении балканского кризиса.

Англия не желает войны, почему и подает голос за мирное соглашение, обеспечивающее явный успех России, а следовательно, и Тройственного Согласия. Германия считает, что австрийские интересы обеспечены в такой степени, насколько это выгодно немцам; в дальнейшем же Австрия могла уже угрожать в Турции немецкому влиянию. Франция верит в вооруженную помощь Англии, которая скорее пойдет на войну, чем подвергнет опасности могущество своей союзницы. Италию тащат в одну и в другую сторону, она склоняется к мирному соглашению и навряд ли решится играть значительную роль в войне.

„Все державы,—кончает Бенкендорф,—действительно стремятся к миру, и только одна Франция приняла бы войну

---

[1] Извольский—Сазонову 28 января (10 февраля) 1913 года № 55.
[2] То же 21 января (3 февраля) 1913 года № 48.
[3] То же 1 (14) февраля 1913 года № 66.
[4] Бенкендорф—Сазонову 12 (25) февраля 1913 года.

с наибольшей твердостью духа. Она снова оправилась и верит в свою армию. Старое чувство мести снова пробуждается. Франция может считать, что в настоящее время обстоятельства более благоприятны, чем будут потом...".

На наибольшие же размышления в настоящее время наводит заключительная фраза письма старого русского дипломата, не смотревшего на союзницу через розовые очки Извольского. „Но,—пишет Бенкендорф,—значительный успех французского оружия, превышающий наш успех, поставил бы нас в такое положение при заключении мира, которое нельзя считать благоприятным".

Мирные тенденции взяли, наконец, определенно верх, и 1 марта Австрия заявила о своей готовности уменьшить состав войск в Галиции, что вызывало единовременное увольнение запасных в России, а оттоманское правительство приняло посредничество держав с целью заключения мира.[1]

Мирные переговоры балканских государств с Турцией.

В дальнейшем центр тяжести внимания великих держав сосредоточивался на непосредственных переговорах о мире между воюющими сторонами.

Балканская коалиция весьма сдержанно отнеслась к согласию Турции на посредничество держав о мире,[2] и было даже опасение, что она не примет посредничества,[3] а Сербия открыто заявила, что долины Дибры и Белого Дрина с городами Ипек и Дьяково она покинет только под давлением силы оружия.[4] При таких условиях державам оставалось или отказаться от посредничества, или предъявить союзникам конкретные условия, воздействовав мерами принуждения для принятия их. Державы остановились в общем на последнем решении, вовсе не упоминая о средствах давления, пока в этом не встретится надобности.[5]

К таковым едва и не пришлось прибегнуть как в вопросе о передаче Скутари Албании, чтобы избежать единоличного выступления Австрии против Черногории, так и в коллективной морской демонстрации в проливах и в Мраморном море, которая имела в виду, по предположению Пуанкаре,[6] облегчить России задачу противодействия захвату Болгарией Константинополя или другого пункта на Мраморном море.

Это предложеине Пуанкаре опять расшевелило в Петербурге вопрос о применении Черноморского флота. Послу в Константинополе вновь было предоставлено непосредствен-

---

[1] Извольский — Сазонову 16 и 17 февраля (1 и 2 марта) 1913 года №№ 85 и 86.

[2] Сазонов—послам 21 февраля 1913 года № 492.

[3] Извольский—Сазонову 25 февраля (10 марта) 1913 года № 97.

[4] То же 18 февраля (3 марта) 1913 года № 81.

[5] То же 1 (14) марта 1913 года № 104.

[6] Извольский—Сазонову 26 марта (8 апреля) 1912 года № 165.

ное право вызвать его в необходимую минуту в столицу оттоманов. Этот вызов определялся как необходимостью принять меры к ограждению мирного христианского населения Константинополя во время отступления турецкой армии, так и желательностью, чтобы, в случае вступления болгарской армии в Константинополь, в водах Босфора находилась внушительная русская сила, способная оказать своим присутствием нужное давление для предотвращения таких решений вопроса о турецкой столице и проливах, которые были бы несовместимы с интересами России.[1]

Мирные переговоры продолжались с большим трудом и выявили, между прочим, всю искусственность созданного стараниями Извольского и Сазонова балканского блока, которым можно было с выгодой воспользоваться, как этого хотел Пуанкаре, на короткое время втечение войны, но который проявил все свои отрицательные стороны при дележе результатов войны и ставил в самое двусмысленное положение русского императора, как арбитра.

Мы уже говорили о заявлении Сербии, но еще настойчивее в этом отношенни была Болгария. Ее государственные деятели посетили во время мирных переговоров Петербург, чтобы давлением на общественное мнение принудить правительство выхлопотать наиболее выгодные для Болгарии условия мира. Им и удалось отчасти достигнуть этого, уменьшив до минимума оставляемый Турции район Константинополя. „Дальнейшее же распространение Болгарии—писал Сазонов—[2] и стремление ее иметь выход к Мраморному морю встретили бы с нашей стороны решительное противодействие. Мы не можем допустить, чтобы свобода плавания через проливы могла зависеть от усмотрения Болгарии".

Все это повело к сильному неудовольствию болгар против России, которое закончилось открытым заявлением их посланника в Париже Пишону, что „Болгария ни в каком случае не откажется от Салоник и не признает за государем императором права присудить Монастырь или Охриду Сербии".[3]

Тем не менее турецко-балканский мир был подписан при участии держав в Лондоне 30 мая 1913 года. Сербия получила часть Македонии, но на Адриатическом море она приобрела только один транзитный порт. Салоники и Крит были закреплены за Грецией. Силистрия досталась Румынии в вознаграждение за ее благонравное поведение. Европа, в виде уступки настоянию Австрии, согласилась на образование

---

[1] Доклад Сазонова—Николаю II от 15 марта 1913 года, утвержденный государем 16 марта.

[2] Сазонов—послу в Софии 20 марта 1913 года № 298.

[3] Извольский—Сазонову 29 мая (11 июня) 1913 года № 278.

автономной Албании, во главе которой центральные державы добивались права поставить принца немецкой крови.[1]

Мир этот, как и следовало ожидать, не привел к успокоению на Балканах. Им все остались недовольны и, в особенности, Австрия, которая должна была примириться с ростом Сербии и Болгарии, неудовлетворенная в своих чрезмерных вожделениях. На Балканах, таким образом, вместо мира наступила краткая передышка, которая через месяц разразилась событиями, окончательно указавшими всю ненормальность балканского блока.

Вторая Балканская война,

И, действительно, ровно через месяц после заключения мира, в ночь на 30 июня, болгары атаковали сербов на Вардаре.[2] Сомнения нет, что этот безумный шаг был сделан Фердинандом Болгарским при содействии Австрии, преследовавшей свою цель ослабления Сербии. По свидетельству Пуанкаре,[3] несомненно установлено, что Болгария получила через посредство Австрии обещание благожелательной помощи со стороны Румынии в обмен на дунайский четырехугольник крепостей и, таким образом, действовала против Сербии без малейшего риска.

Но Румыния расчитала, что в данном случае ей выгоднее стать против болгар, и в десять дней не только совершенно переменила свой фронт, но, мобилизовав армию, начала наступать на болгарскую территорию. Одновременно германофильское правительство Константинополя поспешило бросить свои войска на Адрианополь и во Фракию, а греки присоединились к сербам.

Болгарские войска были разбиты, и уже через 16 дней после начала войны болгарское правительство потеряло голову и обратилось через Париж к посредничеству держав о прекращении военных действий.[4]

Во время этого печального инцидента Россия вновь стала на сторону болгар в вопросе о сохранении за ними Адрианополя, который должен был отойти к Турции, и порта Кавала, отходившего к Греции. Для воздействия на Турцию Россия по обыкновению хотела прибегнуть к излюбленному способу морской демонстрации и к действиям в Армении, но не встретила сочуствия среди своих союзниц;[5] в вопросе же о присоединении Кавалы к Греции Франция открыто стала против России, оправдываясь тем, что в противном случае союз-

---

[1] Р. Пуанкаре: „Происхождение мировой войны", стр. 151.

[2] Автору не удалось получить в русских архивах основных документов за 1913 и 1914 года и, в особенности, за период второй балканской войны. Поэтому этот эпизод им излагается весьма кратко преимущественно на основании документов, помещенных в поименованных выше „Материалах".

[3] „Происхождение мировой войны", стр. 157.

[4] Извольский—Сазонову 3 (16) июля 1913 года № 336.

[5] То же 12 (25) июня 1913 года.

ники продолжали бы военные действия и заняли бы Сербию.[1]

Вторая балканская война кончилась очень быстро Бухарестским миром, по которому спорная часть Македонии отошла к Сербии, Адрианополь отошел к Турции, Кавала отошла к Греции, и Румыния бескровно усилилась частью болгарской территории. Жестоко поплатилась за свое выступление Болгария, а также пострадали Австрия, которая увидела Сербию еще более усиленной и окрепшей, и Россия, которой не удалось отстоять Болгарии, но зато пришлось обострить свои отношения с Турцией. Царская Россия увидела не только полный крах балканского союза, но и дошедшую до полной ненависти вражду христианских народностей Балканского полуострова друг к другу.

Но если Болгария решила временно отказаться от активной борьбы, чтобы накопить силы, то Австрия, напротив, поставила себе определенной целью борьбу против Сербии. Напряженное положение на Балканах после окончания войны не прекратилось; оно сконцентрировалось только в двух очагах—на австро-сербской границе и в Константинополе, который Германия хотела всецело подчинить своему влиянию.

Хотя во время второго балканского кризиса и удалось сохранить европейский мир, но теперь еще более, чем раньше, обнаружилось, что между Антантой и Союзом нет того общего языка, который делал бы мир Европы обеспеченным. Народы цивилизованного мира получили лишь кратковременную передышку для того, чтобы лучше подготовиться к грядущей ужасной борьбе.

Закончу свое изложение второго балканского кризиса не лишенными интереса рассуждениями Извольского на тему о Бухарестском мире.[3]

Он удивлялся, почему в России недовольны этим миром и крушением плана его пересмотра и, наоборот, считал, что события сложились для нее весьма благоприятно. Вторая балканская война избавила Россию от тяжелой обязанности взять на себя разверстку Македонии между союзниками, что представляло задачу абсолютно неразрешимую и поссорило бы ее со всеми балканскими государствами. Она положила предел империалистическим стремлениям Софии к образованию при помощи Австрии Великой Болгарии, которая была бы не элементом равновесия на Балканском полуострове, а базой дальнейших ее планов в сторону Константинополя и послужила бы к образованию австро-болгарского блока против России.

---

[1] Извольский—Сазонову 30 июля (12 августа) 1913 года № 399.

[2] Е. В. Тарле: „Европа от Венского конгресса до Версальского мира", стр. 181.

[3] Письмо Сазонову от 1 (13) августа 1913 года.

Извольский приветствовал с особым восторгом Сазонова с достигнутым отвлечением Румынии от Австрии, и отстаивал Адрианополь для Турции, расчитывая, что за него турки „нам все дадут—и проливы, и железные дороги и, может быть, действительную свою дружбу и признательность в будущем". Но, в особенности, он торжествовал на счет Австрии, которая „совершенно изолирована нравственно и политически, и даже Германия отворачивается от ее невозможной политики".

Извольский, повидимому, не обладал даром широкого анализа, оценивая всю сложную конъюнктуру Балканского полуострова с точки зрения Адрианополя и привлечения на свою сторону Румынии, которую каждый государственный деятель с широким кругозором предпочтет иметь в стане своих врагов. Он не уяснял себе той грандиозной проблемы, которая широкой паутиной охватила весь Балканский полуостров и Малую Азию и которая никоим образом не разрешалась ни подачкой Турции Адрианополя, ни временной неудачей Австрии. Русский дипломат не заметил, что Балканский полуостров и единоборство на нем между Россией и Австрией являлись только инструментом, на котором оперировали англо-французский и германский капиталы прежде чем столкнуться друг с другом в последней мертвой схватке. В 1913 году время для этой схватки еще не настало.

Франко-русские отношения.

Взаимные отношения России и Франции определились тем положением, которое французское правительство приняло осенью 1912 г. в отношение балканского кризиса, признав его делом общесоюзным, а не частным делом России.

С этого времени старание парижского кабинета сводилось к тому, чтобы удержать Россию от единоличных выступлений, а властная и честолюбивая личность Пуанкаре неизменно старалась играть руководящую роль в направлении европейской политики России. Всецело подчинив своей воле Извольского, Пуанкаре, как мы видели, труднее было тоже сделать в отношении Сазонова, хотя обстоятельства заставили и этого последнего слишком считаться с желаниями Парижа. Замечается постепенный переход к принципу ведения европейской политики „втроем", т.-е. Франции, Англии и России, при чем номинальным ядром Антанты являлись Россия и Франция, а реальным ее руководителем Франция и Англия, общему давлению которых естественно подчинялась и Россия. Случая оставления России одинокой перед лицом европейского конфликта, как это было в 1909 году, в 1912 и последующих годах нельзя было ожидать. Франция не могла в своих собственных интересах допустить что-либо подобное; но, решив, в случае нового конфликта, выступить совместно с Россией, она властной рукой взяла на себя не только контроль над единоличными выступлениями России, но в извест-

ной степени и руководство ими. Претензии Пуанкаре еще более углубили такое положение, а французские займы утвердили его фундамент, и с 1912 года французский камертон звучит чрезмерно сильно у Певческого моста Петербурга. В январе 1913 года Пуанкаре был избран президентом республики, и влияние его должно было увеличиться еще более.

„Избрание Пуанкаре президентом республики,—доносил Извольский Сазонову в разгар балканского кризиса—[1] знаменует решительное торжество умеренных политических элементов над крайним радикализмом, всегда проявляющим враждебность к России и франко-русскому союзу. Энергия, решительность и цельность характера Пуанкаре являются ручательством в том, что в качестве президента республики он не удовольствуется чисто пассивною ролью, а будет всемерно и ежечасно влиять на ход французской политики, главным образом, в области внешних дел... Французское правительство имеет твердую решимость выполнить по отношению к нам свои союзнические обязательства во всем их объеме и вполне сознательно и хладнокровно допускает, что конечным результатом настоящих осложнений может явиться для него необходимость участия в общей войне. При нынешних обстоятельствах и в силу существующей сети союзов и соглашений всякое отдельное выступление какой бы то ни было державы на почве балканских дел может весьма быстро привести к общей европейской войне“...

Признавая дальше наше особое положение на Балканах и обеспечивая со стороны Франции не только вооруженную помощь в определенном конвенцией случае, но и самую энергичную дипломатическую поддержку во всех наших начинаниях в пользу балканских государств, французское правительство усердно просило „не предпринимать каких-либо отдельных действий без предварительного обмена мыслей с союзной Францией“. Такая просьба объяснялась Извольским серьезным беспокойством, внушаемым парижскому кабинету „сделанными нами в Константинополе и Берлине намеками на возможность единоличных с нашей стороны принудительных действий против Турции“.

Приведенные выдержки из письма Извольского являются квинт-эссенцией из всех многочисленных писем русского посла за время пребывания у власти Пуанкаре, рисующей ту линию поведения, которую французское правительство приняло по отношению к России и неизменно держалось до начала мировой войны. Если прибавить к этому мысли, высказанные русскому послу самим Пуанкаре, то нельзя отрицать, что, при известной уже нам сплоченности центральных держав, при

---

[1] От 17 (30 января) 1913 года.

больших кредитах, отпущенных Германией на военные нужды, и при активной политике Германии, война делалась неизбежной, а решение Австрии утвердить во что бы то ни стало свое преобладающее влияние на Балканах и стать твердою ногою на Адриатическом море с достаточной определенностью предуказывало, что мировой пожар начнется на Балканах.

Пуанкаре при занятии президентского кресла был удостоен особого внимания пожалованием ему высшего русского ордена, что французским обществом было принято, как новый знак скрепления союза перед лицом усиления Германией своих вооруженных сил. Эта последняя угроза вызвала во Франции сильный подъем патриотического чувства и решение ответить на брошенный вызов наивысшим напряжением собственных военных сил, что и повело вслед за этим к переходу французской армии к трехлетнему сроку службы.

По словам Пуанкаре, события последних 18-ти месяцев, совпадавших, отметим от себя, с пребыванием Пуанкаре у власти, произвели во французском общественном мнении крайний переворот и вызвали давно небывалое повышенное настроение. „При нынешнем подъеме национального чувства во Франции ни он сам, ни его министры не потерпели бы Агадирского инцидента и не пошли бы на состоявшийся по этому делу компромисс“. И, действительно, очередное резкое по обыкновению выступление берлинского кабинета по поводу пустого инцидента в Марокко вызвало на этот раз небывалый по твердости отпор французского правительства и было прекращено.

В отношении Англии Пуанкаре высказывал твердую уверенность в отсутствии каких либо переговоров или соглашений между нею и Германией, и в том, что, в случае конфликта с Германией, „Франция, при нынешней политической конъюнктуре, может расчитывать на вооруженную помощь Англии“, при чем планы военно-морских совместных действий были выработаны до малейших подробностей.

Пуанкаре с большим недоверием относился только к политике римского кабинета с его желанием завладеть Эгейскими островами, чего ни в каком случае не допустила бы Англия.[1]

Но наиболее решительную линию поведения новый французский президент принял в отношении России. Послом в Петербург был назначен Делькассе, опытный в деле военной подготовки страны, и на него была возложена специальная миссия, в виде надзора и понуждения русского правительства в принятии мер по улучшению военного могущества России. Эта оригинальная для самостоятельной страны миссия возлагалась совершенно открыто, как то свидетель-

[1] Извольский—Сазонову 14 (27) февраля 1913 г.

ствуется следующими словами Пуанкаре к Николаю II:[1] Lorsque j'avais eu l'honneur d'être reçu l'an dernier par votre Majesté à Peterhof, j'avais attiré sa haute attention sur l'utilité qu'il y aurait, d'aprés l'avis de nos états-majors, à hater la construction de certaines voies de chemin de fer sur la frontière occidentale de l'Empire. Le grand effort militaire que le gouvernement français se propose de faire pour maintenir l'équilibre des forces européennes rend aujourd'hui particulièrement urgentes les mésures corrélatives sur la nécéssité desquelles les états-majors des deux pays alliées se sont mis d'accord. M. Delcassé entretiendra votre Majesté et son gouvernement de ces importantes questions, comme de toutes celles qui interessent le fonctionnement de l'alliance et peuvent nous permettre de veiller plus mûrement à la conservation de la paix.[2]

Особую миссию Делькассе подтверждал и Извольский.[3] „Ему,—писал наш посол,—специальным образом поручено убедить наше военное ведомство в необходимости умножить число наших стратегических дорог с целью сосредоточения нашей армии к западной границе... При этом он уполномочен предложить России все денежные средства, которые могли бы на это потребоваться, в виде соответствующих железнодорожных займов".

Нет сомнения, что именно это последнее условие, т.-е предложение займов, и являлось магическим ключом, дававшим право французскому послу вмешиваться во внутренние дела русского правительства.

Последнее совещание начальников русского и французского штабов.

При таких условиях обоюдных отношений между Францией и Россией и под влиянием только что затихшей бури на Балканском полуострове, окончательно разрушившей там здание блока христианских государств, в Петербурге в августе 1913 г. состоялось новое совещание начальников штабов союзных армий, которому суждено было быть последним.

Мы имеем только краткий протокол этого совещания, из которого трудно уловить все оттенки бывших между гене-

---

[1] От 20 марта 1912 г.

[2] Перевод: „Когда я имел счастие быть в прошлом году принятым вашим величеством в Петергофе, я обратил ваше высокое внимание на пользу, которая, по мнению наших генеральных штабов, была бы при ускорении постройки некоторых линий железных дорог на западной границе империи. То большое военное напряжение, к которому французское правительство намерено прибегнуть для поддержания равновесия европейских сил, делает в настоящее время особенно неотложным взаимно соответствующие меры, насчет необходимости которых пришли к соглашению генеральные штабы союзных армий. Делькассе будет держать в курсе дела, как ваше величество, так и свое правительство в отношении этих неотложных вопросов, как и всего того, что касается деятельности союза и может нам позволить более бдительно следить за сохранением мира".

[3] Извольский—Сазонову 28 февраля (13 марта) 1913 г.

ралами Жилинским и Жоффром разговоров; число же лиц, присутствовавших на нем, было весьма ограничено и хранит молчание. Но по тем справкам, которые давались на совещании и сохранились в военных архивах, можно судить, что оно не в меньшей мере, чем совещание 1906 г., носило характер не только экзамена начальника русского генерального штаба его французским коллегой, но и инструктирования его.

Протокол совещания [1] коснулся изменения статьи 2-й и, в особенности, статьи 3-й предыдущих протоколов, которые мы только и отметим.

Статья 2-я, говорившая о случае одновременной и без сговора мобилизации России и Франции, указывала на обязательность таковой и при всяком вообще военном действии германской армии против той или другой из союзных держав. Эта фраза была прибавлена на случай занятия кадровыми частями какого-либо стратегического пункта до общей мобилизации, т.-е. вновь обеспечивала исключительно интересы французской армии. Но в то же время конвенция еще раз подчеркивала, что отдельная мобилизация Австрии или Италии не возлагает соответствующих обязательств на союзников.

Статья 3-я касалась первоначальных военных операций и была направлена исключительно в сторону отвлечения русскими войсками немцев от французской армии, как будто вся задача России в грядущей европейской войне только в этом и должна состоять.

Новый германский военный закон сокращением срока мобилизации предоставлял, по словам протокола, „большее количество времени, чем раньше, чтобы действовать против Франции прежде, нежели обернуться против России". Поэтому союзники должны были направить операции для одновременной атаки немцев с двух сторон, развивая максимум комбинированных усилий.

Жоффр обещал сосредоточение полуторамиллионной армии на германской границе на 10-й день мобилизации и наступление на 11-й день, чего, как известно, в действительности выполнено не было. Генерал Жилинский обещал сосредоточить против Германии не меньше 800 тысяч, при чем сосредоточение большей части этих сил и наступление обещалось тотчас же после 15-го дня. Подобное обязательство со стороны начальника русского генерального штаба совершенно не соответствовало существовавшим предположениям о стратегическом развертывании и техническим возможностям, но в августе 1914 г. было щепетильно точно выполнено русским командованием ценою расстройства двух ..

---

[1] Помещен в „Материалах по истории франко-русских сношений", стр. 712—715.

Далее протокол касался исключительно обязательств русской армии, распоряжаясь ею за счет будущего русского главнокомандующего.

Указывалось на необходимость направить наступление в центр Германии, на полезность сосредоточения русских сил так, чтобы бить немцев или в Восточной Пруссии или итти на Берлин южнее ее, при чем Жоффр указывал, что поражение Германии облегчит в дальнейшем операции против Австрии и Швеции. Эта азбучная истина была, очевидно, включена, чтобы избежать отвлечения русских сил на австрийский фронт.

„Итак,—резюмировал протокол—надо во что бы то ни стало преследовать уничтожение сил Германии в самом начале операций" и кончал пожеланиями Жоффра иметь еще в мирное время „такую группировку русских сил в Варшавской губернии, которая представляла бы для Германии прямую угрозу".

Далее протокол указывал на необходимость проведения трех мощных линий рельсовых путей, соединяющих Восточную Россию с Варшавой, а также путей на левом берегу Вислы с увеличением числа мостов через эту реку.

Таким образом, этот последний перед войной протокол был исключительно направлен не только к тому, чтобы заставить Россию начать с 15-го дня мобилизации наступление против Германии и развивать его на Берлин, но и к тому, чтобы вся подготовка к войне, в виде дислокации мирного времени и сооружения железных дорог, была направлена против Германии с полным игнорированием главного врага, с которым предстояло русским армиям справиться, а именно Австрии.

Достаточно было ознакомиться с существовавшими планами развертывания русских войск, чтобы убедиться, что положения последних протоколов совещаний начальников штабов не были выражением мысли русского командования и русского генерального штаба, а были вызваны причинами привходящими, найти которые не так трудно.

Железнодорожный заем.

Надо отдать справедливость французам, что, ставя в очень тяжелые условия на случай войны русскую армию, они шли на помощь России в денежном отношении, в виде займов на весьма невыгодных для нее условиях.

Французский посол при русском дворе Делькассе уведомил Сазо[1] что России предоставляется ежегодный заем на парижском рынке в размере 400—500 миллионов франков в год, если

---

[1] Нотой от 11 (24) августа 1913 г.

1) постройка стратегических рельсовых путей, предусмотренных „в согласии с французским генеральным штабом", будет немедленно предпринята и

2) наличный состав русской армии в мирное время будет значительно увеличен.

В техническом отношении этот заем, как впрочем и все остальные, облагался фискальным сбором, который в зависимости от срока погашения займа определялся 7—11% капитала выпускаемых займов.[1]

Для облегчения условий предполагавшегося займа осенью в Париж отправился председатель совета министров Коковцев, очень тяготившийся переговорами „с нашими друзьями и союзниками, которых,—писал Коковцев[2]—я охотно променял бы на кого угодно, настолько тяжело с ними вести переговоры по всем тем вопросам, которые не затрагивают их собственной шкуры".

Условие французского правительства об увеличении русской армии в мирное время не встретило возражений, так как совпало с началом проведения в жизнь большой военной программы. Но постройка точно указанных французским генеральным штабом железнодорожных линий не соответствовала общему плану развития сети русских рельсовых путей, и вся забота Коковцева сводилась к тому, чтобы это обязательство изложить в более общих фразах.

Старания Коковцева были напрасны, и французы настояли на определенном условии постройки железных дорог, указанных в протоколе совещаний начальников штабов 1913 г., и об окончании их в срок, не позднее четырех лет.[3]

Заключение. Было бы неправильно думать, что, если бы не было ошибочных дипломатических ходов с одной или другой стороны, то не было бы и кризиса на Балканах вообще. Вся сложившаяся конъюнктура на этом полуострове, где сталкивались широко намеченные политико-экономические проблемы трех обширнейших монархий, которые переплетались с выростающим национальным развитием балканских народностей, враждебных друг другу, и с начавшимся возрождением Турции, указывала на то, что Балканы в конце концов должны стать объектом упорной борьбы.

Казалось бы, что именно такое чреватое последствиями положение полуострова вызывало необходимость обдуманного и планомерного образа действий, чтобы борьбу за него поставить в плоскость наиболее выгодных условий.

И вот в этом-то отношении второй балканский кризис, являясь во многих отношениях продуктом политики петер-

---

[1] Коковцев—Сазонову 17 июня 1913 г.
[2] Коковцев—Нератову 21 сентября 1913 г. 543
[3] Сазонов—Извольскому 3 декабря 1913 г., № 3393.

бургского кабинета, был вызван к жизни преждевременно и в обстановке, для России очень невыгодной.

Сомнения нет, что он разыгрался в 1912 г. больше всего потому, что летом этого года были окончательно подписаны договоры, скреплявшие балканский блок, который Пуанкаре совершенно справедливо назвал орудием войны.

На союз балканских государств и нельзя было иначе смотреть, как на краткосрочное соединение, которое имело силу только до раздела добычи побежденного; его и следовало употребить, как орудие войны, но в ту минуту, когда настанет время бросить его на весы военного счастья. Существование подобного союза в 1914 г., т.-е. перед началом мировой войны, давало такие преимущества Антанте, которые, весьма вероятно, делали самую войну немыслимой. Но блок, выпущенный в свет в 1912 г., когда Антанта была еще не готова к войне, терял все свои положительные стороны и приводил в действие только отрицательные. И не так неправ был Пуанкаре, когда, зная вообще о неизбежности в скором времени мировой войны, он был не прочь начать ее тогда, когда балканский блок удержать от войны было уже нельзя.

По архивам трудно судить о той цели, с которой Извольский начал, а Сазонов окончил сформирование балканского союза, так как такого рода принципиальные вопросы решались при личных докладах государю, но по всем данным можно судить, что приведенный выше взгляд, отмеченный и в разговоре Пуанкаре с Сазоновым, не был достоянием русских дипломатов. Задуманный после скандальной истории с аннексией Боснии и Герцоговины, он был направлен против Австрии, как отплата за ее победу в 1909 г., и обратился против Турции, окончательно разъединив балканские народы и оттолкнув Болгарию от России.

В кризисе 1912—1913 г.г. Россия вновь потерпела дипломатическое поражение не только в виде крушения созданного ею блока, но и в образовании автономной Албании, в приближении Греции к проливам и в недопущении Сербии к Адриатическому морю. Поражение это не имело такого оскорбительного характера, как в 1909 г., так как не было вынуждено, а уступки последовали только, как следствие нежелания довести дело до войны, в которой Россия в отличие от 1909 г. не осталась бы одна.

Во втором балканском кризисе мы видим Антанту уже действующую совместно, одним фронтом, и Балканы перестают быть частным делом России и Австрии, а становятся объектом спора между Тройственным Союзом и Тройственным Согласием. Русский кабинет все еще проявляет иногда попытки самостоятельных выступлений против Турции, но, постоянно удерживаемый Пуанкаре, отказывается от них. Политика „втроем“ окончательно приобретает права гра-

жданства, а руководство ею постепенно переходит к морским державам.

Между государствами Антанты разногласия по многим перепутывающимся интересам, как-то мало-азиатским дорогам, китайским займам, персидским делам и пр., очень велики, но они благополучно сглаживаются из-за сохранения ее единого фронта на случай европейской войны.

Если первый балканский кризис оставил удовлетворенной хоть одну сторону, Австрию, то второй кончился полным недовольством всех сопричастных к нему и скопил так много горючего материала, что его нельзя было считать летом 1913 г. законченным, а только начинающим разгораться.

Весь уклад жизни великих держав Европы, вся их экономическая структура делали неизбежной боевую схватку не на жизнь, а на смерть; к мировой войне подготовка шла не одно десятилетие, но трудно было предвидеть при каких обстоятельствах она разразится. События же 1912—1913 г.г. показали, что Европа подошла к ней вплотную, что мировой пожар возгорится при первом выстреле любой великой державы, и что этот выстрел вернее всего ждать на Балканах.

Политическая подготовка к войне собственно кончилась в 1913 г., и если война была временно отложена, то только для довершения военной подготовки, к каковой все великие державы и приступили с лихорадочной поспешностью. Таковая и вылилась в проведении новых законов об увеличении армии в Германии, а вслед за ней во Франции и России. Во Франции подготовка к войне вылилась и в другую не-сколько оригинальную форму. Она состояла в запротоколированном обязательстве России вести военную подготовку (дислокация и железные дороги) и впоследствии военные операции, имея исключительной целью не свои русские интересы, а помощь французской армии в наиболее критический для нее период. Предложенный Францией в 1913 г. заем является уже незамаскированной денежной выдачей русскому правительству с определенной целью военного обеспечения Франции, впрочем, на весьма выгодных для французских капиталистов условиях.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КАНУН МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1913—1914 гг.).

Общее положение Европы. Отношение держав Антанты друг к другу. Международные отношения последнего года. Балканские дела и миссия генерала Сандерса. Последний этап ближне-восточной политики России. Влияние некоторых черт внутренней политики на подготовку к войне. Начало третьего балканского кризиса. Заключение.

Общее положение Европы.

Происходившие до 1913 года споры объединенных в две группы великих держав кончились временным умиротворением, и успокоенная Европа переходила к более или или менее нормальному продолжению своей экономическо-политической жизни. Так было со всеми грозившими перейти в общую войну инцидентами из-за Марокко, Боснии и Герцоговины и даже с итало-турецкой войной.

Совершенно к иным последствиям привело окончание второго балканского кризиса с его двумя войнами. После их прекращения Европа оказалась в более взбудораженном состоянии, чем перед началом балканской войны. И если вся структура политической жизни великих мировых держав делала вообще неизбежным столкновение обеих групп в решительной боевой схватке, то время ее до этого года даже приблизительно предугадать было невозможно. Положение, соответствующее окончанию второй балканской войны, носило совершенно иной характер. Оно напоминает собой не рассосавшийся, а, напротив, натянувшийся нарыв, место вскрытия которого точно определено, а время ограничено небольшим промежутком.

Совершенно такую же картину мы видим в Европе осенью 1913 года. Две сплоченные группы держав вновь столкнулись на фоне балканского вопроса и не хотели его еще вскрыть, но не могли дать рассосаться созревавшему там нарыву, и теснее сплотились в двух группах для грядущей и сложной операции.

Навряд ли Бухарестский мир удовлетворил хоть одну из держав, интересы которых переплетались в связи с балканским вопросом. Напротив, он поставил перед лицом возросшей своими победами Сербии испуганную Австрию, на

пути империалистических вожделений которой выросла новая опасность. Он дал оскорбленную и униженную Болгарию, которая не могла примириться с крушением своих национальных мечтаний в отношении Македонии. Балканский кризис показал полное ничтожество военной мощи Турции, несмотря на многолетнюю работу там германской миссии фон-дер-Гольца; он показал, что Турция не может противиться открытому нападению, и вся сила ее основана на трудности поделить ее наследство. А между тем и Болгария, и приблизившаяся к Дарданеллам Греция могли угрожать Константинополю открытой силой. Все это, вместе взятое, вызывало опасение и недовольство со стороны России. Короче, балканский вопрос в его широком объеме не мог даже временно оставаться в том положении, в котором его оставил Бухарестский мир. Россия и Франция с одной стороны, Германия и Австрия—с другой сплотились так, что чье бы то ни было выступление влекло и выступление союзника.

Европа подошла к войне вплотную; другого исхода для нее не было. Правящие классы это ясно сознавали и с лихорадочной поспешностью торопились закончить последние приготовления к войне.

„Мне кажется—писал Бенкендорф Сазонову[1]—что в настоящий момент воздух так насыщен электричеством, что как только державы Тройственного Союза будут какими-нибудь решительными шагами явно противопоставлены державам Согласия, то последует война".

Такую же картину рисовал и Сазонов в своем докладе Николаю II.[2]

„Хотя желание мира — писал он — как будто преобладает в настоящее время среди великих держав, но поручиться за прочность общего политического положения в Европе не представляется возможным. Эта неуверенность усиливается нынешним неустойчивым положением на Балканском полуострове в результате Бухарестского мира"... В нем, по мнению Сазонова, два фактора играли главную роль—невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями войны и усилившееся племенное брожение в Австро-Венгрии, вызванное успехами сербов и румын и отношением к этому их единоплеменников в империи Габсбургов.

При таких обстоятельствах все государства лихорадочно готовились к войне. Эта подготовка состояла не только в принятии экстренных мер по усилению вооруженной силы, но и в уплотнении существующих политических группировок и в возможном расширении их.

---

[1] От 15 (28) января 1914 года.
[2] От 23 ноября 1913 года. Помещен в приложении № 26.

Отношение держав Антанты друг к другу.

Со стороны Антанты можно было при всех обстоятельствах рассчитывать на совместные действия только России и Франции, но примет ли участие в боевом конфликте Англия,— вопрос оставался открытым; в таком же положении находился и Тройственный Союз по отношению к Италии. В водовороте же государств Балканского полуострова совершенно нельзя было разобраться. Блок разделился на враждующие друг с другом части, при чем с уверенностью можно было считать только, что Сербия станет на стороне Антанты.

Сазонов в возможном столкновении России с Турцией оценивал политическую обстановку следующим образом:[1]

На поддержку французов можно рассчитывать до крайних пределов; Делькассе уверен, что Франция пойдет так далеко, как того пожелает Россия. В отношении же Англии дело остается не выясненным; она безусловно примет участие в войне, но только в случае неблагоприятного для России и Франции оборота военных действий. Для Германии же не представляется особо опасным выступление только двух союзных держав, но борьба при участии Англии может явиться для немцев роковой. Необходимо поэтому обеспечить себе активное участие в войне Великобритании, что Сазонов и ставил ближайшей целью.

Но и на отношения Франции к России не все смотрели через ту же призму розового света, через которую смотрел Извольский; и у него, впрочем, проглядывала иногда желчь в донесениях. „Франция,—писал он,—[2] наша союзница и союзница верная, но нельзя забывать, что между нашими и ее интересами могут весьма часто существовать противоречия. Поэтому союз этот требует самого тщательного присмотра и ухода".

Однако, общественное мнение страны не разделяло радужных взглядов дипломатов, и почти в то же время русская печать с „Новым Временем" во главе, возбужденная враждебной позицией, занятой французским правительством в вопросе о Кавале, требовала не более не менее, как пересмотра франко-русского союза. Председатель же совета министров Коковцев такими словами резюмировал впечатление своего свидания с французскими государственными и общественными деятелями в Париже осенью 1913 года:[3] „Франция никогда не отойдет от нас в крупных вопросах общей политики, особенно глубоко затрагивающих ее жизненные интересы; но там, где эти интересы не затронуты, где преобладают интересы иные — русские и общие европейские — там

---

[1] Журнал Особого Совещания 31 декабря 1913 года.
[2] Извольский—Сазонову 1 (14) августа 1913 года.
[3] Доклад Николаю II 19 ноября 1913 года.

Франция, бесспорно, будет весьма сдержана и, по всем вероятиям, станет влиять и на нас в смысле более мягкого разрешения возникающих вопросов". Этим объясняется, почему Сазонов, также путешествовавший осенью 1913 года по европейским столицам, нашел в Пуанкаре попрежнему „убежденного сторонника непрерывного общения между обеими союзницами по всем наиболее важным вопросам международной политики". [1]

Кроме отношений к России, Францию особенно беспокоило и подозрительное поведение ее соседки Италии.

Вообще два государства, долженствовавшие во время войны сыграть по своему географическому положению видную роль, сильно беспокоили державы Антанты — Италия в отношении Франции и Румыния в отношении России. И оба эти государства, похожие по духу своей политики друг на друга, представляли собой как до войны, так и во время ее, величину совершенно неопределенную, не внушавшую доверия ни друзьям ни врагам. Нельзя в этом отношении не присоединиться в полном объеме к справедливым словам Сазонова. „Положение Румынии на Балканах,—доносил он царю,—[2] во многом схоже с положением Италии в Европе. Обе державы страдают мегаломанией и, не имея достаточных сил, чтобы открыто осуществить свои задачи, должны пробавляться политическим оппортунизмом, высматривая, где в данную минуту сила, чтобы быть на ее стороне. В заблаговременном учете сил было бы столь же опасно заранее полагаться на такие колеблющиеся факторы, как было бы неблагоразумно вовсе не считаться с ними".

В 1902 году Италия, входившая в состав Тройственного Союза, заключила соглашение с Францией; в 1908—1909 годах она сблизилась и вошла в соглашение с Россией, что обеспечило ей в 1911—1912 годах беспрепятственное присоединение Триполи. После этого она круто переменила свой курс и вновь почти всецело подчинила свою политику Тройственному Союзу. Удачный захват Триполи имел в Италии последствием быстрое развитие империалистических стремлений, которые были направлены на занятые уже ею Эгейские острова, на малоазиатское побережье и вообще на преобладание в Средиземном море.

В этих своих вожделениях Италия должна была встретить противодействие Англии и Франции, в особенности в отношении Эгейских островов и Средиземного моря. По видимости, Италия подчинялась требованию очистить острова, но в действительности рассчитывала на возникновение каких-нибудь обстоятельств, которые развяжут ей руки. Одновре-

---

[1] Доклад Сазонова Николаю II о поездке заграницу осенью 1913 года.
[2] Доклад Сазонова от 23 ноября 1913 года.

менно с этим римский кабинет вел переговоры со своими союзницами о заключении специальной морской конвенции, которые перехватывались французской контр-разведкой. Согласно этой конвенции, вся восточная часть Средиземного моря делилась по меридиану на три зоны. В первой, наиболее западной, державы Тройственного Союза обязывались поддерживать statu quo и воздерживаться от каких бы то ни было выступлений; в средней зоне, в которой была наиболее заинтересована Австрия, союзники обязывались действовать не иначе, как по взаимному согласию; в третьей, наиболее восточной зоне, каждый имел более широкую индивидуальную свободу, и союзники только обязывались предупреждать друг друга о своих действиях.[1]

Немного странно после вышеприведенной, со слов французских государственных деятелей, оценки поведения римского кабинета,[2] читать в докладе Сазонова о том, что в Италии замечается желание снова сблизиться с Францией, что он объяснил растущим недоверием Италии к австрийской союзнице, интересы которой сталкиваются с итальянскими в Адриатике.[3]

Известной двойственностью отличалось и поведение Италии в отношении России. Уверяя Коковцева в искреннем стремлении римского кабинета к дальнейшему сближению как на почве экономических, так и политических интересов, итальянское правительство не только оправдывало, но и принимало участие во враждебных против России выступлениях на Балканах на стороне держав Тройственного Союза,[4] доходивших до того, что она считала себя обязанной оказывать Австрии вооруженную поддержку в вопросе об Албании и Сербском порте на Адриатическом побережьи. Заключив противоречащие друг другу соглашения с одной стороны с Германией и Австрией, а с другой—с Россией и Францией, итальянское правительство, очевидно, решило жонглировать ими, применяясь к обстановке и к своим личным интересам.[5]

Румыния была с 1900 года объединена с Австрией особой военной конвенцией, направленной против России и Болгарии; в противовес ей в 1902 году была заключена военная конвенция между этими обеими странами. Нападение Болгарии в 1912 году на Сербию, об осуществлении которого так старалась Австрия, было основано между прочим на соглашении венского кабинета с бухарестским о том, что Румыния станет на сторону Болгарии и обеспечит ей тыл. Но это государство показало редчайший случай оппортунизма, пере-

---

[1] Извольский—Сазонову 19 декабря 1913 года (1 января 1914 г.).
[2] То же 7 (20) ноября 1913 года.
[3] Доклад Сазонова о поездке заграницу осенью 1913 года.
[4] Доклад Коковцева от 19 ноября 1913 года.
[5] Извольский—Сазонову 7 (20) ноября 1913 года.

менив втечение десяти дней свою физиономию и обратившись против болгар. Бухарестский мир значительно усилил Румынию за счет Болгарии, но и поставил оба эти государства во враждебные лагери. Болгария, отшатнувшись от России, проявила особо сильное тяготение к Тройственному Союзу, не теряя, впрочем, окончательной связи с Россией, а в Румынии начала приобретать влияние партия, направившая свои империалистические вожделения в сторону принадлежащих Австрии, Трансильвании, Буковины и болгарской Добруджи, что привело ее к сближению с державами Антанты, не теряя связи с Австрией.

С своей стороны, и русское министерство иностранных дел поставило себе задачей включение Румынии в орбиту своего влияния, к чему и приступило с особой энергией, начиная с балканской войны.

Хотя Сазонов и считал,[1] что „работа в этом направлении должна быть столь же постоянной, сколь и осторожной и чуждой излишних увлечений", но он повел ее чрезмерно нервным темпом. Благожелательное отношение к румынским захватам по Бухарестскому миру, пожалование всегда враждебному к России румынскому королю фельдмаршальского жезла, небывалый в анналах великих держав визит императора всероссийского монарху третьестепенного королевства следовали одно за другим втечение года, естественно вскружили голову по природе хвастливому и чванливому правящему классу этого государства и еще более убедили его в выгоде балансирования между двумя группами держав. Опыт второй балканской войны окончательно убедил бухарестское правительство в выгоде оппортунизма à outrance, и оно свято держалось его до осени 1916 года, когда, к несчастью для России, Румыния стала на сторону Тройственного Согласия.

Но наибольшее внимание русского правительства было обращено на формальное сближение с Англией, что можно было достигнуть преобразованием Тройственного Согласия в Тройственный Союз.

Для России этот вопрос представлял особую важность, так как именно она, а не Франция, не могла быть уверена по опыту прошлого в том, что Великобритания своевременно поддержит ее силою оружия, в случае начала войны из-за русских интересов. Поэтому вся зима 1913—1914 годов прошла в неудачной попытке Сазонова добиться союза с Великобританией, к которому английское общественное мнение было еще не подготовлено. Даже вопрос о Трансперсидской железной дороге, в виде прямого пути из Индии в Россию, задерживался „старым англо-индийским духом и духом островной

[1] Доклад Николаю II от 23 ноября 1913 года.

обособленности". [1] Впрочем, такое же отношение встречал к себе и вопрос о проведении туннеля под Ла-Маншем.

Бенкендорф с грустью констатировал в этом отношении „странную слепоту Грея", так как мир всего мира будет обеспечен только тогда, когда Тройственное Согласие („dont l'éxistence réelle n'est pas plus prouvée que celle du Serpent de Mer") преобразуется в оборонительный союз, о котором прокричат газеты всего света. „В этот день,—писал Бенкендорф,—[2] опасность германской гегемонии будет окончательно сокрушена, и каждый из нас сможет спокойно заниматься своими делами—Англия разрешением социальных проблем, Франция обогащением, прикрытая от всех внешних угроз, а мы работой и укреплением нашей экономической реорганизации".

Через несколько дней Бенкендорф, сдерживая торопливость Сазонова, вновь затронул вопрос о союзе. Он сознавался, что два противопоставленных друг другу Тройственных Союза будут рассматриваться, как „cercle de feu qui fera éclater la bombe", (огненный круг, который взорвет бомбу) но ведь нет политики без примеси риска в необходимый момент, и пророчески предупреждал, что в настоящее время англичане подымутся только накануне жестокого кризиса. Сознавая, что и в Англии и в России чувствуется недостаточность соглашения, он настаивал на необходимости подготовить этот шаг, для чего рекомендовал сделать уступки в Персии и Тибете, но особые надежды на сближение возлагал на проведение Трансперсидской дороги. [3]

Вслед за этим Сазонов обратился по тому же вопросу за содействием к Пуанкаре, который должен был при своем свидании с королем Георгом затронуть вопрос о более тесном сближении России и Англии, [4] а Николай II лично высказывал свои пожелания великобританскому послу, сопутствуя их указаниями, что новый случай закрытия Портой проливов для прохода наших торговых судов вызовет с его стороны применение силы. [5]

К весне 1914 года настроение в Англии, однако, изменилось в пользу формального союза с Россией и Францией. Русский представитель в Лондоне доносил, [6] что англичане всех партий видимо отказались от бывшего основного принципа их внешней политики „splendid isolation" („блестящего

---

[1] Бенкендорф—Сазонову 29 января 11 февраля 1914 года.
[2] Бенкендорф—Сазонову 6 (19) февраля 1914 года.
[3] То же от 12 (25) февраля 1914 года.
[4] Сазонов—Извольскому 20 марта 1914 года № 23.
[5] Палеолог в Париж Думергу 18 апреля 1914 года № 154. На ней пометка государя: „Должно быть sir Buchanan сообщил Палеологу мой разговор с ним".
[6] Эттер—Сазонову 9 (22) апреля 1914 года.

уединения") но „дальнейшее развитие и скрепление уз могло бы осуществиться только после новых предварительных обменов взглядов отдельно с Францией и Россией по вопросам, непосредственно касающимся отношений к ним Англии".

Переговоры между Россией и Англией действительно начались первоначально в виде военно-морской конвенции, но, ввиду поднятого ими шума в печати и сильного волнения в Германии, которая предполагала, что они касаются Дарданелл, заглохли за несколько дней до начала третьего балканского кризиса, убийства в Сараево, приведшего к войне. [1]

Впервые вопрос о морском соглашении был затронут Сазоновым при посещении им осенью 1912 года Лондона. Русский министр заявил Грею, что французский флот будет обеспечивать русские интересы на южном театре, и спросил, не может ли Англия оказать одинаковую услугу на севере, оттянув германские эскадры от русского побережья в Балтийском море.

Грей, по словам Сазонова, [2] не колеблясь заявил, что, если бы наступили предусматриваемые обстоятельства, то Англия употребила бы все усилия нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу.

При этом Грей ознакомил Сазонова с существованием между Францией и Англией уговора, в силу которого, в случае войны с Германией, Англия обязалась оказать Франции помощь не только на море, но и на суше путем высадки на материке.

Не безинтересно, однако, отметить взгляд на военную конвенцию с Англией, с которым вступали в переговоры русские морской генеральный штаб и министерство иностранных дел. [3]

Надо иметь в виду, что после уничтожения русского флота в японскую войну эскадра Балтийского моря начинала только возрождаться и далеко не представляла той, не говоря уже мощной, но только активной силы, которая являлась бы ценной данной в борьбе морских сил европейских держав. А между тем требования, которые Россия решила предъявить англичанам, поражают грандиозностью задуманных задач.

В основе морского соглашения с Англией русские ставили, хотя и согласованные, но раздельные действия морских сил обоих государств, при чем решили стремиться получить от Англии „компенсацию" за отвлечение на себя части германского флота.

---

[1] Маркиз С.-Жулиани из Рима—маркизу Карлотти в Петербург 13 июня 1914 года № 3446. II Отд. Гос. Архива.

[2] Доклад Сазонова—Николаю II о поездке его заграницу осенью 1912 года. Приложение № 19.

[3] Протокол Совещания у начальника морского генерального штаба 13 мая 1914 года. II Отд. Гос. Архива. Секр. дела министра.

На северном театре войны требования касались удержания возможно большей части германского флота в Немецком море, что позволило бы предпринять в благоприятном случае десантную операцию в Померании. Но так как в Балтийском море большой недостаток в транспортных средствах, то решили просить англичан „перевести еще до открытия военных действий в наши Балтийские порты такое количество торговых судов, которое восполнило бы наш недостаток в транспортах".

В отношении Средиземного моря проект конвенции требовал от англичан такого усиления в этом море французского флота, которое обеспечило бы преобладание там морских сил Тройственного Согласия над австро-итальянским флотом. В отношении проливов, ввиду щекотливости этого вопроса, предусматривались только временные меры на случай возможных стратегических операций русского флота.

Таковой рисовалась широкая программа операций возрождающегося русского флота, к которой мы более подробно обратимся еще раз в связи с вопросом о проливах. В ней для читателя, как и для автора, вероятно остается только неясным, какие же услуги русского флота англичанам эти последние должны были компенсировать столь большим расходом своих судов в ожидании своего единоборства с германским флотом.

Вскоре начавшаяся война обратила все предположения о союзе и конвенции в реальную силу совершенно неожиданным образом.

Международные осложнения последнего года.

Параллельно с подготовкой великих держав к грядущей войне, в виде усиления их военной мощи и скрепления союзных договоров, последний перед войной год был полон и инцидентами международного характера, которые каждый день могли вылиться в конфликт, грозивший окончиться европейской войной. Все эти недоразумения концентрировались кругом Балканского полуострова и проливов. В общем они вылились в ряд недоразумений между Австрией и Сербией, в назначение в Константинополь германской военной миссии генерала Лимана-фон-Сандерса и в подготовке России к разрешению вопроса о проливах. Все это перепутывалось друг с другом, находилось в тесной взаимной связи и нервировало Европу ежечасным ожиданием общего взрыва.

Балканские дела.

Балканские войны еще сильнее ухудшили взаимные отношения между Австрией и Сербией, поставив последнюю в более выгодное, чем было раньше положение. Венский кабинет обеспечил, по мере возможности, свои интересы искусственным образованием автономной Албании и лишением Сербии выхода к Адриатическому морю, но прямой железнодорожный путь к Салоникам

проходил через вновь приобретенную Сербией территорию и внушал Австрии опасение за пользование этой дорогой в экономическом отношении. Албания и железные дороги являлись двумя очередными объектами австро-сербских недоразумений, не считая коренного, а именно невозможности для Австрии помириться с сильной Сербией, стоявшей на пути к ее выходу к морю.

Но осложнения на Балканах усугублялись и изменившимся внутренним положением двуединой монархии. Последние события на полуострове не остались без влияния на сербское и румынское население, подвластное Австро-Венгрии, среди которого обнаружилось стремление к объединению с своими свободными от чужеземного ига единоплеменниками. Возродившийся в Хорватии порыв к соединению с Сербией заставил венгерское правительство понять, „что более терять времени нельзя, и необходимо немедленно добиться примирения с Хорватией путем уступок". [1] То же было обещано и трансильванским румынам.

В этом поведении австро-венгерского правительства Сазонов усматривал, что оно отдает себе отчет в значении внутренних национальных вопросов с точки зрения его международных интересов и прежде всего в отношении России. С другой стороны, в Австро-Венгрии замечалось растущее тяготение народных симпатий в сторону России, с которой связывались надежды на осуществление в будущем народных идеалов.

„Можно предполагать,—писал Сазонов,—что в недалеком будущем перед Австро-Венгрией станет выбор между двумя путями: или коренное переустройство государственного строя на почве федерализма отдельных народностей, или отчаянная борьба с целью конечного утверждения преобладания германо-венгерского меньшинства над всеми другими народностями империи.

„Колебанием между двумя течениями,—продолжал свой доклад министр иностранных дел,—объясняется нынешняя неустойчивость как внутреннего, так и внешнего положения Австро-Венгрии, что влечет за собой несомненную угрозу общему миру. В известный момент там может, в особенности, если бы Германия была к этому расположена, одержать верх воинственное течение, сторонники которого считали войну единственным выходом из неразрешимых внутренних затруднений".

При таком состоянии Австрии естественно, что каждое осложнение ее с Сербией могло завершиться, как это завершилось и в действительности, войной.

---

[1] Доклад Сазонова Николаю II 7 января 1914 года.

Наиболее сильные вспышки обоюдных недоразумений имели место осенью из-за занятия сербскими войсками нескольких стратегических пунктов на албанской территории и в начале 1914 года на почве управления частью железных дорог на участке, вновь присоединенном к Сербии.

В первом случае Сербия, под влиянием петербургского и парижского кабинетов, решила очистить спорные территории, но Австрия, как бы вызывая Сербию на конфликт, поторопилась предъявить ей резкий ультиматум. В виде „вознаграждения за проявленное Сербией благоразумие".[1] Сазонов хлопотал перед французским правительством о том, чтобы сербский заем получил на парижском рынке скорейшее осуществление.

Но еще более опасным, чем подобные пограничные недоразумения между Австрией и Сербией, являлся железнодорожный вопрос во вновь приобретенной Сербией части Македонии.

Венский кабинет считал абсолютно необходимым обеспечить свободу коммерческих сообщений с Салоникским портом и оградить себя от всякой возможности установления на этом пути дифференциальных тарифов. Поэтому следовало ожидать, что Австрия потребует оставления существующих железных дорог в руках того общества, которое уже владело ими, и большинство акций которого было скуплено австрийцами. С другой стороны, невозможно было отрицать за Сербией, как за суверенным государством, права выкупить проходившую через его территорию дорогу, и было известно, что сербское правительство будет самым энергичным образом отстаивать это свое право.

На подобной почве можно было ожидать очень крупного конфликта между сербами и австрийцами, и правительства Франции и России заблаговременно принимали меры для предотвращения его.[2] Наилучшим способом для этого было признано интернационализирование спорных рельсовых путей, к чему в крайнем случае склонялось и сербское правительство, „мало рассчитывая на деятельную поддержку России и остальных держав тройственного согласия".

Наибольшего напряжения этот вопрос достиг в середине зимы. 1 декабря[3] венский кабинет высказал французскому правительству, что он намерен добиваться гарантий того, чтобы организация коммерческого доступа к Эгейскому морю ставила австрийский экспорт и импорт в безопасность от каких-либо враждебных посягательств. Поэтому австрийское правительство требовало, чтобы линия, соединяющая старую

---

[1] Доклад Сазонова—Николаю II о поездке заграницу осенью 1913 года.
[2] Извольский—Сазонову 10 (23) октября 1913 года.
[3] „Материалы по истории франко-русских отношений", стр. 460.

сербскую территорию с Салониками, и в дальнейшем эксплоатировалась компанией восточных железных дорог, под контролем его агентов. Но так как единственное, по словам ноты, желание Австрии состоит в возможности успешно контролировать строгое применение условий движения в направлении Эгейского моря, то она не отказывается и от принятия предложенной французским правительством формулы финансовой интервенции доступа к Салоникам, но при условии, чтобы была соблюдена желаемая гарантия обеспечения австрийских интересов при движении в направлении Эгейского моря. Во всяком случае венский кабинет полагал, что вопрос о транспорте должен был быть предварительно установлен особой конвенцией между Австрией и Сербией, чего особенно и опасались державы тройственного согласия, так как именно эти непосредственные переговоры были чреваты большими опасностями.

В дело об интернационализации вмешалась Германия, которая воспротивилась интернационализации участка дорог, оставшегося за Турцией, и Италия, которая хотела принять в ней свою долю участия. После длительных переговоров, грозивших осложнениями, наконец, было достигнуто соглашение между заинтересованными сторонами, и кризис еще раз благополучно миновал. [1]

Миссия генерала Сандерса.

Но наиболее опасное положение в отношении сохранения мира было связано с вопросом о германской военной миссии, отправляемой в Константинополь для подготовки турецкой армии, во главе который был поставлен генерал Лиман-фон-Сандерс.

Втечение почти двадцати лет в Турции действовала для обучения армии миссия генерала фон-дер-Гольца, которая не спасла ее от поражений. В 1913 году Германия вновь отправляла в Турцию военную миссию, но на этот раз потребовала, чтобы немецким офицерам были предоставлены командные должности, для чего и был бы образован особый образцовый корпус.

Все это не встретило бы возражения со стороны европейских держав тем более, что турецким флотом командовал английский адмирал, если бы Германия не выбрала для командования своими офицерами корпуса, расположенного в Константинополе. Таким образом, фактически в любую минуту германский генерал мог сделаться распорядителем судьбы столицы оттоманов и проливов, чего, естественно, не могли допустить державы тройственного согласия, и в особенности Россия. [2]

---

[1] Извольский—Сазонову 28 января (10 февраля) 1914 года.

[2] Документы по этому вопросу собраны в цитированных выше „Материалах".

Дело осложнялось еще тем, что оно стало известно державам Согласия почти накануне приезда германских офицеров к месту назначения, что из-за вопроса самолюбия затрудняло Германии возможность пойти назад, хотя она и сознавала свою ошибку.

В деле с миссией Сандерса было заметно наибольшее единение между державами Тройственного Согласия, так как поступок Германии нарушал также интересы Франции и Англии и, кроме того, легко мог повести к европейской войне, но в применении средств к ликвидации конфликта и здесь существовало полное разногласие.

Россия, естественно, относилась к инциденту более нервно и не останавливалась перед намерением прибегнуть к принудительным против Турции мерам, чтобы изменить положение миссии Сандерса; западные державы стояли на более правильной точке зрения, видя центр тяжести разрешения вопроса в Берлине, которому надо было подготовить золотой мост для отступления, чтобы неловким шагом не вызвать упрямства германского правительства, что при напряженном состоянии Европы могло повести к открытому разрыву.

Положение осложнялось еще тем, что весь инцидент стал достоянием прессы, а это еще более затрудняло отступление зарвавшегося берлинского кабинета.

Все это повело к длительным переговорам как держав Тройственного Согласия между собой, так и с Германией и Турцией; умиротворяющая английская точка зрения взяла верх, и для Германии был найден приличный выход, к которому присоединилась не без давления своих союзников и Россия.

Генерал Сандерс был произведен в германские генерал-от-инфантерии и в турецкие маршалы и, как таковой, должен был оставить командование столичным корпусом, официально сохранив за собой лишь пост инспектора турецкой армии. На этот раз мир был сохранен, но навряд ли здесь было при чем-нибудь германское миролюбие. В данном случае Вильгельм не мог свалить повода войны на других, а, кроме того, у него не могло быть сомнения в том, что Англия при разрыве в данной обстановке, несомненно, станет в число воюющих.

Последний этап ближне-восточной политики России

Балканские войны 1912—1913 годов с их неожиданными результатами, открыто выявившиеся империалистические стремления Болгарии, приближение Греции к проливам, неразрешенные задачи между Австрией и Сербией и ясно выявленное Германией намерение стать полным хозяином в Константинополе при выяснившейся неспособности Турции к самозащите, поставили вопрос о разрешении ближне-восточной проблемы в новую плоскость. Маккиавелистические подходы

и искание удобного „случая", отличавшие деятельность русской дипломатии в вопросе о проливах в 1908 и в 1911 г.г., при данной обстановке были еще более неуместны, и для русского правительства настало время определенно поставить вопрос об отношении его к назревшей константинопольской проблеме. Сазонову принадлежит заслуга не только в требовании от верховной власти категорического в этом отношении решения, но, и впервые за многие десятилетия, в указании, что нельзя вести политику обширной страны без строго обдуманного и предначертанного плана, обнимающего не только завтрашний день.

23 ноября 1913 года Сазонов вошел к Николаю II с длинным докладом,[1] который дает не только картину сложившейся обстановки, а представляет вместе с вызванными этим докладом работами самую беспощадную критику русской внешней политики, разумея под ней как дипломатию, так отчасти и военную подготовку.

Исходя из заключения, что долговечность турецкого владычества подвержена серьезному сомнению и что все без исключения великие державы учитывают уже теперь возможность окончательного распадения Оттоманской империи и готовятся заблаговременно обеспечить свои права и интересы в Малой Азии, Сазонов, естественно, задается мыслью о необходимости и для России заняться этим же вопросом.

Отсюда мысль его, вполне понятно, перебрасывается на разрешение исторической проблемы о проливах, и он высказывает справедливую истину, что „на спорных базах нельзя обосновывать направление внешней политики в столь первостепенной важности вопросе".

С своей стороны, автор доклада выдвигает несколько основных положений.

1. В случае изменения существовавшего в Константинополе положения, Россия не могла допустить разрешения вопроса вопреки своим интересам, т.-е. не могла оставаться безучастной зрительницей событий.

2. Вопрос об охране проливов разрешался при существовании Турции довольно удовлетворительно для русских интересов, так как это государство было не слишком слабым, чтобы не иметь сил защитить проливы, и не слишком сильным, чтобы угрожать России.

3. Отдавать проливы в полновластное обладание другого государства для России является невозможным, так как это значило бы полное подчинение всего юга России этому государству, которое всегда приобретет силу великой державы. „Кто владеет проливами,—пояснял свою мысль Сазонов,—тот получит в свои руки не только ключи морей Черного и Среди-

[1] Приложение № 26.

земного, но будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах". Из дальнейшего же изложения доклада видно, что Сазонов более всего боялся захвата проливов Болгарией.

Таким образом, русский министр ясно сознавал мировое значение обладания проливами, и приходится только удивляться, что в 1911 году он подходил к разрешению этого вопроса с такими легковесными средствами.

Далее Сазонов переходил в своем докладе к оценке положения для борьбы за проливы в военном отношении и рисовал весьма грустную картину.

„Тридцать лет,—писал он,—существует Черноморский флот, и шестьдесят лет тому назад началось на Черном море торговое пароходное движение. Оба начинания были связаны с возможностью утверждения наших интересов на проливах, для чего были истрачены сотни миллионов рублей. Но когда в 1895 году был поставлен вопрос о временном занятии нашими войсками Константинополя в связи с армянскими избиениями, то от этого плана пришлось отказаться по недостатку транспортных средств и по несовершенству сухопутной мобилизации.

„С тех пор прошло 18 лет. Попрежнему тратятся многие сотни миллионов, и попрежнему мы ни на шаг не подвинулись к цели. Строятся военные суда, отпускаются ежегодные крупные субсидии на поддержание торгового мореходства, но когда заходит речь о желательности той или иной крупной десантной операции, то правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить". И, действительно, когда в 1912 году зашла речь о возможном движении русских войск на Константинополь, то выяснилось, что втечение двух месяцев можно постепенно перевезти два корпуса, при чем приготовления по мобилизации транспортных судов заняли бы столько времени, что операция не могла явиться неожиданной.

С тех пор положение еще более ухудшилось, так как Турция грозила сделаться сильнее России на Черном море.

„Россия не может мириться,—восклицал Сазонов,—с морским превосходством Турции в Черном море в настоящее время и оставаться безучастной к решению вопроса о проливах в будущем. Государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению и... эта подготовка не может не носить характера всесторонней планомерной программы привлечением к работе различных ведомств". Таким образом, чуть ли не в первый раз русский министр иностранных дел ставит вопрос об определенной постановке политической задачи и о совместной всем правительством разработке плана ее выполнения.

Далее Сазонов ставит ряд конкретных вопросов и требуемых мероприятий, а именно:

1) что может быть предпринято для усиления нашей военной и морской мощи на Черном море;

2) какие задачи могут быть намечены и в какое приблизительно время;

3) возможно ли поставить в качестве задания нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя.

В отношении необходимых мероприятий министр иностранных дел намечал:

1) ускорение мобилизации дессантного корпуса;

2) оборудование потребных для этого путей сообщения;

3) приведение Черноморского флота в положение, при котором он превосходил бы силы турецкого флота и мог бы совместно с армией выполнить задачу прорыва через Проливы;

4) увеличение наших транспортных средств до размеров, отвечающих потребностям дессантной операции, и

5) постройку перевальной железной дороги на Кавказе.

Оригинальны мотивы, которые заставляли Сазонова особенно интересоваться этой дорогой.

„Министерству иностранных дел приходилось до сих пор напрягать значительные усилия чтобы по возможности отсрочить постройку Турцией железных дорог в соседстве с нашей границей. На долю русской дипломатии выпадает неблагодарная задача отстаивать концессии на бездорожье в то время, как все другие великие державы наперерыв предлагают Турции свои услуги по проведению и усовершенствованию путей сообщения". Все это вызывалось необходимостью не дать туркам превзойти нас в быстроте сосредоточения войск на Кавказской границе. Усиление же рельсовой сети на Кавказе не только уравнивало наше положение с турками, но богатая сеть турецких дорог была бы гораздо более „средством нашего проникновения в Турцию, чем орудием турецкого нашествия на Кавказ".

Далее Сазонов рисует ту политическую обстановку, в которой, быть может, придется прибегнуть к решительным действиям. Вновь повторяя положение о возможно длительном поддержании statu quo, высказывал мнение, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке обще-европейских осложнений. Последние застали бы Россию в союзе с Францией и возможном, но далеко не обеспеченном союзе с Англией или же доброжелательном нейтралитете этой последней. На Балканах можно рассчитывать на Сербию, а может быть, и на Румынию; отсюда для русской дипломатии выяснилась новая задача—создать условия для возможно большего сближения с Румынией. В отношении Болгарии Сазонов не терял надежды сплотить ее с Сербией, так как только

при этом условии каждая из них может ставить себе дальнейшие национальные идеалы.

„Заглядывая вперед,—кончает Сазонов,—приходится ставить себе задачи не на один сегодняшний или завтрашний день, чтобы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением без твердого руля, направляющего его путь".

Министр просил разрешения подвергнуть все эти вопросы обсуждению особого совещания, на что и получил резолюцию „согласен". На приложенной же к докладу телеграмме об ожидаемом усилении турецкого флота государь написал: „продолжаю считать первейшим условием спокойного развития юга России безусловное преобладание ее Черноморского флота над турецким. Поэтому нам предстоит необходимость чрезвычайных усилий для достижения и в будущем этого преобладания на Черном море".[1]

Вообще в последнюю перед войной зиму вопрос о проливах особенно всколыхнул русские правящие сферы, и вслед за приведенным выше докладом Сазонова в архивах министерства иностранных дел появились проекты и предположения о захвате проливов, не исключая и проекта морского генерального штаба. Я не утруждаю читателя изложением проектов по причинам некоторой фантастичности их и ограничусь цитированием записки морского агента в Константинополе Щеглова, разбирающей возникшие предположения и оценивающей вопрос о проливах с более широкой, а по моему мнению, и с более жизненной точки зрения.[2]

Предлагаемый проект овладения проливами сводился, во-первых, к захвату не только Босфора, но и Дарданелльского пролива; во-вторых, к образованию в Средиземном море русской эскадры, для чего рекомендовалось перевести туда из Балтийского моря достраивающуюся эскадру дредноутов, „присутствие которых не является необходимостью для обороны Балтийского побережья и столицы", и в третьих, употребление этой эскадры в виде заслона со стороны Средиземного моря при форсировании проливов Черноморским флотом.

Автор записки являлся суровым критиком всех пунктов этого проекта.

Вывод дредноутов из Балтийского моря нарушал все планы обороны и безопасность столицы.

Основная идея этих планов состояла в перенесении операционной базы из Кронштадта в Ревель и в сооружении в Ревеле и в Финляндии у Поркаллауда укреплений, огнем

---

[1] 27 ноября 1913 года, II Отд. Гос. Архива.

[2] Записка относится к декабрю 1913 года и хранится во II Отд. Гос. Архива. Картон: доклады 1913 года.

которых перекрывалась бы узкая здесь часть Финского залива. Эта морская позиция должна быть усилена постановкой минных заграждений, а впереди ее, в Моонзунде и в Абоских шхерах подготовлялись станции для миноносцев и подводных лодок, чтобы беспокоить с тыла противника, который попытается прорваться в Финский залив. При таких условиях проектируемая слабая эскадра Балтийского моря, пользуясь выгодными условиями местности, легко выполнила бы свою основную задачу прикрытия столицы, не требуя непомерных расходов для состязания в морском вооружении с Германией. Вывод дредноутов нарушал цельность обороны и ставил столицу в беззащитное от немецкого флота положение.

„За оголение Балтийского моря, писал автор записки,— выводом из него дредноутов, Германия еще раз будет нам признательна, так как такой приятный для нее опыт Россия уже сделала в 1903 году, выведя из Балтийского моря все наши корабли, предназначенные для этого моря, и послав их в Тихий океан... С выводом дредноутов мы, обессиленные, окажемся и в мирное время в унизительном и зависимом от Германии положении. Она опять будет заставлять нас подписывать невыгодные для России таможенные договоры и диктовать ей свои политические веяния".

Переходя к целесообразности вообще создания Средиземной эскадры, которая мотивировалась нанесением Турции, в случае осложнения с ней, весьма чувствительного удара и оттяжкой ее морских сил из Черного моря, а также задачей стать заслоном перед Дарданеллами против возможности вмешательства с запада, автор характеризовал подобное предложение, как „весьма опасную политическую и военную авантюру".

Он вопрос о проливах подразделял в отношении обладания ими Россией на две цели. Первая, экономическая, обеспечения торговых путей из Черного моря в Средиземное, по которым проходил русский вывоз до 600 миллионов рублей в год, имела, действительно, громадное значение для России; вторая цель, политического характера, высылка флота через проливы в Средиземное море, такого жизненного значения не имела. В то время, как последняя цель требовала захвата Россией обоих проливов одновременно, ее экономические задачи вполне удовлетворялись только захватом Босфора.

До Александра III включительно так именно и понималась эта цель, и к ней готовились.

Овладеть одним Босфорским проливом было легче не только в военном, но и в политическом отношении, так как „все понимали, что к этому Россию побуждает насущная потребность, не представляющая в то же время значительной угрозы для Европы и мало изменяющая равновесие". Попытка же овладеть Дарданелльским проливом явится таким

актом, против которого вся Европа единодушно восстанет, так как перспектива иметь в Средиземном море русский флот, опирающийся на проливы, знаменует изменение всей военно-политической обстановки и вызовет со стороны всех держав новые громадные финансовые расходы для уравновешения там новой силы.

Автор совершенно основательно предвидел, что пока Франции и Англии полезен наш флот в Средиземном море для выполнения их задач, они охотно рекомендуют России перевод его из Балтийского моря и даже предлагают базироваться на Бизерту; но как только Россия попробовала бы использовать эскадру для собственных целей, то Англия и Франция стали бы в ряды врагов и поставили бы Средиземную эскадру в самое критическое положение.

Франция вложила в различные предприятия Турции свыше $2^1/_2$ миллиардов франков и продолжает получать грандиозные концессии на железные дороги в Малой Азии. Она идет с Россией рука об руку в делах Ближнего Востока, пока ей это выгодно, но независимой русской политики и усиления положения там России она не желает, что, прибавлю от себя, подтверждается всей ее финансовой политикой в Турции.

То же самое автор записки говорит и об Англии. „Как только в декабре 1912 года, после грандиозного поражения турок, появилось опасение, что им придется уйти в Малую Азию, и что ключи от проливов выпадут из их рук, у Грея явилась мысль поощрять усиление греческого флота и передать Греции острова, замыкающие Дарданеллы".

„Восемнадцать лет тому назад,—кончал автор,—цель захвата Босфора пронизывала и одушевляла всю деятельность Черноморского флота. Но постепенно эта ясная историческая цель и подготовка начали тускнеть и, наконец, и вовсе поблекли. В настоящее время Россия утрачивает свое господство на Черном море, которое на несколько лет переходит к Турции, и из которого Турция не замедлит извлечь все политические и стратегические выгоды".

Таков был анализ проблемы о проливах, сделанный не профессиональным дипломатом и дающий определенный ответ на вопрос, поставленный в докладе Сазонова.

Вслед за этим состоялось два „Особых Совещания" по вопросу о мерах военного воздействия на Турцию в связи с делом германской миссии Сандерса и по подготовке к разрешению проблемы о проливах. Но читатель напрасно будет искать в работах Особых Совещаний хоть намека на определенно поставленный Сазоновым вопрос о цели, которую Россия преследует в отношении проливов, и об определенном плане, предусмотренном на много лет вперед. Протоколы обоих совещаний, очень длинные и настолько путанные, что их трудно резюмировать, совершенно не дают ответа на ожидаемый вопрос.

Особое Совещание 31-го декабря 1913 года [1] было посвящено частному случаю борьбы с назначением генерала Сандерса в Константинополь и сводилось к изысканию мер принуждения Турции отказаться от той роли, которая предназначалась немецким офицерам. Не касаясь подробностей всех рассуждений, сводившихся к повторению общих мест, во всем совещании можно отметить только следующие существенные указания:

1. Военный министр и начальник генерального штаба категорически заявили о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией. При таких условиях, казалось бы, сомнения в быстрой победе объединенных России, Франции и Англии над двумя центральными державами и быть не могло; подобное убеждение, естественно, давало сильную опору министру иностранных дел семь месяцев спустя для принятия определенного решения в кризисе, который привел к войне.

2. Максимальная мера принуждения Турции сводилась к занятию одного из пунктов ее территории в Малой Азии, при чем забывалось, что такая мера никогда не приводила к положительным результатам, но почти всегда к войне в невыгодной для начинающей стороны политической обстановке, и, наконец, самое существенное.

3. В случае необеспеченности активного участия Франции и Англии в совместных с Россией действиях, не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией. Таким образом, Россия оказалась всецело в руках англо-французской политики и могла защищать свои жизненные интересы,—а завладение Константинополем немцами затрагивало именно такие,—только теми способами и постольку, поскольку это соответствовало интересам ее западных союзников. К таким печальным для России результатам привели двадцатилетний союз с Францией и семилетнее соглашение с Англией.

На поставленный Сазоновым вопрос собственно должно было бы ответить специально собранное Совещание по этому поводу 8-го февраля 1914 года, [2] но и оно этого ответа не дало.

В своем вступительном слове Сазонов, повторяя те же мотивы, которые были приведены в его докладе, ставил Совещанию широкую задачу „выработки всесторонней программы действий, направленных к обеспечению благоприятного нам разрешения исторического вопроса о проливах". „Россия,—говорил дальше докладчик,—не может допустить укрепления на их берегах какой-нибудь другой державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими, чтобы затем устано-

[1] Протокол помещен в „Вестнике Народного Комиссариата Иностранных Дел" № 1.

[2] Помещено в том же сборнике.

вить соответствующий ее интересам порядок вещей на Босфоре и в Дарданеллах".

Впрочем уже во время самой войны Сазонов дал по этому вопросу более конкретные указания.

„Целью нашего утверждения на проливах,—писал он послу в Париже, [1]—является исключительное обеспечение для России выхода в свободное море как в мирное, так и в военное время. Только прочное основание наше в проливах может служить гарантией того, что мы будем в состоянии отразить всякую попытку запереть нас в Черном море. Никаких земельных приращений ради увеличения территории мы не ищем и стремимся определить минимум земель, необходимый для намеченной цели. На европейском берегу линия Энос-Мидия должна служить границей между нами и Болгарией, на азиатском пограничная линия должна примерно итти по р. Сакарии. Кроме того, наше положение должно быть обеспечено со стороны южного берега Мраморного моря".

Но такие вожделения были открыто высказаны уже после начала войны.

Из вступительных слов доклада Сазонова 8-го февраля 1914 года можно как будто вывести заключение и о поставленной цели, которая сводилась к задаче быстрого временного завладения обоими проливами, как залогом для будущего решения вопроса о них в нашу пользу.

В дальнейшем узел дебатов в совещании сконцентрировался на споре между сухопутным и морским генеральными штабами об оперативных предпосылках по вопросу о завладении проливами.

Начальник сухопутного штаба, определяя минимальное количество войск, необходимых для десантной операции в проливы в четыре корпуса, считал возможным выделить их только в том случае, если эта экспедиция не будет связана с европейской войной. В этом же последнем случае все наши силы мы должны направить на запад против Германии и Австрии, так как с победой на этом театре к нам придут благоприятные решения и всех частных вопросов. Обеспечение же Константинополя от захвата третьими державами должно „составить особую задачу нашей политики".

Представитель морского штаба стоял на иной, более практичной точке зрения. Он исходил из заключения, что обладание проливами не зависит только от Австрии и Германии, и успешная война этих держав не даст нам проливов и Константинополя, которые одновременно должны быть заняты нами военной силой, чтобы к моменту мирных переговоров создать свершившийся факт нашего завладения ими.

---

[1] Дипломатическая сводка от 21 февраля 1914 года. II Отд. Гос. Архива Дела диплом. канц. Ставки.

Проповедуемая морским штабом азбучная истина, определенно выявленная таким практическим стратегом, как Мольтке, еще в 1859 году, надо полагать, была отвергнута больше всего под влиянием франко-русской военной конвенции, требовавшей сосредоточения максимальной силы русских войск против Германии и уверявшей, что разгром этой последней облегчит разрешение всех боевых задач.

Интересно сопоставить с этим мнение тех же французов, когда с шумом и громом они готовили в 1915 году дарданелльскую операцию и считали себя хозяевами Константинополя, т.-е. тогда, когда Россия сыграла уже главное действие своей неблагодарной роли быть пушечным мясом для спасения Парижа. По донесениям русского посла при французском правительстве,[1] отсутствие сведений об участии России в дарданелльской операции отодвигает в глазах Франции ее роль и интересы в Константинополе на задний план.

Но этот спор имел в действительности академический характер, так как фактически русское морское ведомство не располагало достаточными транспортными средствами для производства необходимого десанта. Оно могло собрать таковые для переброски в один рейс не более 20 тыс. человек, т.-е. одной дивизии; подготовка транспортов требовала не менее 12 дней, что лишало операцию выгоды внезапности; второй же эшелон можно было посадить на суда только через неделю после отправления первого рейса. Если мы прибавим к этому, что перевес во флоте с осени 1913 года перешел к туркам, благодаря, между прочим, построенному в Англии дредноуту „Решад V“ и купленному при помощи займов у парижских банкиров дредноуту „Рио-Жанейро“, то увидим, на какой ничтожной военной базе были построены планы русской дипломатии относительно проливов, которые дразнили общественное мнение Европы и вызывали всеобщую к России подозрительность, не давая ей ничего существенного.

Интересно и заключение Особого Совещания, призванного для решения столь важного государственного вопроса. Оно сводилось к следующим шести пунктам:

1. Содержать корпус, предназначенный в первый рейс десанта, в 84-рядном составе.
2. Иметь артиллерию в усиленной запряжке.
3. Усилить транспортные средства в Черном море.
4. Изыскать средства для переброски головного корпуса к проливам через 4—5 дней после отдачи приказа.
5. Усилить Черноморский флот второй бригадой мощных дредноутов.
6. Усилить рельсовую сеть на Кавказе.

---

[1] Дипломатическая сводка 21 февраля 1915 года. II Отд. Гос. Архива. Дела дипломатической канцелярии Ставки.

„Всецело одобряю заключение совещания“,—пометил на нем Николай II 23-го марта 1914 года.

Если мы проследим все то, что втечение последнего царствования было сделано для разрешения проблемы о проливах, и если, как подобает историку, отнесемся с полным уважением к государственным деятелям той эпохи, т.-е. откинем вероятность их нелогичных поступков, то имеем полное право сказать, что Россию напрасно обвиняли в желании завладеть проливами. На пространстве последних пятидесяти лет мы для этого не видим ни серьезных дипломатических ни таких же военных предпосылок.

Извольский и Сазонов рассчитывали, что „случай“ поднесет им проливы и в ожидании этого случая совершенно подчинили свою политику Англии и Франции.

Влияние некоторых черт внутренней политики на подготовку к войне.

В моих очерках подготовки России к мировой войне я затрагиваю последовательно отдельные элементы этого сложного и ответственного акта деятельности правящих сфер бывшей российской империи и в настоящем труде касаюсь исключительно внешне-политического элемента. Ни внутренняя политика ни экономическая жизнь страны не входят в программу предлагаемого читателям труда, так как они потребовали бы и соответственного углубления в архивные материалы. Но один из элементов внутренней политики более, чем другие соприкасался с международными отношениями, почему о нем и приходится здесь упомянуть. Это касается линии поведения, установленной относительно национальных меньшинств, населявших почти сплошной массой приграничные полосы, долженствовавшие сделаться театром грядущей войны.

Внутренняя политика русского правительства за последнее десятилетие перед мировой катастрофой определялась, по словам доклада члена государственного совета барона Розена,[1] „узко воинствующим национализмом известных кругов русского общества и натиском беспросветной реакции“.

Чрезмерно реакционный оттенок внутренняя политика России приобрела после потрясшей основы империи революции 1905 года и вынужденного созыва в 1906 году государственной думы. С 1907 года власть фактически перешла в руки выдвинувшегося своей энергией на первое место председателя совета министров Столыпина, и возглавляемая им реакция, шедшая под лозунгом первоначального успокоения, а потом реформ, носила определенный и планомерный характер.

---

[1] Его доклад в государственном совете в начале 1914 года (см. записку Гирса Сазонову 3 марта 1914 года, хранящуюся во II Отд. Гос. Архива. Картон: Доклады 1914 года).

Смерть Столыпина не изменила реакционного направления русской политики. Она лишила ее только твердой дирижерской палочки, которая перешла в руки имевшей влияние в высших сферах группы заправил „Союза русского народа" и других безответственных лиц, поведших ее в том направлении и в тех размерах, когда „вся Россия чувствовала и переживала какую-то напряженность мысли и забот, усиливающуюся, благодаря кризисам в лоне правительства и в деятельности законодательных учреждений". [1]

Русское общество естественно волновалось, чувствуя себя на вулкане внутренних событий, и оппозиция сильно разрасталась не только в ширину, но и в глубину, захватывая такие консервативные основы, как государственный совет и высшее правительство, не говоря уже об общественных кругах столицы и провинции.

Но одновременно с общерусским реакционным гнетом замечался особый гнет и в отношении народностей нерусского происхождения.

Девятнадцатый век отличался в этом отношении в смысле обособленного положения поляков, против которых были приняты, под влиянием событий 1831 и 1863 годов, особые меры притеснения. Прибалтийские немцы, финляндцы и кавказские племена пользовались, напротив, особым покровительством высших правящих сфер.

В последнее царствование политика обрусения перекинулась и на Финляндию, при чем в 1907 и в 1908 годах дело дошло до того, что были приняты меры военной предосторожности и подготовки для нового завоевания этой провинции. Развитие революционного движения на Кавказе и в соседних с ним провинциях Персии и Азиатской Турции заставило русское правительство принять меры воздействия и на этой границе. Сазонов в разговоре в 1910 году с Вильгельмом определенно заявил ему, что России не страшна пропаганда панисламизма, но что она не может допустить развития среди мусульманских народностей революционных идей. Между тем, выдвижение в критическую минуту на арену международной политики мусульманского мира входило, в виде одной из отправных данных, в предположения германского императора. [2]

Все это привело к тому, что на западной, финляндской и малоазиатской границах, покрытых сплошным инородческим населением, велась под давлением части общественного мнения домашняя война именно с теми народностями, которым, в случае внешней войны, приходилось бы первым принять на себя натиск врага.

Такое положение, совместно с опасностью, угрожавшей России со стороны центральных держав, рисовавшейся рус-

---

[1] II Отд. Гос. Арх.

[2] См. главу 4. Разговор Вильгельма с генералом Хелиус.

скому обществу в виде „железного кольца, в которое Германия планомерно заковывала Россию“,[1] сильно его смущало и нашло отклик в двух докладах Сазонова Николаю II.

Оба они относились пока исключительно к Польше и являются как бы прологом к тому воззванию к полякам, которым началась мировая война.

В первом докладе, относящемся к осени 1913 года,[2] Сазонов воспользовался дебатами в государственном совете о введении местного языка в делопроизводстве городских установлений царства польского, чтобы предостеречь верховную власть от вреда узко-национальной политики.

„За время недавно пережитого нами в связи с балканскими событиями острого кризиса,—писал министр иностранных дел,—в Австро-Венгрии стремились использовать враждебное к России отношение поляков, которые, за невозможностью восстановить свою былую независимость, нашли в одной только двуединой монархии условия существования, до известной степени их удовлетворяющие... Поляки, при услужливой помощи со стороны последней, стали готовиться к тому, чтобы, пополняя ряды австрийских войск, одновременно создать нам новые затруднения поднятием мятежа в наших польских губерниях в случае, если бы возгорелась война. Такому обороту дела отчасти способствовало заметное среди поляков раздражение, вызванное некоторыми мероприятиями русской правительственной власти за последнее время“.

Свой доклад Сазонов кончал выражением мнения о желательности „избегать необоснованных действительной необходимостью новых поводов к недовольству, толкающему поляков в объятия наших зарубежных врагов“. „Тем более,—писал Сазонов,—что чем меньше будет у поляков в России поводов к жалобам, тем менее они будут вымещать испытываемое ими чувство обиды на несчастных наших сородичах в Галиции“.

В этом последнем русский министр оказался, как показывает настоящая действительность, плохим пророком. Более твердый доклад Сазонова по тому же вопросу относится к началу 1914 года.[3] Указывая на существование в Австрии сильной военной партии, которая исключительно опирается на наиболее мощную из всех народностей—польскую, он горячо убеждает Николая II пойти на расширение прав поляков и „установить единую последовательную политику в области национальных вопросов у себя дома и за рубежом“.

„Для нас настало время,—продолжал Сазонов,—пересмотреть вопрос о том, в какой мере могут быть постепенно удовле-

---

[1] Доклад Розена.
[2] От 16 ноября 1913 года. Там же.
[3] Доклад Николаю II от 7 января 1914 года. Там же.

творены разумные желания польского общества с тем, чтобы одобренное решение проводилось на местах без уклонений, способных их скомпрометировать".

„Цель эта, — кончал министр,—заключается в служении великодержавным задачам России, которые не могут получить должного осуществления в пределах узкого и близорукого национализма, который никогда не встречал сочувствия вашего императорского величества".

Трудно сказать воздействовал ли бы голос министра, выражающий мнение большинства русских людей, без каких-либо внешних или внутренних потрясений, которые сплошной тучей окружили русскую государственность, и было только неизвестно, разразится ли первоначально гром внешней или внутренней катастрофы. Мировая война временно предупредила тот революционный взрыв, к которому Россия шла верными шагами.

Начало третьего балканского кризиса.

В то время, когда все вопросы международной политики, волновавшие Европу в течение зимы 1913—1914 годов, затихли, когда, казалось бы, наступило некоторое умиротворение и на Балканском полуострове, когда Сазонов делал успокоительное сообщение членам Государственной Думы, а Пуанкаре собирался в объезд монархов северных дворов, начиная с России, Австро-Венгрия сделала очередной вызов Сербии.

Назначение маневров в Боснии и Герцоговине, сопровождавшихся торжественным въездом воинственного наследника престола Франца-Фердинанда в Сараево, иначе, как игрой с огнем в пороховом погребе, нельзя и назвать.

Все это кончилось убийством 28 июня Франца-Фердинанда в Сараеве, вызвавшим неприемлемый для Сербии, как самостоятельного государства, ультиматум со стороны Австрии, а затем. непримиримое поведение обеих центральных держав и начало 1-го августа войны Тройственного Союза против Антанты. Все это не входит в программу предлагаемого труда, и я закончу мое повествование интересным в истории франко-русских отношений документом.

„Военный министр,—доносил наш агент в Париже еще до объявления Германией войны, [1]—просил меня подтвердить надежду французского генерального штаба, что все наши усилия будут направлены против Германии, и что Австрия будет признаваться „ничтожной величиной" (quantité négligeable). Через сутки он же предупреждал, что наиболее желательным для французов направлением нашего удара продолжает оставаться Варшава—Позен.

---

[1] Телеграмма от 31 июля и 1 августа 1914 года. „Материалы", стр. 522 и 524.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Перед глазами читателя прошел краткий обзор главных этапов внешней политической жизни России за девятнадцатое столетие и в более подробном виде международные сношения ее, непосредственно связанные с периодом подготовки к мировой войне.

Нельзя не видеть в этом цикле событий, охватывающем целое столетие (1815—1914 года), преемственной связи и тех традиций, которые последовательно передавались русской дипломатии от вдохновителя идеи Священного Союза через фанатично преданного его заветам блюстителя этого Союза и включительно до политики последнего десятилетия перед мировой войной. К сожалению среди лиц, проводивших в жизнь эту политику, мы не увидим последователей широкого анализа Поццо-ди-Борго, но фигуры русских дипломатов более узкого масштаба встречаются в упрощенном виде на фоне русской дипломатии и в начале двадцатого столетия.

За истекший вековой период наибольшая активность России в отношении ее внешней политики проявлялась во вторую четверть девятнадцатого столетия, связанную с царствованием Николая I, и в начале XIX столетия. Александр I после Венского конгресса, видимо уклонился от активной политической роли, постепенно передав ее в руки Меттерниха; Александр II более сосредоточил свою энергию на внутренних реформах, выступая на арене политической жизни Европы только эпизодически, и, наконец, Александр III за свое короткое царствование мало выявил с этой стороны свой облик, выказывая впрочем зачатки сосредоточения своей деятельности исключительно на защите „русских“ интересов.

Следует, однако, отметить существенную разницу в характере направления политической жизни России при Николае I и в последнее перед войной время. Фигура Николая Павловича, воплощавшая в себе идею самодержца „милостью божьею“, была единственным руководителем внешней политики обширной империи, и потому отправные точки этой политики вылились в ясную и неизменную форму: министерство иностранных дел было при нем только слепым

исполнителем. Направление внешней политики при Николае II носило совершенно иной характер. Являясь производной от желаний царя, его часто менявшихся министров и весьма многих близких ему людей, она трудно поддается точной формулировке.

Венский конгресс оставил Европе в наследство несколько решений, которые, несомненно, влияли на дальнейшее направление ее политической жизни.

Сюда относятся: 1) желание уничтожить следы французской революции не только материальные, но и идейные; 2) желание умалить виновницу происшедшего—Францию; 3) изменение границ великих держав за счет мелких народностей, совершенно не считаясь с их жизненными интересами; 4) образование в центре Европы многочисленных немецких государств, естественно тяготевших к Австрии и отчасти к Пруссии, и 5) образование, в виде охраны установленного порядка, Священного Союза.

России предстояло определить линию ее дальнейшего поведения—стать ли в будущем на защиту исключительно своих собственных интересов или же взять на себя неблагодарную роль защиты постановлений Венского конгресса. Она выбрала последнюю роль, став во главе своего рода Лиги Наций того времени и с такой же неблагодарной ролью. И действительно, вплоть до воцарения Николая I мы присутствуем только при охранении ею начал Венского конгресса, хотя русской дипломатии уже в то время не удалось избежать подозрения в тайных замыслах против Турции.

Эта забота об европейских интересах и о сохранении statu quo в Европе встречает отклики на протяжении всего столетия вплоть до мировой войны.

Николай I, приняв на себя роль блюстителя основ Священного Союза, выдвинул параллельно с этим и интересы национальной политики. Как в том, так и в другом вопросе выявилась присущая этому императору определенность в постановке цели и твердость в проведении ее до конца.

В отношении европейской политики он стал на страже легитимизма и консерватизма, объявив себя открытым врагом не только всякого революционного движения, но и либеральных веяний, и суровая рука русского самодержца чувствовалась на всем континенте. Оплот консерватизма и борьбы с революционным движением он искал в объединении трех мощных монархий, а в особенности России и Австрии и для достижения такого объединения не останавливался перед большими жертвами чисто „русскими“ интересами. И эта отличительная черта политики петербургского двора докатилась вплоть до мировой войны; письма Франца-Иосифа к Николаю I и Николаю II имели одну и ту же традиционную фразу на счет борьбы с революцией и всегда произво-

дили определенное впечатление при Николае I и не оставались без влияния на его правнука.

Следствием такой политики было не только сохранение, но и укрепление Австрии с ненормальным засилием немецко-венгерских меньшинств над преобладающим в большинстве славянским населением и образование мощной Германской империи в ущерб естественной союзницы России—Франции. И оба эти государства, развившиеся на фундаменте односторонней политики Петербурга, оказались в мировой войне во враждебном нам лагере.

Но, если Австрия, как то правильно сознавал Франц-Иосиф, сталкивалась своими жизненными интересами с Россией, и обе эти державы самой судьбой были предназначены стоять в противоположных лагерях, то таких непримиримых разногласий между Россией и Германией не было, и все те выгоды, которые получила Германия от России, и невыгоды, причитающиеся на долю этой последней, являются результатами недостаточного анализа и недостаточного предвидения петербургского кабинета в связи с другими предвходящими обстоятельствами.

Разрыв с Австрией последовал в 1854 году при первом серьезном столкновении интересов обеих монархий; разрыв с Германией был вызван этой последней, был неожидан для нее, и последующие события вплоть до мировой войны не делали невозможным новое сближение России с монархией Гогенцоллернов.

Таким образом, эта руководящая нить русской политики девятнадцатого века, союз трех монархов, не послужила на пользу России, которая, однако, не освободилась окончательно от его цепей вплоть до мировой войны, хотя официально и порвала с ним в 1887 году.

Борьба за отвлеченную идею легитимизма и война не на жизнь, а на смерть, объявленная революционному движению, имели своим последствием вражду между Россией и Францией или, вернее, между петербургским и парижским кабинетами, несмотря на то, что обе страны сознавали естественную необходимость единения для уравновешения значения немецких империй. Официальное сближение между двумя странами началось только с 1887 года, когда Россия порвала с немецкими державами.

Наследие Священного Союза в отношении борьбы с революционным движением народных масс принесло для России наиболее плачевные результаты. Борьба двух начал кончилась естественным поражением нежизненного тормаза реакции, и первоначально 1830 год, а впоследствии 1848, указали всю несбыточность поставленной себе Россией задачи охранительницы устаревших устоев, в результате чего в 1854 году она оказалась изолированной перед лицом всех держав, имея,

сверх того, враждебно настроенное по отношению к ней общественное мнение всей Европы. Данное Николаем I в этом отношении направление русской политике не покидало ее и в двадцатом столетии, когда был изменен не охранительно-монархический характер ее, а были приняты средства, столь не соответствовавшие жесткой ясно выраженной программе Николая I.

В отношении чисто „русских" интересов этот государь поставил себе одну определенную задачу—искания свободного выхода из Черного моря, и при нем Восточный вопрос стал доминирующим в жизни Европы, также вооружившим последнюю против Николая I, как и его реакционная политика. Но и здесь чувствовалась полная ясность и определенность русской политики. Существование слабой, но послушной воле России—Турции, такова была основная идея Николая I. Если же оттоманской империи суждено будет перестать существовать, как самостоятельному государству, то Россия не допускала возможности образования на ее развалинах нового независимого государства, а стояла за раздел Турции, при чем, по выражению Николая I, „стража на Босфоре наша, а на Дарданеллах Англии и Австрии".

Свою ближне-восточную политику Россия решила вести, „оберегая щепетильность Австрии" и подозрительность Англии.

Но вопрос о проливах даже в то время не принадлежал к числу тех, которые по своему мировому значению могли быть разрешены иначе, как самыми решительными средствами, и Николай I при жизни своей увидел весь крах своей восточной политики. Ему удалось подчинить Турцию своему влиянию, но только на то короткое время, когда она нуждалась в вооруженной помощи; однако, как только такая помощь являлась лишней, то в более ценном экономическом влиянии Россия не могла состязаться с западными державами. Ни щепетильность в отношении Австрии, ни старание рассеять подозрительность Англии не помогли делу, и к 1856 году турецкий вопрос постепенно обратился в вопрос общеевропейский, в борьбу всей Европы против России, что являлось крушением всей ее политики. Сильный парусный Черноморский флот легко мог разрешить эту проблему во время борьбы Турции с египетским пашею, но такое решение не соответствовало принципу защиты консервативных начал.

Много традиционных черт в ходе восточного вопроса мы видим и в последний период истории России перед мировой войной, который шел по проторенной николаевской эпохой дороге, не учитывая опыта прошлого, но в тонах совершенно отличных от определенности политики первой половины истекшего века. Благодаря этому и отношение Европы к поползновениям России переменилось. Если Николай I поставил

Восточный вопрос в центр европейской политики, то при Николае II западные державы держали его про запас, как средство влиять на поведение России в желательном направлении.

Крымская война и Парижский трактат заканчивают первый этап рассматриваемого периода внешних политических сношений России и начинают второй.

Он характеризуется отходом России в мировой политике на задний план и выдвижением на первое место второй французской империи. Лозунг консерватизма заменяется лозунгом национализма, под прикрытием которого попрежнему широким ходом идет империалистическая политика великих держав. Вопрос о константинопольских проливах совершенно заглох, так как Россия лишилась даже права иметь военный флот в Черном море.

Парижский трактат должен был повести к новой перегруппировке держав. Необходимость сближения России с Францией ясно сознавалась обеими державами, и одновременно зарождались два проекта—сближения России с Францией и Англией (проект Наполеона III) и союз России, Франции и Пруссии (сомнительная идея Бисмарка). Неулегшаяся вражда к Англии совместно с естественным недоверием к Наполеону III делали невозможным в то время осуществление первой мысли, а об идее Бисмарка навряд ли серьезно думал и он сам, выдвинув ее, по всей вероятности, как проект, который мог быть ему полезен в деле объединения Германии под главенством Пруссии.

Русская дипломатия времен Александра II мало анализировала поведение Пруссии во время только что пережитого восточного кризиса. Ее роль была в действительности совсем не такая дружелюбная по отношению России и совершенно не давала уверенности в том, что это государство пойдет по одному пути с своим восточным соседом. Сладкие слова прусских монархов и традиционные родственные узы усыпили политику Александра II, который дал carte blanche „верной, старой Пруссии“, и этим помог ей, разбив по очереди Австрию и Францию, образовать сильную германскую империю.

Как следствие данной Пруссии свободы, Франция была вновь унижена и ослаблена, а Австрия, удержанная в своем стремлении остаться немецкой державой, невольно обратила почти исключительно свое внимание на Балканы.

1875 год впервые показал Европе всю опасность иметь в своем центре сильную и воинственную державу. Попытка Германии вновь раздавить в этом году Францию встретила со стороны России угрозу стать на сторону этой последней, встретила и протест Англии.

Этот акт является интересным во многих отношениях. Он как бы наметил естественную грядущую группировку держав в предвидении борьбы с воинствующим германизмом; он нравственно сблизил республиканскую Францию с самодержавной Россией, дав надежду, что в случае столкновения с Германией, ни одна из них не останется без поддержки другой, и, наконец, показал Бисмарку, что в своей дальнейшей политике он не может опираться на Россию, а должен базироваться на Австрию.

Берлинский конгресс положил в русском общественном мнении ту пропасть между Германией и Россией, которая должна была поставить их в противоположные лагери, что фактически и случилось десять лет спустя.

В рассматриваемом этапе международных сношений России следует отметить еще русско-турецкую войну 1877—1878 годов, которая выдвинула к самостоятельной жизни и к экономическому развитию христианские народности Балканского полуострова. Восточный вопрос вновь стал выдвигаться на первое место, но совершенно в иной, чем при Николае I, обстановке. Россия, как руководительница самостоятельных балканских народностей, с первого же шага не справилась со своей задачей и уступила в ближайшие десять лет главенствующую на Балканах роль Австрии.

Но это же последнее десятилетие рассматриваемого этапа отмечено в России и теми мероприятиями, которые не остались без влияния на внешнюю ее политику в последующее время.

Царствование Александра III знаменуется мерами по подготовке военной мощи страны, при чем в этой подготовке можно наметить и те направления, в которых в будущем должна была развиваться активная политика России. Сюда относятся возрождение Черноморского флота и подготовка десантной экспедиции для захвата Босфора, при чем конечная цель этой экспедиции ограничивалась захватом исключительно устья Босфора, что вызывалось законной необходимостью обеспечить интересы торговли и безопасности южных границ государства.

Одновременно впервые был поставлен на правильную ногу вопрос о ведении войны на западной границе, в зависимости от чего начали разрабатываться планы войны, инженерная подготовка, собираться запасы и усиливаться рельсовая сеть. При всех этих предположениях русские войска должны были наступательно действовать против Австрии.

Наконец, началась постройка железной дороги через Сибирь к Великому океану, что существенно меняло соотношение сторон на берегах этого океана и завязывало новый узел подозрительности в отношении империалистических стремлений России.

Франко-русским соглашением и постройкой Транссибирской железной дороги начинается последний этап мировой политики России.

Он зарождается под знаком крушения всех политических идеалов девятнадцатого столетия.

Вопрос о выходе из Черного моря не только не был благоприятно разрешен в пользу России, но стал вместо русско-турецкого первостепенным европейским вопросом, выдвинув в плоскость его разрешения и проснувшиеся к жизни балканские народности. Здесь узел так запутался, что развязать его дипломатическим путем впредь представлялось невозможным.

Союз трех монархов не включал уже России в свой состав, а образовал собою сильный блок центральных держав, одинаково опасный для России и Франции.

Соглашение между этими последними двумя державами уравновешивало опасности центрального блока, и самый придирчивый читатель отдает справедливость России в том, что этому соглашению она первоначально старалась придать исключительно оборонительный характер.

Наконец, Сибирская железная дорога выдвигала перед Россией новые задачи на Дальнем Востоке, которые приходилось теперь ставить себе русской дипломатии.

С этим создавшимся положением совпала в России перемена царствования, и последний этап всецело относится к царствованию Николая II.

И, если предшествовавшие этапы международных сношений можно было характеризовать несколькими словами, то гораздо труднее сделать это в отношении последних двадцати лет перед войной.

Политику этого периода в ее общем объеме следует характеризовать, как наиболее активную за все столетие после Александра I и наиболее отмеченную широкими империалистическими вожделениями.

Эта политика не сосредоточивалась на постановке себе одной определенной очередной задачи, соответствующей военному могуществу и экономическим средствам страны, а разбрасывалась в разные стороны и не могла нигде иметь успеха.

Корея, Маньчжурия, Тибет, Персия, Турция, Балканы и активное участие в общеевропейских делах — таковы объекты наступательной политики России за последние двадцать лет, при чем почти на протяжении всего царствования международные осложнения сопровождались скрытой внутренней войной, перемежавшейся открытыми революционными выступлениями.

Совершенно несоразмеренная ни с военной мощью страны, ни с ее экономическим положением, ни, наконец, с бурлящим настроением внутри страны, империалистическая политика России носила несомненный отпечаток авантюры тем более,

что она имела чисто эпизодический характер без необходимой последовательности и заранее обдуманного плана.

Только в конце 1913 года министр иностранных дел Сазонов впервые и не без влияния общественного мнения страны остановился перед вопросом о необходимости вести внешнюю политику страны на основании ясно поставленной цели и строго обдуманного вперед плана. 23 ноября этого года он просил разрешения верховной власти передать эти вопросы на обсуждение всего правительства, и читатель из журнала совещания 8 февраля 1914 года составит себе ясное представление о том, как современное правительство понимало разрешение столь первостепенной важности для судьбы империи задачи и с каким масштабом оно подходило к этому решению.

Если обстановка на Дальнем Востоке, сложившаяся с проведением Транссибирской железной дороги и с победой Японии над Китаем, вызывала необходимость постановки на этой окраине новых задач, то для выполнения их должна была быть подготовлена прочная политическая и военная база, прежде чем приступить к последнему акту закрепления своих вожделений—войне. Мы же начали как раз наоборот, начали с войны с Японией, будучи к ней совершенно не подготовленными, и кончили поражением.

Тот же характер несоответствия средств носили и попытки улучшения нашего положения в проливах, хотя этот вопрос в отличие от Дальне-Восточного имел столетнюю историю, ясно предуказывающую размеры и средства борьбы за них.

К разрешению такого мирового вопроса наша политика подходила с негодными средствами и с тем мелким макиавелизмом, с которым могут удаваться только вопросы второстепенного характера и то не всегда. Читатель вспомнит всю сложную комбинацию тайных переговоров Извольского в 1908 году с Турцией и Австрией и Сазонова в 1911 году во образе работы одной рукой над созданием балканского союза и другой над договором с Турцией, направленным против того же союза. Но замечательно то, что твердо и определенно поставить вопроса о проливах перед Англией и Францией, которые в то время нуждались в России и должны были с ней считаться, не хватило решимости ни у Извольского ни у Сазонова. И русские попытки сорвались в 1908 и в 1911 годах, сорвались они и в 1913 году, когда мы хотели применить открытую силу, но оказалось, что этой открытой силы у нас не было приготовлено. Такова была связь дипломатии со стратегией в решении вопросов первостепенной государственной важности. Все это иначе как авантюрой опять-таки назвать нельзя.

В 1904—1906 годах Россия переживала один из тягчайших кризисов в виде тяжелой и неудачной колониальной

войны и революции внутри страны; переживала она кризис и в отношении соглашения с Францией, поведение которой, как союзницы, вызывало серьезные сомнения. Между тем, враждебная России Австрия не воспользовалась этим кризисом для своей активной политики на Балканах, а Германия в оказании своей помощи России доходила до положения, угрожавшего ей самой войной. Обстановка была настолько оригинальна, что русскому правительству предстояло задуматься над дилеммой—оставаться ли в союзе с Францией или вновь стать на сторону Германии.

И если к петербургской дипломатии можно с упреком отнестись, что она вообще в уроках прошлого находила мало материалов для своего поведения в настоящем, то в этом случае упрекнуть ее нельзя. Она решительно осталась на стороне франко-русского союза и смело пошла против традиционных англофобских предубеждений, быстро доводя дело до соглашения с Англией и Японией.

Поставив себе определенную задачу спаяться во внешней политике с Францией и Англией, русская дипломатия выполняла ее вполне планомерно, с полной последовательностью, принося этому единению большие жертвы, но желая обеспечить себя в будущей войне сильной группировкой, что ей и удалось достигнуть. Можно быть сторонником германского или англо-французского курса, можно жаловаться на сильную снисходительность петербургского кабинета по отношению к эгоистичной политике Франции, но надо отдать ему справедливость, что основная задача внешней политики, а именно подвести государство к неизбежной войне в выгодной политической группировке, была достигнута в полной мере.

Правда, Россия не успела к началу войны изгладить все ошибки балканской политики и не имела твердой опоры на своем левом фланге, она стала вместо равноправного союзника с Францией в роль стороны ее обслуживающей, последние три года она шла на поводу у своих союзников, в угоду им стеснила свою оперативную свободу в грядущей войне, но во всем этом были обстоятельства, оправдывающие русских дипломатов, в виде тех больших займов, которые постепенно принимали характер премии за страховку парижского Haute Banque от германской опасности.

В наследство от Венского конгресса Россия получила большое влияние на обще-европейскую политику и, увлекшись этой ролью, подчинила ей в чрезмерной степени свои национальные интересы. От этой особенности русское правительство не избавилось не только до мировой войны, но и втечение ее. Основной вопрос достижений, обладание выходом из Черного моря, неизменно стоявший перед русской государственностью втечение всех ста лет, пожалуй, только

при Николае I принял вполне определенную форму и составил вместе с поддержанием консервативных начал в Европе лейтмотив николаевской политики. Неправильное направление в его разрешении привело к краху все построенное им здание. В дальнейшем вопрос о проливах всецело перешел в область частных предварительных соглашений и намерения захватить их „при случае“ без риска разрешить эту жизненную для России проблему силою оружия.

В предвидении мировой войны Россия еще больше, чем прежде, старалась щадить щепетильность одних держав, вызывал подозрительность других, подчиняла свои интересы на прочих фронтах государственной жизни третьим, и в результате кровопролитнейшей из войн, втечение которой вновь защищала интересы Европы, получила от своих союзников только „вексель на проливы“, данный с видимым неудовольствием Францией, и в начале 1917 года Россия пришла к печальному убеждению, что этот вексель, не поддержанный занятием проливов вооруженной силой, является также „клочком белой бумаги“.[1] Но сила-то русская была к тому времени уже вся израсходована на защиту великодержавного бытия Англии и, в особенности, Франции.

Русская международная политика ввела Россию в величайшую из войн в составе наиболее сильной политической группы, но поставила ее в ней в обслуживающее чужие интересы положение.

Невольно задаешься вопросом, что же меньше вреда принесло русскому народу: полнейшее ли одиночество России в Крымскую войну или нахождение ее в мощной коалиции в мировую?

---

[1] Из последнего доклада министра иностранных дел Н. Н. Покровского Николаю II от 21 февраля 1917 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1.
(К главе 3-й).

Записка графа Монтебелло от 24 февраля 1892 года.[1]

La France et la Russie étant animées d'un égal désir de conserver la paix, la présente note a été redigée au point de vue exclusif d'une guerre défensive, provoquée par une attaque des forces de la Triple-Alliance contre l'une ou l'autre de ces deux Puissances, ou contre les deux à la fois.

Le point de départ des considérations qui suivent est que la France et la Russie sont décidées à pratiquer l'une vis-à-vis de l'autre le principe d'une sincère réciprocité; c'est à dire que l'une d'elles venant à être attaquée, l'autre se portera immédiatement à son secours avec tous ses moyens de lutte disponibles.

Ce principe admis, la première conclusion qui s'impose à la Russie, aussi bien qu'à la France, pour ne pas compromettre les chances d'une campagne faite en commun, c'est que les mesures d'éxécution soient prises dans les deux pays, aussitôt que le danger sera connu. La mobilisation devra donc commencer, pour s'accomplir sans interruption, simultanément en France et en Russie, dès les premières heures de la mobilisation des forces de la Triple-Alliance. La rapidité étant, plus que jamais, la condition éssentielle du succès, il importe que la France et la Russie ne soient pas éxposées, ne fût-ce que pendant quelques jours, à subir isolément une agression combinée, permettant à leurs adversaires de remporter, dès le début, des avantages décisifs, ou de nature à exercer uue influence fâcheuse sur les dispositions des neutres.

I.

Toutefois cette simultanéité d'entrée en action est loin d'être suffisante pour assurer toutes les chances heureuses. Il n'y a, en effet, qu'à jeter les yeux sur le tableau ci-annexé, pour se convaincre que les forces réunies de la France et de la Russie ne forment pas un total notablement supérieur à celui des forces de la Triple-Alliance: Allemagne—Autriche—Italie, surtout si l'on y comprend éventuellement la Roumanie.

Dans ces conditions les forces sont à peu prés équivalentes des deux côtés; car, si le nombre est légèrement en faveur de la France et de la Russie, la rapidité de concentration est à l'avantage de la Triple-Alliance. Ce n'est donc que par une combinaison judicieuse de leurs moyens d'action, en vue d'un but commun, que la Russie et la France peuvent se donner des chances de supériorité sur leurs adversaires.

II.

Le Gouvernement Francais est pénétré du principe que dans une pareille lutte, l'essentiel est de poursuivre avec tous ses moyens disponibles, la destruction de l'ennemi principal; la perte des autres s'en suit inévitablement. Cet ennemi est l'Allemagne, dont la puissance militaire est, à elle seule, supé-

---

[1] II отд. Госархива. Картон: Франко-Русский Союз.

rieure à tous ses alliés réunis et qui est politiquement le pivot, l'âme et le centre de la Triple-Alliance.—L'Allemagne une fois vaincue, les armées franco-russes disposeront à leur volonté de l'Autriche et de l'Italie.

Dans cet ordre d'idées, l'Etat-Major francais a tout sacrifié à la lutte contre l'Allemagne et, si la Russie venait à être attaquée par la Triple-Alllance, la France ne maintiendrait devant les 360.000 h. de l'Italie que le contingent strictement necéssaire, et porterait plus des 5/6 de ses troupes de 1-ére ligne en face des allemands, soit 1.300.000 h.

Avec cette armée elle attaquera l'Allemagne à fond, de façon que cette Puissance ne puisse maintenir qu'une faible partie de ses forces à l'Est contre la Russie,

Il n'est par douteux que la situation de la Russie vis-à-vis de l'Autriche ne saurait se comparer complétement à la situation de la France vis-à-vis de l'Italie.—Tandis qu'entre ces deux derniers pays il existe une frontière naturelle, difficile à tranchir, la Russie, au contraire, est peu séparée de l'Autriche; elle a, en outre, besoin de la battre, pour soutenir son prestige moral vis-à-vis des nations Slaves et de la Roumanie. Toutefois. au nom du principe de réciprocité, il est juste d'admettre que la Russie ne laissera devant l'Autriche que les forces indispensables pour la maitriser et qu'elle dirigera avec le reste de ses moyens disponibles une action aussi énergique que possible contre l'Allemagne.

Il ne saurait appartenir à l'Etat-Major francais de préciser, à lui seul, l'effectif des troupes destinées à agir contre l'Autriche; mais il est clair que, pour lutter avec succès contre l'Allemagne, adversaire principal, la Russie aussi bien que la France, doivent concentrer contre cette Puissance un ensemble de forces sensiblement supérieures à celles qu'elle peut mettre en ligne, tant pour compenser le désavantage du retard de la concentration russe et de l'action sur deux théatres très éloignés l'un de l'autre, que pour avoir un excédent numérique promettant des chances heureuses.

Il n'y a donc rien d'excessif à supposer que, sur 1.600.000 hommes de troupes de première ligne, la Russie portera contre l'Allemagne environ 700.000 à 800.000 hommes. Ces forces, jointes aux 1.300.000 hommes de l'armée francaise, seront assez puissantes,—surtout si elles arrivent à temps,—pour venir à bout de l'armée allemande. Mais là est précisément l'important—il faut que ces forces soient concentrées avec une très grande rapidité et prennent le contact de l'armée allemande sans retard. C'est le seul moyen de déconcerter un adversaire qui a fait entrer dans ses prévisions, grâce à la célérité de ses transports par voie ferrée, de se jeter d'abord sur la France, de la battre et de se retourner ensuite contre la Russie.

III.

En résumé, pour réunir les meilleures chances de sauvegarde mutuelle, la France et la Russie doivent être convenues d'avance, que dès le signal des hostilités donné par la Triple - Alliance, elles mettront en action contre l'Allemagne, le plus rapidement possible, toutes celles de leurs forces que ne réclame pas le soin de faire face à l'ennemi secondaire.

L'importance de cet ennemi secondaire fait seule varier la fraction des forces qu'il convient de distraire. La France estime qu'elle peut contenir l'Italie avec une faible partie de ses forces et c'est pourquoi elle viendra en aide à la Russie, le cas échéant, avec les 5/6 de son armée.

Les sentiments de haute équité de Sa Majesté l'Empereur, aussi bien que son appreciation Souveraine des nécessités de la situation, l'amèneront, sans doute, à penser que la Russie pourra, à son tour, disposer en faveur de la France d'environ 700.000 à 800.000 hommes, concentrés le plus rapidement possible sur la frontière allemande, en des points déterminés de façon à ce que la marche en avant soit facile et permette d'atteindre les rassemblements de l'Allemagne assez promptement pour lui enlever, dès le début, tout espoir de faire des navettes de l'Est à l'Ouest et réciproquement.

ALLEMAGNE.	FRANCE.
Troupes de 1-ère ligne 1.550.000 hommes, concentrés sur les frontières dès le 14-jour (le reste maintenu pour la garde du territoire, au début).	Troupes de 1-ère ligne: 1.550.000 hommes, concentrés sur les frontières le 14-jour (Défalcation faite des troupes nécessaires à la défense de l'Algérie et de la Tunisie, ainsi qu'à la garde des places et des côtes).
AUTRICHE.	RUSSIE.
Troupes de 1-ère ligne: 800.000 hommes concentrés sur la frontière russe dès le 16-jour pour les $^2/_3$ et du 20-me au 25-me jour pour le dernier $^1/_3$. (Le reste maintenu sur le territorie au début, soit pour la surveillance de la Bosnie et de l'Herzegovine, soit pour la garde des places et du territorie).	Après avoir assuré la garde de ses autres frontières principales avec des formations de réserve, la Russie pourra disposer, en 1-ère ligne, d'environ 1.600.000 hommes, dont une partie notable peuvent être assez rapidement concentrés sur la frontière (à cause des troupes nombreuses qui se trouvent en Pologne), mais dont la concentration totale ne se terminera qu'à une date un peu tardive).
ROUMANIE.	
Troupes de 1-ère ligne: 100.000 hommes.	
ITALIE.	
Troupes de 1-ère ligne: 360.000 hommes concentrés sur la frontière francaise dès le 13-me jour.	
Total:—2.810.000 hommes.	Total:—3.150.000 hommes.

Приложение № 2.
(К главе 3-й).

Подлинный текст франко-русской военной конвенции, подписанной в Петербурге 17 августа 1892 года. [1]

PROJET DE CONVENTION MILITAIRE.

La France et la Russie étant animées d'un égal désir de conserver la paix, et n'ayant d'autre but que de parer aux nécessités d'une guerre défensive, provoquée par une attaque des forces de la Triple-Alliance contre l'une ou l'autre d'entre elles, sont convenues des dispositions suivantes:

[1] II отд. Гос. Архива. Франко-Русский Союз.

1°. Si la France est attaquée par l'Allemagne, ou par l'Italie soutenue par l'Allemagne, la Russie emploiera toutes ses forces disponibles pour attaquer l'Allemagne.

Si la Russie est attaquée par l'Allemagne, où par l'Autriche soutenue par l'Allemagne, la France emploiera toutes ses forces disponibles pour combattre l'Allemagne.

2°. Dans le cas où les forces de la Triple-Alliance ou d'une des Puissances qui en font partie, viendraient à se mobiliser, la France et la Russie, à la première annonce de l'événement, et sans qu'il soit besoin d'un concert préalable, mobiliseront immédiatement et simultanément la totalité de leurs forces, et les porteront le plus près possible de leurs frontières.

3°. Les forces disponibles qui doivent être employées contre l'Alle magne sont du côté de la France de 1.300.000 hommes du côté de la Russie de 700.000 à 800.000 hommes. Ces forces s'engageront à fond et en toute diligence, de manière à ce que l'Allemagne ait à lutter à la fois à l'Est et à l'Ouest.

4°. Les Etats-Majors des armées des deux pays se concerteront en tout temps pour préparer et faciliter l'exécution des mesures prévues ci-dessus. Ils se communiqueront, dès le temps de paix, tous les renseignements relatifs aux armées de la Triple-Alliance qui sont ou parviendront à leur connaissance. Les voies et moyens de correspondre en temps de guerre seront étudiés et prévus d'avance.

5°. La France et la Russie ne concluront pas la paix séparément.

6°. La présente convention aura la même durée que la Triple-Alliance.

7°. Toutes les clauses énumérées ci-dessus seront tenues rigoureusement secrètes.

Подлинный подписали:

L'Aide de Camp Général, Chef de l'Etat-Major Général

Obroutcheff.

Le Général de division, Conseiller d'Etat, Sous-Chef de l'Etat-Major de l'Armée

Boisdeffre.

Приложение № 3.
(К главе 4-й).

Procès-verbal

de l'entretien du 8/11 avril 1906 entre les Chefs d'Etat-Majors Généraux des Armées Russe et Française.[1]

Il a été convenu entre les deux Chefs d'Etat-Majors généraux que le document qui suit n'engagera leur responsabilité qu' à partir du moment où il aura été sanctionné par l'approbation dûment notifiée de leur Gouvernements respectifs.

Chapitre I.

1. A la lecture de la Convention militaire de 1892, M. le général Palitzyne insiste sur ce que le but essentiel de ce document, qui constitue la base des accords entre les deux Etats-Majors, est d'assurer aux deux alliés une protection mutuelle contre une agression de l'Allemagne, dont l'Autriche et l'Italie ne seraient que les satellites éventuels. M. le général Brun déclare que telle a été toujours la manière de voir de l'Etat-Major français. L'armée allemande est donc l'objectif principal contre lequel les deux Etats-Majors doivent engager et poursuivre la lutte avec toute leur énergie et tous leurs moyens disponibles.

---

[1] II Отд. Госархива. Картон: Франко-Русский Союз.

2. A propos de l'Art. 2 de la Convention de 1892, les deux Chefs d'Etat-Majors généraux sont d'avis que la mobilisation de l'armée allemande oblige la Russie et la France à mobiliser immédiatement et simultanément toutes leurs forces, à la première nouvelle de l'évènement et sans qu'il soit besoin d'un concert préalable, mais qu'en cas de mobilisation partielle ou même générale de l'Autriche ou de l'Italie seules, ce concert préalable leur parait indispensable. Ils conviennent donc de prier leurs Gouvernements respectifs de vouloir bien préciser ce point, qui a déjà éveille l'attention de leurs prédécesseurs.

Chapitre II.

1. M. le général Brun fait connaitre les moyens de correspondance rapide avec la Russie dont l'Etat-Major français disposerait en cas de guerre. Il ajoute qu'il semblerait avantageux, pour moins éveiller l'attention, de disposer en sus du langage chiffré d'un dictionnaire composé de phrases de convention en plusieures langues et en style d'affaires de bourse, de commerce, de famille etc. M. le géneral Palitzyne trouve cette proposition très pratique et prie l'Etat-Major francais de vouloir bien se préoccuper le plus tôt possible de la rédaction de ce dictionnaire. Il s'engage de son côté à procéder à la création d'une nouvelle ligne de communication destinée à completer celles que l'Etat-Major français a prévues.

2. Les deux Chefs d'Etat-Majors sont d'avis que les échanges des renseignements sur l'adversaire présenteraient une importance toute spéciale pendant les sept premiers jours. M. le général Brun fait connaitre sommairement les dispositions que compte prendre l'Etat-Major français pour se procurer ces renseignements. M. le général Palitzyne s'éfforcera de faire adopter en Russie des mesures analogues.

Chapitre III.

1. Les deux Chefs d'Etat-Majors généraux changent sommairement les renseignements qu'ils possèdent sur les forces dont l'Allemagne disposerait en cas de guerre et constatent l'identité presque complète de leurs vues à cet égard.

En ce qui concerne la répartition initiale des forces allemandes entre les deux théatres Est et Ouest, les deux Etats-Majors ne peuvent faire que des hypothèses plus ou moins probables. Toutefois les deux Chefs d'Etat-Majors estiment d'un commun accord que l'Allemagne portera vraisemblablement son principale effort au début contre la France, sans cependant exclure l'hypothèse inverse.

2. M. le général Palitzyne et M. le général Brun croient moins que leurs prédécesseurs à l'emploi par l'Etat-Major allemand de navettes à grande échelle d'un théatre à l'autre, du moins tant que l'armée allemande n'aurait pas obtenu de succès décisifs sur l'un d'eux. Bien que les allemands disposent avec leurs lignes férrées d'un instrument matériel qui leur permetterait d'effectuer une pareille manoeuvre, elle comporterait néanmoins de très sérieuses difficultés d'éxecution et serait, comme le fait remarquer M. le général Palitzyne, en contradiction avec l'ésprit même de la stratégie allemande consistant à s'acharner sur le même adversaire jusqu'à ce qu'il soit terrassé.

3. M. le général Brun indique en traits généraux les dispositions prévues par l'Etat-Major français pour le rassemblement de l'armée sur la frontière, lequel est préparé pour permettre l'offensive.

4. M. le général Palitzyne, de son côté déclare qu'en ce qui concerne le contingent russe il lui est impossible pour le moment de rien dire de précis sur l'époque et la zone de son rassemblement, pas plus que sur son mode d'emploi, qui seront subordonnés du reste, en partie à l'action de l'adversaire. Mais il s'engage, sans jamais perdre de vue que la défaite de l'Allemagne serait le but stratégique principal, à utiliser au mieux des intérêts communs toutes les ressources dont il pourrait disposer.

Le Chef d'Etat-Major général russe ajoute:

1. que matériellement l'armée russe a moins souffert qu'on supposait de la campagne de Mandchourie;

2. que dès maintenant cette armée serait en état de se mobiliser, bien que dans un délai plus considérable;

3. que vers la fin du mois d'août prochain presque toutes les troupes seront rapatriées;

4. qu'à partir du mois d'avril 1907 les troupes auront reconstitué leurs cadres, réorganisé leur mobilisation, repris leur instruction normale et seront en état de lutter comme éléments combattants solides, mais sans posséder encore tous les accessoirs nécessaires pour être véritablement ce que les allemands appellent „operationsfähig". [1]

Chapitre IV.

En ce qui concerne l'hypothèse d'une guerre que les Gouvernements russe et francais pourraient décider d'entreprendre en commun pour s'opposer à une extension eventuelle de l'Allemagne aux dépens de la monarchie austro-hongroise, les deux Chefs d'Etat-Majors ne voient, pour le moment, rien d'utile à ajouter aux echanges de vues de leurs prédécesseurs.

Chapitre V.

A propos des passages des procès-verbaux de 1900 et 1901, où il était fait allusion à l'appui que la France et la Russie pourraient se préter mutuellement en cas de guerre avec l'Angleterre, M. le général Palitzyne demande catégoriquement à M. le général Brun s'il peut compter qu'en pareille éventualité l'Etat-Major français metterait à execution les mesures exposées dans les procès-verbaux. Il ajoute qu'il attache une grande importance à une réponse positive sur cette question.

M. le général Brun répond qu'aux termes des procès-verbaux de 1900 et 1901 les mesures prévues ne pourraient recevoir leur éxécution qu'en vertue d'une convention entre les deux Gouvernements et qu'aucune convention de cette nature n'a éte portée à la connaissance de l'Etat-Major français.

Chapitre VI.

Etant donné l'état de choses actuel, les deux Chefs d'Etat-Majors généraux sont convaincus qu'il serait désirable et utile d'avoir une nouvelle entrevue en 1907.

Signé:

Le Chef d'Etat-Major général de l'Armée Francaise

Brun.

Le Chef d'Etat-Major Général de l'Armée Russe

Palitzyne.

Приложение № 4
(к главе 4-й).

Письмо А. И. Нелидова гр. В. Н. Ламздорфу от 20 апреля (3 мая) 1906 года из Парижа [2].

Милостивый государь,
Граф Владимир Николаевич,

В Париже находился недавно проездом в Россию с юга Франции Начальник Генерального Штаба нашего генерал-лейтенант Палицин. Я был извещен частным образом об ожидавшемся его приезде, когда министр иностранных

[1] Prêtes à toute espèce d'operations.
[2] II отд. Гос. Архива. Картон Франко-Русский Союз.

дел дружески спросил меня, осведомлен ли я об этом, и должен ли он считать меня оффициально причастным к пребыванию здесь генерала Палицина.

Я ответил г-ну Буржуа, что не имею никакого делового отношения к приезду Начальника нашего Генерального Штаба, который, возвращаясь из частного отпуска, пользуется проездом через Париж, чтобы лично познакомиться и обменяться мыслями со своим французским товарищем по должности.

По приезде в Париж, генерал Палицин не замедлил посетить меня и объяснил мне, что, поставив в известность о цели своего путешествия ваше сиятельство, желал бы иметь мои указания относительно политических вопросов, которых ему непременно придется коснуться, пересматривая с генералом Брён (Brün) составленные их предшественниками протоколы и проекты военных конвенций.

Что особенно обращало на себя в этом отношении внимание генерала Палицина,—это связь, существующая между Францией и Англией, так как при последних переговорах между генералом Сахаровым и Пендезеком, имелись в виду некоторые меры на случай совместных военных действий против Англии.

Я объяснил Начальнику Генерального Штаба, что измененные отношения Французской Республики к ее за-Ламаншской соседке едва ли допустят принятие со стороны здешнего правительства каких-либо обязательств ввиду совершенно невероятного столкновения между Францией и Англией, все поводы к каковому были тщательно пересмотрены и устранены в заключенной между ними в начале 1904 года конвенции.

По окончании переговоров своих с французским Начальником Генерального Штаба, генерал Палицин принес мне составленный между ними по этому предмету протокол.

В нем более или менее подтверждаются или объясняются постановления предшествующих сделок подобного рода. Устанавливается, между прочим, что обязанность немедленной мобилизации русской и французской армий обусловливается только мобилизациею германских войск, но не распространяется на мобилизацию союзных с Германией армий австро-венгерской и итальянской, относительно которых, в случае их приведения на военную ногу, должно состояться между петербургскии и парижским кабинетами особое соглашение.

Относительно статьи, касающейся Англии, в протоколах сказано (и редакция этого параграфа была вторично просмотрена, с целью придать ей более ясности), что на запрос генерала Палицина, как относится к ней французское правительство,—генерал Брён ответил приблизительно следующее: „статья эта представляет только обмен личных взглядов между тогдашними начальниками штабов. Для придания ей действительного значения и применимости должно состояться политическое соглашение между обоими правительствами. Такового соглашения французскому Генеральному Штабу сообщено не было".

Передав мне означенный протокол для прочтения и отправления на его имя в С.-Петербург с курьером, генерал Палицин сообщил мне и личные впечатления, вынесенные им из разговоров, как с генералом Брёном, так и с принявшим его накануне отъезда министром иностранных дел.

Общий смысл этих впечатлений тот, что французы с нами не вполне искренни, что не смотря на их горячие дружеские уверения, они к союзу с нами относятся почти равнодушно, что они представлялись генералу тесно связанными с англичанами и желающими тем или иным способом привязать к Англии и нас. В разговорах с г-м Буржуа генерала поразила большая сдержанность министра, тщательно уклонявшегося от прямого ответа на поставленный ему нашим начальником штаба вопрос: считает ли себя французское правительство связанным обязательствами, изложенными в статье прежнего протокола, касающейся возможности совместных действий против Англии.

При свидании моем в тот же день с г-м Буржуа, последний сам заговорил со мною о посещении его генералом Палицыным. „Генерал должен был найти меня очень сдержанным, сказал он мне, но я не счел возможным вступать с ним в объяснения по вопросу чисто политического свойства, о котором я готов обменяться мыслями с вами, и который, в сущности, подлежит решению наших правительств".

Я ответил министру, что Начальник русского Генерального Штаба действительно желал и надеялся получить более положительное объяснение по вопросу, представляющему для него важность с чисто военной точки зрения. Если существует предвидение возможности совместных действий против Англии, то он должен, при распределении военных сил империи, принять в Средней Азии некоторые меры, которые предусмотрены прежним протоколом, но которые для наших исключительно нужд непременного значения не представляют. Вопрос его имел, следовательно, с его точки зрения, некоторое основание. Министр иностранных дел сообщил мне по этому поводу, что генерал Палицин сказал ему, будто Россия никаких завоевательных видов на Индию не имеет, а потому может ограничиться в Средней Азии исключительно оборонительными мерами, и на вопрос министра: таково ли мнение нашего правительства, ответил утвердительно.

Такое положение вещей, как я объяснил министру, нисколько не исключает для нас возможности столкновения с Англией из-за других причин, и нам весьма важно было бы знать, можем ли мы в таком случае расчитывать еще на предположенное в прежних сделках содействие Франции.

Г-н Буржуа возразил мне, что вопрос этот исключительно политический, доселе не был обсужден между нашими кабинетами, и потому ему не казалось уместным вступать о нем в рассуждение с Начальником нашего Генерального Штаба. Мне же он готов высказать свое личное мнение, что при существующих ныне между Францией и Англией дружеских сношениях, и при явном стремлении лондонского кабинета к сближению с Россией, он не видит оснований для обсуждения мер, которые отнюдь не оправдывались бы обстоятельствами.

Я не мог скрыть от министра, что предвидел его ответ, но тем не менее, счел полезным вызвать это объяснение, так как им устанавливалось изменное до некоторой степени, хотя и не менее дружеское, отношение между нашими двумя государствами. Доселе нас связывала общность интересов по отношению не только к Германии, но и к Англии, с которою Франция быть может еще более России опасалась возможности столкновения. Теперь положение стало иное; возможность борьбы с Англией отстранена для Франции, но не для нас, хотя мы ее вовсе не желаем, а, напротив того, хотели бы по возможности отдалить причины, могущие ее вызвать.

Министр с чувством выразил мне горячее желание своего правительства всячески способствовать устранению всяких недоразумений между нами и англичанами, чем в значительной степени упрочено было бы повсеместно мирное течение дел.

Что же касается до оценки расположения к нам французов, сделанной генералом Палицыным, то я считаю своею обязанностью высказать о ней мое чистосердечное суждение.

Дружеское отношение к нам французского правительства и расположение населения не изменились. Мы только что получили этому блестящее доказательство. Союз с Россией остается, по глубокому моему убеждению, основанием французской политики. Но наши неудачи в японской войне и внутренние потрясения не могли не отозваться на доверии к нашей силе и к возможности для нас в настоящих условиях точно исполнить принятые на себя союзным договором обязательства. Генерал Палицин сам признал нужным объяснить в подписанном им и генералом Брёном протоколе, что только к весне будущего года мы в состоянии будем вполне возобновить силы, которыми могли бы свободно располагать, в случае войны на западе. Сведения здешнего военного ведомства находят эту уверенность чрезмерною и представляют наше военное положение гораздо менее упроченным. Отсюда и проистекает со стороны здешних военных властей по отношению к нам

некоторая сдержанность. Весьма естественно, что при таких условиях и ввиду усиленного, по тем же соображениям, давления на Францию со стороны Германии, здесь явилось стремление обеспечить себя сближением с Англией, которая, в свою очередь, при натянутости своих сношений с Германией, искала поддержки на материке. Мне представляется более чем вероятным, что между Парижским и Лондонским военными управлениями происходили по этому поводу объяснения и намечены некоторые общие меры, которые здесь не считают уместным нам сообщать. Но оттуда до заключения союза, который бы, к тому же, отделял Францию от нас,—еще очень далеко, и я убежден, что ни французское правительство, ни лондонский кабинет на подобный шаг не решатся. Является, однако, вопрос, какое положение приняла бы Франция, в случае разрыва между Россией и Англией. Не будучи связана обязательствами на подобный случай ни с одной из этих держав, Республика осталась бы, без сомнения, нейтральной и направила бы все свои старания к мирному улажению затруднений и предупреждению борьбы.

К этой же цели, путем сближения между нами и Англией, направлены и теперь стремления французской дипломатии, которая вместе с тем ищет в таковом соглашении еще большего для себя обеспечения против Германии. Эти то откровенно признаваемые старания генерал Палицин и принял за желание привлечь нас к англо-французскому союзу, и совершенно основательно считал опасным для нас вступать в какие-нибудь сделки, которые могли бы стеснить нашу свободу действий по отношению к Германии, ставя нас в возможность быть вовлеченными во вражду с нею из-за выгод, нам чуждых.

По моему глубокому убеждению, мы должны всячески избегать вмешательства в вероятную, в более или менее отдаленном будущем, борьбу между Англией и Германией. Наши точки соприкосновения с первой из этих держав лежат вне Европы, тогда как сношения наши с средне-европейской империей—чисто соседственные. Мы должны обеспечить себя от возможности подвергнуться ее на нас давлению, и лучшим средством для этого служит союз наш с Францией, которая твердо его держится и искренно желает скорейшего восстановления нашей военной мощи. Первым условием для достижения этой цели должно быть сохранение нашего мирного развития и избежание всяких внешних осложнений. Соглашение с Англией может не только в значительной степени отстранить опасность подобных осложнений, но и подготовить нам путь для дальнейшего развития наших интересов в странах, где они встречаются с великобританскими. Настоящая минута представляется для объяснений в этом смысле тем более благоприятною, что, как тому имеются многочисленные несомненные доказательства, лондонский кабинет сам их желает, имея именно в виду возможность столкновения с Германией, на каковой случай ему важно было бы себя обезопасить со стороны России.

Хотя вышеизложенные соображения и выходят за пределы моей прямой деятельности, они стоят однако в близком с нею соприкосновении. Потому и позволил я себе изложить их здесь с полною искренностью, имея главным образом в виду объяснить и отчасти исправить впечатления, вынесенные из Парижа генералом Палицыным. Они могли бы представить в неверном освещении отношения к нам французского правительства, которые, я могу заверить, вполне искренни, неизменно зиждясь на союзном договоре, точно отвечающем и расположению к нам французского народа.

Примите, милостивый государь, уверения в глубоком моем почтении и совершенной преданности

Нелидов

Приложение № 5.
(К главе 5-й).

Текст конвенции, заключенной между Россией и Великобританией 18 (31) августа 1907 г., обмен ратификаций которой состоялся в С.-Петербурге 10 (25) сентября 1907 г. [1].

(Русский перевод).

Его величество император всероссийский и его величество король соединенного королевства Великобритании и Ирландии и британских территорий за морями, император Индии, воодушевленные искренним желанием уладить по взаимному соглашению различные вопросы, касающиеся интересов их государств на Азиатском материке, решили заключить соглашения, предназначенные предупреждать всякий повод к недоразумениям между Россией и Великобританией в отношении сказанных вопросов, и назначили с этой целью своими соответственными уполномоченными—а именно:

Его величество император всероссийский:

Гофмейстера своего двора Александра Извольского, Министра Иностранных Дел.

Его величество король соединенного королевства Великобритании и Ирландии и Британских территорий за морями, император Индии:

Достопочтенного сэра Артура Никольсона, своего чрезвычайного и полномочного посла при его величестве императоре всероссийском, которые сообщив друг другу свои полномочия, найденные в доброй и надежной форме, условились о нижеследующем:

Соглашение, касающееся Персии.

Правительства России и Великобритании, взаимно обязавшись уважать целость и независимость Персии и желая искренне сохранения порядка на всем протяжении этой страны и ее мирного развития, равно как и постоянного установления одинаковых преимуществ для торговли и промышленности всех других народов; принимая во внимание, что каждое из них имеет, по причинам географического и экономического свойства, специальный интерес в поддержании мира и порядка в некоторых провинциях Персии, смежных или соседних с русской границей, с одной стороны, и с границами Афганистана и Белуджистана с другой; и желая избежать всякого повода к столкновению между их взаимными интересами в персидских провинциях, о которых было упомянуто выше:

согласились о нижеследующих положениях.

I.

Великобритания обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу британских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства, как то: концессии железнодорожные, банковские, телеграфные, дорожные, транспортные, страховые и т. д.—по ту сторону линии, идущей от Касри Ширина через Исфаган, Иезд, Хакх и оканчивающейся в точке на Персидской границе при пересечении границ Русской и Афганской, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым российским правительством. Считается конечно условленным, что местности, упомянутые выше, входят в область, где Великобритания обязуется не домогаться вышесказанных концессий.

---

[1] II Отд. Гос. Арх. Картон: Средний Восток № 5. Доклады 1907 г.

II.

Россия со своей стороны обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу российских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий—железнодорожные, банковские, телеграфные, дорожные, транспортные, страховые и т. д,—по ту сторону линии, идущей от Афганской границы через Гашик, Бирджанд, Керман и оканчивающейся в Бендер-Аббасе, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым британским правительством. Считается конечно условленным, что местности, упомянутые выше, входят в область, где Россия обязуется не домогаться вышесказанных концессий.

III.

Россия обязуется со своей стороны не противиться, не уговорившись предварительно с Англией, тому, чтобы какие-нибудь концессии были выдаваемы британским подданным в областях Персии, расположенных между линиями, упомянутыми в статьях I и II.

Великобритания принимает тождественное обязательство в том, что касается концессий, могущих быть выданными русским подданным в тех же областях Персии.

Все концессии, существующие ныне в областях, указанных в статьях I и II, сохраняются.

IV.

Условлено, что доходы всех персидских таможен, за исключением таможен Фарсистана и Персидского залива, доходы, обеспечивающие погашение и проценты по займам, заключенным правительством шаха в Учетно-Ссудном Банке до дня подписания настоящего соглашения, будут обращены на тот же предмет, что и в прошлом.

Равным образом условлено, что доходы персидских таможен Фарсистана и Персидского залива, равно как и доходы рыбных ловель на персидском побережьи Каспийского моря, а также почт и телеграфов, будут обращены, как и в прошлом, на платежи по займам, заключенным правительством шаха и Персидского Шахиншахского Банка до дня подписания настоящего соглашения.

V.

В случае неисправностей в погашении или уплате процентов по персидским займам, заключенным в Учетно-Ссудном Банке Персии и в Персидском Шахиншахском Банке до дня подписания настоящего соглашения, и если представится необходимость для России установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным в первом из сказанных банков, и расположенными в области, упомянутой в статье II настоящего соглашения, или же для Великобритании установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным во втором из сказанных банков, и расположенными в области, упомянутой в статье I настоящего соглашения,—Правительства российское и английское обязуются войти предварительно в дружественный обмен мыслей в видах определения по взаимному согласию означенных мер контроля и избежания вмешательства, которое не было бы согласно с принципами, служащими основанием настоящему соглашению.

Конвенция, касающаяся Афганистана.

Высокие договаривающиеся стороны, в видах обеспечения совершенной безопасности на обоюдных границах в Средней Азии и поддержания в этих областях прочного и продолжительного мира, заключили следующую конвенцию:

Статья I.

Правительство его британского величества объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Афганистана.

Правительство его британского величества обязуется, кроме того, осуществлять свое влияние в Афганистане только в миролюбивом смысле, и оно не примет само в Афганистане и не будет поощрять Афганистан принимать меры, угрожающие России.

Со своей стороны российское императорское правительство объявляет, что оно признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния; и оно обязуется пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредством правительства его британского величества; оно обязуется также не посылать никаких агентов в Афганистан.

Статья II.

Так как правительство его британского величества объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 г., что оно признает соглашение и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдур-Рахманом, и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афганской территории, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет исполнять обязательства, уже принятые им по отношению к правительству его британского величества в силу вышеупомянутого договора.

Статья III.

Русские и афганские власти, особо к тому назначенные, на границе или в пограничных провинциях, могут вперед установить непосредственные взаимные отношения, чтобы улаживать местные вопросы неполитического характера.

Статья IV.

Правительства России и Великобритании объявляют, что они признают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия и соглашаются в том, что все облегчения, которые были или будут приобретены впредь для торговли и торговцев английских и англо-индийских, будут равным образом применяемы к торговле и торговцам русским. Если развитие торговли укажет на необходимость в торговых агентах, оба правительства условятся о мерах, какие следует принять, взяв, конечно, во внимание верховные права эмира.

Статья V.

Настоящие соглашения войдут в силу лишь с момента, когда британское правительство заявит российскому правительству о согласии эмира на условия, выше поставленные.

Соглашение, касающееся Тибета.

Правительства России и Великобритании, признавая сюзеренные права Китая над Тибетом и принимая во внимание, что вследствие своего географического положения Великобритания имеет специальный интерес в том, чтобы видеть существующий порядок внешних сношений Тибета сохраненным полностью, условились о нижеследующем соглашении:

Статья I.

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются уважать территориальную целость Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление.

Статья II.

Сообразуясь с признанным принципом сюзеренитета Китая над Тибетом, Россия и Великобритания обязуются сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства. Это обязательство не исключает однако непосредственных сношений английских коммерческих агентов с тибетскими властями, предусмотренных ст. 5 Конвенции 7 сентября 1904 г. между Великобританией и Тибетом и подтвержденных Конвенцией 27 апреля 1906 г. между Великобританией и Китаем; оно не изменяет также обязательств, принятых на себя Великобританией и Китаем в силу статьи 1 сказанной Конвенции 1906 года.

Считается конечно условленным, что буддисты, как русские, так и британские подданные, могут входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с Далай-Ламой и другими представителями буддизма в Тибете; правительства России и Великобритании обязуются, насколько от них будет зависеть, не допускать, чтобы эти сношения могли нарушить постановления настоящего соглашения.

Статья III.

Российское и Великобританское Правительства обязуются, каждое за себя, не посылать представителей в Лхассу.

Статья IV.

Обе высокие стороны обязуются не домогаться или приобретать, ни за свой собственный счет, ни в пользу подданных, никаких концессий железнодорожных, дорожных, телеграфных и горных, ни других прав в Тибете.

Статья V.

Оба правительства согласны в том, что никакая часть доходов Тибета, ни в натуре, ни деньгами, не может быть заложена или предоставлена как России и Великобритании, так и их подданным.

Приложение к соглашению между Россией и Великобританией, касающемуся Тибета.

Великобритания вновь поддерживает декларацию,—подписанную его превосходительством вице-королем и генерал-губернатором Индии и приложенную к ратификации конвенции 7 сентября 1904 года, постановляющую, что занятие долины Чумбы британскими силами прекратится по уплате трех ежегодных взносов вознаграждения в 25.000.000 рупий под условием, чтобы рынки, упомянутые во II статье сказанной конвенции, были действительно открыты втечение уже трех лет и чтобы тибетские власти за этот период строго сообразовались во всех отношениях с постановлениями означенной конвенции 1904 г. Считается конечно условленным, что, если занятие долины Чумбы британскими силами не прекратится по какой бы то ни было причине ко времени, предусмотренному вышеприведенной декларацией,—правительства российское и британское войдут в дружеский обмен взглядов по сему предмету.

Настоящая конвенция будет ратификована и ратификации ее будут обменены в С.-Петербурге, как только это будет возможно.

В удостоверение чего соответственные уполномоченные подписали настоящую конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в С.-Петербурге, в двойном экземпляре, 18 (31) августа 1907 года.

(подп.) *Извольский.* (подп.) *Никольсон.*

(М. П.) (М. П.)

Нота, врученная великобританским послом Российскому Министру Иностранных Дел С.-Петербург. 18 (31) августа 1907 года.

Господин Министр.

Ссылаясь на соглашение относительно Тибета, подписанное сегодня, имею честь сделать вашему превосходительству нижеследующее заявление:

Британское правительство считает полезным, посколько от него будет зависеть, не допускать,—кроме как по предварительному соглашению с российским правительством,—втечение трех лет со дня настоящего сообщения, доступа в Тибет какой-либо научной экспедиции, под условием, однако, чтобы подобное же заверение было дано со стороны российского императорского правительства.

Британское правительство предполагает, кроме того, обратиться к китайскому правительству с целью побудить последнее принять на себя подобное же обязательство на соответствующий срок; само собою разумеется, что таковой же шаг будет принят российским правительством.

По истечении трехлетнего срока, приведенного выше, британское правительство обсудит, по взаимному согласию с российским правительством, вопрос о желательности, если к тому представится надобность, принятия дальнейших мер в отношении научных экспедиций в Тибет.

Примите и проч.

(подп.) *А. Никольсон.*

Нота, врученная Российским Министром Иностранных Дел великобританскому послу. С.-Петербург, 18 (31) августа 1907 года.

Господин посол,

В ответ на ноту вашего превосходительства от сего числа имею честь, в свою очередь, заявить, что императорское российское правительство считает полезным, посколько от него будет зависеть, не допускать, кроме как по предварительному соглашению с британским правительством,—втечение трех лет со дня настоящего сообщения, доступа в Тибет какой-либо научной экспедиции.

Так же, как британское правительство, императорское правительство предполагает обратиться к китайскому правительству, с целью побудить последнее принять на себя подобное же обязательство на соответствующий срок.

Остается условленным, что по истечении трехлетнего срока, оба правительства обсудят, по взаимному согласию, вопрос о желательности, если к тому представится надобность, принятия дальнейших мер в отношении экспедиций в Тибет.

Примите и проч.

(подп.) *Извольский.*

Приложение № 6.
(К главе 6-й).

Aide-mémoire à l'Ambassadeur d'Autriche-Hongrie en date de St. Pétersbourg le 19 Juin 1908 [1].

AIDE-MÉMOIRE.

Le Gouvernement Impérial n'a pas manqué de soumettre à un examen attentif l'aide-mémoire que Son Excellence le Baron d'Aehrenthal a communiqué à l'Ambassadeur de Russie à Vienne le 1-r Mai dernier.

Ce document traite de trois questions distinctes: celles des chemins de fer balcaniques, celles de l'entente établie entre la Russie et l'Autriche-Hongrie en 1897 et celles des réformes macédoniennes.

1) Chemins de fer Balcaniques.

Afin d'écarter tout malentendu le Gouvernement Impérial tient avant tout à préciser les points suivants:

En s'abstenant de contrecarrer les démarches faites par le Baron d'Aehrenthal en vue d'obtenir la concession du chemin de fer du Sandjak, le Gouvernement Impérial n'a nullement entendu se placer à un point de vue juridique ni toucher à l'article 25 du traité de Berlin, dont le texte peut donner lieu à diverses interprétations et contestations. Afin de donner à l'Autriche-Hongrie une preuve sincère de son bon vouloir, il s'est borné à considerer que l'entente de 1897 n'ayant établi aucune restriction quant à l'activité économique des parties contractantes, le Gouvernement Austro-Hongrois était en droit de rechercher sur la Péninsule Balcanique une concession utile au développement de ses intérêts économiques, de même que toutes les autres Puissances, et en première ligne les Puissances Balcaniques, ont le droit de rechercher sur la même Péninsule les concessions de chemins de fer qui leur sont favorables. En adoptant ce point de vue Mr. Iswolsky se montrait beaucoup moins intransigeant que ses prédécesseurs. En effet, lorsqu'en 1900 le bruit courut que l'Autriche-Hongrie voulait prolonger son réseau Balcanique jusqu'à Mitrowitza, l'Ambassadeur de Russie à Vienne fut chargé de déclarer au Gouvernement Austro-Hongrois que le Gouvernement Impérial envisagerait l'accomplissement de ce projet comme une infraction au statu-quo dont le maintien était visé par l'entente de 1897. Quant à l'échange de vues se rapportant à l'année 1902 dont fait mention l'aide-mémoire du Baron d'Aehrenthal, aucune des pièces se rapportant à cette époque, qui se trouvent dans les archives du Ministère Impérial, n'est de nature à faire supposer que cet échange de vues ait eu pour résultat de modifier l'opinion du Cabinet Impérial sur le projet susmentionné.

Ceci une fois établi, le Gouvernement Impérial prend acte avec la plus vive satisfaction de la déclaration du Cabinet de Vienne que celui-ci reste fidèle à la manière de voir éxposée dans le communiqué officiel du 14 Février dr, à savoir qu'il accueille avec sympathie tous les projets de chemin de fer dans les Balcans, persuadé que la construction de voies ferrées est l'agent le plus puissant de développement économique et de la civilisation en général. Aussi le Gouvernement Impérial se plait-il à espérér que lorsque le syndicat international qui s'est constitué dans le but d'entreprendre la construction et l'exploitation d'une ligne qui réuinirait le Danube à l'Adriatique en passant par le point frontière serbe Mrdare, adressera à la Sublime Porte d'abord une demande pour l'étude du tracé et ensuite une demande de concession, le Cabinet de Vienne voudra bien appuyer ces demarches. Il est bien entendu que, de son côté, le Gouvernement Impérial continuera à s'abstenir de toute obstruction au projet de raccordement Wratz-Mitrovitza.

---

[1] II Отд Гос. Архива. Архив Секр. Отд.—Картон: доклады 1908 года.

2) Entente de 1897.

L'interprétation que le Cabinet de Vienne a bien voulu donner aux déclarations concernant l'entente entre la Russie et l'Autriche-Hongrie contenues dans l'aide-mémoire russe du 27 Avril dr. est entièrement conforme à la pensée du Gouvernement Impérial.

Celui-ci reste fidèle aux principes de désinteressement énoncés d'un commun accord en 1897 et nous constatons avec plaisir que cette formule est entièrement et également acceptable à la Russie et à l'Autriche-Hongrie.

Il nous parait en même temps désirable de definir d'une manière plus précise certains points de cette entente, ce qui pourrait servir à écarter des malentendus et à donner à tout l'accord plus de valeur pratique et de stabilité.

Nous devons reconnaître en premier lieu, l'entière conformité de vues qui continue à exister entre le Gouvernement Impérial et le Gouvernement Austro-Hongrois au sujet de la nécessité de maintenir le statu-quo actuel aussi longtemps que les circonstances le permetteront [1], et de la possibilité d'une entente entre la Russie et l'Autriche-Hongrie pour parer aux éventualités qui pourraient surgir sur la presqu'île Balcanique (Dépèche du comte Goluchowsky au prince Lichtenstein du 8 Mai 1897).

Dans cet ordre d'idées il pourrait être convenu d'une manière explicite que le statu-quo actuel comprend la jonction de lignes ferrées Ottomanes en Macédoine avec celles de la Bosnie à travers le Sandjak de Novi-Basar, ainsi qu'avec d'autres lignes Balcaniques aboutissant au littoral de l'Adriatique. Il serait entendu, en même temps, que le Sandjak de Novi-Basar s'étend au delà de Mitrowitza jusqu'au bourg Voutchitrn et les hauteurs de Kopaonik et de Mokra-Planina.

Le statu-quo actuel dans le Sandjak de Novi-Basar comprendrait également la continuation du fonctionnement de l'administration Ottomane dans ces limites ainsi que la présence des garnisons austro-hongroises dans les localités de ce Sandjak, dans lesquelles ces garnisons sont tenues actuellement.

Nous croyons devoir pleinemeut maintenir les differentes résérves formulées par le compte Mouraview dans la note au prince Lichtenstein du 5 Mai 1897 et se rapportant aux diverses questions traitées dans la dépèche du comte Goluchowsky du 26 Avril/8 Mai de la même année; nous continuons, notamment, à être d'avis que la question de la modification de l'état de choses établi par l'article 25 du traité de Berlin, c'est à dire l'annexion de la Bosnie, de l'Herzégovine et du Sandjak de Novi-Basar, a un caractère éminemment européen, et n'est pas de nature à être reglée par une entente séparée entre la Russie et l'Autriche-Hongrie.

Nous sommes prêts, d'autre part, à reconnaître que la même réserve s'applique à la question de Constantinople, du terriroire adjacent et des détroits.

Néanmoins, vu l'extrême importance qu'il y aurait pour les deux pays de voir les deux questions susmentionnées réglées conformément à leurs intérêts réciproques, le Gouvernement Impérial serait prêt à en accepter la discussion dans un esprit d'amicale réciprocité.

Quant aux autres parties de l'entente de 1897, elles restent, comme par le passé, l'expression exacte des vues du Gouvernement Impérial, lequel se plait à constater que le Couvernement Austro-Hongrois ainsi qu'il appert de son aide-mémoire du 1-r Mai dr, envisage l'entente de 1897 de la même façon; enfin le Gouvernement Impérial Russe tient de son côté à conserver avec le Gouvernement Austro-Hongrois les rapports les plus amicaux et les plus confiants, en pleine harmonie avec les intérêts monarchiques et conservateurs des deux pays.

3) Réformes Macédoniennes.

Le Cabinet Impériale prend acte avec la plus vive satisfaction de la déclaration du Gouvernement Austro-Hongrois qu'il est prêt à munir l'Ambassade

---

[1] Курсив подлинника.

d'Autriche-Hongrie à Constantinople d'instructions conformes au sens de la dépêche du 10 Avril adressée au comte Benkendorff. Cette dépêche ayant donné lieu à un échange de vues subséquent entre les Cabinets de St. Pétersbourg et de Londres, certains points du programme de réformes qui s'y trouve contenu ont été précisés et éclaircis, sans subir d'ailleurs de modifications éssentielles.

Le Ministère Impérial est occupé actuellement à établir une rédaction definitive de programme susmentionné qu'il ne manquera pas de communiquer en premier lieu au Cabinet de Vienne et qu'il éspère voir adopté par tous les Cabinets, comme base d'une future action à Constantinople.

Петербург
19 Июня 1908 г.

Приложение № 7.
(К главе 7-й).

Projet d'entente entre le Gouvernement Impériale et le Gouvernement Ottoman.[1]

Пометка Николая II
„Одобряю вполне"
Яхта Штандарт
23 Сентября 1908 г.

1) Dans le cas où le Gouvernement Austro-Hongrois soulevait la question de l'annexion de la Bosnie et de l'Herzegovine, à l'occasion de la prochaine réunion des Délégations Austro-Hongroises à Budapest. le Gouvernement Impérial, jugeant que cet acte unilatéral constituerait une infraction grave apportée au Traité de Berlin, s'adresserait aussitôt aux Puissances signataires du dit traité pour leur proposer de se réunir en Conférence afin de procéder à la révision de tout ce traité et d'établir les compensations nécessaires en faveur de la Turquie, de la Russie et des Etats Balcaniques.

2) Sans préjuger les décisions que la Turquie trouverait opportun de prendre en présence de l'acte susmentionné du Cabinet de Vienne, le Gouvernement Impérial désire s'entendre avec le Gouvernement Ottoman pour défendre à la Conférence projetée les interêts qu'ils ont en commun.

3) De son côté le Gouvernement Impérial est prêt à appuyer en faveur du Gouvernement Ottoman les avantages suivants: a) Evacuation immédiate du Sandjak de Novi-Basar par les garnisons et les troupes Austro-Hongroises et renonciation définitive par l'Autriche-Hongrie à tous les droits dans ledit Sandjak découlant pour elle du traité de Berlin. b) L'abrogation de l'article 23 du traité de Berlin et du droit des Puissances de s'immiscer dans les affaires intérieures des Provinces de la Turquie d'Europe du moment où sous la sauvegarde de la nouvelle organisation constitutionnelle Ottomane, tous les sujets Ottomans sans distinction de race et de religion, jouiront des mêmes droits civils et politiques et de la sécurité existant dans les autres Etats civilisés. c) Abrogation de l'article 61 du Traité de Berlin, vu les circonstances énumérées au point précédent. d) Renonciation par les Puissances au principe des Capitulations dans l'Empire Ottoman et l'abrogation de celles-ci en pratique suivant les progrès de la réforme des tribunaux Ottomans. e) Suppression des bureaux de poste étrangers en Turquie. Ceux appartenants à la Russie seraient abolis aussitôt. Les autres changements dans le Traité de Berlin, dont la Russie prendrait l'initiative, se rapporteraient aux intérêts plus spéciaux de la Serbie et du Monténegro et ne toucheraient en rien à ceux de la Turquie.

Finalement, et en dehors des délibérations de la Conférence, le Gouvernement Impérial, désireux d'éffacer la dernière trace des mésintelligences passées,

---

[1] II Отд. Гос. Архива. Картон: Ближний Восток—Доклады 1908 года.

est prêt à renoncer, dès à présent, au reliquat de la contribution de guerre qui lui est dûe de la part de la Turquie.

De son côté, le Gouvernement Ottoman 1) consentirait à ne pas s'opposer à l'abrogation de l'article 1 du Traité de Berlin et à l'établissement de la Bulgarie en Royaume indépendant. La question du tribut dû par la Bulgarie au Trésor Ottoman en vertu de l'article 4 du Traité de Berlin ferait l'objet d'une entente dans laquelle les interêts du fisc Ottoman seraient pleinement sauvegardés.

2) Dans le cas où les Puissances signataires du Traité de Berlin se prononcaient en Conférence en faveur de la révision de l'article 63 du Traité de Berlin, le Gouvernement Ottoman ne réfuserait pas d'appliquer des règles analogues à celles existant au sujet du passage des navires de la Flotte Volontaire Russe à travers les détroits du Bosphore et de Dardanelles aux navires de guerre de la Russie et des autres Etats riverains de la Mer Noire, en maintenant, quant aux autres Etats, le principe en vigueur de la fermeture desdits détroits et en soumettant le passage des navires susmentionnés à toutes les conditions nécessaires pour garantir absolument la sécurité du territoire et des établissements Ottomans dans le voisinage desdits détroits.

Une entente entre la Russie et l'Empire Ottoman, sur la base exposée ci-dessus, ouvrirait à tous les deux une ère nouvelle d'amitié, de parité, d'éstime réciproque, de bon voisinage et de prospérité pacifique.

Приложение № 8.
(К главе 6-й).

На докладе Министра Иностранных Дел с испрошением о времени передачи полученного письма императора Франца-Иосифа, собственноручно государем написано: „Надо будет зрело обдумать проект моего ответного письма императору, вдохновляясь мыслями, высказанными в разговоре с вами и со Столыпиным 21 сентября".

Яхта „Штандарт"
23 сентября 1908 г.

Lettre de l'Empereur François-Joseph en date de Budapest le 29 septembre 1908. [1]

Mon cher ami,

Tu n'es pas sans connaître les pourparlers entamés depuis un certain temps entre Nos deux Gouvernements en vue d'affermir les bases de Notre entente dans les affaires de l'Orient et d'établir solidement pour l'avenir les idées générales de la politique à suivre d'un commun accord dans la peninsule balcanique.

Je n'ai pas besoin de relever combien j'attache de prix au succès de ces pourparlers, fermement convaincu que je suis qu'un arrangement comme celui que Nos Gouvernements ont en vue, servira le mieux les principes monarchiques et conservateurs qui Nous tiennent à coeur dans l'interêt même de l'avenir de Nos Empires.

En travaillant à l'heureux développement de ces questions de si haute importance mon Gouvernement a dû s'occuper également d'un autre problème d'une gravité exceptionnelle, dont la solution ne saurait être ajournée sans danger pour le développement pacifique des évènements à proximité des frontières de Nos pays.

Il s'agit de la situation de la Bosnie et de l'Herzégovine.

---

[1] II Отд. Гос. Архива Секр. Отд.—Картон: доклады 1908 года.

Ces deux pays sont arrivés aujourd'hui, grâce aux soins assidus de Nos Gouvernements, à un haut degré de culture matérielle et intellectuelle; ils aspirent donc légitimement aux bienfaits d'un regime autonome et constitutionnel[1], régime que Mon Gouvernement ne croit pas pouvoir leur refuser plus longtemps en présence des évènements imprévus qui viennent de se dérouler en Turquie.

Or, il ne parait pas possible de procéder à l'octroi d'une constitution pour la Bosnie et l'Herzegovine avant d'avoir réglé d'une manière définitive l'avenir politique de ces provinces.

Le moment semble donc venu auquel M. de Giers faisait allusion dans un telegramme adressé au Prince Lobanoff le 27 février 1884 en parlant „de circonstances imprévues qui pourraient obliger le Gouvernement Autrichien â modifier l'état des choses, éxistant dans les deux provinces occupées".

Ce ne sont en effet pas des considérations d'utilité politique, mais les éxigences impérieuses de la situation qui m'obligeront de procéder à l'annexion de la Bosnie et de l'Herzégovine.

Persuadé de Ton amitié éprouvée et confiant en la force des liens traditionnels qui unissent Nos deux Empires, j'ai la ferme conviction que Tu apprécieras d'une manière bienveillante une mesure qui nous est dictée par la nécessité et que feu Ton Père et Crand Père ont prévue et acceptée sans réserve.

Pour Te prouver que cette décision n'est nullement en contradiction avec l'orientation conservatrice de la politique de l'Autriche - Hongrie et que mon Gouvernement reste fidèle aux principes de désinterresement établies en 1897, je n'ai qu'à Te dire que j'ai autorisé mon Gouvernement à renoncer au moment de l'annexion de la Bosnie et de l'Herzégovine à l'exercice des droits militaires et administratifs que le Traité de Berlin confère à la Monarchie dans le Sandjak de Novi-Basar. Le rappel immédiat de mes troupes qui actuellement y tiennent garnison sanctionnera cette renonciation.

Je Te prie de croire aux sentiments de sincère amitié de

„Ton frère et ami

François-Joseph".

Приложение № 9.
(К главе 7-й).

Проект письма Николая II на имя Франца-Иосифа.[2]

Царское Село
22 октября 1908 г.

Mon cher ami,

La profonde et sincère amitié, que je Te porte, ne me permet pas de Te cacher la bien pénible impression que M'a causée l'annexion à l'Empire Austro-Hongrois, par un acte unilatéral, que Je déplore vivement, des deux provinces de la Bosnie et de l'Herzégovine confiées par le Traité de Berlin à l'administration de Ton Gouvernement. Je ne voudrais par mettre en doute la valeur générale des engagements pris envers Toi par Mon Grand Pére et Mon Père, ni rechercher si la pièce spéciale citée dans Ta lettre se rapporte à un accord encore en vigueur. Je Me borne à constater que la Russie a toujours considéré que l'Autriche - Hongrie tenant son droit d'occupation de la Bosnie et de l'Herzégovine du Traité de Berlin, la situation de ces deux provinces ne

---

[1] Курсивом фразы, подчеркнутые Николаем II.
[2] Гос. Архив.

pourrait subir une modification qu'à la suite d'une délibération des Puissances Signataires de ce Traité. Ce point de vue est d'ailleurs strictement conforme au principe établi par la Conférence de Londres et solennellement admis par l'Autriche - Hongrie: „qu'aucune Puissance ne peut se dédire des engagements d'un Traité ni d'en modifier les stipulations qu'à la suite de l'assentiment des parties contractantes au moyen d'une entente amicale".

Confit dans Ton amitié et dans le sentimênt de haute équité dont Je Te sais animé, Je suis persuadé que Tu reconnaîteras la justesse de la pleine application de ce principe en cas actuel.

De Mon côté rien ne Me tient plus à coeur que de servir les principes monarchiques et conservateurs si salutaires à la Russie et à l'Autriche—Hongrie, et J'emploierai tous Mes efforts à une solution amicale de la présente difficulté afin de raffermir par là les liens traditionnels qui unissent Nos deux Empires. Je Te prie de croire aux sentiments de sincère amitié de...

Manu Propria:

„Ton frère et ami

Nicolas".

Приложение № 10.
(К главе 7-й).

Письмо Императора Франца-Иосифа Николаю II. [1]

Вена,
7 декабря / (24 ноября) 1908 года.

Mon cher ami!

Je M'etais fait un plaisir extrême de recevoir des mains du Grand Duc Michel la lettre que Tu consacrais à Mon jubilé; l'évènement douloureux qui a retenu Ton Frère parmi les Siens m'a donc causé une déception sincère. Quant à Ton message même auquel l'Impératrice a bien voulu s'associer, il a touché une corde sensible de mon coeur. L' amitié que Tu Me portes M'est chère à plus d'un titre et J'attache un grand prix à son expression au moment où, ayant accompli 60 ans d'un règne riche en soucis et en labeurs, Je Me plais, non sans émotion, à en retracer les étapes dans Ma mémoire.

Dans ce passé les relations entre Nos trônes ont pris une large place. Je les ai cultivées autant par inclination que par devoir envers Mes peuples.

Bientôt après Mon accession J'ai dû reconnaitre à l'encontre de Mes sympathies personnelles que les déstinées de la Russie et de Ma monarchie n'etaient pas faites pour être réglées par la politique d'une alliance ostensible, les conditions géographiques et nationales des deux Empires étant trop différentes pour leur permettre à la longue de marcher côte-à-côte à la poursuite d'un même but défini. J'ai reconnu et Tes Ancêtres avec Moi, que la divergence des aspirations de Nos peuples Nous imposait une vigilance constante et qu'il fallait en corriger les effets par les liens solides de l'amitié et de la confiance entre Nos Maisons.

J'ai fait de ce principe le pivot de Ma politique qui a consisté à saisir toute circonstance capable de rapprocher les interêts des deux Puissances et d'un autre côté à traiter avec bon vouloir et de sang froid tous les différends que le choc des interêts pourrait faire surgir entre Nous.

---

[1] Гос. Архив.

Cette politique partagée par Tes Prédécesseurs n'a pas été stérile pour la Russie, elle a conjuré des périls et procuré des avantages positifs. Elle a permis à Alexandre II de prendre les armes contre le Turc et de recueillir les fruits de Sa victoire, tant au profit de la Russie, qu'à celui des nations de la Péninsule Balcanique.

Je n'ai pas à Te rappeler les aspects périlleux que la question des Balcans a parfois présentés depuis sous le regne de Feu Ton Pére. Notre bonne volonté a eu raison à cette époque des irritabilités de l'opinion publique et de ses velleités inquiétantes.

Plus tard encore Ton amitié éclairée Nous fait faire un grand pas en avant par l'entente de 1897 qui etait appelée à guider la politique de l'Europe dans les Balcans. Pour l'opinion cet accord paraissait en quelque sorte inaugurer une nouvelle politique contraire aux traditions du passé; tandis qu'en realité elle ne fut que le développement des relations qui avaient déjà triomphé de 20 ans d'épreuves.

Ce rapprochement M'a procuré la satisfaction de poursuivre ouvertement une politique d'harmonie intime avec la Russie. J'ai fait plus que d'en observer la lettre qui laissait à l'Autriche-Hongrie toute sa liberté pour cultiver ses interêts economiques dans les Balcans. Car pendant que Tu soutenais en Extrême-Orient une guerre difficile et pendant les troubles qui se manifestèrent en Russie par la suite, J'ai négligé ces interêts matériels pour T'épargner l'ombre d'une inquiétude du côté de l'Europe.

Tout dernièrement enfin, lorsque pour mettre à l'abri des dangers un point vulnérable de Ma domination, le devoir M'ordonnait de prendre une mesure définitive à l'égard de la Bosnie et de l'Herzégovine, mesure qui figure dans Nos engagements antérieurs comme contre-valeur en regard des accroissements de territoire et d'influence de l'Empire Russe; toujours fidèle aux traditions de Ma politique J'associais Ton Empire à Mon projet en lui destinant un avantage considérable.

Dans Ta lettre du 22 Octobre / 4 Novembre Tu crois dêvoir faire Tes réserves sur les textes que Mon Gouvernement pourrait invoquer en faveur de Mon action récente. Crois Moi, Mon cher Ami, qu'il ne M'est pas venu à l'idée de faire état de ces pièces pour plaider Ma cause devant l'Europe et envers Toi. Aussi bien en Te parlant ainsi, Mon but n'est point de peser sur Ton jugement à l'endroit de Ma diplomatie. Je désire que Tu saches que Ma loyauté ne T'a pas fait défaut en cette occasion; que Je n'ai rien entrepris qui n'ait été sanctionné d'avance par Tes Prédécesseurs et recémment même par Ton Gouvernement qui M'avait offert d'étendre Ma domination au delà des limites que Je lui avais tracées. Je veux Te dire que J'ai été peiné de Te voir montrer de la défiance envers Mes desseins et Me le prouver en Me rappelant des formules que, certes, Je ne voudrais pas renier, mais qui Me paraissent plus propres à être invoquées contre un adversaire que vis-à-vis d'un ami sincère qui a pris soin de se renseigner sur Tes intérêts et Tes intentions avant d'entamer une action dont les avantages devaient revenir d'une part au préstige de Ton Empire, de l'autre à la sécurité du Mien.

Si J'ai choisi le fait accompli comme procédé ai-Je besoin de Te dire que ce fut pour des motifs sérieux? Il est évident que la Turquie, et pour des raisons actuelles, autre Puissance M'auraient refusé ou, pour le moins, marchandé leur consentement si Je l'avais demandé au préalable. Les moyens de préssion que l'on emploie contre l'Autriche-Hongrie à l'heure présente auraient étés mis en jeu de suite et le fait d'avoir soulevé la question M'aurait valu de la part des petits Etats Slaves des attaques certainement plus vives que celles qu'ils M'ont livrées après coup. Il M'aurait donc fallu vraisemblablement recourir aux armes dans une entreprise dont le but est de retarder les conflits sanglants dans les Balcans.

Ton récent acte Fraternel, Mon cher Ami, pour lequel Je Te réitère Ma vive gratitude, M'a donne l'occasion de Te parler de la sorte pour T'indiquer les convictions et les devoirs sacrés qui M'ont inspiré pendant le règne dont Je viens de fêter le jubilé, pendant la longue existance pleine d'épreuves que Dieu M'a accordée.

J'ai tenu à T'assurer de Ma fidélité aux principes qui M'ont guidé jusqu'a l'heure présente et de Ma ferme volonté de persévérer loyalement jusqu'à Ma dernière heure dans la voie que Je Me suis tracée dans le temps. Que Dieu Me conserve Ta confiance et Ton amitié dans l'intérêt de Nos trônes et de Nos peuples.

Je Te prie de croire aux sentiments de sincère attachement de

„Ton frère et ami *François-Joseph*".

Приложение № 11.
(К главе 7-й).

Письмо Николая II к Францу-Иосифу [1]

Tsarskoe Selo, 17 Décembre 1908.

Пометка Николая II:

„Вполне одобряю, 17 декабря
1908 года".

Mon cher Ami!

J'ai été profondément touché des termes affectueux de Ta lettre et J'éprouve à Mon tour le besoin de Te parler à coeur ouvert des rapports actuels entre Nos deux Empires; ces rapports ont subi, hélas, ce dernier temps une altération qui Me cause le plus vif chagrin; Tu sais combien J'ai toujours été attaché à l'entente qui avait été notre oeuvre commune et personnelle; c'est cet accord qui, pendant dix ans, a assuré le cours pacifique des évènements dans les Balcans. Si cet état de choses a fait place aujourd'hui à un sentiment d'alarme générale, ce n'est certes pas la Russie qui en est cause. Se conformant strictement à Ma volonté, Mon Gouvernement restait scrupuleusement fidèle à l'action que Nous avions entreprise en commun en Macédonie; c'est Ton Ministre des Affaires Etrangères qui a porté le premier coup à Notre entente; ai-Je besoin de Te rappeler les évènements si injustifiables de l'hiver dernier? Au moment même où J'étais fermement convaincu qu'à la suite des entretiens amicaux entre Nos deux Ministres à Vienne, nous marcherons complètement d'accord, le Baron d'Aehrenthal nous faussait ...compagnie, annonçait, sans nous en prévenir, son projet de chemin de fer du Sandjak et abandonnait le plan de réformes judiciaires en Macédonie élaboré en commun par Nos Cabinets. Tu connais tous Mes efforts pour éviter la rupture de Notre accord; c'est pour tâcher de le reconstituer que Je préscrivis à M. Iswolsky de s'aboucher l'automne dernier avec le Baron Aehrenthal. Celui-ci lui révèla à cette occasion de nouveaux plans qui ne pouvaient que trancher le cours normal des choses et la bonne harmonie entre Nos deux Empires. Néanmoins Mon Ministre des Affaires Etrangères, pénétré d'intentions les plus conciliantes, s'appliqua à rechercher avec lui les moyens les plus propres à acheminer la question de l'annexion qu'il etait résolu à soulever vers une solution à l'amiable. M. Iswolsky commenca par le rendre attentif à l'effervescence qu'il ne manquerait pas de provoquer tant en Russie que parmis les peuples Balcaniques, il lui indiqua ensuite les conditions auxquelles il nous serait possible, malgré toutes les difficultés qu'il Nous préparait de persister dans notre attitude amicale envers l'Autriche-Hongrie; il lui déclara d'ailleurs franchement que nous ne pouvions pas renoncer à la thèse que Nous avons toujours soutenu à savoir que la question de l'annexion de la Bosnie et de l'Herzégovine avait un caractère européen et ne pouvait être re-

[1] Гос. Архив. Эта копия списана с весьма неразборчиво написанного рукою Извольского черновика, несколько слов которого не разобрано.

connu qu'avec l'assentiment des Puissances; il fût même question du lieu et de l'époque d'une Conférence. Enfin M. Iswolsky reçut l'assurance que le Baron d'Aehrenthal le préviendrait d'avance et en temps utile des résolutions définitives de Ton Gouvernement. Je demeurais bien entendu que l'échange de vues entre les deux Ministres devait avant tout être porté à ma connaissance et l'accord négocié par eux—recevoir ma sanction.

Or sans attendre une réponse de Ma part, sans nous prèvenir plus de 24 heures à l'avance, sans tenir le moins du monde compte des réserves formulées par Mon Ministre, le Baron d'Aehrenthal nous plaçait devant un fait accompli, ce qui ne l'empéchait pas de déclarer qu'il avait agi en plein accord avec nous; en même temps Tes Ambassadeurs à l'etranger soutenaient que l'annexion ne concernait en rien les Puissances et que l'Autriche-Hongrie n'irait pas à une Conférence.

Tu sais quelle émotion cette brusque manière d'agir provoqua dans toute l'Furope. Le Baron d'Aehrenthal qui a passé tant d'années parmi nous devait s'attendre au mouvement d'opinion qui se produisit en Russie et qui a causé et cause encore tant de difficultés à Mon Gouvernement.

Tu comprendras aussi, Mon cher Ami, combien J'ai été personnellement froissé des procédés de Ton Ministre. Malgré tout cela Mon Cabinet n'a pas céssé un seul instant d'agir par tous les moyens pour pacifier les ésprits tant en Russie que parmi les peuples Balcaniques; au milieu de toutes ces difficultés Mon Cabinet ne s'est pas réparti un instant de l'attitude la plus conciliante et la plus correcte: c'est donc, avec une pénible . . . . . que J'ai appris de . . . . . le Baron de Aehrenthal de se servir à notre égard. Contrairement à tous les usages diplomatiques, il a trouvé bon de communiquer, sans consentement de notre part, à d'autres Cabinets les pièces confidentielles échangées recemment entre Nos Cabinets; quelques unes de ces pièces se . . . . . à des pourparlers antérieurs, se rattachant à Notre accord secret de 1897: cet accord. Je le considère comme un pacte personnel, conclu entre Toi et Moi, auquel Nos Ministres n'ont participé qu'en qualité de temoins. Je n'ignore pas d'ailleurs que le Baron d'Aehrenthal avait déjà précédémment communiqué à un Cabinet étranger une pièce se rapportant au même accord. Je ne Te cacherai pas, Mon cher Ami, que Je vois dans ce procédé de Ton Ministre un manque d'éstime envers Ma Personne; aucun rapport confidentiel n'étant possible dans de pareilles conditions, Je Me suis vu obligé d'ordonner à Mon Ministre des Affaires Etrangères de borner dorénavant les relations entre Nos deux Cabinets à des communications strictement officielles.

Je puis T'assurer, Mon cher Ami, que tous ces pénibles incidents laissent parfaitement intacts les sentiments de profonde affection que Je Te porte et Mon sincère desir de voir la bonne harmonie la plus complète rétablie entre Nos deux Monarchies. Ce n'est pas seulement avec Mon profond chagrin que Je T'écris ces lignes, mais aussi avec un sentiment de vive arprehension pour l'avenir. Je ne . . . . . certes pas de juger si la politique de Ton Ministre des Affaires Etrangères a procuré à Ton Empire des avantages en proportion avec les troubles, qu'elle a fait naître. Mais Je dois Me demander si cette politique s'arrètera aux perturbations qu'elle a déià causées, où bien si nous sommes à la veille de complications encore plus dangereuses pour la paix générale. D'après tout ce qui Me revient, Ton Gouvernement prend des mesures militaires sans rien . . . . . qui sembla indiquer qu'il se prépare un conflit prochain avec Tes voisins Balcaniques du Sud. Si un pareil conflit se produit, il y aura comme contre-coup une grande effervescence non seulement dans la Péninsule de Balcans, mais aussi en Russie, et Tu comprenderas la situation particulièrement difficile dans laquelle Je Me trouverai placé: Dieu nous garde d'une pareille eventualité qui metterait fin à toute possibilité de bons rapports entre la Russie et l'Autriche - Hongrie et pousserait l'Europe à une guerre générale.

Pour Ma part Je resterai toujours fidèle aux sentiments et aux principes qui M'ont guidé dans Mes rapports avec Toi et qui Me paraissent si impérieusement nécessaires pour le maintien de la paix et des institutions monar-

chiques; Je prie Dieu de séconder Mes efforts dans ce sens en Me conservant de Ta part les mêmes sentiments qui Me sont infinement précieux et dans ces . . . . . Je ne cesserai de voir le gage le plus sûr des bons rapports entre Nos deux Empires.

Je Te prie de croire aux sentiments de sincère attachement de

---

Приложение № 12.
(К главе 7-й).

Lettre de Sa Majesté l'Empereur et Roi François-Joseph à Sa Majesté l'Empereur en date de Vienne, le 15/28 Janvier 1909.[1]

Mon cher Ami,

La peine que Tu as prise dans Ta lettre du 17/30 dernier de M'exposer personnelement tous les arguments que Ton Gouvernement croit devoir invoquer contre Moi, Me donne la mesure de Ta sollicitude pour les affaires de la politique actuelle. Je songe, en Te voyant si fortement impressionné par le differend que des négociations récentes ont fait naître entre Nos Ministres des Affaires Etrangères, aux conflits analogues dont J'ai été témoin autrefois. J'ai toujours trouvé que de pareilles mésintelligences entre hommes d'Etat se dissipaient plus facilement sans intervention des Souverains; l'expérience M'a appris par conséquent à M'imposer une patiente réserve à leur égard.

Tu ne M'en voudra pas si au lieu d'entreprendre la discussion des griefs dont Tu Te fais l'interprète, Je Me borne à relever dans Ta lettre quelques passages, qui mettent en cause Ta personne et la Mienne.

Tout d'abord J'ai été frappé de T'entendre dire, que le Baron d'Aehrenthal ait „révélé" l'automne dernier à Ton Ministre des Affaires Etrangères „de nouveaux plans qui ne pouvaient que troubler le cours normal des choses"... Ces nouveaux plans (il s'agit sans doute de l'annexion des provinces de Bosnie et d'Herzégovine) étaient compris dans l'ensemble des propositions dont Ton Ministre avait saisi le Baron d'Aehrenthal deux mois avant le rencontrer à Buchlau. Mon Ministre qui ne se serait pas permis d'entrer dans les vues de Mr. Iswolsky sans Mon consentemeut tenait pour acquis que ce dernier fût muni de Ton autorisation, lorsqu'il les lui communiqua.

Je ne puis, Mon cher Ami, Te dissimuler Mon étonnement du fait que ces propositions n'aient pas été soumises à Ta sanction préalable et qu'elles aient été porté à Ta connaissance après coup, sous l'aspect d'une révélation inattendue et intempestive. Il est utile que Tu sache, que dans la pensée initiale de Ton Ministre la mesure que J'ai prise plus tard à l'égard de la Bosnie et de l'Herzégovine—mesure dont la nécessité s'était imposée à son jugement—devait s'étendre sur le Sandjak de Novibasar, tandis que pour Ma part Je Me serais engagé à suivre avec bienveillance et à préter Mon appui moral à une action que Tu aurais entreprise en vue d'ouvrir à Tes bâtiments de guerre le passage des Détroits.

Cette partie du programme ne fut pas éxécutée pour des motifs que Je ne rechercherai pas; Je Te prie cependant, Mon cher Ami, de croire que Mon Gouvernement leur est resté étranger et que même nous les ignorons complètement à l'heure qu'il est. Le Baron d'Aehrenthal est donc loin d'avoir mérité Ton mécontentement de ce chef.

Je désirerais bien aussi Te voir suspendre Ton jugement sur Mon Ministre quant à la grave indiscretion qu'il aurait commise envers Ta Personne par la prétendue divulgation de Notre pacte de 1897. Ici encore un examen direct des

---

[1] Гос. Архив.

pièces, qui évidemment n'ont par été placées sous Tes yeux, Te convaincrait, comme J'en ai été Moi-même, qu'aucun secret Nous concernant, aucun détail de Notre entretien confidentiel de cette époque n'ait été livré au public par la communication du Baron d'Aehrenthal aux Cabinets étrangers. Tout au contraire, ce Ministre a même fait preuve de retenue et de discretion dans les éclaircissements, que la situation le forcait de donner sur les résultats de nos négociations.

Un troisième passage de Ta lettre enfin Me touche directement et Me surprend au plus vif. J'ai peine à comprendre que l'on ait pu Te dissimuler l'état des choses et des ésprits dans les Balcans, au point de Te faire envisager comme agressive Mon attitude envers la Serbie et le Monténegro.

L'effervescence qui règne dans ces parages donne naissance au bruits les plus divers et les plus contradictoires, qu'il importe de vérifier incessament avec la plus grande attention. Les conseillers qui négligent de puiser aux sources certaines leurs informations et de les trier soigneusement avant de Te les transmettre, Me semblent ne pas se rendre compte, à quel point ils engagent leur responsabilité et à quels risques ils exposent la situation politique.

Mon attitude vis-à-vis des Etats Serbes depuis l'automne M'a été dictée par la prévoyance et le devoir en présence d'une hostilité haineuse et passionné dont se sont pénétrées dans ces pays toutes les classes y compris les représentants responsables du pouvoir. Je n'ai jamais songé à porter atteinte à leur existence indépendante et Je ne caresse aucun dessein de conquête à leur détriment. Par contre Je suis, certes, déterminé à repousser avec la dernière énergie toute agression, à laquelle leur audace croissante pourrait les entraîner dans la poursuite des rêves chimériques, qui, hélas, leurs ont été suggérés de plus d'un côté.

Il est sans exemple, qu'une grande Puissance soucieuse de sa dignité et de ses interêts ait fait preuve à l'endroit des provocations insolentes de ses petits voisins d'une longanimité comparable à la nôtre.

Je persiste à espérer, que la réflexion et le bon sens auront raison finalement de ces égarements, qui finiraient par conduire ces peuples vers les pires hasards.

Mon chargé d'affaires à Saint Pétersbourg M'a rendu compte des paroles gracieuses dont Tu as bien voulu l'honorer à l'occasion du Nouvel An; J'en ai pris ma part et T'en remercie cordialement. Les sentiments et les voeux que Tu as exprimés en peu de mots sont d'heureux augure.

Je Te prie de croire aux sentiments de sincère amitié de

„Ton frère et ami

François-Joseph";

Приложение № 13.
(К главе 7-й).

Письмо Вильгельма II к Николаю II.

Huberstock, 9/I—09.

Dearest Nicky, [1] . . . . . .

Many thanks for Your kind letter of December 25-th, which You sent me through Tatischeff. I was much pleased to hear from You, and my wife and I both thank You most sincerely for Your kind wishes for the New Year. You are quite right in saying, that the old Year was an eventfull one. The annexation

[1] II отд. Гос. Архива. Секретный Отдел.

of Bosnia and Herzegovina was a genuine surprise for everybody, but particularly so for us, as we were informed of Austria's intentions even later than You. I think it my duty to draw Your attention to this, considering, that Germany has been accused of having pushed Austria to take this step. This allegation is absurd, and as untrue, as it was in the case of the Sandjak railway. I am glad to see by Your letter, that people in Russia begin to realise this now.

The fact is, that once Austria had taken this step, without previously consulting us, hesitation as to the course we had to follow as loyal allies was out of the question. We could not side with her opponents. You will be the first to approuve of this loyalty of ours.

But this does not mean that we intend to drop our old friendly relations with Russia. I am even more firmly convinced than ever, that Germany and Russia should be as closely united as possible; their union would form a powerful stronghold for the maintenance of peace and of monarchical institutions. You know My views in that respect. That My friendship is loyal and sincere, I was able to prove to You by facts; when during the period of adversities Russia had to pass through recently, I took grave responsabilities on Myself for Your sake.

Valuing as I do friendly relations between our two countries I consider it all the more important that whatever might injure them should be removed. You won't, I hope, mind My telling You quite frankly, what I think on the subject. Recently we have been represented as resenting and showing uneaseness about Your agreement with England concerning Central Asia. The same rumour were circulated about the visit Uncle Bertie paid to You at Reval. All nonsense! We understand perfectly, that Russia for the present must avoid getting into a conflict with Great Britain, and that for this reason she is bent on smoothing away actual points of controversy.

Apart from this You have repeatedly given Me the formal assurance that You would not enter upon any agreement with England of a more general natur. I have Your word, what else should I require? We are quite as anxious as You to improve our relations with England. I am looking forward to the visit Uncle Bertie is going to pay Me next month in Berlin, not only because I am gratified to have him and Aunt Alix over here, but also because I expect the visit to have useful results for the peace of the world.

No, My dear Nicky, neither Your agreement with England about Central Asia, nor Your meeting at Reval has produced any uneasiness or disappointment in Germany! The cause is quite a different one. It is the patent fact that for the last two years Russian policy has been gradually drawing away from us more and more, evolving always closer towards a combination of Powers unfriendly to us. The Triple Entente between France, Russia and England is being talked of by the whole world as an accomplished fact. English and French papers miss no opportunity of representing this alleged „Triple Entente" as being directed against Germany, and only too often the Russian press chimes in joining the chorus. On the other hand in many cases of late Russian policy has shown mistrust in German policy, for instance in Persia and China, a mistrust entirely unwarranted. As for other questions in which we are interested, such as the Bagdad railway, where we expected to count on Russia, she in her policy gave us a wide berth. Is it surprising consequently that a certain estrangement should have grown up between our two countries?

I need not assure You that all these questions impress Me very keenly, and I think it My duty to draw Your attention to the situation, as it really is, and to the reasons which lead up to it befor it will be too late.

The tendency of Russian policy to prefer to lean on England and France was particularly noticeable in the present crisis. Your Gouvernment approached Mine about the Bosnian question only, after a programme, for an intended Conference had been drawn up and agreed to in Paris and London. This programme was published in the French press before being communicated to us, French papers as well as English and Russian hailing a jubilant chorus about this achievement of the new „Triple Entente". As matters stood when Iswolsky came to Berlin, My Gouvernment had no alternative but the strictest reserve with

regard to several important points forming part of the Russian wishes. We could not urge Our Ally to consent to a programme which we knew she would not accept, quite apart from the consideration, that the programme had been drawn up without us; our cooperation having been dispensed with in a manner, that was judged by the outer world, as an intended demonstration. Had another course been adopted we would have been able to suggest to Your Gouvernment not to launch the programme. We would have suggested preliminary confidential negotiations between the Cabinets, such negotiations affording us more than one opportunity of rendering valuable services to Russia. Had Russia consulted us in the right time, matters would not be in the awful muddle they are in now, nor in such a critical state. Under the present circumstances I do not quite see, what I could do, except giving words of moderation to both sides, which I already have done. I also feel it My duty to tell You quite frankly that I am under the impression that Your views about Austria's intentions are too pessimistic and that You are overanxious more than is necessary. We have at any rate not the slightest doubt that Austria is not going to attack Serbia. This would not at all be like the Emperor Francis-Josef, who is wise and judicious and such a venerable gentleman. Nor do we believe that Aehrenthal harbours any such plans. Of course the Small Balcan States must necessarily be prudent and loyal and avoid all provocations and put a stop to warlike preparations. These Small States are an awful nuisance! Quantités négligeables! The slightest encouragement from any quarter makes them frantic. The speeches that were made in the Skupshtina on the 2-nd made a very bad impression upon Me on account of their revolutionary tendency. Six years ago these very same people were looked upon with disgust and horror by the whole world as the murders of their King!

I do hope with all My heart, that notwithstanding numerous and serious difficulties have to be surmounted, a peaceful solution will be arrived at; anything I can do in that direction will certainly be done. Take My word for it!

Hintze will be the bearer of this letter and will, I hope, find You all in health and happiness, to whom I once more wish that the Lord may give You peace, and prosperity and happiness in the New Year.

Victoria and I send best love to Alix; so glad My Xmas presents were a success. Believe Me, dearest Nicky, ever

Your

True and devoted cousin and friend

Willy.

Приложение № 14.
(К главе 7-й)

Материал для письма Николая II к Вильгельму II.
9 (22) Января 1909 года. [1]

La Russie a de tout temps reconnu que le seul moyen de résoudre pacifiquement [2] la question Balcanique consistait dans une entente avec l'Autriche-Hongrie; c'est précisément cette conviction qui avait inspiré nos diverses tentatives d'établir un accord durable avec le Cabinet de Vienne. Il suffit de se rappeler des conventions de 1881 et de 1884 (entre les trois Empereurs) et de l'entente de 1897; mais tandis que la Russie apportait à l'observation de ces accords un ésprit de parfaite et scrupuleuse loyauté, l'Autriche-Hongrie rendait chaque fois leur continuation impossible par la politique de mauvaise

---

[1] Гос. Архив.
[2] Курсив подлинника.

foi. C'est ainsi que la convention de 1884 ne fut plus rénouvelée à cause des agissements de la diplomatie Austro-Hongroise en Bulgarie. L'entente de 1897 qui a assuré pendant dix ans la paix dans les Balcans et à laquelle personne ne tenait plus que le Gouvernement Russe, vient de recevoir de la part du Baron d'Aehrenthal consecutivement deux coups violents: le chemin de fer du Sandjak et l'annexion de la Bosnie et de l'Herzégovine. N'est-il pas naturel pour la Russie de perdre toute confiance dans la politique Austro-Hongroise et d'envisager avec inquiétude le développement ultérieur de cette politique? Les armements Austro-Hongrois, le langage de sa presse, les procédés, vraiment inqualifiables du Baron Aehrenthal à notre égard (communication de pièces confidentielles à de tiers et menaces de divulgations), tout cela n'est-il pas de nature à nous inspirer de sérieuses appréhensions?

Si l'Europe semble actuellement divisée en deux camps et si l'on nous reproche en Allemagne de nous trouver à propos de la crise actuelle dans le camp opposé au sien, à qui faut-il en attribuer la faute? Il sufit pour répondre à cette question de se rapporter aux évènements qui ont suivi l'entrevue des deux Empereurs à Swinemünde. Au moment de cette entrevue, tout semblait marcher à souhait; une parfaite entente règnait entre nous et l'Autriche-Hongrie au sujet des affaires balcaniques et l'Allemagne promettait à cette entente tout son appui moral et diplomatique. C'est le Baron d'Aehrenthal qui détruisit cet état de choses en nous faussant brusquement compagnie et en s'entendant derrière notre dos avec la Turquie au sujet du chemin de fer du Sandjak. Malgré ce rude coup porté à nos relations avec l'Autriche-Hongrie, nous avons fait notre possible pour reconstituer l'entente, et c'est dans ce but que Mr. Iswolsky s'est rencontré cet été avec le Baron d'Aehrenthal; celui-ci lui ayant annoncé, d'ailleurs d'une manière précise, son intention de procéder à l'annexion, nous recherchâmes tous les moyens pour résoudre cette grave question d'une manière pacifique. Ici encore la situation a été compliquée par le procédé déloyal du Baron d'Aehrenthal qui a agi sans attendre la réponse qui devait venir de Pétersbourg, sans nous prévenir plus de 24 heures à l'avance et sans tenir compte des réserves expréssement formulées par nous, ce qui ne l'a pas empêché d'annoncer que l'annexion était faite d'accord avec la Russie.

Nous sommes tout à fait persuadés que dans l'un comme dans l'autre cas le Baron d'Aehrenthal a agi de sa propre initiative et sans avoir été poussé par l'Allemagne; néanmoins sa politique a eu „post factum" l'entière approbation et l'appui inconditionnel de l'Allemagne. Nous comprenons parfaitement la nécéssité qui a dicté au Gouvernement Allemand cette attitude; mais d'autre part, on comprendra à Berlin qu'une pareille solidarité a eu pour effet automatique de nous rejeter dans le camp opposé. Nous nous rendons parfaitement compte du danger de cette situation qui n'a certainement pas été créé par nous et dont toute la résponsabilité incombe à la politique aventureuse du Baron d'Aehrenthal. Cette politique n'est utile pour personne, et il est à se demander si les avantages qu'elle a procureés à l'Empire Austro-Hongrois sont en proportion avec l'état de trouble général qu'elle a fait naître en Europe.

C'est, évidement, l'Allemagne, seule qui pourrait mettre fin á cette situation dangereuse en exerçant son influence à Vienne en faveur d'une politique plus loyale et modérée. L'action de l'Autriche-Hongrie a profondément troublée les ésprits des populations balcaniques; la Russie a fait ce qu'elle a pu pour calmer et rendre plus raisonnables la Serbie et le Monténégro. Mais si l'on veut établir dans les Balcans une paix durable, il faut donner une juste satisfaction aux intérêts de ces deux pays qui se sentent menacés par l'Autriche dans leur indépendence politique et économique. Il faut aussi prendre en considération le sentiment national de la Russie. Ce sentiment n'est pas du tout hostile à l'Allemagne, ce qui a été prouvé par l'accueil fait à la Douma au discours de Mr. Iswolsky; mais il a été fortement blessé par les procédés du Baron d'Aehrenthal. Si après l'annexion de la Bosnie et de l'Herzégovine, l'Autriche-Hongrie procède à des violence à l'égard de la Serbie et du Monténégro, cela peut provoquer chez nous une explosion, ce qui serait très dangereux pour la conservation de la paix générale.

Приложение № 15.
(К главе 7-й).

Телеграмма от Вильгельма II на имя Николая II [1]

from Neues-Palais, the 14/27 March 1909
at 5 o'cl. 46 m. afternoon.

Many thanks for Your telegram, which I was unable to answer earlier on account of the international policy.

I am very pleased that You consider the proposal made by My Ambassador to Your Government, as embodying My wish for a friendly mediation. I am glad to hear that You ordered it to be accepted by Your Government. I trust, that by that proposal We have made an important step towards overcoming the crisis.

I regret that matter have changed in Serbia since I wrote to You on the 9-th of Jannuary; for the Serbian government has, contrary to the good counsels of Your Government, assumed a more and more provokly attitude. I am convinced that even today the Government of the Emperor Francis-Joseph wishes to avoid taking military measures against Serbia, but I am afraid that Austria will finally be forced to do so by the menacing attitude of Serbia. No great power can allow itself to be menaced by revolution plots next to its frontier, as Serbia continues to indulge it vis-à-vis of Austria. I am accordingly unable to put any pression on the Vienna government. You know that I have at all time taken up a friendly attitude towards Your country and Your Government, that I assisted You during the Japaniese war by My mercantile marine in a manner which nearly brought My country to the brink of war, You further know that My Government has allways been prepared to assist Your Government in fighting the revolution movement, and this was done so energetically that we have met with reproach and attacks in our own country and even in parliament on that account. I shall allways maintain these feelings of friendship towards Your country, and shall allways be glad if the attitude of Your Government, as was the case with their last answer, make it easy for Me to conform the policy of My country to the friendship which I cherish towards You.

I trust that matters in Serbia will not interfere with Our friendship, not trouble Your relations with the Emperor Francis-Joseph even if Austria should be forced, against her will, to take military measures. Then Your wish will come true, which I share with all My heart, that God may help Us to bring the present crisis to a rapid and, as regards Us, peaceful settlement.

Best love to Alix and the Boy.

„*Willy*".

Приложение № 16.
(К главе 8-й).

Русско-Итальянское соглашение 1909 года [2].

На подлиннике, на полях пометка имп. Николая II „Согласен". Замок Ракониджи, 11/24 окт. 1909 г.

Projet de lettre à Mr. Tittoni [3].

Dans Sa lettre de ce jour Votre Excellence a bien voulu faire ressortir le rapprochement d'intérêts qui s'est heureusement éffectué entre nos deux pays

---

[1] II Отд. Гос. Архива. Секретный Отдел. Папка 1909 года.
[2] II Отд. Гос. Архива. Секретные дела.
[3] Такого же содержания было письмо Титтони к Извольскому от того же числа.

Mais il avait émis quelques doutes sur le choix du moment,—vu surtout l'état de guerre dans lequel se trouvait la Porte et l'incertitude sur le sort du Cabinet Turc.

En outre, depuis quelques jours,—aujourd'hui avec plus de précision—les journaux contiennent des télégrammes annonçant que des négotiations avaient été entamées entre la Russie et la Turquie.

En ces conditions il m'a paru que je ne pouvais pas hésiter à user de la latitude que Vous avez bien voulu m'accorder dans Votre lettre, M. Cambon ayant d'ailleurs dit sur la foi de nouvelles reçues de M. de Panafieu que je recevrai des instructions à ce sujet à communiquer au Cabinet de Londres.

Un retard eut étonné et n'avait plus de raison d'être du moment que le Gouvernement Anglais était saisi de la question. Je ne crois pas pourtant que M. Cambon ait fait lecture à Sir A. Nicolson du rapport de M. Bompard.

Dès son arrivée Sir E. Grey me fit prier de passer chez lui. Il me parla des affaires de Perse et je viens de télégraphier à Votre Excellence un sommaire de cette partie de notre entretien.

Ce sujet se trouvant épuisé, je me décidai à aborder la question des détroits surtout qu'au cours de l'entretien sur la Perse je m'étais rendu clairemenl compte du prix que Sir Edward attachait à l'Entente et sa ferme décision de la maintenir et de prévenir tout ce qui pourrait mettre obstacle à son maintien.

Je pensais qu'il était plus indiqué pour cette entrée en matière de ne parler que des côtés purement politiques de la question, omettant les questions économiques comme d'un intérêt moins direct et inutiles par rapport à la Grande Bretagne.

Je dis à Sir Edward que Votre Excellence m'avait chargé d'une communication toute confidentielle, de même que l'a été M. Iswolsky á Paris.

J'ajoutai qu'il ne s'étonnerait certainement pas que le Gouvernement Impérial crut le moment venu d'établir entre la Russie et la Turquie des rapports plus intimes et plus amicaux que jusqu'ici, que la situation générale le rendait nécéssaire et que d'ailleurs, si ce rapprochement se réalisait, les premières Puissances dont l'influence à Constantinople en bénéficierait serait celles de l'Entente—la France et l'Angleterre.

Je dis à Sir Edward que le Gouvernement Impérial avait décidé de n'avancer qu'avec la plus grande prudence, que Votre Excellence n'était pas entièrement fixée sur l'opportunité du moment actuel et que par conséquent M. Tsharikoff n'avait été jusqu'ici chargé de n'entretenir Said-Pacha du projet en question qu'à titre tout personnel.

J'informai Sir Edward que notre Ambassadeur s'était acquitté de cette commission et que les bases principales de l'arrangement pour lequel M. Tsharikoff avait sondé le Gouvernement Ottoman à titre personnel étaient:

Une action énergique Russe sur les Etats des Balcans pour établir sur la base du statu quo un état assuré de paix entre ces Etats et la Turquie.

La Russie s'engagerait peut être à aller jusqu'à garantir à la Turquie la ville de Constantinople et les territoires adjacents.

En revanche la Russie attendrait de la Porte que le Sultan, de Son autorité, decrète une fois pour toutes le libre passage des vaisseaux de guerre Russes à travers le Bosphore, sans faculté toutefois de s'y arrêter.

J'expliquai à Sir Edward que cette forme avait été choisie parceque toute autre entrainerait les longueurs d'une revision des traités et les difficultés qui en pourraient découler.

J'ajoutai aussitôt que nous espérions pouvoir compter sur l'adhésion de l'Angleterre et son appui à Constantinople et, que pour autant que j'étais renseigné, le Gouvernement Français avait fait un accueil favorable á une demande pareille en répondant que le projet russe au sujet des détroits avait la pleine sympathie du Gouvernement Français.

Sir Edward m'avait écouté avec un très visible interêt. Il me répondit aussitôt qu'il était prêt à donner son appui à Constantinople au projet tel qu'il était formulé dans le mémorandum du 18 Octobre 1908 remis à M. Iswolsky; que ce projet avait été alors approuvé par le Cabinet et que par conséquent il était maître d'agir.

Sans éxclure explicitement la forme du mémorandum je fis remarquer a Sir Edward que le projet dont je parlai était différent. Il me répondit que prêt à agir dans le sens du mémorandum il ne pouvait cependant pas me donner de réponse immédiate à un projet qui demandait á être étudié au point de vue des traités et qui devait être soumis à l'approbation du Cabinet.

Sir Edward ajouta que le projet d'un rapprochement avec la Turquie lui paraissait en lui même un point extrêmement important qui demandait non seulement d'être soumis au Cabinet, mais d'être très mûrement examiné.

Je le remerciais en ajoutant que je ne pensais nullement presser ces questions dès maintenant, que j'avais surtout été chargé d'élucider comment le Gouvernement Britannique envisageait aujourd'hui la question des détroits.

La seule réflexion personnelle de Sir Edward fut qu'il ne croyait pas facile au Gouvernement Anglais de garantir à la Turquie une partie de son territoire.

Je crois que Sir Edward Grey n'avait été en aucun façon préparé à cet entretien. Il venait d'arriver et avait reçu avant moi déjà plusieurs diplomates.

Il s'en suit de ses paroles que si l'Angleterre en 1908 admettait en principe la modification du régime des détroits tel que les traités l'avaient fixé, mais trouvait le moment inopportun, le Cabinet de Londres ne formule plus aujourd'hui d'objections d'opportunité. Il se déclare prêt à agir selon la formule d'alors mais il demande à étudier la nouvelle formule désirée par le Cabinet Impér ial

Veuillez agréer, Monsieur le Gérant, l'assurance de ma plus haute considération.

Benkendorff

Приложение № 19.
(К главе 9-й)

Доклад Сазонова о поездке заграницу в октябре—ноябре 1912 года. [1]

Последовав, с высочайшего соизволения вашего императорского величества, приглашению английского короля, я отправился 5 сего сентября в замок Бальморалъ, куда одновременно со мною прибыл статс-секретарь по иностранным делам сэр Эдвард Грей.

Почитаю своим долгом прежде всего доложить вашему императорскому величеству о том необыкновенно радушном приеме, который королю Георгу V угодно было оказать в моем лице представителю русского правительства. В самый день моего приезда, в беседе, продолжавшейся свыше часа, его величество коснулся всех вопросов, затрогивающих политические интересы России и Англии и составивших затем предмет моих переговоров с сэр Э. Греем. При этом король в столь же решительных выражениях, как и его министр, настаивали на своем искреннем расположении к России и твердом желании поддерживать между нею и Англиею самые близкие отношения, основанные на взаимном доверии и понимании обоюдных интересов.

Не переставая высказываться в том же смысле за все время моего пребывания в Бальморале, его величество еще раз подтвердил мне эти чувства при прощании со мною в день отъезда. При этом он поручил мне передать вашему императорскому величеству, вместе со своим сердечным приветом, уверения в его готовности всеми силами действовать в полном согласии с вами, государь, где этого потребуют интересы России и Англии.

Для характеристики вообще встреченного мною в Англии настроения по отношению к России я должен упомянуть, что одновременно со мною в Бальморале втечение нескольких дней гостил и лидер оппозиции, г. Бонар Ло, которому я, между прочим, выразил удовлетворение по поводу речи, произ-

[1] II Отд. Гос. Архива. Картон: доклады 1912 года.

несенной им в палате минувшею весною, и где, от имени оппозиции, он одобрял политику сэр Э. Грея в смысле более тесного сближения с Россией. Бонар Ло, в присутствии Грея, подтвердил мне означенные слова и даже заявил, что это единственный вопрос, по которому между консерваторами и либералами в Англии нет никакого разногласия.

Пользуясь этой благоприятной обстановкой, я счел полезным, в одной из моих бесед с Греем, между прочим, осведомиться о том, чего мы могли бы ждать от Англии в случае вооруженного столкновения с Германией, и мне представляются весьма знаменательными слова, которые мне довелось услышать по этому поводу, как от ответственного руководителя английской внешней политики, так затем и из уст самого короля Георга.

Вашему императорскому величеству известно, что во время своего пребывания минувшим летом в С.-Петербурге, г. Пуанкаре высказал мне пожелание выяснить, насколько мы можем рассчитывать на помощь английского флота в случае такой войны.

Доверительно посвятив Грея в сущность нашего морского соглашения с Францией и указав на то, что, в силу заключенного договора, французский флот будет стремиться обеспечить наши интересы на южном театре войны, препятствуя австрийскому флоту прорваться в Черное море,—я спросил статс-секретаря, не может ли Англия, в свою очередь, оказать нам одинаковую услугу на севере, оттянув германские эскадры от нашего побережья в Балтийском море.

Грей не колеблясь заявил, что, если бы наступили предусматриваемые мною обстоятельства, Англия употребила бы все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу. В подлежащих ведомствах уже обсуждался вопрос о военных действиях в Балтийском море, но при этом выяснилось, что если английскому флоту и не трудно было бы проникнуть в Балтийское море, то его нахождение там было бы сопряжено с значительной опасностью, так как ввиду возможности для Германии наложить руку на Данию и преградить выход через Бельт, он мог бы оказаться запертым, как в мышеловке. Поэтому Англии, вероятно, придется ограничиться операциями в Северном море.

По этому поводу Грей, по собственному почину, подтвердил мне то, что я уже знал от Пуанкаре, а именно существование между Францией и Великобританией уговора, в силу которого, в случае войны с Германией, Англия обязалась оказать Франции помощь не только на море, но и на суше путем высадки на материке.

Коснувшись того же вопроса в одном из разговоров со мною, король высказался еще более решительно, чем его министр и, с видимым раздражением упомянув о стремлении Германии сравняться с Великобританией в отношении морских сил, его величество воскликнул, что в случае столкновения, последнее должно будет иметь роковые последствия не только для Германского военного флота, но и для немецкой морской торговли, ибо англичане пустят ко дну всякое немецкое торговое судно, которое попадется в их руки (We shall sink every single German merchant ship we shall get hold of).

Последние слова, повидимому, отражают в себе не только личные чувства его величества, но и господствующее в Англии настроение по отношению к Германии. По этому поводу не могу не упомянуть, что как раз во время моего пребывания в Бальморале получено было известие о неожиданной смерти недавно назначенного в Лондон германского посла, барона Маршаль фон Биберштейн. Покойный был слишком крупной личностью и его назначение в Лондон вызвало в свое время слишком много толков, чтобы его кончина не произвела в Англии большого впечатления. При этом, однако, следует заметить, что возлагавшимся в Германии на него надеждам в смысле сближения с Англией и привлечения последней на сторону тройственного союза едва ли суждено было оправдаться. Он пока успел только приступить к новой деятельности, но первые шаги его, по отзывам всех, с кем мне пришлось об этом говорить, были, повидимому, не особенно удачными. Его слишком настойчивые заверения об отсутствии у Германии враждебных за-

мыслов против Англии и о том, что флот строится Германией не для борьбы с Великобританией, вместо того, чтобы вносить успокоение, только раздражали англичан. Прожив долго на Востоке, барон Маршаль за короткое свое пребывание в Лондоне еще не успел примениться к новым условиям деятельности. Но главная причина его неудачи в Англии заключается в том, что в настоящее время едва ли возможно найти необходимую почву для сближения между обоими соперничающими государствами.

Из отдельных вопросов, составивших предмет ежедневных продолжительных моих совещаний с Греем, первое место принадлежит персидским делам, как входящим в ту политическую область, где интересы России и Англии наиболее непосредственно соприкасаются.

Я обратил внимание статс-секретаря на крайнюю неудовлетворительность положения вещей в Персии и на неустойчивость внутреннего порядка, при чем и то, и другое должно быть приписано отсутствию всякой личной власти, без которой страна, стоящая на уровне развития современной Персии, не может обойтись. Я высказал мнение, что ближайшей задачей России и Англии является именно создание такой власти. Грей в принципе согласился со мною, но повторил мне уже неоднократно сделанные им заявления о неприемлемости для Англии осуществления этой задачи путем восстановления на престоле Мохамеда-Али. Ввиду такого непримиримого отношения Великобританского правительства к бывшему шаху, я предложил во всяком случае не настаивать на возвращении в Персию оказавшегося слабым Наср-уль-Мулька, который повидимому сам желал бы уклониться от непосильного ему бремени правления, а поручить регентство другому лицу, например бывшему министру иностранных дел Саад-уд-Довле, в свое время показавшему себя человеком с твердой волей и решительным. Грей сначала было выразил, что названный персидский сановник известен своим лихоимством, но затем он примкнул к выраженной мною мысли о назначении Саад-уд-Довле регентом.

Я указал моему собеседнику, что каковы бы ни были личные качества правителя, он не будет в состоянии ничего сделать, если будет лишен материальных средств, безусловно необходимых для выполнения поставленной ему задачи водворения порядка в стране. Серьезная преобразовательная работа требует не мало денег, а потому небольшие частичные авансы являются недостаточными, и нужно облегчить Персии заключение крупного займа в 5 или 6 миллионов фунтов стерлингов.

Не возражая против приведенных мною доводов, Грей высказался за то, чтобы Русское и Великобританское правительства, не принимая на себя каких-либо обязательств по обеспечению займа, оказали банкам, которые согласны ссудить Персию деньгами, возможную дипломатическую поддержку. Предвидя, однако, что банки, может быть, не решатся выдать крупные суммы, пока порядок в Персии не будет до известной степени восстановлен, Грей считал бы полезным, чтобы оба правительства дали нужные для образования жандармерии деньги, которые затем были бы им возвращены из последующего займа.

По поводу Трансперсидской железной дороги Грей сказал мне, что, хотя в Англии еще довольно широко распространено убеждение в необходимости сохранения за Индиею как бы „островного“ положения, сам он не верит в возможность оставить вполне неприкосновенной нынешнюю ее недоступность и признает неизбежность со временем согласиться на смычку Индийской железнодорожной сети с Европейской.

Я разъяснил Грею, что русское правительство вполне предоставляет Великобританскому разрешить, когда, по его мнению наступит удобный момент для подобного соединения, но считает неотложным достигнуть теперь же соглашения относительно получения Россиею и Англиею от персидского правительства концессии на всю Трансперсидскую линию, с тем, чтобы каждое из названных государств воспользовалось в пределах своей зоны полученной концессией по собственному усмотрению. Таким образом можно было бы приступить к постройке северного участка от нашей границы до Тегерана независимо от того, когда будет строиться южный участок в Английской зоне.

Грей вполне согласился на такую постановку вопроса, и это позволило мне войти в более подробное обсуждение его как с бывшим тут же в Бальморале лордом Ревельсток, так и впоследствии, в Париже, с Пуанкаре и французскими финансистами.

Итоги этих переговоров сводятся к тому, что так называемая „Société d'Etudes" в скором времени пошлет в Персию делегацию, которая, при поддержке императорской и Великобританской миссии в Тегеране, должна будет добиться от шахского правительства как разрешения на производство технических изысканий, так и преимущественного права на постройку трансперсидской дороги.

Ввиду желательности вместе с тем поручить делегации изыскать в Персии новые источники доходов для обеспечения будущего займа, а эта задача могла бы оказаться не под силу для лиц, призванных исследовать техническую сторону железнодорожного предприятия, то, по моему настоянию, решено было отправить двойную делегацию в составе шести лиц: трех специалистов железнодорожного и трех специалистов банкового дела, при чем в каждую из этих двух половин делегации должны войти по одному русскому, по одному французу и по одному англичанину.

Французское правительство, с своей стороны, вполне одобрило это предположение и согласилось с моим взглядом, что само ходатайство о концессии должно исходить от „Société d'Etudes", а не от миссий, роль которых ограничивается поддержкой означенного ходатайства.

В связи с вопросом о железно-дорожном строительстве в Персии, Грей коснулся положения английской торговли в южной части этой страны и назвал его крайне печальным. Для обеспечения доступа английским товарам на персидские рынки он считает желательным развитие местной жандармерии под руководством шведских офицеров. Если бы, однако, пришлось убедиться, как есть уже на это основание,—в непригодности для этой цели шведов, то для Англии не останется иного выхода, как организация местных военных отрядов под руководством английских офицеров для ограждения от грабежей торговых путей как в британской, так и в нейтральных зонах,—на что английскому правительству, в таком случае, может быть придется испросить наше согласие.

Я ответил, что предоставляю себе высказаться по этому поводу, когда этот вопрос будет поставлен на очередь в определенной форме. Относительно же нейтральной зоны я сказал, что рано или поздно мы, вероятно, окажемся вынуждены заняться пересмотром нашего взаимного к ней отношения в смысле сведения ее на нет, так как при нынешнем положении доступ в нее открыт всем и она не защищена от посягательств третьих сторон. Конечно, для всякой такой сделки нам необходимо будет озаботиться получением признания ее Персиею, ибо без него она не имела бы практического значения.

Грей выразил и на это свое принципиальное согласие. При этом он подал мысль о возможности раз навсегда исключить нежелательные нам обоим посягательства Германии на нейтральную зону путем получения от персидского правительства опциона на постройку железно-дорожной линии—Россиею для участка Тегеран—Исфаган и совместно Россиею и Англиею для участка Исфаган—Мохаммера. Само собою разумеется, что получение преимущественного права на постройку этих линий не обязывало ни то, ни другое государство непременно осуществить это предприятие, но имело бы в виду лишь устранение Германии из нейтральной зоны, где после подобной сделки не оставалось бы никакой сколько-нибудь заманчивой для немцев концессии.—Я ответил, что если бы получение от Персии такого опциона оказалось возможным,—в чем я не совсем уверен,—то я готов был бы преподать нашему посланнику в Тегеране указания добиваться его всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Из менее важных вопросов, касающихся Персии, нами была затронута дорожная концессия Линча, при чем Грей, по моему настоянию, согласился телеграфировать Великобританскому представительству в Тегеран не поддерживать ходатайства Линча установить на дороге Тегеран—Мохаммера автомобильное движение.

В связи с персидскими делами я говорил и об Афганистане не только с Греем, но и со статс-секретарем по делам Индии, лордом Кру, в замке которого я счел полезным остановиться несколько часов по дороге из Бальморалля в Лондон с целью объясниться с ним по вопросам, касающимся Средней Азии. Я обратил внимание обоих министров на неблагоприятное положение, создавшееся на нашей границе с Афганистаном, благодаря отказу эмира допустить выговоренные англо-русским соглашением 1907 г. непосредственные сношения между русскими и афганскими пограничными властями. Я указал на вытекающие отсюда неудобства для местного населения, состоящего в русском подданстве, а также на вред для сельского хозяйства вследствие невозможности при таких условиях сколько-нибудь успешно поставить вопрос орошения, имеющий в этих местностях первостепенное значение, а также борьбы с бичом наших средне-азиатских владений, саранчею; наконец, я отметил опасность, одинаково серьезную как для Англии, так и для России, и вытекающую из того, что почти недоступный Афганистан является одним из очагов панисламической пропаганды.

Английские министры оба отвечали мне, что они вполне сознают справедливость наших жалоб, и обещали приложить старания, чтобы путем сношений с эмиром достигнуть улучшения положения, но при этом они не скрыли от меня, что, несмотря на выплачиваемые ему ежегодно деньги, эмир Абибула плохо слушается голоса Англии, которой приходится мириться с этим, чтобы только не обострять положения ввиду невозможности принятия ею против Афганистана понудительных мер.

Я указал Грею на значение состоявшегося между пароходной компанией Линча и обществом Багдадской железной дороги соглашения, которое несомненно будет способствовать ускорению постройки названной дороги. Сэр Эдвард Грей признался мне, что он с досадой осведомился об этом соглашении, вполне понимая его вредность с точки зрения английских интересов, но, по его словам, Великобританское правительство к сожалению лишено возможности помешать осуществлению придуманной г. Гвинером комбинации.

Относительно Тибета Грей дал мне заверение, что Англия не имеет никаких видов на эту страну и не стремится к изменению существующих между нами договоров касательно ее. Но, сославшись на сообщенную нам в свое время ноту, с которой он обратился минувшим летом к Китаю, Грей подтвердил мне, что Англия не считает возможным допустить проникновение в Тибет значительных китайских вооруженных сил, а потому, если бы Китай пытался, не смотря на сделанные ему предостережения, все же послать свои войска в Тибет, Англии пришлось бы отправить военную экспедицию в долину Чумби, чтобы помешать этому. Лондонский кабинет не примет однако подобного решения, предварительно не предупредив нас об нем.

По этому поводу Грей упомянул о нашей деятельности в Монголии и постарался провести параллель между нею и положением Англии в Тибете, Я отказался признать сходство между этими двумя вопросами, указав на то, что относительно Тибета Англия связана по отношению к нам известными соглашениями, тогда как мы не имеем никаких подобных обязательств по отношению к Англии касательно Монголии, где к тому же у англичан нет ни политических, ни даже экономических интересов.

Сэр Эдвард Грей, повидимому, проникся этими доводами и не возражал против них. Я же, с своей стороны, счел полезным, для поддержания установившихся между нами и Англией дружественных отношений, доверительно ознакомить его в самых общих чертах и лишь для личного осведомления о характере возложенного на д. с. с. Коростовца поручения.

Грей, а также сэр Никольсон, которого я видел при проезде через Лондон, оба повторили мне уже сказаное ими нашему поверенному в делах, а именно, что заключение Китаем займа у Ллойд-Банка крайне неодобрительно встречено Великобританским правительством, которое не преминуло открыто заявить как в Пекине, так и в самой Англии о своем отрицательном отношении к этой сделке. Большего правительство, к сожалению, сделать не могло, не располагая, как французское правительство, какими-либо средствами воздействия на английских финансистов.

Приложение № 20.
(К главе 10-й).

Секретное письмо Сазонова послу в Париже. [1]

С.-Петербург,
16 ноября 1912 г., № 787.

В письме от 7/20 сего ноября вы затронули вопрос о том, не представляется ли своевременным заблаговременно обсудить с нашей союзницей Францией изменения, которые мы пожелали бы внести в юридическое и фактическое положение проливов, в связи с нынешним кризисом на Балканах. Одновременно с сим французский посол в С.-Петербурге обратился к нам, по поручению своего правительства, с запросом о том, как отнеслись бы мы к постановке вопроса о проливах, в случае каких-либо требований по этому предмету со стороны Болгарии.

Вследствие сего считаю долгом ознакомить вас прежде всего с общими соображениями, которыми за последнее время руководилось императорское министерство в данном вопросе.

С самого начала нынешнего кризиса мы не упускали из виду возможное влияние войны на перемену положения проливов. Вместе с тем мы опасались ставить вопрос на обсуждение преждевременно, пока не выяснились еще размеры успехов балканских государств, степень вероятия временного занятия Константинополя их войсками и отношения других великих держав к событиям на Балканах.

Эти соображения побудили нас отнестись с известной сдержанностью к предложениям английского правительства, которое предлагало нам войти в предварительное обсуждение вопроса о возможной интернационализации Константинополя и новых международных гарантиях, коими соответственно с этим могло бы быть обставлено положение о проливах. В наших глазах главное обеспечение коренных интересов России в проливах заключается не в тех или иных правовых гарантиях и ограничениях, которые всегда могли бы быть нарушены, а в вопросе о том, какая реальная сила может охранить данное положение от возможности подобных нарушений.

Само собой разумеется, что еще с большей сдержанностью мы отнеслись к попыткам венского кабинета притти с нами к соглашению, с целью установить известный параллелизм наших интересов с этой державой: Россия заявила бы себя незаинтересованной в вопросах, касающихся западной части Балканского полуострова, в то время, как Австрия предоставила бы нам полную свободу действий в Константинополе.

Полагая, что характер тех или иных изменений в положении проливов может выясниться только в связи с окончанием военных действий и что, с другой стороны, мы отнюдь не можем становиться на почву компенсаций, которые невыгодно отразились бы на положении вещей балканских государств, мы до настоящего времени держались выжидательного образа действий, стараясь, однако, не упустить надлежащую минуту для точной формулировки наших желаний.

Хотя в настоящую минуту дальнейший ход военных действий представляется далеко еще не выясненным, однако, с известной степенью вероятности можно предполагать, что наступательные действия союзников достигли высшего напряжения, и что в настоящее время шансы занятия Константинополя союзными войсками весьма невелики.

Соответственно с этим сохраняет всю свою силу первоначальное наше предположение о том, что Константинополь и достаточная защитная зона на европейском материке останутся во владении Турции.

---

[1] II Отд. Гос. Архива. Картон: Ближний Восток. Доклад 1912 г.

Исходя из этого положения, следует признать, что в фактическом положении проливов в связи с нынешним кризисом не произойдет перемен.

Можно предполагать, что, втечение известного времени после хотя бы и победоносной войны, Болгарии придется напречь не мало усилий, чтобы оправиться от понесенных потерь и в то же время справиться с задачей устройства завоеванных областей. Не менее сложные задачи выпадут на долю ослабленной и побежденной Турции.

Для России, оставшейся в стороне во время войны, представится возможность, с одной стороны, упрочить свое влияние среди балканских государств со включением в их число, если возможно, Румынии, а с другой—укрепить свое положение относительно Турции, которой придется, более чем когда-либо, считаться с нашим к ней отношением.

Все эти условия заставляют нас в настоящее время с особой осмотрительностью относиться к тем предложениям, которые могут быть сделаны другими державами, когда затронут будет вопрос о проливах. Нам нужно остерегаться установления каких-либо ограничительных гарантий, которые послужили бы в будущем препятствием для окончательного решения вопроса о проливах в соответствии с нашими интересами. В то же время мы не можем упустить благоприятной минуты для проведения некоторых менее радикальных, но все же существенных для нас, изменений в этом вопросе. Наиболее соответственной представлялась бы нам та постановка вопроса о проливах, которая выдвинута была вами в 1908 году, а именно в смысле предоставления права государствам, прибрежным на Черное море, вводить и выводить военные суда через проливы в мирное время на известных условиях, обеспечивающих безопасность Константинополя.

Само собой разумеется, что в настоящее время не может быть речи о каком-либо одностороннем соглашении России с Турцией по означенному вопросу. Такое соглашение шло бы слишком в разрез с нашими отношениями к балканским государствам. Оно едва ли оправдывалось бы и необходимостью, ибо вместо аргументов дружбы, потерпевших в свое время крушение, благодаря самоуверенности Порты, в наших руках имеются гораздо более убедительные средства воздействия, особенно теперь, когда часть турецких войск передвинута на театр войны с нашей границы.

Придавая главное значение в этом вопросе отношению великих держав, мы не можем не констатировать факта, что почва для благоприятного его решения в значительной степени подготовлена за последние годы. Как вам известно, ни для одного из европейских правительств наши желания не могут представиться неожиданными, и в свое время каждое из них выражало условное на них согласие. Отнюдь не желая становиться на почву соглашения и компенсации с Австрией, мы, однако, не отрицали с самого начала необходимости считаться с ее интересами экономического и политического характера на Балканах. Руководясь этим соображением, мы признали уже в начале войны принцип образования прибрежной албанской провинции.

В вопросе о выходе Сербии к Адриатическому морю, мы равным образом совѣтовали белградскому кабинету считаться с интересами своей соседки.

Вследствие сего, мы в праве ожидать от венского кабинета такого же отношения к нашим интересам в проливах. Во всяком случае, мы полагаем, что едва ли противодействие австрийской дипломатии в данном случае могло бы быть серьезным препятствием в удовлетворении более, чем умеренных, наших желаний.

Таковы те общие соображения, которые руководят нами в вопросе о проливах.

Сообщая их на случай ваших объяснений с г. Пуанкаре, считаю долгом предупредить вас, что со своей стороны императорское министерство не считало бы в настоящее время удобным выступать с какими-либо самостоятельными предложениями по этому вопросу, ввиду изложенных выше соображений о нежелательности для нас становиться на почву компенсаций. Если бы, однако, обстоятельства изменились, и вопрос сам стал на очередь, то для

нас представлялось бы интересным выяснить точку зрения французского правительства на этот предмет, чтобы определить выбор времени и способа для наилучшего достижения намеченной цели.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Приложение № 21.

(К главе 10-й),

Весьма секретное письмо Сазонова послу в Лондоне.[1]

С.-Петербург,

30 ноября 1912 года. № 848.

Открывшиеся в Лондоне, одновременно с соглашением послов, переговоры воюющих стран о мире поставят вас, вероятно, в необходимость постоянного и довольно близкого общения с представителями последних.

Ввиду этого считаю долгом вновь остановить ваше внимание на известных уже вам из предыдущей переписки общих руководящих началах, которых мы неизменно придерживаемся по отношению к Балканским государствам и Турции.

Как во время войны все наши усилия были направлены к ее локализации, при коей для союзников создавались наиболее благоприятные условия в борьбе с общим врагом, так теперь, когда идет вопрос о мирных условиях, коими должен завершиться кризис на Балканах, мы стремимся к возможной локализации результатов войны, иначе говоря, к возможному ограничению вмешательства держав в мирный договор, подлежащий заключению.

Считаясь с необходимостью принять во внимание особое положение Австрии и ее интересы, для защиты коих она может рассчитывать на поддержку своих союзников, мы в то же время ставим своей задачей противодействовать ее вероятному стремлению воспользоваться всеми способами, чтобы обеспечить себе возможность преимущественного или даже исключительного влияния.

Это основное положение в определении наших задач проходит для нас красной нитью через все вопросы, подлежащие решению. Оно вызывается не преднамеренной враждебностью по отношению к Австрии и еще менее каким-либо вопросом самолюбия. Наоборот, мы хотели бы в спокойном обсуждении вопросов по возможности изъять всякий элемент бесполезного раздражения, создающего опасные трения, и проявить готовность удовлетворить самолюбие Австрии. Мы полагаем, что такой уступчивостью в форме нам удастся лучше защитить сущность отстаиваемых нами интересов.

Но в понимании последних мы исходим из убеждения, что интересы Балканских государств и наши собственные глубокие интересы требуют закрепления за первыми в возможно полной мере результатов одержанных ими побед и потраченных на то усилий.

Достижение этой цели приведет к небывалому доселе укреплению самостоятельности и независимости вызванных нами к жизни народов, и чем лучше удастся нам обеспечить эту задачу, тем более благоприятную почву мы подготовим для наших отношений в ближайшем будущем с государствами, которые являются естественными нашими союзниками в Европе.

В этом отношении, мы уверены, интересы Франции и Англии вполне тождественны с нашими.

Задача России не ограничивается, однако, защитой интересов Балканских государств перед великими державами.

---

[1] II Отд. Гос. Архива. Картон: Ближний Восток. Доклад. 1912 г.

Верная своим традициям, Россия должна дальше и глубже понимать интересы этих государств, чем они сами. Считаясь с их естественным самолюбием, повышенным под влиянием одержанных успехов, мы не только по возможности воздерживались от излишних наставлений, которые могли бы быть неправильно истолкованы в Балканских столицах, но даже скорее уклонялись от навязывания роли деятельного посредничества в возникающих среди союзников разногласиях. Но мы не упускали случая дружески ставить им на вид необходимость самим столковаться и притти к соглашению, ибо их разногласия шли на пользу только их общим противникам.

На наш взгляд лучшей постановкой вопроса в переговорах союзников с Турцией было бы единодушное отстаивание первыми уступки общей площади территории, которая вслед за тем подлежала бы полюбовному между ними разделу. Таким путем было бы избегнуто постороннее вмешательство в дело определения взаимных границ между Балканскими государствами.

В беседе с представителями последних вам следует обращать их внимание на следующие обстоятельства.

Было бы неразумно и пагубно для Сербии не считаться с необходимостью отказа от территориальных приобретений на Адриатическом море. Мы убеждены, что реальные гарантии, которые мы при этом имеем в виду отстаивать для ее выхода в Албанские порты, а равно и возможность при помощи указанной уступки оградить Албанию от установления в ней преобладания Австрии, представляют сами по себе серьезные компенсации для Сербии.

Между тем телеграммой от 28 ноября (11 декабря) с. г. за № 438 наш посол в Париже сообщает мнение, высказанное ему г. Новаковичем, что „в случае отказа от приобретения в суверенное обладание Адриатического порта, Сербия должна будет искать каких-либо компенсаций в другом направлении, а именно расширения за пределы установленной в ее соглашении с Болгарией границы до линии по течению реки Брегальницы к Охридскому озеру с присоединением к Сербии Прилепа, Монастыря и города Охриды".

Вследствие этого было бы крайне желательно, чтобы вы со своей стороны вызвали г. Новаковича на откровенный обмен мнений и вполне определенно высказали бы ему, что подобная постановка вопроса, в корне нарушающая известные вам основания сербо-болгарского соглашения, не может встретить с нашей стороны ни поддержки, ни сочувствия.

Во всех своих удачах Балканские государства действовали до сих пор дружно и согласно. Это единодушие было не только основой их военных успехов, но и залогом уважения к ним со стороны Европы. Они подвергли бы риску все результаты понесенных жертв, если бы в безумном ослеплении пошли друг против друга. Наоборот, выказывая благоразумие и умеренность в победе, сербы, как и прочие союзники, выйдут из войны усиленными в такой степени, которая превзойдет все самые смелые предположения их до начала военных действий.

В том же примирительном смысле, как на сербов, следует воздействовать и на болгар, к сожалению не обнаруживших до сих пор должной уступчивости в своих отношениях с греками и румынами.

Средоточием разногласия между Софийским и Афинским Кабинетами является несомненно вопрос о том, кому достанутся Салоники. Трудно сказать, придут ли оба государства к прямому соглашению между собой, путем права одного из них на обладание этим городом, хотя, конечно, такое решение всего более соответствовало бы, как упрочению должных отношений между союзниками после нынешней войны, так следовательно и тем задачам, которые мы преследуем.

Если бы, однако, судьба Салоник решилась в смысле интернационализации этого порта, то нам предстояло бы настаивать при этом на установлении таких гарантий, которые препятствовали бы возможности укрепления там австрийского преобладания.

Нам представляется, что как в этом, так и в других аналогичных вопросах, там, где оказалось бы невозможным всецело закрепить за победителями результаты их побед, лучшим средством против утверждения преобладания

одной державы является равномерное предоставление всем державам одинаковых преимуществ и средств воздействия.

Переходя к вопросу о разногласиях между болгарами и румынами, нельзя не обратить серьезного внимания на значение, представляемое для нас Румынией в связи с общим положением на Балканах.

Как Вам известно, в общественном мнении Румынии, под влиянием событий на Балканах, происходит известное движение в смысле переоценки старых ценностей. Среди государственных людей укрепляется мысль о сближении с Россией и о выгодах установить возможно хорошие отношения с Болгарией и прочими Балканскими государствами.

Оценивая по достоинству значение течения общественного мнения в Румынии, мы не можем не отдавать себе отчета в том, что переворот в направлении ее внешней политики, определявшейся со времени Берлинского Конгресса в сторону тяготения к Австрии, не может осуществиться сразу. Решающим фактором в направлении Румынской политики является король, который и по своему происхождению и по традициям был до сих пор сторонником единения с Австрией, с которой Румынию связывают, быть может, даже некоторые обязательственные отношения.

Несомненно, однако, что последние события на Балканах повлияли и на престарелого монарха, который также не остался нечувствительным к высокому знаку внимания и доверия, коим государю императору благоугодно было отличить его. Подводя итог разнообразным влияниям и фактам, отражающимся на общем направлении политической жизни Румынии, приходится притти к заключению, что в настоящее время страна эта находится на перепутьи и в колебании перед решением, остаться ли ей в старой группировке держав, или примкнуть к новому только еще намечающемуся на юго-востоке Европы соотношению сил и общему укладу.

На наш взгляд, интересы Болгарии властно требуют установления со своей соседкой таких отношений, которые закрепили бы окончательно нынешний поворот в общественном мнении Румынии. Для этого Софийскому Кабинету следовало бы пойти навстречу некоторым вовсе не чрезмерным пожеланиям Бухарестского Кабинета, обнаруживающего к тому же, повидимому сговорчивость. Незначительное исправление границы с уступкой крепости Силистрия и с известными обеспечениями против возможного нападения на Румынскую Добруджу, вероятно удовольствовали бы Бухарестский Кабинет.

Помимо этого вопроса, Румыния была бы чувствительна к возможному удовлетворению ее самолюбия, которое выразилось бы в признании „европейского" характера ее политики.

Желая, в пределах возможного, доставить ей такого рода удовлетворение, мы и сочли возможным предложить Лондонскому и Парижскому Кабинетам дать представителю Румынии возможность быть выслушанным на совещании послов в Лондоне, чтобы формулировать те или иные пожелания или представить объяснения, без права, однако, принимать участие в прениях.

Мы хотели бы обратить внимание Французского и Английского Министров Иностранных Дел на указанное выше сложное положение, занимаемое Румынией, и на желание оторвать ее, по возможности, от тяготения к Австрии.

Высказанные соображения, подтверждаемые телеграммой посланника нашего в Бухаресте от 29 сего ноября за № 150, склоняют нас к мысли о желательности принятия Францией и Англией этого нашего предложения. Что касается так называемого куцовлашского вопроса, то, на наш взгляд, обсуждение его могло бы иметь место только в рамках тех территорий, которые не отходят во власть Балканских государств, являющихся на них суверенными в определении прав своих подданных.

Если же представитель Румынии коснулся бы положения куцовлахов в Албании, то, на наш взгляд, не встретилось бы препятствий к выслушанию его заявлений и пожеланий и вслед за тем обсуждению их в связи с постановкой вопроса о гарантиях вероисповедных и племенных в пределах Албанской провинции, которая осталась бы под суверенитетом Султана.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Приложение № 22.
(К главе 10-й).

Copie d'un aide-mémoire de l'Ambassade d'Autriche-Hongrie à St. Pétersbourg en date du 12/25 Décembre 1912 [1].

Désir du Comte Berthold de profiter de l'interruption dans la réunion de Londres pour tâcher d'arriver à une entente des Puissances Neutres sur certains points qui n'ont pas été posés d'une manière assez précise et d'autres où il y a encore divergence d'opinion:

1) Concernant l'accès commercial de la Serbie.

a) Neutralisation spéciale du port semble inutile vu que toute l'Albanie étant neutralisée une telle spécialisation ne pourrait que faire paraitre douteuse la valeur de la neutralité accordée au pays entier.

b) „Chemin de fer international" [2]. Dans quel sens éxacte le Gouvernement Impérial Russe comprend-il cette locution?

Le Comte Berthold suppose que il ne s'agit pas d'une construction et exploitation de ce chemin de fer par les 6 Grandes Puissances mêmes, mais d'une stipulation des Grandes Puissances garantissant l'usage du chemin de fer concessionné par le Gouvernement Albanais et construit par une société de construction et d'exploitation internationale, ainsi que celui du port, d'une manière égale et sous les mêmes conditions pour tous les états et en tout temps.

Dans le cas où cette définition „du chemin de fer international" correspondrait aux vues du Gouvernement Russe le Cabinet de Vienne ne ferait de son côté pas d'objection à la phrase „résérvé à la Serbie", contenue dans la proposition russe faite à la première réunion des Ambassadeurs.

c) Le Comte Berthold est d'accord que le chemin de fer en question ainsi que le port soient mis sous le contrôle des Grandes Puissances (Puissances Signataires), et que le chemin de fer jouisse de la garde et de la protection internationale.

Cette dernière tâche devrait cependant—selon : avis du Gouvernement Impérial et Royal—être de préférence confié à la gendarmerie albanaise, institution qui serait sous le contrôle Européen et qui pourrait aussi être employée à protéger les travaux préliminaires de tracement ainsi que ceux de la construction de la ligne en question.

d) Le choix du tracé devrait être laissé à la société qui aurait à s'entendre à ce sujet avec la Serbie.

e) En tant que la Serbie sera cointeressée à cette société (mitbeteiligt wäre) elle aurait naturellement aussi l'ingerence relevant de ce fait sur l'entreprise.

C'est dans ce sens que le Gouvernement Impérial et Roval désirerait que la phrase, contenue dans la proposition russe de la troisième réunion: „le droit pour la Serbie de participer au contrôle international de la ligne et du port" fut précisée.

f) En ce qui concerne la liberté de transit sur le chemin de fer en question, il faudrait préciser que cette liberté ne sera pas une prégorative spéciale de la Serbie, mais que toutes les Puissances pourront en profiter d'une manière égale.

g) Les stipulations en question devant assurer à la Serbie la liberté des relations commerciales, le Comte Berthold est d'avis qu'elles ne pourraient comprendre le transit de matériaux de guerre qu'en temps de paix.

---

[1] II Отд. Гос. Архива. Карт.: Ближн. Восток. Докл. 1912 г.
[2] Курсив подлинника.

2. Skutari.

Raisons pour lesquelles il parait indispensable au Gouvernement Impérial et Royal que Scutari fasse partie de l'état albanais futur:

a) Skutari est une ville avec une population presque exclusivement albanaise.

b) Skutari est le centre religieux des albanais catholiques du nord. Intérêt de la Monarchie au point de vue de son protectorat du culte catholique.

c) Skutari étant le chef-lieu de l'Albanie du nord vers lequel toutes les tribus septentrionales gravitent aussi au point de vue administratif, une Albanie viable ne pourrait—au dire de tous les connaisseurs de ce pays—exister sans Skutari et ses environs.

d) En cas que Skutari serait perdu pour l'Albanie, les tribus albanaises, dont Skutari est le centre, seraient perdues pour l'Albanie libre et la majorité de la population catholique serait absorbé contre sa volonté par le Monténegro, qui leur est etranger au point de vue de la nationalité et de la religion.

e) Les Monténegrins ne sont jusqu'à présent pas parvenus à prendre Skutari dont la défence héroique n'est pas tant un succès des armes turques qu'une preuve de la tenacité avec laquelle les albanais luttent pour la possession de cette ville qu'ils considèrent comme une partie essentielle de leur patrie.

f) La possession d'une ville habitée eclusivement par une population étrangère à tous points à celle du Monténegro ne serait pour ce dernier à la longue aucun agrandissement du pouvoir.

g) Si la position de la dynastie Njegus est réellement ebranlée, l'acquisition de Skutari, dont la population exclusivement albanaise démontre par la lutte contre les assiègeants son désir de ne pas se separer de l'Albanie, ne pourrait pas l'affermir, tandis que l'acquisition d'un territoire habité par une population de la même race aurait plus probablement cet effet.

h) La Monarchie a un interêt vital à la création d'une Albanie viable qui serait sérieusement compromise par la perte de Skutari, tandis que les intérêts de la Russie de ce côté semblent bornés à la question du maintien de la dynastie Njegus, et sous ce rapport le Gouvernement Russe peut compter sur a pleine coopération du ouvGernement d'Autriche-Hongrie.

Приложение № 23.
(К главе 10-й).

Циркулярная депеша Сазонова послам 6 декабря 1912 года с приложением меморандума австрийского посла от 12 (25) декабря 1912 года [1].

Австро-Венгерский посол в С.-Петербурге передал мне по поручению графа Бертхольда памятную записку, в копии у сего прилагаемую, в которой изложен взгляд Венского Кабинета на порядок осуществления свободы сообщения между Адриатикой и Сербией и на будущее положение Скутари.

Австро-Венгерское сообщение, полученное нами только сегодня, заслуживает самого серьезного внимания, затрагивая интересы первостепенной важности. При первоначальном рассмотрении предложений и доводов Венского Кабинета, мы останавливаемся на следующих соображениях, которые поспешаю, ввиду значения вопроса, сообщить Вам, не откладывая, и которые, для удобства, излагаются ниже в порядке отдельных пунктов австрийского сообщения.

Торговый выход Сербии на Адриатику составляет содержание первой части сообщения, распадающейся в свою очередь на несколько отдельных пунктов.

а) По вопросу о нейтрализации Адриатического порта сообщение указывает, что подобная особая нейтрализация представляется излищней при

---

[1] II Отд. Гос. Архива. Карт.: Ближн. Вост. Докл. 1912 г.

общей Албанской нейтрализации, тем более, что эта последняя тем самым как бы ставится под сомнением. Мы готовы были бы присоединиться к этому замечанию, если бы уже условлено было, как надлежит точно понимать нейтрализацию Албании. Нейтрализация в договорах толкуется иногда, как влекущая за собой срытие всякого рода укреплений и невозведение их вновь, а иногда как допускающая укрепления. Если державы условятся понимать нейтрализацию Албании в этом последнем смысле, то-есть с правом укреплять страну, то в отношении торгового порта, имеющего служить выходом для Сербии, придется весьма вероятно установить специальные правила, в которых найдет себе выражение мысль о разоружении города.

б) Граф Бертхольд понимает слова: „Международная железная дорога" в том смысле, что Великие Державы „гарантируют свободу пользования как дорогою, так и портом, равным образом и на равных условиях для всех держав и во всякое время". При этом концессия на дорогу будет выдана Албанским Правительством Международному Обществу для постройки и эксплоатации линии.

Мы понимаем постановления Лондонского совещания в том же смысле, при чем полагаем, что при толковании слов „международная железная дорога" надо итти и несколько далее. Концессионером дороги должно выступить международное общество в истинном смысле, то-есть с участием капитала каждой из великих держав и Сербии, необходимость участия которой в деле самим Австро-Венгерским Правительством допускается.

в) Граф Бертхольд выражает согласие на установление контроля договаривающихся держав, то-есть между прочим, как мы понимаем, и Сербии, над железной дорогой и портом и на установление „международной стражи и покровительства". Он замечает в то же время, что охрана должна была бы быть вверена по преимуществу албанской жандармерии под европейским контролем; эта жандармерия охраняла бы работы по изысканиям и постройке дороги.

Мы с удовольствием принимаем вновь выраженное Австро-Венгерским Правительством согласие на международный контроль над предприятием. Мы полагали бы, что наилучшей формою такового могло бы быть создание для дороги и порта постоянного международного контрольного органа, принцип которого уже нашел себе выражение в отношении другого важного пути, в статье 8 Суэцкой конвенции 1888 г. Само собою разумеется, что статья эта не могла бы быть применена в настоящем случае по ее букве, но общий ее смысл представляется нам дающим полное удовлетворение выраженному в Австро-Венгерском сообщении взгляду.

Равным образом мы в принципе не имеем возражений против образования Албанской жандармерии. Приходится только задуматься над возможностью создать ее в ближайшем времени. Не выступая с каким-либо положительным предложением, мы думаем, что вопрос о железнодорожной страже, быть может, следовало бы разрешить следующим образом.—На смену сербской военной оккупации должно было бы командировать на линию, в равном числе на километр от каждой договаривающейся державы, небольшие военные отряды, во главе которых мог бы быть поставлен генерал, принадлежащий к небольшому Европейскому нейтральному Государству, по образцу того, как было сделано в Марокко по Алжезирасскому акту. Эти отряды могли бы взять на себя и подготовку албанской жандармерии, которая постепенно заменила бы собою иностранных нижних чинов.

г) Вопрос о направлении дороги должен быть, по мнению графа Бертхольда, решен по соглашению между обществом дороги и Сербией.

Мы принимаем это постановление, подчиняя наше согласие удовлетворительному разрешению вопроса помянутого выше под литерой „б", и считая необходимым принятие соответствующего точного постановления на совещании Послов.

д) Соображения Венского Кабинета по вопросу об участии Сербии в обществе албанской железной дороги уже затронуты выше, при изложении наших взглядов на пункты „6" и „8".

е) Свобода транзита по будущей железной дороге для всех наций нами, конечно, вполне признается, при чем, по нашему мнению, она распространяется разумеется только на часть дороги, пролегающую по Албанской территории.

ж) Наконец, последний пункт содержит предложение ограничить свободу сообщения по дороге лишь „мирным временем". На наш взгляд, подобное, несоответствующее смыслу Лондонских решений, ограничение свободы транзита, которое будет встречено самым враждебным образом нашим общественным мнением, недопустимо. К тому же Австро-Венгерский военный флот на Адриатике во время войны с Сербией будет в состоянии использовать все права, предоставленные воюющим в отношении военной контрабанды.

Вторая часть памятной записки графа Бертхольда посвящена Скутари. Вам хорошо известен взгляд Императорского Правительства на этот вопрос, и мы не могли бы помириться с оставлением Скутари в составе Албании. Приводимые графом Берхтольдом доводы в пользу такого решения вопроса едва ли убедительны. Часть их я уже имел случай затронуть в моих секретных телеграммах. Остановлюсь лишь на двух указаниях Австро-Венгерского сообщения. Граф Берхтольд ссылается на опасность присоединения Скутари к Черногории с точки зрения интересов албанцев католической веры. В устах представителя монархии, где мирно уживаются все вероисповедания, такой довод нас удивляет. Он едва ли правилен и по существу. Массовое бегство малиссоров в Черногорию в прошлом году служит лучшим доказательством их доверия к королю Николаю. К тому же в Черногории Берлинским трактатом обеспечено равноправие вероисповеданий и, таким образом, налицо полная гарантия прав католиков. Граф Бертхольд обещает нам затем помощь Австро-Венгерской дипломатии для поддержки династии Негушей и усматривает в этом совершенно удовлетворительный выход из тех затруднений и опасностей, которые возникнут для короля Николая в случае неуступки ему Скутари. Мы полагаем, что обречь династию Негушей на существование лишь под условием поддержки иностранной дипломатии значило бы сознательно закрывать глаза на жизненные условия разрешения вопроса. Такая поддержка сделает положение короля, конечно, еще более тяжелым и опасным, нежели даже неблагоприятное решение вопроса о Скутари.

Передавая Вам все изложенные соображения, для руководства в объяснениях Ваших с Правительством, при коем Вы аккредитованы, считаю долгом присовокупить, что императорское правительство предоставляет себе вернуться к памятной записке графа Бертхольда в видах ближайшего выяснения всех важных, затронутых в ней вопросов, так как официального ответа на нее до сих пор не дано.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Сазонов.

Приложение № 24.
(К главе 10-й).

Письмо Франца-Иосифа Николаю II [1]

1 февраля 1913 г.

Вена:

Mon cher ami!

Il Me tient à coeur dans la crise que nous traversons de M'adresser directement à Toi afin d'obvier à des malentendus qui paraissent se former en Russie au sujet de notre politique et de prévenir par tant des conceptions qui pour-

[1] II Отд. Гос. Архива. Картон: письма Бенкендорфа.

raient devenir préjudiciables aux bonnes relations heureusement établies entre Nos deux pays.

C'est dans cette intention que j'ai chargé le Prince Godefroi de Hohenlohe-Schillingfürst, allié à Ma maison, qui T'est personnellement connu du temps de son séjour en Russie, de se rendre à St. Pétersbourg pour Te remettre cette lettre et se faire l'interprête auprès de Toi de Mes sentiments d'immuable amitié pour Ta personne.

Il M'a été pénible d'apprendre que la politique de Mon Gouvernement, qui a été dès le début inspiré par le désir de ne pas ajouter de nouveaux troubles aux bouleversements dont les Balcans sont devenus le théâtre, a donné lieu à des interprétations érronnées en Russie.

Si nous nous sommes abstenus de toute immixtion dans le conflit, si nous avons répondu à l'appel des Puissances à traiter en commun des problêmes où nous étions les plus interéssés, si, enfin, au cours de ces délibérations, nous nous sommes laissés guider par un ésprit de conciliation—cela a été dû en première ligne à notre souci d'éviter toute cause de mésintelligence entre les deux Empires.

Tu n'es pas sans savoir quelle lourde responsabilité pèse sur nous quand il s'agit de sauvegarder les intérêts de nos peuples en face des crises politiques qui ce déroulent à proximité de nos frontières. Ce serait manquer à notre sacrée mission que de ne pas tenir compte des répercussions que de pareilles évolutions peuvent produire sur nos pays. Si dans la crise présente Je Me suis appliqué de concilier cet impérieux devoir avec le souci du maintien des rapports amicaux avec la Russie, J'aime éspérer que Tu sauras gré de Mes éfforts de cultiver avec la bonne harmonie entre Nos peuples les grands intérêts de la paix Européenne.

Je Te prie de croire aux sentiments
de sincère amitié de Ton frère et ami

François-Joseph.

Vienne, le 1 Fevrier 1913.

Приложение № 25.
(К главе 10-й).

Проект письма Николая II к Францу-Иосифу [1]

Mon cher ami!

Le Prince Godefroi de Hohenlohe-Schillingfürst, que J'ai eu du plaisir à revoir ici où il a laissé d'excellents souvenirs, s'est acquitté de la mission que Tu lui a confiée et M'a remis Ta lettre, dont Je M'empresse de Te remercier.

Les sentiments qui T'inspirent n'ont pas manqué de trouver en Moi un écho sympathique, car nul n'est plus désireux que Moi d'obvier à tout malentendu qui pourrait se former au préjudice des bonnes relations entre Nos deux Empires. Très sensible à la marque de confiance personnelle que Tu Me donnes en T'adressant directement à Moi pour dissiper l'impression produite en Russie par la politique de Ton Gouvernement au cours de la crise actuelle, Je saisis cette occasion pour y répondre avec une égale franchise et dans un même sentiment de sincère amitié.

Les traditions séculaires de la Russie lui imposent des devoirs qu'elle ne saurait méconnaître; toutefois, sur Mes indications, Mon Gouvernement s'est appliqué à concilier, autant que possible, ces devoirs avec le souci du maintien de bons rapports avec la Monarchie voisine. Ainsi la Russie, tenant largement

---

[1] II Отд. Гос. Архива. Картон: доклады 1913 года.

compte des intérêts de l'Autriche-Hongrie, a donné son assentiment à la création d'une nouvelle province ottomane sous la dénomination d'Albanie, et s'est même employée pour conseiller dans ce but aux vainqueurs de renoncer à une part légitime de leur conquête.

Cette concession Me permettait d'espérer que l'Autriche-Hongrie à son tour voudrait prendre en juste considération les intérêts vitaux des peuples balcaniques que la Russie ne pouvait se récuser d'appuyer, étant convaincue qu'il est impossible d'établir autrement dans la péninsule un ordre de choses stables qui garantisse l'Europe contre de nouveaux troubles. Mon ésprit de conciliation ne parait pas avoir été suffisamment apprécié, car au sein de la conférence réunie à Londres Mon Ambassadeur n'a point rencontré auprès de son collégue Austro-Hongrois le concours attendu pour un règlement à l'amiable de la question de délimitation.

D'autre part, l'opinion publique russe, vivement émue des sacrifices imposés à nos coréligionnaires balcaniques, s'est montrée particulièrement impressionnée par les armements poussés avec vigueur en Autriche et que les événements ne semblent guère justifier, surtout en présence du désir manifeste de la Russie de solutionner amicalement les difficultés actuelles.

Toujours animé d'intentions paciliques et continuant à faire preuve d'un absolut desinteressement, Mon Gouvernement poursuivera la tâche qui lui incombe en cherchant à sauvegarder l'accord avec le Cabinet de Vienne dans le ferme espoir que celui-ci de son côté, voudra reconnaître les obligations que crée à la Russie son passé historique.

Confiant en Tes dispositions personnelles si amicales, J'aime à espérer que Tu ne refuseras pas de prêter le poids de Ta grande autorité, universellement reconnue, pour diriger en ce sens la politique de Ton Gouvernement afin qu'à l'aide de nos éfforts réunis et au prix de concessions mutuelles la crise que nous traversons serve à affermir les relations amicales qu'il Me tient à coeur de voir solidement établies entre nos deux pays pour le bonheur de Nos peuples et le maintien de la paix en Europe.

Tzarskoe Selo,
le 25 Janvier 1913.

На подлинном рукою Николая II

„Согласен".

Ливадия
17 ноября 1913 года.

Приложение № 26
(к главе 11-й).

23 ноября 1913 г.

Доклад Сазонова Николаю II от 23 ноября 1913 года[1].

События на Балканском полуострове, создавшие неустойчивое и непрочное положение на всем юго-востоке Европы и в Мало-Азиатской Турции, выдвигают перед министерством иностранных дел задачу определить наше собственное отношение к условиям новой политической обстановки.

Благодаря междоусобной войне между балканскими государствами, Турции удалось внести в ликвидацию кризиса некоторые поправки в свою пользу и получить границу, более благоприятную для защиты столицы и проливов против сухопутного натиска неприятеля. Таким образом, до известной степени уменьшилась непосредственная опасность внезапного захвата Кон-

[1] II Отд. Гос. Архива. Доклады 1913 года.

стантинополя болгарами, но в то же время усилилась опасность морского наступления со стороны Греции. С другой стороны, можно сказать, что военные поражения Турции в связи с расшатанным положением и печальным состоянием ее государственных финансов создали во всех европейских кабинетах убеждение в том, что на возрождение этого государства нельзя слишком полагаться, и что долговечность турецкого владычества подвержена серьезному сомнению.

В связи с таким настроением все великие державы без исключения учитывают уже теперь возможность окончательного распадения оттоманской империи и задаются вопросом о заблаговременном обеспечении своих прав и интересов в различных областях Малой Азии. Этим объясняется усилившаяся деятельность Германии, Италии и даже Австрии, доселе не имевшей интересов в Малой Азии, создать и упрочить основания политических притязаний в будущем дележе оттоманской империи.

Правда, нельзя не оговориться, что окончательное крушение Турции возвещается на протяжении двух столетий. Но, если государство это все еще обнаруживает известную живучесть, то нельзя не признать, что ряд поражений, в особенности те, которые испытаны оттоманской империей как раз в период работы над ее военным возрождением, свидетельствуют о том, что для последнего нет на-лицо необходимых данных. Если внешние условия сложатся для Турции благоприятно, она может еще долго влачить существование, обосновывая свою относительную безопасность на чужих раздорах и соревнованиях. Но против решительного удара извне Турция едва ли найдет в себе силы для его отражения. Между тем, хотя желание мира как будто преобладает в настоящее время среди великих держав, поручиться за прочность общего политического положения в Европе не представляется возможным. Эта неуверенность усиливается нынешним неустойчивым положением на Балканском полуострове в результате бухарестского мира.

Вышеуказанные условия несомненно создают для России крайне сложные и нелегкие задачи. В наши непосредственные интересы не входит преследование каких-либо земельных приращений. Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первом месте. Не оставляя этой главной и первостепенной задачи, мы не можем, однако, закрывать глаза на опасности международного положения, устранение коих зависит не от нас одних. В связи с этим, мы так же, как и другие державы, не можем не задаваться мыслью о необходимости заблаговременного обеспечения своих прав и интересов, если бы события выдвинули перед нами обязанность их оградить вооруженной рукой.

Сомнение в прочности и долговечности Турции связано для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценки всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения.

Можно быть разных взглядов насчет того, следует или нет России стремиться к завладению проливами. Если мы поставим вопрос о потребных для сего жертвах и о ценности такого приобретения, то мы неизбежно натолкнемся на противоположение одних аргументов другим. На спорных базах нельзя обосновывать направление внешней политики в столь первостепенной важности вопросе. За последнее время вопрос о проливах осложнился новыми условиями, которые с одной стороны усилили экономическое значение проливов для России, а с другой осложнили политические и стратегические трудности на пути к возможному завладению ими. Вопрос так и остается открытым и единственное заключение, к которому можно притти в настоящее время—это, что едва ли в России найдется ответственный политический деятель, который не признал бы, что в случае изменения существующего положения, Россия не может допустить разрешения вопроса вопреки своим интересам; иными словами, при известных условиях не может оставаться безучастной зрительницей событий.

Допустимо ли с точки зрения интересов России завладение проливами другим государством вместо Турции?—Чтобы ответить на этот вопрос, следует предварительно оценить нынешнее положение—обладание проливами Турциею.

Сложный и трудный вопрос охраны проливов в настоящее время разрешается в сущности довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов. Турция представляется не слишком сильным, но и не слишком слабым государством, не способным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией. Самые недочеты оттоманской империи, ее неспособность возродиться на правовых и культурных основах до сих пор служили нам на пользу, порождая то тяготение к православной России подвластных полумесяцу народов, которое составляет одну из основ нашего международного положения на Востоке и в Европе.

Как бы то ни было, но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаваться вопросом о том, можем ли мы не готовиться к наступлению событий, которые в корне изменят положение Константинополя и проливов.—Оставляя открытым вопрос о положительной ценности завладения и тем и другим, а также о потребных для сего жертвах, допустим ли для нас переход проливов в полновластное обладание другого государства.

Поставить этот вопрос—все равно, что ответить на него отрицательно. Проливы в руках сильного государства—это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 год, торговый баланс России в 1912 году был на 100 миллионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие три года. Причиной этого министерство признает недостаточно удовлетворительную реализацию урожая; затруднение в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошло вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов всех наций. В связи с этим весною последовало также повышение Государственным Банком учета на $^1/_2\%$ для трехмесячных векселей. Таким образом, временное закрытие проливов отразилось на всей экономической жизни страны, лишний раз подчеркивая все первостепенное для нее значение этого вопроса. Если теперь осложнения Турции отражаются многомиллионными потерями для России, хотя нам удавалось добиваться сокращения времени закрытия проливов до сравнительно незначительных пределов, то что же будет, когда вместо Турции проливами будет обладать государство, способное оказать сопротивление требованиям России.—И для этого не нужно, чтобы государство, владеющее проливами, обладало само по себе силою великой державы. Оно неизбежно приобретет эту силу, обосновавшись на проливах из-за исключительных географических условий. В самом деле тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного. Он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах. Вследствие этого государство, заменившее Турцию на берегах проливов, по всем вероятиям будет стремиться пойти по дорогам, протоптанным в былое время турками.

Выше указано на недопустимость для нас такого рода чужого завладения проливами с экономической точки зрения. Но не представляется ли оно столь же мало допустимым с точки зрения политической. Не создают ли указанные выше тенденции к гегемонии на Балканах и к проникновению в Малую Азию неизбежность резкого антагонизма между всяким новым государством, которое стало бы на место Турции, и Россиею. Недопустимость для нас полновластного утверждения нового государства на проливах подала повод предположению о возможности избегнуть такого положения созданием нейтрализации проливов, со срытием на них укреплений и запрещением возводить новые. Едва ли, однако, подобная комбинация может быть признана удовлетворительной. Всякая правовая норма действительна лишь в мирное время. Когда же наступает война, то для своего ограждения она требует силу. Ведь война может начаться внезапным захватом их неприятелем и самое отсутствие укреплений будет только способствовать подобной операции, успех коей и в настоящее время зависит в значительной мере от быстроты и неожиданности. Поэтому, если даже были бы найдены какие-либо условия, при коих признавалась бы возможность нейтрализации проливов, указанные выше соображения сделали бы для нас необходимым такое усиление наших военно-морских сил в Черном море, которое дозволило бы

нам в любую минуту предупредить занятие проливов всякою иною державою.

В первый период Балканской войны, вместе с успехами Болгарии, одно время обрисовывалось стремление ее честолюбивых вождей к занятию Константинополя и утверждению гегемонии на Балканах. Непомерное честолюбие Болгарии сплотило против нее недавних союзников и Румынию и закончилось ее поражением. Но едва ли можно ожидать, чтобы Болгария помирилась с таким исходом. Не вероятнее ли, что она будет искать случая вернуть себе отнятое. Прежняя мечта о гегемонии и об утверждении на проливах может вновь возродиться. При изменчивости счастья и неспособности Турции воспринимать удары судьбы, как уроки, никто не может определить дня и часа, когда Болгария вновь обрушится на своего соседа стремительным натиском, на который способны болгары и который может оказаться последним и роковым для оттоманской империи.

Уже тридцать лет прошло с того времени, когда державною волею покойного императора Александра III возродился Черноморский флот. Около 60 лет прошло со времени появления торгового пароходного движения на Черном море. Оба начинания связаны были с мыслью о мощи России, о возможном утверждении наших интересов на проливах. Сотни миллионов были истрачены на это дело, равно как и на содержание войск одесского военного округа, призванного к совместным с нашим флотом операциям. Как известно, еще в 1895 году в связи с армянскими избиениями был поставлен вопрос о временном занятии Константинополя нашими войсками с ведома и согласия наиболее опасного из возможных в то время для нас соперников—Англии. От плана этого пришлось отказаться по недостатку транспортных средств и несовершенству сухопутной мобилизации.

С тех пор прошло 18 лет. Попрежнему тратятся многие сотни миллионов, и попрежнему мы ни на шаг не подвинулись к цели. Строятся военные суда, отпускаются ежегодные крупные субсидии на поддержание торгового мореходства. Между тем, когда заходит речь о желательности той или иной крупной дессантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить.

В минувшем году, когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что втечение двух месяцев мы можем постепенно перевезти два корпуса, при чем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозу войск заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами она просто оказывалась неосуществимой, не говоря о том, насколько не соответствовала самая численность такой дессантной армии тем задачам, которые ей предстояло бы выполнить.

Впрочем, в настоящее время приходится говорить не только о невозможности серьезных активных выступлений против Турции, но о недостаточности наших оборонительных средств против морской программы, которая может быть осуществлена в ближайшее время Турциею.

На основании данных, в разное время полученных министерством иностранных дел, приходится притти к заключению, что в период 1914—1916 годов турецкий военный флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии. Относящиеся к этому данные сгруппированы в прилагаемой у сего записке, в которой сделана попытка указать соотношение между нашими и турецкими морскими силами в ближайшие годы. Морскому ведомству принадлежит, конечно, проверка точности приведенных в этой записке данных, которые почерпнуты частью из сведений, сообщавшихся печатью, частью в свое время приводившихся в различных донесениях императорского посольства в Константинополе и, наконец, из сообщавшихся в разное время министерству иностранных дел предположений нашего морского ведомства.

Если даже в эти данные могли вкрасться какие-либо неточности, во всяком случае общее положение в ней, повидимому, соответствует действительности.

Едва ли нужно настаивать на том, насколько подобное положение не может считаться допустимым. После громадных средств, израсходованных втечение ряда лет на создание мощной силы в бассейне Черного моря, Россия не может мириться с положением, при коем ее морское превосходство над Турцией может оказаться необеспеченным. Ежегодное ассигнование крупных государственных средств на дело обороны в бассейне Черного моря указывает на значение, которое придает ему правительство. Тем настоятельнее представляется необходимость пересмотреть новые условия, при коих нашим военно-морским силам на Черном море должны быть предъявлены определенные задания и намечены мероприятия для их выполнения. Россия не может ни допустить в настоящее время морского превосходства Турции в Черном море, ни в будущем оставаться безучастной к решению вопроса о проливах. Поручиться за то, что вопрос этот не будет поставлен в недалеком будущем, мы не можем.

Следовательно, государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению, которое может потребоваться. Указанная подготовка не может не носить характера всесторонней планомерной программы в привлечении к работе различных ведомств.

Предстоит выяснить, что может быть предпринято для усиления нашей военной и морской мощи на Черном море. Какие мероприятия потребуются со стороны военного и морского ведомства для ускорения мобилизации в связи с оборудованием новых путей сообщения и доведением наших транспортных средств до должных размеров. Какие задачи могут, в соответствии с этими средствами, быть намечены и в какое приблизительно время. Возможно или нет поставить в качестве задания нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства.

Возвращаясь к упомянутой политической стороне подготовки, приходится вновь повторить, что скорое распадение Турции не может быть для нас желанным, и что в пределах дипломатического воздействия должно сделать все возможное для отсрочки такой развязки.

Указанные вопросы ставят на очередь обсуждение следующих конкретных мероприятий: 1)—по ускорению мобилизации достаточно численного десантного корпуса; 2)—по оборудованию потребных для сего путей сообщения; 3)—по приведению черноморского флота в положение, при коем он превосходил бы силы оттоманского флота и мог совместно с армией выполнить задачу прорыва через проливы для их временного или постоянного занятия, если это потребуется; 4)—по увеличению наших транспортных средств до размеров, отвечающих потребностям десантной операции. Этот последний вопрос тесно связан с ростом нашего хлебного вывоза из Черного моря, доселе к сожалению обслуживаемого главным образом иностранными торговыми судами. Минувшею осенью невыгодность подобного положения весьма ярко сказалась, когда возник вопрос о пропуске чрез проливы греческих торговых судов с русским хлебом. Нашему посольству в Константинополе пришлось употребить немало усилий на то, чтобы добиться от Порты означенного пропуска, и происшедшая отсюда проволочка отразилась крайне тяжело на нашей хлебной торговле.

Вопрос о мерах, кои могут быть приняты в целях обеспечить за нашим торговым флотом преимущества над иностранными судами по вывозу русского хлеба, стоит в тесной связи с мероприятиями по оживлению нашего товарообмена чрез порты Черного моря. Министерству Торговли и Промышленности принадлежит указать, что может быть сделано в этом направлении для осуществления той государственной задачи увеличения транспортных средств на Черном море, которой Министерство Иностранных Дел не может не придавать весьма серьезного значения; 5)—в ряду мероприятий по усилению средств обороны в бассейне Черного моря и на границах Турции нельзя не отнестись с особым вниманием к осуществлению так называемой перевальной железной дороги на Кавказе. Министерству Иностранных Дел приходилось до сих пор напрягать значительные усилия, чтобы отсрочить по возможности постройку Турцией железных дорог в соседстве с нашею гра-

ницею. На долю русской дипломатии выпадает неблагодарная задача отст ивать концессии на бездорожье, в то время, как все другие великие держа наперерыв предлагают Турции свои услуги по проведению и усовершенств ванию путей сообщения. Естественно, что наши старания только возбужда подозрительность Турции и заставляют с тем большим вниманием относить к вопросу о неприятных для России путях сообщения. Поэтому, надол обеспечить бездорожье в прилегающих к нам областях Турции нам едва удастся. Между тем, как скоро будет удовлетворительно разрешен вопр о наших путях сообщения на Кавказе и, в особенности, когда проведе будет перевальная железная дорога, которая даст возможность значитель ускорить сосредоточение наших войск на турецкой границе, вопрос о смыч турецких железных дорог с нашими не только утратит опасную для нас ст рону, но будет вполне отвечать нашим интересам. В этом случае турецк железные дороги станут гораздо более средством нашего проникновен в Турцию, чем орудиями турецкого нашествия на Кавказ. По отношени к Турции мы будем в положении того же превосходства путей сообщени которым располагают наши западные соседи относительно России, с т разницей, что Турция не в состоянии восполнить свой пробел содержание в мирное время многочисленной армии на нашей границе, как это дела мы в наших западных губерниях.

Таковы главные вопросы, которые ставятся на очередь при обсуждении будущности Малой Азии и тех мер внутреннего порядка, кои вызываются заботою об охране интересов России. Само собой разумеется, что наши военное и морское ведомство вправе в свою очередь поставить министерству иностранных дел вопрос о том, что может быть сделано для создания наиболее благоприятной политической обстановки при наступлении событий, могущих потребовать от нас решительных действий.

Повторяя высказанное в начале пожелание о возможно более длительном поддержании status quo, приходится также снова повторить, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке обще-европейских осложнений. Последние, если можно судить по нынешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией и возможном, но далеко необеспеченном, союзе с Англией, или же доброжелательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы, в случае обще-европейских осложнений, могли бы расчитывать на Сербию, а может быть и на Румынию. Отсюда выясняется задача нашей дипломатии—создавать условия для возможно большего сближения с Румынией. Работа в этом направлении должна быть столь же постоянной, сколь и осторожной и чуждой излишних увлечений. Положение Румынии на Балканах во многом схоже с положением Италии в Европе. Обе державы страдают мегаломанией и, не имея достаточно сил, чтобы осуществлять открыто свои задачи, должны пробавляться политическим оппортунизмом, высматривая, где в данную минуту сила, чтобы быть на ее стороне.

В заблаговременном учете сил было бы столь же опасно заранее полагаться на такие колеблющиеся факторы, как было бы неблагоразумно вовсе не считаться с ними.

В неустойчивости нынешнего положения на Балканах два фактора играют главную роль: первый из них—это Австро-Венгрия, в которой усилилось племенное брожение, вызванное успехами сербов и румын и отношением к этому их единоплеменников в пределах Габсбурской монархии; второй фактор—это невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями Бухарестского договора.

Оба эти государства могут либо сплотиться в общей цели вновь перекроить Балканы, либо оказаться в противоположных лагерях, если Болгария получит надежду иным путем вернуть себе Македонию. Как ни трудна задача снова сплотить Сербию с Болгарией, но только при условии союза каждая из них может ставить себе дальнейшие национальные идеалы. Находясь во вражде, оба государства будут сковываться взаимным бессилием. Наоборот, Сербия может осуществить широкий идеал объединения всего сербского народа только в том случае, если ей не будет противиться в том или даже помогать Болгария, взамен возврата утраченной Македонии. Но

нет сомнения, что и то и другое случится лишь, если Россия в это время будет также вовлечена в разрешение своих исторических задач и будет с ними действовать, ибо предоставленные сами себе Балканские государства неизбежно обречены на междоусобия, которые могут быть предотвращены только присутствием России, как руководящей активной силы.

Обо всех этих условиях приходится говорить не с точки зрения отвлеченных мечтаний или увлечений миссиею России. Заглядывая вперед и отдавая себе отчет в том, что сохранение столь желанного для нас мира не всегда будет в наших руках, приходится ставить себе задачи не на один сегодняшний и завтрашний день, дабы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением без твердого руля, направляющего его путь.

Сложные и ответственные вопросы, здесь затронутые, требуют всестороннего обсуждения для принятия тех или иных решений, с которыми могут быть сообразованы как внутренние наши мероприятия, так и дальнейшее направление нашей внешней политики.

Повергая на высочайшее благовоззрение изложенные выше соображения, приемлю смелость испросить всемилостивейшего разрешения вашего императорского величества подвергнуть их обсуждению Особого Совещания.

Сазонов.